

Владимирский государственный университет

**ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ
Античность. Древний мир**

Хрестоматия

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ Античность. Древний мир

Хрестоматия

Электронное издание

Владимир 2022

ISBN 978-5-9984-1587-6

© ВлГУ, 2022

© Новикова Ю. О., 2022

УДК 340.15

ББК 67.1

Автор-составитель Ю. О. Новикова

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, доцент
зав. кафедрой государственного права и управления таможенной
деятельностью Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
С. Н. Мамедов

Кандидат юридических наук, доцент
декан Факультета права и управления ВЮИ ФСИН России
М. В. Новиков

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ. Античность. Древний мир [Электронный ресурс] : хрестоматия / авт.-сост. Ю. О. Новикова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 391 с. – ISBN 978-5-9984-1587-6. – Электрон. дан. (2,69 Мб). – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Представлены цели и задачи дисциплины «История политических и правовых учений», основные темы и вопросы к ним, фрагменты основных исторических и правовых источников Античности и Древнего мира, отражающих взгляды политических и иных деятелей, а также законодателей на сущность и процесс становления и развития государства и права, смена форм государственного строя, прав, свобод и обязанностей граждан в различные исторические эпохи. Материал издания ориентирован на формирования у обучающихся комплекса универсальных, профессиональных и общепрофессиональных компетенций при подготовке к научной деятельности, умений и навыков в вопросах выявления специфики правового мышления в разных культурах, анализа теории межкультурного взаимодействия, при учёте разнообразия подходов к праву в рамках межкультурного взаимодействия, совершенствами навыков анализа культурной специфики правового мышления, навыков межкультурного взаимодействия и др.

Предназначена для магистрантов вузов направления подготовки 40.04.01 – Юриспруденция очной и очно-заочной форм обучения, а также может быть полезна для широкого круга исследователей, занимающихся научной деятельностью.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 38 назв.

ISBN 978-5-9984-1587-6

© ВлГУ, 2022

© Новикова Ю. О., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ	10
Тема 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ	63
Тема 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО КИТАЯ	121
Тема 4. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	144
Тема 5. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО РИМА	284
ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ	380
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	385
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	387

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия «История политических и правовых учений» разработана в целях ознакомления студентов с содержанием и историей наиболее значительных и влиятельных теоретических концепций государства и права прошлых эпох.

Достижение данных целей предусматривает решение следующих задач:

1) формирование у студентов магистратуры представления о центральных дискуссионных вопросах юридической науки и ответах, которые давались на эти вопросы представителями крупнейших направлений правовой мысли;

2) умение формулировать собственную теоретическую позицию по наиболее сложным вопросам теории и философии права;

3) ознакомление студентов магистратуры с важнейшими методологическими подходами к исследованию права;

4) умение ориентироваться в данных подходах и использовать их при проведении собственных исследований.

Дисциплина «История политических и правовых учений» относится к базовой (обязательной) части учебных дисциплин основной профессиональной образовательной программы высшего образования, предусмотренных федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 40.04.01 – Юриспруденция.

Дисциплина опирается на знания предметов основной профессиональной образовательной программы бакалавриата: история правовой мысли, философия, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран.

Планируемые результаты обучения по дисциплине, соотнесенные с планируемыми результатами освоения ОПОП (компетенциями и индикаторами достижения компетенций).

Хрестоматия по истории политических и правовых учений содержит в себе изложение наиболее значимых политико-правовых взглядов человечества, анализ разных этапов развития политической и правовой

мысли в контексте политического развития общества в эпоху Античности и Древнего мира.

История политической и правовой мысли позволяет понять, как в борьбе и столкновении различных воззрений и позиций одновременно шел процесс развития познания природы государства и права, углубления представлений о свободе, справедливости и праве, законе и законности, надлежащем общественном и государственном устройстве, о правах и свободах человека, формах и принципах взаимоотношений личности и власти и т. д.

По мере того как остается позади все более значительный пласт культурного прошлого и увеличивается совокупный объем приобретенного человечеством опыта и знаний, возрастают также роль и значимость истории для современности. Это познавательное, просветительское, ценностное, воспитательное, духовно дисциплинирующее и общекультурное значение истории в полной мере относится и к истории политических и правовых учений, которая сегодня актуальна как никогда ранее¹.

Предметом истории политических и правовых учений являются теоретически оформленные в доктрину (учение) взгляды на государство, право, политику.

За время многовековой истории государства и права возникло очень много политико-правовых доктрин. Созданные различными мыслителями концепции и формы их изложения (теоретический трактат, философское сочинение, политический памфлет, проект конституции и т. п.) столь же разнообразны, сколь разнообразны вообще результаты индивидуального творчества. Вместе с тем всем этим концепциям присуще нечто общее: они выражают отношение определенных социальных групп к государству и праву (программная, оценочная часть учения), строятся на свойственной данной эпохе идейно-теоретической основе (методологический стержень учения), содержат решения основных проблем теории государства и права (теоретическое содержание учения).

Поэтому политико-правовая доктрина включает три компонента:

1) логико-теоретическую, философскую или иную (например, религиозную) основу;

---

¹ История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. М., 2004. С. 2.

2) выраженные в виде понятийно-категориального аппарата содержательные решения вопросов о происхождении государства и права, закономерностях их развития, о форме, социальном назначении и принципах устройства государства, об основных принципах права, его соотношении с государством, личностью, обществом и др.;

3) программные положения – оценки существующего государства и права, политические цели и задачи.

Логико-теоретическая основа политико-правовой доктрины связана с другими формами общественного сознания, с мировоззрением эпохи. Политические учения раннего классового и рабовладельческого обществ опирались преимущественно на религиозные (в государствах Древнего Востока) и на философские (Древняя Греция и Древний Рим) обоснования. Мировоззрение средних веков было теологическим.

Методом мышления Нового времени стал рационализм. Неспособность чистого рационализма познать и объяснить ряд явлений общественного и политического развития, с одной стороны, исследование социальной и политической структуры общества – с другой, подготовили почву для возникновения и развития социологии, политологии и других общественных наук, изучающих государство и право.

Содержанием политико-правовой доктрины являются ее понятийно-категориальный аппарат, теоретическое решение общих проблем государства и права, обширная и завершенная система взглядов, основанная на категориях, имеющих опорный, ключевой характер именно в данной доктрине.

Со временем сложился традиционный круг вопросов, решение которых образует содержание политического и правового учения. К ним относятся вопросы о происхождении государства и права, об их связи с обществом, личностью, отношениями собственности, проблемы форм государства, его задач, методов политической деятельности, связи государства и права, основных принципов и форм (источников) права, проблема прав личности и др.

В предмет истории политических и правовых учений включаются только учения, содержащие решения общих проблем теории государства и права. Почти каждая из отраслевых юридических наук имеет свою историю (история основных школ и направлений в теории уго-

ловного права, история понятия юридического лица и других гражданско-правовых концепций, история науки международного права и др.). К взглядам мыслителей прошлого на решения проблем отраслевых юридических наук история политических и правовых учений обращается только тогда, когда эти решения неразрывно связаны с общетеоретической концепцией, являются формой ее выражения.

Закономерностью развития политико-правовой идеологии на ее теоретическом уровне является то, что любое учение о государстве, праве, политике строится с учетом современной ему политико-правовой действительности, которая обязательно отражается в самом, казалось бы, абстрактном теоретическом построении. Так же, как философия, по словам Гегеля, – это эпоха, схваченная в мысли, политико-правовая доктрина – это выраженная в системе понятий и категорий государственно-правовая реальность эпохи. Каждая большая эпоха сословного и классового общества имела свои, свойственные ей политико-правовые учреждения, понятия и способы их теоретического объяснения. Поэтому в центре внимания теоретиков государства и права разных исторических эпох были различные политико-правовые проблемы, связанные с особенностями государственных учреждений и принципов права соответствующего исторического типа и вида. Так, в рабовладельческих государствах Древней Греции главное внимание уделялось устройству государства, проблеме круга лиц, допущенных к участию в политической деятельности, государственно-правовым способам укрепления господства свободных над рабами. Этим и были обусловлены повышенное внимание к теоретическому определению и классификации форм государства, поиск причин перехода одной формы правления в другую, стремление определить наилучшую, идеальную форму правления. В средние века основным предметом теоретико-политических дискуссий стал вопрос о соотношении государства и церкви. В центре внимания идеологов буржуазии XVII – XVIII вв. стояла уже проблема не столько формы правления, сколько формы политического режима, проблема законности, гарантий равенства перед законом, свободы и прав личности. XIX – XX вв. выдвинули на первый план вопрос о социальных гарантиях прав и свобод человека, а с конца XIX в. проблема форм правления и политического режима государства была существенно дополнена исследованием связей с политическими партиями и другими политическими организациями.

Особенности разных исторических эпох предопределяли различное соотношение права и государства в общественной жизни, а тем самым – разную степень внимания, которое в содержании политико-правовых доктрин уделялось теоретическим вопросам государства, политики, права.

Понятие «политико-правовое учение» основано на тесной связи проблем государства и права, но не означает сведения права на уровень надстройки над государством, приписка к нему, «формы политики».

В содержании ряда политико-правовых учений на первом месте стояли именно проблемы права, по отношению к которым устройство государства и другие политические проблемы рассматривались как второстепенные. Право занимает ведущее по отношению к государству положение в некоторых религиях (брахманизм, ислам), и потому правовые проблемы являются главными в содержании политико-правовых учений, построенных на идейной основе соответствующей религии.

Программные положения (оценки государства и права, цели и задачи политической деятельности и борьбы), присущие каждой политико-правовой доктрине, придают ей социально значимый характер, налагают отпечаток на содержание ее теоретической части и предопределяют выбор методологической основы самой доктрины. В программных положениях наиболее четко и ясно выражен идеологический характер доктрины; через них политико-правовое учение связано с практикой политической и идеологической борьбы. Программная часть учения непосредственно выражает интересы и идеалы определенных классов, сословий, иных социальных групп, их отношение к государству и праву

Из трех компонентов политико-правовой доктрины именно программа является цементирующим, связывающим воедино ее элементы началом, придающим политико-правовой доктрине монолитность, поскольку оформление политических и правовых взглядов, суждений, оценок в целостную систему происходит на идеологической основе.

Наиболее обширная часть политико-правовых доктрин – их теоретическое содержание. Оно всегда связано со способом обоснования политико-правовой программы, логически построенным в духе мировоззрения эпохи. Связь содержания политико-правовой доктрины с логико-теоретической основой и программными положениями зачастую сложна и опосредованна. Решение ряда проблем теории государства и

права допускает разные варианты в пределах единого мировоззрения и идеологической направленности.

Теоретическое содержание политико-правовых доктрин разнообразно, и это разнообразие зависит от ряда индивидуальных факторов: от объема познаний мыслителя, идейных влияний, особенностей его мышления, жизненных условий и т. п. Однако в общем и целом взаимосвязь содержания, логико-теоретического основания и программной направленности доктрин все же существует. Так, идея общественного договора (договорного происхождения государства) в большинстве теорий XVII – XVIII вв. была органически связана со стремлением рационалистически объяснить государство и право при помощи логических конструкций, основанных на элементарных понятиях частного права; в программном отношении эта идея направлялась против теологических идей о «богоустановленности» власти феодальных монархов. Сама идея общественного договора допускала самые разные варианты и толкования, которые, как правило, были связаны с историческими условиями теоретической деятельности идеологов. Различные варианты идеи общественного договора (кто, с кем и почему заключал договор о создании общества и государства? Все ли свои права участники договора передали государству? Каков объем прав суверена? Возможно ли и при каких условиях расторжение общественного договора?) отражали социальные симпатии и антипатии теоретиков, их отношение к общественно-политическим противоречиям страны и эпохи, в конечном счете определялись ориентацией на соответствующий общественный идеал¹.

---

¹ История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М.: Юридическая литература, 1997. 576 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/leist/chapt01.htm#p2> (дата обращения: 10.08.2022).

Тема 1. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Вопросы для устного рассмотрения:

1. Месопотамия времени ранних династий.
2. Аккадское царство.
3. Шумеро-Аккадское царство.
4. Древняя Вавилония.
5. Древняя Ассирия.

Теоретическая информация по теме

Равнинную часть страны, расположенной между Тигром и Евфратом в их нижнем и среднем течении, называют обычно греческим словом Месопотамия (Междуречье). Природные условия и исторические судьбы северной и южной части Месопотамии различны. Поэтому южную её часть, где течение обеих рек сближалось (в основном к югу от района столицы современного Ирака – Багдада), мы выделяем под названием «Двуречье».

Эта часть Месопотамской равнины заполнена отложениями рек, периодически разливающихся в весенне-летний период вследствие таяния снегов в горных районах верховьев. Древнейшие поселения, явившиеся центрами образования первых государств, были расположены по обоим берегам вдоль нижнего течения обеих рек, преимущественно Евфрата, воды которого легче использовать для земледелия без специальных водоподъёмных устройств. Для использования при осенней обработке земли воды разлива должны были собираться в особые водохранилища. Евфрат и Тигр, помимо их огромной роли как источников орошения, являются основными транспортными артериями страны.

С III тысячелетия до н. э. в Двуречье из Сирийской степи начинают проникать скотоводческие семитические племена. Язык этой группы семитических племён носит название аккадского или вавилоно-ассирийского, по тем позднейшим наименованиям, которые эта группа семитов приобрела уже в Двуречье. Сначала они селились в се-

верной части страны, переходя к земледелию. Затем их язык распространился и в южной части Двуречья; к концу III тысячелетия произошло окончательное смешение семитического и шумерского населения.

В начале III тысячелетия до н. э. на территории Двуречья возникают первые государства как необходимое средство удержания рабов в подчинении и обеспечения для рабовладельческой знати, выросшей из племенной аристократии, её господствующего положения в обществе. Государство должно было охранять новые формы собственности и способствовать дальнейшему развитию рабовладельческих отношений.

Рабы частью принадлежали знати, частью – государству, т. е. в конечном счёте тем же рабовладельцам. Часть освоенной территории, орошаемой разливами рек, была уже не коллективной собственностью отдельных общин, а собственностью государства. Собственность на орудия труда и домашний скот была частная, причём о равенстве в этом отношении уже не могло быть и речи. С появлением государства храмовое хозяйство из общеплеменной собственности стало по существу государственной собственностью. Продукция храмового хозяйства шла в основном на содержание государственного аппарата и жречества.

Представители рабовладельческой знати занимали все государственные посты, а также основные жреческие должности. Таким образом, помимо того, что они имели свои крупные хозяйства, они могли в своих интересах использовать то, что находилось в государственной собственности, и в первую очередь землю.

Конечно, эти государства ещё были весьма примитивными, в общественной жизни. ещё очень сильны были пережитки первобытно-общинных отношений. Если даже в самых развитых рабовладельческих государствах значительно более позднего времени общество не состояло только из рабов и рабовладельцев, то это тем более относится к рабовладельческому обществу на ранних ступенях его формирования.

Большинство населения Двуречья не только в начале III тысячелетия до н. э., но и много позже, несомненно, составляли общинники. Но общинники уже не были, как прежде, независимыми: те взносы, которые ими раньше делались, в общеплеменную казну с их собственного согласия, отныне превращались в обязательный государственный

налог, а их работа на общественные нужды превращалась в тяжёлую повинность, в работу на эксплуататорскую верхушку общества и на нужды находившегося в её руках государственного аппарата.

Свободные общинники ещё сохраняли, однако, фактическое владение большей частью обрабатываемой земли. Процесс их обезземеливания был очень длительным вследствие того, что владение землёй было коллективным, а отнять землю у общины, пока она оставалась прочной и сплочённой, было делом сложным и трудным. Свободные общинники составляли основную производительную часть населения на территории, ставшей пригодной для земледелия; на первых порах они были также основной военной силой в ополчении. Государственный строй в течение некоторого времени ещё сохранял формальные элементы племенной демократии: продолжали существовать народное собрание, или собрание воинов, совет старейшин. По мере дальнейшего развития рабовладельческих отношений, разложения общины и падения роли свободных общинников практически отбрасываются и многие из этих отживших форм, власть оказывается безраздельно в руках класса рабовладельцев, а бывший племенной вождь постепенно превращается в царя¹.

Периодизация:

1. Шумерские города-государства (III тыс. до н.э.)
2. Аккадское царство (XXIV–XXII вв. до н.э.)
3. Шумеро-Аккадское царство (XXII–XX вв. до н.э.)
4. Старовавилонское царство (XIX–XVI вв. до н.э.)

После этого периода на территории Древней Месопотамии очень долго не было государственности, существовали лишь отдельные большие города. Они сохраняли свое культурное единство на протяжении долгого времени.

- 1) Ассирия (XX–VII вв. до н.э.)
- 2) Нововавилонское царство (конец VII – VI вв. до н.э.).

После этого Вавилон был завоеван персами.

---

¹ Государства в Двуречье [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st020.shtml> (дата обращения: 20.08.2022).

Древняя Вавилония

К числу древнейших политико-правовых документов относятся «Законы из Эшнунны» – небольшого государства, располагавшегося недалеко от Вавилона две тысячи лет до н.э. В этом документе дается яркая характеристика социальной структуры государства Эшнунны: царь, наместник, богатый торговец или ростовщик «тамкар», свободный человек, ремесленник, раб, а также раскрываются имущественные и правовые отношения между ними. Законы показывают, в частности, полное бесправие рабов: так, при их транспортировке должны были использоваться путы, колодки и клейма; рабы и даже их дети практически не могли стать свободными людьми.

Текст на базальтовом столбе, найденном в 1901 г. французской археологической экспедицией в Сузах, куда он был завезен после одного из набегов эламитян на Вавилонию. В настоящее время хранится в Луврском музее (Париж). Памятник датируется XVIII в. до н. э. Язык классический старовавилонский. Лицевая сторона наверху украшена рельефным изображением Хаммурапи, стоящего перед богом солнца Шамашем и получающим из его рук судейский жезл. По повелению эламского царя, увезшего эту надпись в качестве трофея, несколько строк было стерто, очевидно, с целью поместить имя этого царя. Однако большая часть (247 из 282) статей законов сохранилась. Позднее были обнаружены в библиотеке Ашшурбанипала копии некоторых частей кодекса, с помощью которых поврежденные места были почти полностью восстановлены. Кодекс царя Вавилонской династии Хаммурапи (1792– 1750 гг. до н.э.) - один из самых ценных источников по истории Древнего Востока. В его статьях, а также в введении и заключении четко вырисовываются наиболее характерные черты вавилонского рабовладельческого общества. Это древнейший из сохранившихся в достаточно полном виде свод законов, так как более ранние – шумерийские – законы дошли только и отрывках¹.

Характер власти и законов ярко выражен в древне-вавилонском политико-правовом памятнике «Законах Хаммурапи, Царя Вавилона» (XVIII в. до н.э.). Интересна история этого документа. В 1901 г. французская археологическая экспедиция, исследуя г. Сузы (к востоку от

---

¹ Хрестоматия по истории древнего мира. В 3- томах. Т. 1 / Под ред. В.В. Струве. М., 1950. С. 149.

Вавилона), обнаружила базальтовый столб, со всех сторон покрытый клинописью. На самом верху столбы был изображен Хаммурапи. Он стоял перед тронем, на котором восседал легендарный, верховный бог Вавилона – Мардук. В руках Хаммурапи был жезл – символ судебной власти, врученной самим богом. Подразумевалось, что свод законов передан Хаммурапи самим богом. (Традиция «передачи» Законов Бога к доверенным лицам с «Неба», либо посредством «божественного озарения» «пророков» – широко распространена в истории различных религий).

Изображая свое законодательство как осуществление воли богов, Хаммурапи провозглашал: «По велению Шамаша, великого судии небес и земли, да сияет моя справедливость в стране, по слову Мардука, моего владыки, да не найдут мои предначертания никого, кто бы отменил их»¹

«Законы Хаммурапи» состоят из 282 статей, полностью сохранилось 247. Некоторые статьи удалось восстановить по документам библиотеки ассирийского царя Ашурбанипала. Сборник «Законов Хаммурапи» не представляет собою систематической обработки действующего законодательства, и название «кодекса» приложимо к нему только в относительном смысле. Это – не что иное, как приведение в известный порядок случаев из судебной практики, взятых из древне-вавилонского гражданского и уголовного права. Нормы древне-вавилонского права формулировались также, как решение частного случая, казуса. Такая форма изложения называется казуальной.

Авторы «Законов Хаммурапи» стремились группировать статьи по их содержанию, но строгого различия между правом уголовным, гражданским или процессуальным они не проводили. Главными источниками кодекса были судебные решения самого Хаммурапи и высших судов вообще. «Законы Хаммурапи» свидетельствуют о значительной хозяйственной активности древне-вавилонского общества: продажа земли и строений, аренда пахотного поля и сада, наем быков для работы в поле, заклад имущества при сделках найма – денежного и натурального – все это подробным образом регламентируется в кодексе.

---

¹ Ирхин Ю.В. Политическая мудрость древнего Востока: взгляд из XXI века на политические идеи Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/journal_articles/irhin_2000.html (дата обращения: 16.08.2022).

Для наиболее распространенных сделок, например, купли-продажи предусматривались «гарантии»: продажа должна была производиться в присутствии свидетелей, предусматривалась смертная казнь за продажу чужой собственности без ведома хозяина. (В условиях малоземелья в Древнем Вавилоне условия аренды были очень тяжелыми: от 1/3 до 1/2 того, что может принести поле. Проценты по займу денег составляли до 20 годовых).

Политическое значение «Законов» состоит в том, что Хаммурапи, объединив в единое государство разные народы, попытался дать им всем общее законодательство, которое затем действовало длительное время и отразилось в более поздних политико-правовых документах¹.

Законы Хаммурапи являются одним из древнейших памятников права. Их появление относится к последним годам царствования Вавилонского правителя – царя Хаммурапи и датируется сер. XVIII в. до н. э. Наряду с законотворчеством царя Хаммурапи в основу Законника легли материалы судебной практики, нормы обычного права и заимствования из более древних шумерийских кодексов. О последнем можно судить на основе сравнительного анализа Законов Хаммурапи и таких памятников права Древней Месопотамии, как Законы царя Ур-Намму, Законы Липид-Иштара, Законы царя Билаламы. Законник Хаммурапи состоит из преамбулы (в которой перечислены добродетели царя Хаммурапи) и основной части, которая включает 282 статьи. Статьи изложены в казуистической форме, поскольку каждая из них представляет собой описание конкретного судебного случая (казуса). На это следует обратить особое внимание при общей характеристике данного исторического источника. Законы не содержат общих принципов, нет системы в изложении правовых норм, хотя определенная логика здесь присутствует. Важно отметить, что Законник Хаммурапи в отличие от других восточных кодификаций не содержит ярко выраженных религиозных и морализирующих элементов².

---

¹ Ирхин Ю.В. Политическая мудрость древнего Востока: взгляд из XXI века на политические идеи Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/journal_articles/irhin_2000.html (дата обращения: 16.08.2022).

² Законы царя Хаммурапи: Методические указания по изучению первоисточника в курсе «История государства и права зарубежных стран» для студентов специальности «Юриспруденция» всех форм обучения / Сост. Н. Т. Кудинова. – Хабаровск, 2002. С. 3.

В соответствии с «Законами Хаммурапи» в вавилонской семье господствовал муж. Он вел общее хозяйство семьи, представлял ее в деловых отношениях. Ему принадлежало право распоряжаться женой и детьми. Жена имела право на свое «добрачное» имущество или полученное по дарению. Жену, которая «расточает» и «позорит» мужа разрешалось выгнать из дома. Во власти мужа было оставить ее дома на положении рабыни и жениться вторично. Дети (братья и сестры) наследовали поровну. Отец имел право отказать сыну в наследстве только по решению судей.

Уголовное право «Законов Хаммурапи» отличается, подобно другим древним кодексам, значительной суровостью: «Если кто-нибудь, обвинив другого и бросив на него подозрение в убийстве, не докажет этого, то того, кто его обвинил, должно предать смерти. Если кто-нибудь, выступив в судебном деле со свидетельством о преступлении, не докажет сказанных им слов, то, если это - судебное дело о жизни, этого человека должно предать смерти. Если кто-нибудь украдет храмовое или дворцовое имущество, то его должно предать смерти; смерти должен быть предан и тот, кто примет из его рук украденное». Смертная казнь устанавливалась также за укрывательство раба, кражу ребенка, разрушение дома, грабеж.

В Вавилоне за кражу во время пожара вора бросали в огонь. Если после ремонта или строительства, дом обваливался на жильцов и причинял им смерть, то строители заслуживали смертной казни. А если погибали и дети жильцов, то смертная казнь применялась и к детям строителей. То есть действовал древнейший принцип ответственности без вины.

Классовое содержание «Законов Хаммурапи» не вызывает сомнения. Наиболее строгие меры наказания предусмотрены против государственного, храмового и крупного частного имущества.

Древняя Ассирия

Ассирийская держава складывалась, несомненно, по примеру касситской монархии Вавилона.

В Ассирии царь не считался, как в Египте, богом ни при жизни, ни после смерти. В первую очередь он был военачальником, а затем уже жрецом и судьей.

Исторические памятники Ниневии и соседних с ней городов не оставили никаких следов религиозного культа царя, тогда как памятники фараонов в Египте сооружались, видимо, в целях возвеличивания личности повелителя.

Власть ассирийских царей росла постепенно. Сначала они не пользовались еще титулом «царь», а называли себя «правителями» (ишшаку). Исполняя свои полномочия, ишшаку опирались на верхушечные слои населения отдельных городов. Как правило, они были самыми богатыми людьми из числа торговцев.

Шамшиадад I впервые присвоил себе титул «царя множеств» и звание «воина Ашшура». С этого времени ассирийские правители стали носить (хотя не сразу) титул царя.

Ашшурбаллит I в своей переписке с египетским фараоном называл себя «царем страны», а также «царем множеств». Однако власть ассирийских царей не была неограниченной, они вынуждены были считаться со жреческой верхушкой, а также с военной аристократией.

Молясь богам, царь снимал с себя знаки власти и обращался к богу как к своему господину, к которому обращаются и все простые люди со своими слабостями.

Однако в руках «смирненного» царя была сосредоточена огромная власть. Причем царь опирался не столько на жречество, сколько на войска и чиновничий аппарат как на главную и решающую силу в управлении страной. В руках ассирийского царя Ашшурбанапала была, например, сосредоточена двойная власть: и светская, и духовная.

В условиях постоянных войн усиливается деспотия царей Ассирии. Однако здесь она не получила такого яркого выражения, как в Египте.

Вещественные памятники помогают нам познакомиться с жизнью ниневийского двора. Росписи на стенах царских покоев наглядно и ярко отображают военные успехи, торжества и охоту царей.

Царь окружал себя многочисленной свитой придворных и вельмож – преданных ему людей. Первые места занимали: *туртан* – главнокомандующий армией, который в походах часто заменял царя; дворцовый глашатай; главный кормчий; *абаракку* – главный сановник двора; наместник страны.

Во дворцах среди всевозможных донесений начальников, сановников и жрецов сохранилось множество писем царям от лиц разных

сословий с пожеланиями счастья царю и благодарностью, просьбами о принятии сыновей на службу во дворец, а также прошений от военнопленных и узников.

Несмотря на рабскую униженность, которой отличается содержание этих документов, они в то же время свидетельствуют о том, что ассирийцы имели привилегированное положение в царстве, пользовались некоторой свободой по отношению к царям и часто освещали истинное положение дел. Так, один жрец просит царя принять на службу его сына, жалуется на придворные интриги и отсутствие при дворе друга, который, приняв от него подарок, мог замолвить за его сына слово. Один из подрядчиков жалуется, что у него недостает рабочих для сооружения канала, другой напоминает царю о выплате вознаграждения за изготовление идолов. Чиновник, не получающий жалованья, умоляет, чтобы царь не дал ему умереть с голоду. Царь осведомляется о здоровье своего приближенного и требует обстоятельного изложения хода болезни.

Ассирийские чиновники с большим вниманием следили за всеми событиями, которые происходили не только внутри государства, но и в соседних областях, пограничных с Ассирией.

Царь получал большое количество писем от своих наблюдателей, чиновников и разведчиков, в которых они сообщали самые разнообразные данные экономического и политического характера: о восстаниях и смутах в Сирии, положении в Урарту, Эламе и т. д.

Обширная ассирийская держава делилась на полсотни с лишним провинций, не считая зависимых государств (Египта, большей части Вавилонии, Табала, Иудеи и т. д.). Ее территория, превосходившая по своим размерам все предыдущие государственные объединения, требовала очень сложного управления и большого аппарата. Это управление было поручено высшим военачальникам; они имели в своем распоряжении военные гарнизоны для поддержания внутреннего порядка, охраны дорог в провинции и сбора дани. Провинциями непосредственно руководили уполномоченные царя, а зависимыми областями, занимающими большую часть завоеванных стран, – местные царьки или правители. Причем в зависимых государствах сохранялись их традиционные организации и законодательство. Однако вся деятельность этих правителей проходила под контролем царских чиновников из Ниневии.

Некоторые из завоеванных стран царь считал необходимым держать более строго, в постоянном подчинении ассирийской администрации.

Обязанности должностных лиц в ассирийском государстве не были строго разграничены из-за неразвитости бюрократического аппарата. Наместники, сановники и военачальники всегда назначались царем и ему непосредственно подчинялись.

В покоренных областях, включенных в состав Ассирии, действовали те же законы, соблюдение которых было обязательно для всех; их нарушителей жестоко карали.

В провинциях ассирийский царь сохранял традиционные законы их организации. Династия зависимых царей сохраняла за собой престол, но в то же время они признавали ассирийского царя своим владыкой, которому платили ежегодно большую дань и доставляли многочисленный контингент воинов.

По мере развития ассирийского государства возникла потребность в более оперативном и гибком управлении как собственно ассирийскими областями, так и завоеванными странами. В этих целях была создана центральная администрация для ведения дипломатических отношений между Ассирией и: вассальными странами.

В государственных канцеляриях Ассирии делопроизводство велось на двух языках: ассирийском диалекте аккадского и арамейском, который постепенно становился международным языком Передней Азии. Кроме того, наиболее образованные писцы изучали [163] два вавилонских диалекта аккадского (старинный и разговорный) языка и даже шумерский язык, ставший уже мертвым.

Представители покоренных народов по воле царя могли занимать ответственные посты, главные придворные должности, которые давали им право наряду с ассирийцами участвовать в управлении обширной ассирийской монархией.

Несколько позднее пошел по этому пути Вавилон. Так, пророк Даниил, согласно библейскому преданию, стал приближенным царя Навуходоносора II и получил вавилонское имя – Валтасар.

Все нити управления страной сходились к царскому дворцу, куда непрерывно прибывали ответственные государственные чиновники. Еще во времена Асархаддона сохранившийся список чиновников со-

держал перечень 150 должностей. Кроме военного ведомства существовало также и финансовое, ведавшее сбором различных налогов с населения, дани с вассальных стран. Кочевники уплачивали дань натурой в размере одной головы с 20 голов скота. Крестьяне платили десятой частью урожая, четвертью фуража и некоторым количеством голов скота.

С прибывающих торговых кораблей взималась пошлина. Контрольный пост у городских ворот получал также пошлину с ввозимых в город товаров. От уплаты налогов освобождались только представители аристократии и некоторые города, в которых большим влиянием пользовались крупные жреческие коллегии. Мы уже знаем из предыдущих глав, что Вавилон, Сиппар, Борсиппа, Ниппур, Ашшур и Харран были освобождены от налогов в пользу царя. Этими торговыми городами управляли особые градоначальники, подчиненные непосредственно царю.

Ассирийская держава, как и другие государства древнего Востока, опиралась не только на жречество и родовую знать, но главным образом на армию.

Ассирийская армия, как об этом уже говорилось, была самой совершенной в древнем мире и наводила страх на неприятеля. Армия комплектовалась в первую очередь из ассирийских полков, которые были ее опорой, а затем из воинов зависимых государств. Ассирийцы почти все набирались в армию.

Ежегодно исходя из условий, сложившихся в стране, армия пополнялась новыми контингентами, но это не должно было отражаться на сельскохозяйственных работах в различных областях Ассирии.

Для зависимых государств центральное правительство Ассирии устанавливало определенное число воинов и срок службы.

В период военных походов ассирийский царь во главе каждого крупного военного подразделения ставил одного из главных сановников царского двора. Это делалось для того, чтобы в период войн можно было бы возвышать отличившихся военачальников, предоставлять им должности в царском дворце, так как такое право давали им главным образом военные подвиги¹.

---

¹ Садаев Д.Ч. История древней Ассирии [Электронный ресурс]. URL: <http://an-nales.info/2riv/sadaev/21.htm> (дата обращения: 16.10.2022).

Ассирийские законы представляли собой глиняные таблечки второй половины II тысячелетия до н. э. из г. Аль Шура. Язык – среднеассирийский диалект аккадского.

Сборник ассирийских законов не является официальным кодексом, что подтверждается так же отсутствием введения и заключения, как, например, в кодексе Хаммурапи. Скорее всего это сборник отдельных постановлений, случаев из судебной практики и решений по различным делам.

По сравнению с кодексом Хаммурапи ассирийские законы гораздо более суровы. Особенно показательно совершенно бесправное положение должника. В очень тяжелом положении находились женщины. После замужества они переходили в полную власть мужа, и закон не защищал их от произвола с его стороны.

Таким образом, законодательство рабовладельческого общества выступает в Ассирии в особенно резкой и откровенной форме, лишенным тех смягчений и частичных уступок свободным беднякам (в частности, должникам), которые имеются в законах других древневосточных рабовладельческих государств (кодекс Хаммурапи). Последние статьи сборника ассирийских законов содержат ценные сведения о сельской общине в Ассирии.

Практические задания

Кодекс законов Царя Хаммурапи¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Каково регулирование имущественных отношений по Законам Хаммурапи?
2. Каковы были объекты права собственности в Древнем Вавилоне?
3. Кто мог владеть имуществом в Древнем Вавилоне?
4. Что подразумевается под «имуществом царя»?
5. Что подразумевается под «имуществом Бога»?

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3- томах. Т. 1. / Под ред. В.В. Струве. М., 1950. С. 149-174.

6. Какое сословное положение было у лиц, имевших право собственности?

7. Каковы характеристики имущественных прав выделенных субъектов права собственности?

8. На каких условиях субъекты права собственности владели своим имуществом и каким образом могли им распоряжаться?

9. Из какого фонда шли пожалования за государственную службу?

10. Что находилось в коллективном и частносемейном владении?

11. Как крестьянин-общинник (или «человек», «сын человека», «авилум») мог совершать различные сделки со своим земельным участком?

12. Какими условиями были ограничены имущественные права крестьянина-общинника?

13. Что такое право «иклу»?

14. Каковы условия владения имуществом на правах «илку»?

15. Какие виды обязательств указаны в Законнике Хаммурапи?

16. Какие виды договоров (или сделок) регламентировались Законами Хаммурапи?

17. Что являлось объектом купли-продажи в Древней вавилоне?

18. Что означало выражение «разбить табличку»?

19. Какие можно выделить условия, при которых договор купли-продажи мог быть расторгнут по инициативе покупателя?

20. Какие типичные казусы могли возникнуть при осуществлении сделок купли-продажи?

21. Каковы основные характеристики договоров займа, регламентированные статьями Законника Хаммурапи:

– виды займа (т. е. денежные или натуральные);

– условия предоставления займа;

– условия возвращения долга

22. Каковы были размеры процентных ставок в зависимости от вида займа?

23. В каких случаях, согласно Законам Хаммурапи, мог быть отложен срок возврата долга?

24. Каковы характеристики института «заложенничества»?

25. В каких случаях кредиторы теряли право на истребование долга?

26. *Что являлось объектом договора найма в Древнем Вавилоне?*
27. *К какому виду договора следует отнести наем чужого раба?*
28. *Какова ответственность владельцев имущества за нарушение условий найма?*
29. *Чем определялись сроки аренды земли?*
30. *Каковы условия заключения договора личного найма?*
31. *Каковы условия договора хранения или поклажи?*
32. *Каковы условия и порядок заключения брака в Древнем Вавилоне?*
33. *Каковы правовые предписания относительно брачного договора?*
34. *Что означали термины «библум» и «тархатум»?*
35. *Каково было положение женщины Древнего Вавилона?*
36. *Каковы взаимные обязанности супругов?*
37. *Был ли характер брака в древнем Вавилоне только моногамным?*
38. *Кто из сыновей имел право на получение обязательной доли при наследовании?*
39. *Каковы наследственные права усыновленных детей, в том числе детей от рабыни-наложницы?*
40. *Каков порядок наследования был предусмотрен в отношении имущества раба, женатого на свободной женщине?*
41. *Каков порядок наследования имущества женщины?*
42. *Каковы составы преступлений, закрепленные в Законах Хаммурапи?*
43. *Каковы преступления против личности, имущественные, семьи и нравственности?*
44. *Какова система наказаний по Законнику Хаммурапи?*
45. *В чем выражались членовредительские наказания?*

Когда великий бог, царь ануннаков, Энлиль, владыка небес и земли, судящий судьбы страны, вручил Мардуку, первому сыну Эа, господство (буквально: энлильство) над всеми людьми и возвеличил его среди игигов, назвал Вавилон его великим именем, сделал его могущественнейшим среди стран света и утвердил в нем вечное царство,

чье основание прочно, подобно небесам и земле,— тогда меня, Хаммурапи, славного, богобоязненного князя, для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить незаконных и злых, чтобы сильному не притеснять слабого, чтобы я, как Шамаш, восходил над черноголовыми и освещал страну, — призвали Ану и Энлиль для благоденствия людей. Я, Хаммурапи, пастырь, названный Энлилем, накопивший богатство и изобилие, все свершивший для Ниппура, связи небес и земли, славный покровитель Э-Кура;

победоносный царь, восстановивший Эриду, очистивший обряды Э-Абзу;

покровитель четырех стран света, возвеличивший имя Вавилона, ублаживший сердце Мардука, своего владыки, [все] дни свои ходивший к Э-Сагиле; семя царственности, созданный Сином, давший обилие Урум, смиренный богомолец, приносящий плодородие в Э-Кишширгал;

царь законный, послушный Шамашу, сильный, укрепивший основание Сиппара. одевший зеленью могилу Айи, вознесший храм Э-Барры, подобно жилищу небес; воитель, пощадивший Ларсу, обновивший Э-Баббар для Шамаша, своего союзника; владыка, дающий жизнь Уруку, давший воду обилия его людям, возвысивший Э-Ану, накопивший богатство для Ануи Иштар; сень страны, собравший рассеянных людей Исина, умноживший обилие для храма Э-Галмах; повелитель царей, близнец Забабы, укрепивший жилище города Киш, окруживший блеском Э-Метеурсаг, упрочивший великие обряды Иштар, заботящийся о храме Хурсагкаламы, твердыни против врагов;

тот, чьи желанья исполнил друг его, Ирра, укрепивший город Куту, умноживший все для Мезлама;

буйный телец, забодавший врагов, любимец Туту, возвеселивший Борсиппу, непрестанно пекущийся об Э-Зиде;

бог царей, ведающий мудрость, расширивший пашню Дильбата 26, наполнивший амбары для могучего Ураша;

владыка, достойный скипетра и тиары, которыми украсила его мудрая [богиня] Мама, установивший границы Кеша, сделавший пышными чистые яства для Нинту;

несравненно разумный, определивший пастбище и водопел для Лагаша и Гирсу, держащий [в руках] большие жертвенные дары для Э-Нинну;

схвативший врагов, любимец Высокой, исполнивший оракульские предсказания Халлаба, веселящий сердце Иштар;

светлый князь, молитву которого знает Адад, успокоивший сердце Адада-воина в городе Бит-Каркара, приведший в надлежащий порядок все в Э-Угалгале;

царь, даровавший жизнь Адабу, покровитель храма Э-Мах; владыка царей, неодолимый боец, тот, что даровал жизнь городу Машканшабрим, напоивший обилием Э-Мезлам;

мудрый правитель, тот, что достиг исполнения всякого замысла, укрывший людей Малгума во время бедствия, утвердивший их жилища в богатстве, [а] для Эа и Дамгалнунны, возвеличивших его царственность, навеки назначивший чистые жертвы;

первейший из царей, покоривший евфратские селенья силой Дагана, своего создателя, тот, что помиловал людей Меры и Тутуля;

славный князь, просветливший лицо Иштар, установивший чистые яства для Ниназу, помогший людям своим во время беды, утвердивший стопы их среди Вавилона благополучно;

пастырь народа, дела которого Иштар приятны, водворивший Иштар в Э-Ульмаше посреди широкоуличного Аккада;

давший воссиять правде, ведущий прямым путем племена, возвративший городу Ашшуру его милостивую богиню-хранитель-пищу;

усмиряющий пламя, царь, в Ниневии, в Э-Ми: пмише, давший воссиять имени Иштар. Я – славный, покорный великим богам, потомок Суму-лаилу, могучий наследник Син-мубаллита, вечный царственный отпрыск, могучий царь, солнце Вавилона, озаривший светом страну Шумера и Аккада, царь, приведший к послушанию четыре страны света, любимец Иштар.

Когда Мардук послал меня управлять народом и доставлять стране благополучие, я вложил правду и справедливость в уста стратты, и дал благоденствие народу.

Отныне:

(§ 1) Если человек, обвинив под клятвой человека, бросит на пего [подозрение в] убийстве и не докажет этого, – обвинившего его должно убить.

(§ 2) Если человек бросит на человека [подозрение в] чародействе и не докажет этого, – тот, на кого брошено подозрение в чародействе,

должен пойти к Реке и броситься в Реку. Если Река овладеет им, – обвинивший его может забрать его дом; а если Река этого человека очистит [от обвинения] и он останется невредим, – того, кто бросил на него [подозрение в] чародействе, должно убить, а бросавшийся в Реку получает дом своего обвинителя.

(§ 3) Если человек, выступив в судебном деле со свидетельством о преступлении, не докажет сказанных им слов, то, если это – судебное дело о жизни, этого человека должно убить.

(§4) Если же он выступил со свидетельством в судебном деле о хлебе или серебре, – он должен понести наказание, определенное в таком судебном деле.

(§ 5) Если судья вынесет приговор, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свой приговор изменит, – этого судью должно изобличить в изменении приговора, и он должен уплатить в 12-кратном размере иск, [предъявленный] в этом судебном деле, а также должен быть в совете свергнут со своего судейского кресла и не должен никогда вновь воссесть с судьями на суде.

(§ 6) Если человек украдет имущество бога или дворца, – его должно убить; и того, кто примет из его рук украденное, должно убить.

(§ 7) Если человек купит из руки сына человека или из руки раба человека без свидетелей и договора или возьмет на хранение серебро или золото, или раба, или рабыню, или вола, или овцу, или осла, или что бы то ни было, – этот человек вор, его должно убить.

(§ 8) Если человек украдет вола, или овцу, или осла, или свинью, или лодку, то, если это божье [или] если это дворцовое, он должен отдать это в 30-кратном размере, а если это принадлежит мушкенуму, – он должен возместить в 10-кратном размере; если же вору нечем отдать, то его должно убить.

(§ 9) Если человек, у кого пропало что-либо, найдет свою пропавшую вещь в руках [другого] человека, и тот, у кою в руках найдется пропавшая вещь, скажет: «Мне, мол, продал ее продавец, я купил ее при свидетелях, мол», а хозяин пропавшей вещи скажет: «Я представлю, мол, свидетелей, знающих мою пропавшую вещь», то покупатель должен привести продавца, продавшего вещь, и свидетелей, при ком сп купил; также и хозяин пропавшей вещи должен представить свидетелей, знающих его пропавшую вещь. Судьи должны рассмот-

реть их дело, а свидетели, при которых отдана покупная плата, и свидетели, знающие потерянную вещь, должны рассказать перед богом то, что они знают. Продавец – вор, его должно убить; хозяин пропавшей вещи должен получить свою пропавшую вещь обратно, покупатель должен взять отвешенное им серебро из дома продавца.

(§ 10) Если покупатель не приведет продавца, продавшего ему, и свидетелей, при которых он купил, а только хозяин пропавшей вещи представит свидетелей, знающих его пропавшую вещь, покупатель – вор, его должно убить; хозяин пропавшей вещи должен получить свою пропавшую вещь.

(§ 11) Если хозяин пропавшей вещи не приведет свидетелей, знающих его пропавшую вещь, – он лжец, возводит клевету, его должно убить.

(§ 12) Если продавец умер, – покупатель получает в 5-кратном размере иск, [предъявленный] в этом судебном деле, из дома продавца.

(§ 13) Если свидетелей этого человека нет близко, – судьи назначают ему срок до 6-го месяца. Если на 6-й месяц своих свидетелей он не приведет, – он лжец, должен понести наказание, [определенное] в таком судебном деле.

(§ 14) Если человек украдет малолетнего сына человека, – его должно убить.

(§ 15) Если человек выведет за ворота 50 раба дворца, или рабыню дворца, или раба мушкенума, или рабыню мушкенума, – его должно убить.

(§ 16) Если человек укроет в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или мушкенуму, и не выведет его на клич глашатая, – этого домохозяина должно убить.

(§ 17) Если человек поймает в степи беглого раба или рабыню и доставит его хозяину, – хозяин раба должен уплатить ему 2 сикля серебра.

(§ 18) Если этот раб не назовет своего господина, – должно привести его во дворец, затем исследовав обстоятельства его дела, вернуть его хозяину его.

(§ 19) Если же он удержит этого раба в своем доме и потом раб будет найден в его руках, – этого человека должно убить.

(§ 20) Если раб бежит из рук того, кто его задержал, – этот человек должен поклясться богом хозяину раба и быть свободным [от ответственности].

(§ 21) Если человек сделает пролом в доме, – его должно убить и зарыть перед этим проломом.

(§ 22) Если человек совершит грабеж и будет пойман, – его должно убить.

(§ 23) Если грабитель не будет схвачен, – ограбленный должен клятвенно показать перед богом все пропавшее у него, а община и рабианум, на земле или в округе которых произведен грабеж, должны возместить ему, что у него пропало.

(§ 24) Если [при этом загублена] жизнь, – община и рабианум должны отвесить 1 мину серебра его родственникам.

(§ 25) Если в чьем-нибудь доме вспыхнет огонь, [и] человек, пришедший тушить его, обратит свой взор на имущество домохозяина и возьмет себе [что-нибудь из] имущества домохозяина, – этого человека должно бросить в этот огонь.

(§ 26) Если редум или баирум, которому приказано выступить в царский поход, не пойдет или, наняв наемника, пошлет его своим заместителем, – этого редума или баирума должно убить; нанятый *m i* получает его дом.

(§ 27) Если редум или баирум будет угнан [в плен], будучи на царской службе, и после него его поле и сад будут отданы другому, который будет нести его [воинскую] повинность, – если тот, вернувшись, достигнет своей общины, должно отдать обратно ему его поле и сад, и он будет сам нести свою повинность.

(§ 28) Если редум или баирум угнан [в плен], будучи на царской службе, и его сын может нести повинность, – должно отдать ему поле и сад, и он будет нести повинность своего отца.

(§ 29) Если сын его малолетен и не может нести повинность своего отца, – должно отдать 1/3 поля и сада его матери, и мать его вырастит его.

(§ 30). Если редум или баирум из-за своей повинности бросит свое поле, сад и дом, и будет находиться вдалеке, и после него другой возьмет его поле, сад и дом, и будет нести его повинность в течение 3 лет, то если он вернется и потребует свое поле, сад и дом, – не должно

отдавать их ему, и тот, кто -взял их и нес его повинность, должен будет нести [ее].

(§ 31) Если же он будет отсутствовать только один год и вернется,— должно отдать ему его поле, сад и дом, и он будет сам нести свою повинность.

(§ 32) [Ес]ли редум или баирум, который угнан [в плен] во время царского похода, будет выкуплен тамкаром и доставлен в свою общину, то если в его доме есть чем выкупиться, он должен выкупить себя сам; если в его доме нечем выкупиться, он должен быть выкуплен от храма своей общины, а если у храма его общины нечем выкупить, его должен выкупить дворец. Его поле, сад и дом не должно отдавать на его выкуп.

(§ 33) Если декум или лубуттум получит себе отряд, изъятый (от военной службы) или во время царского похода, приняв наемника [в качестве] заместителя, пошлет его, — этого декума или лубуттума должно убить.

(§ 34) Если декум или лубуттум возьмет себе имущество редума, причинит вред редуму, отдаст редума в наем, предаст редума на суде более сильному или возьмет себе подарок, пожалованный редуму царем, — этого декума или лубуттума должно убить.

(§ 35) Если человек купит у редума волов или овец, пожалованных редуму царем, — он теряет свое серебро.

(§ 36) Поле, сад и дом редума, баирума или приносящего подать [или арендную плату] не могут быть отданы за сергбро.

(§ 37) Если человек купит поле, сад или дом редума, баирума или приносящего подать (арендную плату), — его документ должно разбить, и он теряет свое серебро, поле, сад и дом возвращаются их [прежнему] хозяину.

(§ 38) Редум, баирум или приносящий подать (арендную плату?) не может отписывать из своих поля, сада или дома, связанных с его повинностью, своей жене или дочери, а также отдавать за свой долг.

(§ 39) Из поля, сада или дома, которые он, купив, приобрел, он может отписывать своей жене или дочери, а также отдавать за свой долг.

(§ 40) Божья жена, тамкар, -или обязанный другой повинностью, могут отдать свое поле, сад или дом за серебро. Покупатель должен

нести повинность, связанную с купленными им полем, садо'м или домом.

(§41) Если человек обменяет [на свои] поле, сад и дом редума, баирума или приносящего подать (арендную плату?) п сделает приплату, то редум, баирум или приносящий подать может вернуться к своему полю, саду и дому и может забрать сделанную ему приплату.

(§ 42) Если человек, взявший поле для обработки, не вырастит на нем хлеба, – (то) изблнченнй в том, что он не произвёл на поле работы, и он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи.

(§ 43) Если он, не обработав поля, оставит его под паром, – он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи, и поле, оставленное им под паром, должен вспахать, взборонить и вернуть хозяину поля.

(§ 44) Если человек возьмет на 3 года целину для поднятия, но, по лености, не возделает, поля, – на 4-й год он должен вспахать, (?) вскопать (?) и взборонить (?) поле и вернуть его хозяину поля (?), а также отмерить ему 10 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 45) Если человек отдаст свое поле земледельцу за арендную плату и получит арендную плату за свое поле, [а] потом Адад затопит поле или наводнение унесет [жатву], то убыток падает (только) на земледельца.

(§ 46) Е сли он не получает (определенной) арендной платы, (и) либо отдал поле исполу, либо из третьей доли, (то) находящийся на поле хлеб земледелец и хозяин поля должны делить сообразно соотношению [их частей] (?).

(§ 47) Если земледелец не получит з первый год [пользы от] своих трудов (и) скажет: «Я обработаю поле для себя (т. е. на свой риск?)», – хозяин поля не должен противиться этому; поле его должен обрабатывать только этот его земледелец, и яри жатве он получит хлеб сообразно с договором.

(§ 48) Если человек имеет на себе процентный долг, [а] Адад затопит его поле или наводнение унесет [его жатву], или вследствие засухи в поле не вырастет хлеба, – о«к может не Еозвращать в этом году хлеб заимодавцу и смывает свой документ; также и проценты за этот год он может не отдавать.

(§ 49) Если человек, взяв займы серебро у тамкара, отдаст тамкару годное для обработки хлебное или сезамное поле, говоря ему:

«Возделай поле, собери хлеб или сезам и возьми его себе», если земледелец [тамкар] вырастит на поле хлеб или сезам, – выросший на поле хлеб и сезам должен во время жатвы взять (только) хозяин поля и должен отдать тамкару хлеб за серебро, взятое им у тамкара, с процентами на него, а также за издержки тамкара по обработке.

(§ 50) Если он отдаст [уже] возделанное хлебное или сезамное поле, – находящийся на поле хлеб или сезам должен взять (только) хозяин поля и должен вернуть тамкару серебро с про» центами на него.

(§51) Если у него нет серебра для уплаты, – он должен отдать тамкару [хлеб или] сезам в размере цены занятого им у тамкара серебра с процентами на него согласно царским постановлениям.

(§ 52) Если земледелец (тамкар) не вырастит на поле хлеба или сезама, – это не меняет его договора.

(§ 53) Если человек поленится укрепить плотину своего поля, и, вследствие того, что плотина не была укреплена им, в его плотине произойдет прорыв и водой будет затоплен полевой участок, – человек, в плотине которого произошел прорыв, должен возместить погубленный им хлеб.

(§ 54) Если он не может возместить хлеб, – должно отдать его и его имущество за серебро, и [это серебро] должны разделить между собою хозяева полевых участков, хлеб которых унесла вода.

(§ 55) Если человек, открыв свой арык, по небрежности допустит, что водою будет затоплено поле его соседей, – он должен отмерить хлеб, как у его соседей.

(§ 56) Если человек выпустит воду, и водою будет затоплено подготовленное для посева поле его соседа, – он должен отмерить ему 10 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 57) Если пастух не договорится с хозяином поля о корме мелкого скота травой и без [дозволения] хозяина поля скормит поле мелкому скоту, то хозяин поля должен сжать свое поле; пастух, без [дозволения] хозяина поля скормивший траву мелкому скоту, должен, сверх того, отдать хозяину поля 20 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 58) Если после того, как мелкий скот поднимется с поля [и] все стадо (?) будет заперто в городских воротах, пастух пустит мелкий скот на поле [и] скормит поле мелкому скоту, – пастух должен сторожить поле, которое он скормил [скоту и] во время жатвы отмерить хозяину поля 60 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 59) Если человек срубит в саду человека дерево без [разрешения] хозяина сада, – он должен отвесить 72 мины серебра.

(§ 60) Если человек предоставит садоводу поле для насаждения сада, [и] садовод разведет сад и будет растить его в течение 4 лет, – на 5-й год садовладелец и садовод делят плоды между собой поровну, садовладелец должен выбрать и взять свою часть [первым].

(§61) Если садовод не окончит разведение сада на поле, оставит часть невозделанною, – невозделанная часть входит в его долю.

(§ 62) Если он не превратит данного ему поля в сад, то если это – обработанная земля, садовод обязан отмерить хозяину поля арендную плату, как у соседей, за годы, в которые она находилась в запустении, а также выполнить работу на поле и вернуть его хозяину поля.

(§ 63) Если это – целина, он должен выполнить работу на поле и вернуть хозяину поля, а также отмерить за 1 год 10 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 64) Если человек предоставит сад садоводу для оплодотворения [пальм], то садовод, пока он держит сад, должен отдавать 2/3 садового дохода садовладельцу, а 1/3 должен брать себе.

(§ 65) Если сад он не будет оплодотворять и уменьшит доход, то садовод [должен отдать] арендную плату, как у соседей.

(§ 66) Если человек займет серебро у тамкара и его тамкар •потребует у него уплаты [долга] (?), а ему нечем будет отдать и он отдаст тамкару свой сад после оплодотворения и скажет: «Все финики, выросшие в саду, возьми за твое серебро», то этот тамкар не может соглашаться на это. Выросшие в саду финики должен взять садовладелец и удовлетворить тамкара серебром, с процентами на него согласно своему документу, а остальные финики, выросшие в саду, должен взять (только) садовладелец.

(§71) Если человек отдаст хлеб, серебро или [другое] движимое имущество [в уплату] за связанный с повинностью дом своего соседа, который он хочет купить, – он теряет все, что он отдал; дом должно вернуть его хозяину. Если этот дом не связан с повинностью, то он может купить и дать за него хлеб, серебро или [другое] движимое имущество.

(§ 78) [Если...], живущий [в доме] человек отдаст домовладельцу полностью годовую наемную плату, но домовладелец заставит жильца уйти до истечения срока, – домовладелец, [за принуждение] жильца

[остав]ить его дом до истечения срока, [теряет] серебро, отданное жильцом.

(§ 96) [Если человек, имея на себе долг хлебом] или серебром, не имеет хлеба или серебра [для уплаты], но имеет [другое] движимое имущество, то он может отдать тамкару перед свидетелями сколько взял (?) всем, что бы ни было в его руках, и тамкар не должен отказываться, а должен принять.

(§ 100) [Если там, куда отправится шамаллум б1, он наживет барыш], – он должен записать доход (буквально: проценты) на все серебро, сколько получил; затем должно сосчитать ею дни и он должен удовлетворить тамкара.

(§ 101) Если он не найдет барыша [там], куда направится, то шамаллум должен отдать тамкару взятое серебро в двойном размере.

(§ 102) Если тамкар ссудит шамаллума серебром для предприятия, а тот потерпит убыток [там], куда отправится, то он должен вернуть тамкару капитал.

(§ 103) Если на пути неприятель отнимет у него все, что он нес, то шамаллум должен поклясться перед богом и быть свободным [от ответственности].

(§ 104) Если тамкар даст шамаллumu хлеб, шерсть, масло или другое имущество для торговли, то шамаллум должен записать серебро и отдать тамкару. Шамаллум должен получить документ с печатью о серебре, отданном купцу.

(§ 105) Если шамаллум будет небрежен, не возьмет документа с печатью о серебре, отданном тамкару, то серебро, на которое не дано документа с печатью, нельзя причислять к счету.

(§ 106) Если шамаллум, взяв у тамкара серебро, отопрется перед своим тамкаром, – тамкар этот должен изобличить шамаллума перед богом и свидетелями в получении серебра; шамаллум должен вернуть тамкару все взятое им в тронном размере.

(§ 107) Если тамкар поручит [что-либо] шамаллumu и шамаллум вернет своему тамкару все, что дал ему тамкар, а тамкар отопрется перед ним [в том], что это уже отдано ему шамаллумом, – этот шамаллум должен изобличить тамкара перед богом и свидетелями; тамкар, за то, что он отпирался перед своим шамаллумом, должен вернуть шамаллumu все полученное им в б-к ратном размере.

(§ 108) Если корчемница не принимает хлеб в уплату за сикеру, принимает серебро по слишком большой гире и эквивалент сикеры уменьшает по отношению к эквиваленту хлеба, – эту корчемницу должно изобличить и бросить в воду.

(§ 109) Если в доме корчемницы соберутся преступники и она не задержит этих преступников и не приведет ко дворцу, – эту корчемницу должно убить.

(§ 110) Если божья жена или божья сестра, не живущая в обители 64, откроет (дверь в) корчму или войдет в корчму для питья сикеры, то эту [свободную] женщину должно сжечь.

(§ 111) Если корчемница отпустит в долг сила пива (?), – во время жатвы она должна получить 50 сила хлеба.

(§ 112) Если человек, находясь в пути, отдаст другому серебро, золото, [драгоценные] камни или [другое] имеющееся у него движимое имущество, с поручением доставить как посылку, [но] этот человек не доставит того, что должен был доставить, туда, куда должен был доставить, [а] заберет (себе), – хозяин посылки должен изобличить этого человека в том, что он не отдал того, что должно было быть послано, и этот человек должен вернуть хозяину посылки Бее данное ему в 5-кратном размере.

(§ 113) Если человек имеет за человеком долг хлебом или серебром и без [дозволения] хозяина хлеба возьмет хлеб из житницы или с гумна, – этого человека должно изобличить во взятии им хлеба из житницы или с гумна без (дозволения) хозяина хлеба, и он должен вернуть весь взятый им хлеб и терять все, данное им [взаймы].

(§ 114) Если человек, не имея за человеком долга хлебом или серебром, возьмет в залог принадлежащее ему лицо, – за каждое взятое лицо он обязан уплатить 1/3 мины серебра.

(§ 115) Если человек, имея за человеком долг хлебом или серебром, возьмет в залог принадлежащее ему лицо, и взятый в залог умрет в доме взявшего в залог естественной смертью, то это судебное дело не ведет к иску.

(§ 116) Если взятый в залог умрет в доме взявшего в залог от псбоев или дурного обращения, – хозяин взятого в залог должен изобличить своего тамкара (заимодавца); если [взятый в залог] – сын человека, должно убить его сына, если он – раб человека, он должен отвесить 1/3 мины серебра и терять все, данное им взаймы.

(§ 117) Если человек имеет на себе долг и он отдаст за серебро или отдаст в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою долю, – они должны служить в доме их покупателя или займодавца (только) 3 года; на 4-й год должно отпустить их на свободу.

(§ 118) Если он отдаст в долговую кабалу раба или рабыню, [и] тамкар передаст [его или ее] дальше, то он [или она] не может быть требуем [или требуема] назад судебным порядком.

(§ 119) Если человек имеет на себе долг и он отдаст за серебро свою рабыню, родившую ему детей, и серебро, какое отвесил тамкар, хозяин рабыни отвесит ему, – свою рабыню он может освободить.

(§ 120) Если человек ссыпает свой хлеб на хранение в доме человека и хлебная кладовая подвергнется взлому, или домохозяин, открыв кладовую, возьмет хлеб, или совершенно отопрется, что хлеб ссыпан в его доме, – хозяин хлеба должен клятвенно указать перед богом свой хлеб; домохозяин должен вернуть хозяину хлеба взятый им хлеб в двойном размере.

(§ 121) Если человек ссыпет свой хлеб в доме человека, – он должен отдать в год 5 сила за каждый курру хлеба.

(§ 122) Если человек отдаст человеку на хранение свое серебро, золото или другую вещь, – он должен предъявить свидетелям все отдаваемое им, заключить договор и может отдавать на хранение.

(§ 123) Если он отдаст на хранение без свидетелей и договора и [там], куда он отдал, станут отпираться, – это судебное дело не ведет к иску.

(§ 124) Если человек отдаст человеку на хранение серебро, золото или другую вещь перед свидетелями и тот отопрется, – этого человека должно избличить, и он должен вернуть все, от чего отпирался, в двойном размере.

(§ 125) Если человек отдаст что-нибудь на хранение, [и там] куда он отдал, вследствие взлома или лестницы пропадет что-нибудь [из этого] вместе с имуществом домохозяина, то домохозяин, который был небрежен и дал пропасть отданному ему на хранение, должен возместить хозяину имущества все отданное ему на хранение в полном размере. Домохозяин может разыскивать пропавшее у него и взыскивать [пропажу] с вора.

(§ 126) Если человек, у кого ничего не пропало, скажет: «У меня пропало нечто», и клятвенно покажет свой убыток, – так как он клятвенно показал в качестве своего убытка то, что у него не пропадало, он должен, к ущербу для себя, отдать то, на что он предъявил иск, в двойном размере.

(§ 127) Если человек, протянув палец⁶⁵ против божьей сестры или же.ны человека, не докажет [обвинения], го этого человека должно повергнуть перед судьями и обрить ему виски.

(§ 128) Если человек, взяв жену, не заключит с нею договора, – эта женщина не жена.

(§ 129) Если жена человека будет захвачена лежащею с другим мужчиною, то должно их связать и бросить их в воду. Если хозяин жены пощадит жизнь своей жены, то и царь пощадит жизнь своего раба.

(§ 130) Если человек изнасилует жену человека, не познавшую мужчины и живущую в доме своего отца, и будет захвачен лежащим в ее лоне, – этого человека должно убить; эта женщина остается свободною [от ответственности].

(§ 131) Если жена человека будет под клятвою обвинена своим мужем, не быв захвачена лежащею с другим мужчиною, то она должна произнести клятву богом и может вернуться в свой дом.

(§ 132) Если против жены человека будет протянут палец из-за другого мужчины, хотя она не была захвачена лежащею с другим мужчиною, то ради своего мужа она должна броситься в реку.

(§ 133) Если человек будет уведен в плен и в его доме есть [средства для] пропитания, – его [жена] должна [...и хранить] свое [имущество, а в дом дру]гого [не должна вхо]дить. Если эта женщина не будет хранить своего имущества и войдет в дом другого, – эту женщину должно изобличить и бросить в воду.

(§ 134) Если человек будет уведен в плен и в его доме нет [средств] для пропитания и его жена войдет в дом другого, – эта женщина не виновна.

(§ 135) Если человек будет уведен в плен, и в его доме нет [средств для] пропитания, и поэтому его жена войдет в дом другого и родит детей, [а] потом ее муж вернется и достигнет своей общины, то эта женщина должна вернуться к своему первому мужу; дети следуют за отцом.

(§ 136) Если человек, бросив свою общину, убежит, и после этого его жена войдет в дом другого, то если этот человек, вернувшись, захочет взять свою жену, – так как он, презрел свою общину и убежал, жена беглеца не должна возвращаться к своему мужу.

(§ 137) Если человек решит отвергнуть наложницу, родившую ему детей, или божью жену, давшую ему детей получить, то должно вернуть этой женщине ее приданое и дать ей часть поля, сада и [движимого] имущества, чтобы она могла вырастить своих детей. Когда она вырастит детей, должно выдать ей из всего данного ее детям часть, равную доле одного наследника; ее может взять [замуж] любимый ею муж.

(§ 138) Если человек решит отвергнуть свою [первую] супругу, не родившую ему детей, то он должен отдать ей все серебро ее выкупной платы и возместить ей приданое, принесенное ею из дома ее отца, и может отвергнуть ее.

(§ 139) Если выкупной платы не было, то он должен дать ей в качестве разводной платы 1 мину серебра.

(§ 140) Если он мушкенум, – он должен дать ей 1/3 мины серебра.

(§ 141) Если жена человека, живя в доме своего мужа, вознамерится оставить его, станет поступать расточительно, станет разорять свой дом, позорить своего мужа, – ее должно изобличить; если муж ее выскажется за отвержение ее, – он может отвергнуть ее [и] не должен давать ей в ее путь ничего в качестве ее разводной платы. Если ее муж не выскажется за отвержение ее, – муж ее может взять другую [жену]; эта женщина должна жить в доме своего мужа как рабыня.

(§ 142) Если женщина возненавидит своего мужа и скажет ему: «Не касайся меня», то должно исследовать ее дело в отношении [возможного] с ее стороны порока. Если она целомудренна и беспорочна, а ее муж ходит из дома и очень позорит ее, – эта женщина невиновна; она может взять свое приданое и вернуться в дом своего отца.

(§ 143) Если она не целомудренна, ходит из дома, разоряет свой дом, позорит своего мужа, – эту женщину должно бросить в воду.

(§ 144) Если человек возьмет [замуж] божью жену, эта жена даст своему мужу рабыню и создаст [таким образом] детей, а этот человек вознамерится взять себе наложницу – этого не должно позволять ему, он не может взять наложницу.

(§ 145) Если человек возьмет божью жену, она не даст ему детей, [и] он вознамерится взять себе наложницу, – этот человек может взять себе наложницу [и] ввести ее в свой дом; эта наложница не должна равняться с женою.

(§ 146) Если человек возьмет себе божью жену, она даст своему мужу рабыню, и та родит детей, а потом эта рабыня станет равнять себя с своею госпожою, – так как она родила детом, ее хозяйка не может отдать ее за серебро; она может наложить на нее знак рабства и причислить ее к рабыням

(§ 147) Если она не родила детей, ее хозяйка может отдать ее за серебро.

(§ 148) Если человек возьмет жену, ее постигнет проказа и он вознамерится взять себе другую, – он может взять, [но] не должен отвергать жену, которую постигла проказа; она может жить в доме, который он построит, и он должен содержать ее, пока она жива.

(§ 149) Если эта женщина не согласится жить в доме своего мужа, – он должен вернуть ей приданое, принесенное ею из дома ее отца; она может уйти.

(§ 150) Если человек подарит своей жене поле, сад, дом или [движимое] имущество и выдаст ей документ с печатью, то после смерти ее мужа ее дети не могут требовать от нее ничего по суду; мать может отдать свое наследство своему любимому сыну; брату она не должна отдавать.

(§ 151) Если женщина, живя в доме человека, договором обяжет своего мужа, чтобы заимодавцы ее мужа не подвергали ее задержанию, п заставит его выдать ей документ [относительно этого], то, если этот человек имел на себе долг до взятия [замуж] этой женщины, его заимодавцы не могут подвергать его жену задержанию. Также, если эта женщина имела на себе долг до своего вступления в дом мужа, ее заимодавцы не могут задержать ее мужа.

(§ 152) Если у них образуется долг по вступлении этой женщины в дом человека, – они совместно отвечают перед тамкаром.

(§ 153) Если жена человека даст умертвить своего мужа из-за другого мужчины, – эту женщину должно посадить на кол.

(§ 154) Если человек познает свою дочь, – этого человека должно изгнать из общины.

(§ 155) Если человек сосватает невесту своему сыну, его сын познает ее, а потом он сам будет захвачен лежащим в ее лоне, – должно его связать и бросить в воду.

(§ 156) Если человек сосватает невесту своему сыну и его сын не познает ее, а он сам ляжет в ее лоно, – он должен отвесить ей 1/2 мины серебра и возместить ей все принесенное ею из дома ее отца; ее может взять [замуж] любимый ею муж.

(§ 157) Если человек после [смерти] своего отца ляжет з объятия своей матери, – должно сжечь их обоих.

(§ 158) Если человек после [смерти] своего отца будет захвачен в лоне своей мачехи, родившей детей, этого человека должно извергнуть от имущества дома его отца.

(§ 159) Если человек принесет брачный дар в дом своего тестя, отдаст выкупную плату, [но] обратит свой взор на другую женщину [и] скажет своему тестю: «Я не возьму твоей дочери», – отец девушки может забрать все принесенное ему.

(§ 160) Если человек принесет в дом своего тестя брачный дар п отдаст выкупную плату, а потом отец девушки скажет: «Я не отдам тебе моей дочери», – он должен вернуть в двойном размере все принесенное ему.

(§ 161) Если человек принесет в дом своего тестя брачный дар, отдаст выкупную плату, [а потом] его друг оклеветает его и тесть скажет хозяину жены: «Ты не возьмешь моей дочери», – он должен вернуть все принесенное ему в двойном размере; а его жену его друг не может взять замуж.

(§ 162) Если человек возьмет жену, она родит ему детей, (а затем эта) женщина умрет (буквально: уйдет к судьбе своей), – ее отец не может возбуждать иска из-за ее приданого– оно принадлежит (только) ее детям.

(§ 163) Если человек возьмет жену, эта женщина не даст получить ему детей и умрет, то если его тесть вернет ему выкупную плату, принесенную этим человеком в дом своего тестя, – ее муж не может возбуждать иска из-за приданого этой женщины – ее приданое принадлежит только дому ее отца.

(§ 164) Если тесть не вернет ему выкупной платы, – он должен вычтя из ее приданого всю выкупную плату, вернуть ее приданое в дом ее отца.

(§ 165) Если человек подарит своему сыну, приятному в его глазах, поле, сад или дом и выдаст ему документ с печатью, а потом отец умрет, – когда братья станут делиться, он [любимый сын] должен взять подарок, данный ему отцом, и, сверх того, они должны разделить между собою имущество в доме их отца поровну.

(§ 166) Если человек возьмет жен для сыновей, которых он имеет, [а] для своего младшего сына жены не возьмет, а потом отец умрет, – когда братья станут делиться, из имущества отцовского дома их отца, они должны установить младшему брату, не взявшему жены, кроме его доли, серебро на выкупную плату и дать ему взять жену.

(§ 167) Если человек возьмет жену, и она родит ему детей, [а затем] эта женщина умрет, после [смерти] ее он возьмет себе другую женщину, и она также родит детей, а потом отец умрет, – дети не должны делиться по матерям, они должны взять приданое своих матерей и разделить имущество в доме их отца поровну.

(§ 168) Если человек решит изгнать своего сына [и] скажет судьям: «Я изгоню моего сына», судьи должны расследовать его дело; если сын не совершил тяжкого греха, [достаточного] для изгнания его от наследства, – отец не может лишить своего сына наследства.

(§ 169) Если он совершил по отношению к отцу тяжкий грех, [достаточный] для изгнания его от наследства, они должны на первый раз простить его; если же он совершил тяжкий грех во второй раз, – отец может лишить своего сына наследства.

(§ 170) Если человеку его супруга родит детей и его рабыня (также) родит детей, [и] отец при своей жизни скажет детям, рожденным ему рабыней: «Мои дети», причислит их к детям супруги, а потом отец умрет, – дети супруги и дети рабыни должны делить между собою имущество в доме их отца поровну; наследник, сын супруги, при разделе должен выбрать и взять [свою часть первым].

(§ 171) А если отец при своей жизни не скажет детям, рожденным ему рабыней: «Мои дети», а потом отец умрет, – дети рабыни не могут делить с детьми супруги имущество в доме их отца. Рабыня и ее дети должны быть отпущены на свободу, дети супруги не могут предъявлять к детям рабыни иска об [обращении в] рабство. Супруга должна получить свое приданое и подарок [вдовью долю], который ей дал и отписал посредством документа ее муж, жить в жилище своего мужа и

пользоваться [всем этим], пока жива; она не может отдавать [это] за серебро; что останется после нее, принадлежит только ее детям.

(§ 172) Если ее муж не дал ей подарка [вдовьей доли], то должно возместить ей все ее приданое, и она должна получить из имущества дома своего мужа часть, равную доле одного наследника. Если ее дети станут притеснять ее, чтобы выгнать ее из дома ее мужа, то судьи должны расследовать ее дело и наказать детей, [а] эта женщина не обязана оставлять дом своего мужа. Если эта женщина решит оставить его, то она должна оставить своим детям подарок [вдовью долю], данный ей ее мужем, [а себе] взять приданое своего отцовского дома, и ее может взять любимый ею муж.

(§ 173) Если [там], куда эта женщина выйдет замуж, она родит детей своему второму мужу, а потом эта женщина умрет, то ее приданое дети от первого и второго мужа должны разделить между собою.

(§ 174) Если она не родит детей своему второму мужу, то ее приданое должны получить только дети ее [первого] супруга.

(§§ 175–176) Если либо раб дворца, либо раб мушкенума возьмет замуж дочь человека [и] она родит детей, [то] хозяин раба не может предъявлять к детям дочери человека иска об [обращении] в рабство. И если раб дворца или раб мушкенума возьмет замуж дочь человека и она, когда он брал ее замуж, вошла в дом раба дворца или раба мушкенума с приданным из дома своего отца, [и] после того как они поселились вместе, они создали дом и приобрели имущество, а потом либо раб дворца, либо раб мушкенума умрет, (то) дочь человека должна получить свое приданое, а все, что муж ее и она сама приобрели с тех пор, как поселились вместе, должно разделить на две части: половину должен взять хозяин раба, другую – дочь человека для своих детей. Если у дочери человека не было приданого, – все, что муж ее и она сама приобрели с тех пор, как поселились вместе, должно разделить на две части; половину получает хозяин раба, другую – дочь человека для своих детей.

(§ 177) Если вдова, имеющая малолетних детей, решит войти в дом другого, она не может войти без [дозволения] судей. Когда она входит в дом другого, судьи должны расследовать дела дома ее первого мужа, передать дом ее первого мужа в заведование ее второму мужу и этой женщине и взять с них документ. Они должны хранить дом, вос-

питывать малолетних детей, не могут отдавать утвари за серебро. Покупатель, купивший утварь детей вдовы, теряет свое серебро; имущество должно вернуться его хозяевам.

(§ 178) Если божьей сестре, божьей жене или блуднице⁶⁹, которой отец дал приданое (и) написал документ, но не напишет в написанном им документе, что она может отдать свое наследство, куда захочет, не предоставит ей свободного распоряжения, а потом отец ее умрет, – ее братья получают ее поле и сад и должны давать ей согласно с размером ее доли хлеб, масло и шерсть и (этим) продовать ее. Если ее братья не станут давать ей согласно с размером ее доли хлеб, масло и шерсть и [этим] продовать ее, – она может передать свое поле и сад подходящему для нее земледельцу, и ее земледелец должен содержать ее. Она может пользоваться полем, садом и всем, данным ей ее отцом, пока жива, [но] не может ни отдавать за серебро, ни оплачивать долги другому; ее наследство принадлежит только ее братьям.

(§ 179) Если божьей сестре, божьей жене или блуднице, которой ее отец дал приданое и написал документ с печатью, он напишет в написанном им документе, что она может отдать свое наследство (?), куда захочет, предоставит ей свободное распоряжение, а потом отец ее умрет, – она может отдать свое наследство, куда захочет; ее братья не могут [ничего] требовать с нее.

(§ 180) Если отец не дал своей дочери, божьей жене, живущей в обители, или блуднице приданого, а потом отец ее умрет, – она получает из имущества в доме её отца часть, равную доле одного наследника, и пользуется ею, пока жива. Ее наследство (?) принадлежит только ее братьям.

(§ 181) Если отец посвятит [дочь] богу в качестве божьей жены, храмовой блудницы или храмовой девы и не даст ей приданого, а потом отец ее умрет, – она должна отделить из имущества в доме отца Уз своей наследственной доли и пользуется ею, пока жива; ее наследство принадлежит только ее братьям.

(§ 182) Если отец не даст приданого своей дочери – божьей жене Мардука Вавилонского, не напишет ей документа с печатью, а потом отец ее умрет, – она должна отделить у своих братьев и получить из имущества в доме отца $\frac{1}{3}$ своей наследственной доли; повинности она

не должна нести; свое наследство божья жена Мардука может отдать, куда захочет.

(§ 183) Если отец даст своей дочери от наложницы приданое, отдаст ее замуж и напишет ей документ с печатью, а потом ее отец умрет, – она не имеет доли в имуществе в доме ее отца.

(§ 184) Если отец не даст своей дочери от наложницы приданого и не отдаст ее замуж, а потом отец ее умрет, – ее братья должны дать ей приданое, сообразно с возможностями отца в доме, и отдать ее замуж.

(§ 185) Если человек усыновит малолетнего на свое имя и вырастит его, – этот приемыш не может быть потребован обратно.

(§ 186) Если человек усыновит малолетнего и когда его примут, он нанесет обиду (?) своему [приемному] отцу или матери [или: он найдет своего отца или мать], – этот приемыш должен быть возвращен в дом своего отца.

(§ 187) (Приемный) сын евнуха (?), служащего во дворце, и сын блудницы не может быть потребован обратно.

(§ 188) Если ремесленник возьмет малолетнего (?) приемыша и научит его своему ремеслу, – он не может быть потребован обратно.

(§ 189) Если он не научит его своему ремеслу, – этот приемыш может вернуться в дом своего (родного) отца.

(§ 190) Если человек усыновит малолетнего, вырастит его, но не причислит его к своим детям, – этот приемыш может вернуться в дом своего родного отца.

(§ 191) Если человек вырастит усыновленного им малолетнего, [но] создаст свой дом и потом получит детей и решит изгнать приемыша, – этот сын не должен уйти с пустыми руками; приемный отец должен выдать ему из своего движимого имущества Уз его наследственной доли, (и лишь тогда) он уйдет; из поля, сада и дома он не обязан давать ему ничего.

(§ 192) Если сын евнуха (?) или блудницы скажет своему приемному отцу или приемной матери: «Ты не отец мне» [или] «Ты не мать мне», – ему должно отрезать язык.

(§ 193) Если сын евнуха (?) или сын блудницы узнает о доме своего [естественного] отца и возненавидит своего приемного отца или приемную мать и уйдет в дом своего отца, – ему должно вырвать глаз.

(§ 194) Если человек отдаст своего ребенка кормилице и этот ребенок умрет в руках кормилицы, [а] кормилица без ведома его отца и его матери подменит его другим ребенком, – ее должно изблечить, и за то, что она без ведома его отца и его матери подменила его другим ребенком, должно отрезать ей груди.

(§ 195) Если сын ударит своего отца, – ему должно отрезать пальцы.

(§ 196) Если человек повредит глаз сына человека, – должно повредить его глаз.

(§ 197) Если он сломает кость [сына?] человека, – должно сломать его кость.

(§ 198) Если он повредит глаз мушкенума или сломает кость мушкенума, – он должен отвесить 1 мину серебра.

(§ 199) Если он повредит глаз раба человека или сломает кость раба человека, – он должен уплатить половину его покупной цены.

(§ 200) Если человек выбьет зуб равного себе, – должно выбить его зуб.

(§ 201) Если он выбьет зуб у мушкенума, – он должен отвесить Уз мины серебра.

(§ 202) Если человек ударит по щеке высшего [по положению], чем он сам, – должно в собрании (публично)7" ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи.

(§ 203) Если сын человека ударит по щеке равного себе сына человека, – он должен отвесить 1 мину серебра.

(§ 204) Если мушкенум ударит по щеке мушкенума, -- он должен отвесить 10 сиклей серебра.

(§ 205) Если раб человека ударит по щеке сына человека, – должно отрезать ему ухо.

(§ 206) Если человек ударит человека в драке, причинит ему повреждение, – этот человек должен поклясться: «Я ударил его неумышленно», и оплатить врача.

(§ 207) Если тот умрет от побоев, то он должен поклясться, и если [потерпевший] – сын человека, он должен отвесить У2 мины серебра.

(§ 208) Если [потерпевший] – сын мушкенума, – он должен отвесить Уз мины серебра.

(§ 209) Если человек ударит дочь человека и причинит выкидыш ее плода, – он должен уплатить за ее плод 10 сиклей серебра.

(§ 210) Если эта женщина умрет, – должно убить его дочь.

(§ 211) Если он причинит побоями дочери мушкенума выкидыш ее плода, – он должен отвесить 5 сиклей серебра.

(§212) Если эта женщина умрет, – он должен отвесить */:> мины серебра.

(§ 213) Если он ударит рабыню человека и причинит выкидыш ее плода, – он должен отвесить 2 сикля серебра.

(§ 214) Если эта рабыня умрет, – он должен отвесить Уз мины серебра.

(§ 215) Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и излечит [этого] человека или снимет бельмо (?) у человека бронзовым ножом и вылечит глаз человека, – он должен получить 10 сиклей серебра.

(§ 216) Если [больной] – мушкенум, – он должен получить 5 сиклей серебра.

(§ 217) Если [больной] – раб человека, – хозяин раба должен отдать врачу 2 сикля серебра.

(§ 218) Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом, причинит смерть [этому] человеку или снимет бельмо (?) у человека бронзовым ножом и повредит глаз человека, – ему должно отрезать пальцы.

(§ 219) Если врач сделает тяжелый надрез бронзовым ножом рабу мушкенума, причинит ему смерть, – он должен возместить раба за раба.

(§ 220) Если он снимет бронзовым ножом бельмо (?) и повредит его глаз, – он должен отвесить серебром половину его покупной цепи.

(§ 221) Если врач выправит сломанную кость человеку или вылечит болезненную опухоль (?), – [больной] должен отвесить врачу 5 сиклей серебра.

(§ 222) Если [больной] – сын мушкенума, то должно отвесить 3 сикля серебра.

(§ 223) Если [больной] – раб человека, – хозяин раба должен отвесить врачу 2 сикля серебра.

(§ 224) Если лекарь волов или овец сделает тяжелый надрез волу или овце, излечит [животное], – хозяин вола или овин должен дать в качестве его платы 70 сикля серебра.

(§ 225) Если он сделает тяжелый надрез волю или овце, причинит смерть [животному], – он должен отдать хозяину вола или овцы 74 [или] покупной цены.

(§ 226) Если цирюльник без [дозволения] хозяина раба сбреет (?) [или: наложит] знак непродажного (?) раба, – этому цирюльнику должно отрезать пальцы.

(§ 227) Если человек обманет цирюльника [и] тот сбреет [? или: наложит] знак непродажного раба, – этого человека должно убить и зарыть в его воротах; цирюльник должен поклясться: «Я сбрил [или: наложил] знак «неумышленно», и быть свободным [от ответственности].

(§ 228) Если строитель построит человеку дом и завершит его, – он (домохозяин) должен дать ему подарок – 2 сикля серебра за каждый сар [площади] дома.

(§ 229) Если строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочно, так что построенный им дом обвалится и причинит смерть домохозяину, – этого строителя должно убить.

(§ 230) Если он причинит смерть сыну домохозяина, – должно убить сына строителя.

(§ 231) Если он причинит смерть рабу домохозяина, – он должен отдать домохозяину раба за раба.

(§ 232) Если он погубит имущество, – он должен возместить все погубленное им; а за то, что построил дом непрочно, так что он обвалился, должен отстроить обвалившийся дом за свои счет.

(§ 233) Если строитель, строя человеку дом, не укрепит свою работу, так что стена обрушится, – он должен упрочить стену за свое серебро.

(§ 234) Если корабельщик соорудит человеку судно [вместимостью] в 60 курру, – он (судохозяин) должен дать ему в подарок 2 сикля серебра.

(§ 235) Если корабельщик, сооружая человеку судно, сделает свою работу ненадежно, так что судно станет течь (?), получит недостаток в том же году, – корабельщик должен сломать это судно, сделать прочное на свои счет и отдать прочное судно судохозяину.

(§ 236) Если человек отдаст свое судно в наем корабельщику, а корабельщик будет небрежен и потопит или погубит судно, – корабельщик должен возместить судно судохозяину.

(§ 237) Если человек наймет корабельщика и судно, нагрузит его хлебом, шерстью, маслом, финиками или другим грузом, а этот корабельщик будет небрежен и потопит судно или погубит находящееся в нем, – корабельщик должен возместить потопленное им судно и все погибшее.

(§ 238) Если корабельщик потопит судно, но поднимет его [из воды], то он должен отдать серебром половину его покупной цены.

(§ 239) Если человек наймет корабельщика, – он должен давать ему 6 [курру хлеба] в год.

(§ 240) Если судно, идущее навстречу течению (т. е. под парусами), набежит на судно, идущее вниз по течению (т. е. гребное судно), и потопит его, – судохозяин, чье судно было потоплено, должен клятвенно показать перед богом все погибшее на его судне, и [хозяин] судна, шедшего навстречу течению, потопившего судно, шедшее вниз по течению, должен возместить ему судно и все погибшее.

(§ 241) Если человек возьмет под залог вола, – он должен отдать 1/3 мины серебра.

(§ 242–243) Если человек наймет на год (скотину)–наемную плату за рабочего (?) вола, 4 курру хлеба, наемную плату за скотину (буквально: быка – корову) упитанную (буквально: лоснящуюся) первого качества, 3 курру хлеба он должен отдать его [или ее] хозяину.

(§ 244) Если человек наймет вола [или] осла и его умертвит в степи лев, – убыток ложится только на его хозяина.

§ 245) Если человек наймет вола и причинит ему смерть вследствие небрежности или побоев, – он должен хозяину вола отдать вола за вола.

(§ 246) Если человек наймет вола и сломает ему ногу или рассечет ему жилу на затылке, – он должен хозяину вола отдать вола за вола.

(§ 247) Если человек наймет вола и повредит ему глаз, – он должен отвесить хозяину вола серебром половину его покупной цены.

(§ 248) Если человек наймет вола и сломает ему рог, отрежет ему хвост или повредит ему ноздри (?), – он должен отдать серебром 1/3 его покупной цены.

(§ 249) Если человек наймет вола и его поразит бог, так что он падет, – взявший его в наем должен произнести клятву богом и быть свободным [от ответственности].

(§ 250) Если вол, идя по улице, забодает человека и причинит ему смерть, – это судебное дело не ведет к иску.

(§ 251) Если вол человека бодлив, ему (хозяину) будет заявлено о его пороке, [а именно], что он бодлив, а тот не притупит ему рогов и не спутает своего вола и этот вол забодает сына человека и причинит ему смерть, – он должен отдать 7г мины серебра.

(§ 252) [Если] [погибший] – раб человека, – он должен отдать 1/3 мины серебра.

(§ 253) Если человек наймет человека для заведования своим полем, поручит зерно, необходимое для хозяйства, вверит скот [и] договором обяжет его обрабатывать поле, то если этот человек украдет семена или корм и это будет найдено в его руках, – должно отрезать ему пальцы.

(§ 254) Если он, присвоив себе зерно, необходимое для хозяйства, изнурит скот, – он должен возместить соответствующее количество (?) зерна, которое он получил.

(§ 255) Если он отдаст скот человека в наем или украдет семена и не вырастит хлеба на поле, – этого человека должно изблечить, и он должен отмерить во время жатвы 60 курру хлеба за каждые 10 ику.

(§ 256) Если он не состояний оплатить то, за что он ответствен, – должно разорвать (?) его на этом поле с помощью скота.

(§ 257) Если человек наймет пахаря (?), – он должен давать ему 8 курру хлеба в год.

(§ 258) Если человек наймет погонщика волов, – он должен давать ему 6 курру хлеба в год.

(§ 259) Если человек украдет плуг с обрабатываемой земли, то должен уплатить хозяину плуга 5 сиклей серебра.

(§ 260) Если он украдет плуг-сеялку (?) или борону, он должен отдать 3 сикля серебра.

(§ 261) Если человек наймет пастуха пасти крупный или мелкий скот, – он должен давать ему 8 курру хлеба в год.

(§ 262) Если человек вола или овцу . (текст уничтожен)

(§ 263) Если он погубит данного ему [вола] или [овцу], – он должен возместить хозяину вола за [вола] и овцу за [овцу].

(§ 264) Если [пастух], которому даны для [пастьбы] крупный] или мелки[й скот], получит всю заработную плату и (ею) будет удовлетво-

рен, [но несмотря на это] станет уменьшать число крупного или мелкого скота или уменьшать прирост, то он должен отдать прирост и доход сообразно со своим договором.

(§ 265) Если пастух, которому даны для пастьбы крупный или мелкий скот, будет нечестен, изменит клеймо или отдаст [скот] за серебро, – его должно изобличить, и он должен возместить украденный им крупный или мелкий скот хозяину в 10-кратном размере.

(§ 266) Если в загоне произойдет прикосновение бога (т. е. падеж) или лев убьет [животное], – пастух должен перед богом очистить себя, а хозяин загона должен простить падеж в загоне.

(§ 267) Если пастух будет небрежен и допустит [случиться] в загоне белокровию (?), – пастух должен возместить хозяину причиненный им в загоне ущерб от белокровия (?) крупным или мелким скотам.

(§ 268) Если человек наймет вола для молотьбы, – его наемная плата – 20 сила хлеба.

(§ 269) Если он наймет осла для молотьбы, – его наемная плата 10 сила хлеба.

(§ 270) Если он наймет козленка (?) для молотьбы, – его наемная плата 1 сила хлеба.

(§ 271) Если человек наймет волов, повозку и погонщика, – он должен давать 180 сила хлеба в день.

(§ 272) Если человек наймет одну только повозку, – он должен давать 40 сила хлеба в день.

(§ 273) Если человек наймет работника, – он должен давать ему от начала года до пятого месяца 6 ше серебра в день. С шестого месяца до конца года он должен давать 5 ше серебра в день.

(§ 274) Если человек наймет ремесленника, – то плату... 5 ше серебра, плату... 5 [ше] серебра, плату... [...ше] серебра, плату камнереза – [...ше] серебра, [плату... ше] серебра, плату кузнеца [..ше се] ребра, [плату] плотника 4 ше серебра, плату кожевника [... ше серебра], плату судостроителя [... ше; серебра], [плату] строителя ... ше серебра в день он должен давать.

(§ 275) Если человек наймет судно длинное (т. е. судно, которое тянут бечевой), – он должен давать за него 3 ше серебра в день в качестве платы.

(§ 276) Если человек наймет судно, идущее навстречу течению (парусное судно), – он должен давать за него 2 1/2 ше серебра в день в качестве платы.

(§ 277) Если человек наймет судно [вместимостью] в 60 курру. – он должен давать за него 1/6 [сикля] серебра в день в качестве платы.

(§ 278) Если человек купит раба [пли] рабыню [и] по прошествии месяца его постигнет падучая, – покупатель может вернуть [их] своему продавцу и получить обратно отвешенное им серебро.

(§ 279) Если человек купит раба [пли] рабыню [и] подвергнется [виндикационному] иску, – по иску отвечает только его продавец.

(§ 280) Если человек купит во враждебной стране раба [или] рабыню человека и, когда придет в [свою] страну, хозяин раба или рабыни признает своего раба или рабыню, то если эти раб и рабыня – дети страны (т. е. Вавилонии), – их должно отпустить на свободу без [вознаграждения в виде] серебра.

(§ 281) Если они дети другой страны, то покупатель должен назвать перед богом отвешенное им серебро, [а] хозяин раба или рабыни может отдать тамкару отвешенное им серебро и освободить [для себя] своего раба или рабыню.

(§ 282) Если раб скажет своему хозяину: «Ты не хозяин мне», – он должен изобличить его как своего раба, и затем его хозяин может отрезать ему ухо.

(Вот) справедливые законы, утвержденные Хаммурапи, победоносным царем, водворившим истинное благополучие и доброе управление в стране.

Я – Хаммурапи, несравненный царь. Я никогда не пренебрегал черноголовыми, которых даровал мне Энлиль и пасти которых поручил мне Мардук, никогда не был нерадив, отыскивал для них безопасные места [жительства], облегчал великие беды, давал сиять на них свету. Могучим оружием, врученным мне Забабою и Иштар, премудростью, сужденной мне Эа, мощью, данной мне Мардуком, я изгнал врагов вверху и внизу, погасил раздоры, даровал стране благоденствие, дал людям жить в огражденных селениях, не допускал их до тревог. Меня призвали великие боги, и вот я – благодетельный пастырь, жезл которого прям; моя благая сень распростерта над моим градом, в моем

лоне я держу людей Шумера и Аккада, с помощью моей богини покровительницы [и] ее братьев (?) я правил ими в мире, укрывал их своею мудростью.

Для того чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость, – в Вавилоне, городе, главу которого вознесли Ану и Энлиль, в Э-Сагиле, храме, основание которого прочно, как небо и земля, – чтобы судился суд в стране, чтобы решались приговоры в стране, чтобы притесненному оказать справедливость, я начертал мои драгоценные слова на моей стеле и поставил перед изображением моим, царя справедливого.

Я – царь, превосходящий всех царей, мои слова превосходны, моя мощь не имеет равных. По велению Шамаша, великого судьи небес и земли, да сияет моя справедливость в стране, по слову Мардука, моего владыки, да не найдет мой' памятник никого, кто бы удалил ее. В Э-Сагиле, которую я люблю, вечно да поминается мое имя во благо.

Угнетенный, имеющий тяжбу, пусть придет к изображению моему, царя справедливого, заставить прочесть себе мою надписанную стелу, пусть услышит мои драгоценные слова, пусть моя стела объяснит ему дело, пусть найдет он свое право, пусть даст своему сердцу вздохнуть (свободно) и пусть скажет громко. «Хаммурапи, мол, – владыка, который для людей как бы отец родной; он преклонялся пред словом Мардука, своего владыки, и одержал для Мардука победу вверху и внизу, радовал сердце Мардука, своего владыки, судил иавсгда благоденствие людям, а страну правил справедливо». Пусть от всего своего сердца он помолится за меня перед Мардуком, моим владыкою, [и] Сарпанит, моею владычицей, [а бог] – хранитель, богиня-покровительница [и] боги, входящие в Э-Сагилу, и кирпичи Э-Сагилы, ежедневно да одобряют его помышления перед Мардуком, моим владыкою, и Сарпанит, моею владычицей.

Будущим временем, навеки царь, который будет в стране, да соблюдает справедливые слова, написанные на моей стеле, да не изменит он суда страны, как судился он мною, приговоров страны, как решались они мною, да не разрушит моего памятника. Если этот человек, будучи благоразумным, может справедливо править своей страной, то пусть он чтит слова, написанные мною на моей стеле. Эта стела пусть укажет ему ход управления, суд страны, что судил я, приговоры страны, что решал я, и пусть справедливо он правит черноголовыми, пусть судит их суд,

пусть решает их приговоры, пусть истребит в стране своей беззаконных и злых, пусть даст благоденствие своим людям.

Я – Хаммурапи, царь справедливый, которому Шамаш даровал постановления права. Мои слова превосходны, мои дела бесподобны, лишь для безумного – пусты, а для мудрого сияют во славу.

Если этот человек будет чтить мои слова, написанные на моей стеле, не отменит моего законодательства, не исказит моих слов, не изменит моего памятника, этот человек – как я, справедливый царь. Да удлинит ему Шамаш жезл, пусть пасет он людей своих справедливо.

Если же этот человек не будет чтить мои слова, написанные на моей стеле, позабудет мое проклятие, не побоится проклятия богов, отменит суд, что я судил, исказит мои слова, изменит мой памятник, выскоблит мое написанное имя и впишет свое, [или] из страха перед этими проклятиями побудит другого, то – будет ли это царь или владыка, или правитель, или какой бы то ни было человек, носящий имя, – пусть великий Ану, отец богов, назвавший годы моего правления, лишит его царского блеска, сломает его жезл, проклянет его судьбу; Энлиль, владыка, судящий судьбы, повеления которого неотменимы, возвеличивающий мою царственность, да разожжет против него в его доме неподдаваемые смуты, мятежи, ведущие его к гибели, да назначит ему на долю жалкое правление, краткие дни, голодные годы, беспросветную тьму, внезапную смерть, да провозгласит своим могучим словом погибель его города, рассеяние его людей, порабощение его царства, небытие его имени и его памяти в стране; Нинлиль, великая мать, слово которой почтенно и Э-Куре, княгиня, милостивая ходатаица за мои помыслы, да обратит в дурную сторону его дело в месте суда и приговора пред Энлилем, да вложит она в уста царя Энлиля опустошение его страны, погибель его людей, излитие его жизни подобно воде; Эа, великий князь, чьи определения судьбы идут издревле, мудрец среди богов, всеведущий, продлевающий дни моей жизни, да отнимет у него разум и мудрость, да ввергнет его в забвение, да заткнет его реки у истока, да не вырастит в его стране хлеба – жизни людей; Шамаш, великий судья небес и земли, управляющий живыми существами, владыка, моя надежда, да сокрушит его царство, да не судит его дела, да спутает путь его, да поколеблет стопы его войска, да пошлет ему при его жертвенном гаданье дурное предзнаменование исторжения корней его царства и гибели его страны, да постигнет его в скорости дурное

слово Шамаша, да искоренит он его вверху из среды живущих, а внизу, в преисподней, да жаждет его дух воды; Син, владыка небес, бог, создавший меня, блеск которого сияет среди богов, да отнимет у него тирару и царский престол, да введет сто в тяжкий грех, да возложит на него тяжкую кару, что не сойдет с его тела, да кончит он дни и месяцы и годы своего правления во вздохах и слезах, да сделает ему тяжким бремя царского звания, жизнь, подобную смерти, да судит ему на долю; Адад, владыка плодородия, ороситель небес и земли, мой союзник, да отнимет у него дождь на небе и половодье в истоке [рек], да погубит страну его голодом и нуждой, да закричит гневно над его городом, да превратит страну его в развалины потопа; Забаба, великий воитель, первый сын Э-Кура, выступающий одесную меня, да разобьет его оружие на месте сражения, да превратит ему день в ночь, да направит на него его врага; Иштар, владычица войны и битвы, открывающая [путь] моему оружию, моя милостивая богиня-хранительница, любящая мое правление, да проклянет в своем яростном сердце, в своем великом гневе его царство, да превратит его добрые дела в злые, да разобьет его оружие в месте войны и битвы, да пошлет ему смуту и восстание, да повергнет его воинов, да напоит землю их кровью, да набросает трупы войска его кучами среди степи, да не помилует его войска, да предаст его самого в руку его врага, да отведет его в цепях в страну его врага; Нергал, сильный среди богов, неодолимый боец, ниспосылающий мне победу в своей великой мощи, как яростный огонь в тростнике, да сожжет его людей, да рассечет его своим могучим оружием, да раздробит его суставы, как глиняное изваяние; Нинту, высокая княгиня стран, мать, родившая меня, да отнимет его наследника, да не даст быть его имени, да не создаст среди людей его семени человека; Нинкаррак. дочь Ану, рекущая мне благо, да пошлет из Э-Кура на его тело тяжкую болезнь, злого демона, мучительную язву, от которых нет облегчения, сути которых не ведают врач, которых не успокоить перевязкой, которые, подобно смертельному укусу, неистребимы, пусть выступают они из его суставов до тех пор, пока жизнь его не угаснет; великие боги небес и земли, все ануннаки, бог хранитель храма, кирпичи Э-Барры, страшным проклятием да проклянут его самого, его семя, его страну, его воинов (?), его людей и его войско; Энлиль непреложным изречением своих уст да проклянет его могучими проклятиями, и немедленно они его да постигнут!

Ассирийские законы¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Что такое «дом Бога»?*
2. *Какова была участь больного человека?*
3. *Какое наказание устанавливалось жене больного или мертвого мужа, в случае кражи ей имущества в доме мужа, а также принявших краденое?*
4. *Кому принадлежало право наследования после смерти отца?*
5. *Кому принадлежали украшения жены в случае смерти мужа, которого их дарил?*
6. *Каково было наказание за измену жены или оскорбление мужа?*
7. *В случае отказа мужем от убийства жены и другого мужчины после измены, какое наказание ждало обоих?*
8. *Какой штраф платил человек в случае выкидыша у женины в результате избиения первым?*
9. *Какова была система наследования и усыновления в древней Ассирии?*
10. *Какие права были у кредитора, если человек попадал в долговое рабство?*
11. *Могла ли Жена распоряжаться имуществом в доме мужа и его продавать?*
12. *Каков статус женщины в Древней Ассирии?*
13. *Какие права имел муж в отношении своей жены?*
14. *Какие права закреплялись за отцом в отношении своей дочери?*
15. *Какие доли наследства получали сыновья относительно старшинства?*
16. *Что такое обычай левирата и имел ли он место в Древней Ассирии?*
17. *Кого запрещалось обращать в рабство?*
18. *Какое наказание следовало рабу или рабыне за то, что они раб приняли что-нибудь из рук жены человека?*

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 1 / Под ред. В.В. Струве. М., 1950. С. 181-189.

Таблица А

[§ 1.] [Ес]ли женщина – [будь то] жена человека, [будь] то дочь человека, – вступив в дом бога, [из] дома бога что-либо [принадлежащее свят]ыне украдет и [оно] будет схвачено [в ее руках, и ее] уличат клятвенным показанием или докажут [против нее, то должно возвести] обвинение и [воп]росить бога; что он повелит [сделать с женщиной], то должно с ней сделать.

[§ 2.] Если женщина – будь то жена человека, будь то дочь человека – скажет мерзость или впадет в хуление, то эта женщина должна нести свою вину; к ее мужу, ее сыновьям и ее дочерям нельзя предъявлять требований.

[§ 3.] Если человек заболит или умрет, а ею жена украдет что-либо в его доме или отдаст [какому-либо] человеку, или женщине, или кому-либо другому, то жена человека и принявшие от нее должны быть убиты. А если жена человека, чей муж здоров, украдет в доме своего мужа или отдаст [какому-либо] человеку, или женщине, или кому-либо другому, то человек должен клятвенным показанием уличить свою жену и наложить на нее наказание; а принявший из рук жены человека должен отдать покражу, а также должно наложить на него наказание, какое человек наложит на свою жену.

[§ 4.] Если раб или рабыня примут что-либо из рук жены человека, то должно отрезать нос и уши рабу и рабыне, восполнить покражу. Человек может отрезать уши своей жене. А если жене своей он отпустит грех и не отрежет ей уши, то не должно отрезать рабу и рабыне (и) возмещать покражи.

[§ 5.] Если жена человека в доме другого человека украдет что-либо превышающее [стоимостью] 5 мин олова, то владелец покражи должен поклясться: «[Будь я проклят] если позволил ей взять! В моем доме произошла кража!» Если ее муж согласится, он может отдать покражу и выкупить ее, отрезав ей [при этом] уши. Если муж ее не согласится выкупить ее, то владелец покражи может взять ее [себе], а также отрезать ей нос.

[§ 6.] Если супруга мужа заложит что-либо на стороне, то принявший отвечает, как за покражу.

[§ 24.] Если жена человека удалилась от своего мужа, будь то в том городе, будь то в окрестных поселениях, где он ей указал дом, войдет в дом ассирийца, поселится у хозяйки дома, переночует трижды-четырежды, а хозяин дома не будет знать, что в его доме живет жена человека, [на] наконец эта женщина будет схвачена, то хозяин дома, чья жена от него удалилась, жену свою, [отрез]ав [ей (что-либо)], может взять; жене человека, у которой жила его жена, должно отрезать уши; если захочет, ее муж может отдать ее цену – 3 таланта 30 мин олова; а если захочет, его жену могут взять [у него]. А если хозяин дома знал, что у его жены живет жена человека, то он должен отдать втрое. А если оп отопрется, говоря: «Я действительно не знал», то они должны пойти к Реке. И если человек, в доме которого жила жена человека, вернется из Реки, то он должен отдать втрое. Если же человек, от которого удалилась жена, вернется из Реки, то тот свободен, он выполнил все, что касалось Реки. А если муж, от которого бежала жена, (уши) своей жене не отрежет и возьмет обратно свою жену, то не должно быть никакого наказания.

[§ 25.] Если женщина живет еще (?) в доме своего отца, а муж ее умер и братья ее мужа «неразделенные», а детей у нее нет, то все украшения, которые возложил на нее ее муж и которые не пропали, могут взять «неразделенные» братья ее мужа; относительно прочего они должны без привлечения (имени) богов изобличить [и тогда] могут взять. К богу Реки и к клятве их не должно брать.

[§ 26.] Если женщина живет еще (?) в доме своего отца, а муж ее умер, то все подарки, которые делал ей ее муж, если есть дети ее мужа, они могут взять, а если нет детей ее мужа, она сама может взять.

[§ 27.] Если женщина живет еще (?) в доме своего отца, а муж ее постоянно ходил к ней, то всякое «нудунну» (выделенное имущество), которое дал ей ее муж, он сам может взять, [но] на принадлежащее дому отца ее он не имеет прав.

[§ 28.] [Ес]ли вдова вошла в дом человека и принесла с собой своего сына-младенца и он возрос в доме взявшего ее, но таблички об усыновлении его не было написано, то он не получает надела в доме своего воспитателя, не отвечает за долги и получает надел согласно своей доле в доме своего родителя.

[§ 29.] Если женщина войдет в дом своего мужа, то ее приданое и все, что она принесет из дома отца своего или что ей дал ее свекор при

ее приходе, – свободное и бесспорное имущество для ее детей; дети ее свекра не должны предъявлять прав. Но если муж получит (это) от нее (после ее смерти), то может отдать, что хочет, своим детям.

[§ 30.] Если отец принес, доставил «библу» (калым) в дом тестя своего сына, а женщина его сыну (еще) не будет дана, а другой его сын, жена которого живет в доме своего отца, умер, то жену своего умершего сына он может дать в качестве «ахузйту» своему другому сыну, в дом тестя которого он внес («библу»).

Если владелец дочери, примявший «зубуллу» (калым), не согласится отдать свою дочь, то отец, принесший «зубуллу», если хочет, может взять свою невестку и отдать своему сыну, а если хочет, может взять [обратно] все, что он принес – олово, серебро, золото, – только основную сумму б, кроме съедобного; на съедобное он не имеет прав.

[§ 31.] Если человек принес в дом своею тестя «зубуллу», а жена его умерла, а у его тестя есть [еще] дочери, то если хочет тесть, он может взять дочь своего тестя вместо своей умершей жены, или если он хочет, то он может взять серебро (в смысле «деньги»), которое он отдал; ячменя или овец или чего-либо съедобного ему не должно давать, он должен получить только серебро.

[§ 34.] Если человек возьмет себе вдову и не составит договора и она проживет в его доме 2 года, то она жена и уйти не может.

[§ 35.] Если вдова войдет в дом человека, то все, что она принесет, [принадлежит] ее мужу. А если человек придет к женщине, то все, что он принесет, [принадлежит] женщине.

[§ 36.] Если женщина живет еще (?) в доме своего отца, или если ее муж поселил ее отдельно и ее муж отправится в поле и не оставит ей ни масла, ни шерсти, ни одежды, ни корма, ни вообще чего бы ни было и не пришлет ей ничего из поля, то эта женщина должна быть 5 лет верной своему мужу и не должна поселяться у [другого] мужа; если у нее есть дети, то они должны наниматься и [тем] питаться, а женщина должна ждать своего мужа и не должна поселяться у [другого] мужа. Если у нее нет детей, то 5 лет она должна ждать своего мужа, при наступлении же 6-го года она может поселиться у какого хочет мужа. Когда придет ее муж, он не будет иметь на нее прав, она свободна для ее последующего (т. е. второго) мужа. Если более 5 лет он задержался, но отсутствовал не по своей вине – либо враг города (?) схватил его,

(п) он пропал, либо он был схвачен по лож[ному (доносу)] и задержался, то по приходе он должен дать клятвенное показание и дать женщину вместо своей жены и может взять свою жену. А если царь пошлет его в чужую страну и он задержится долее 5 лет, то жена его должна его ждать и не должна поселиться у [другого] мужа. А если до истечения 5 лет она поселится у [другого] муж г и родит [ему], то муж ее по возвращении может взять ее и ее потомство, потому что она не выждала [срока] договора и дала себя взять [в жены].

[§ 37.] Если человек оставит свою жену, то, если найдет нужным, может дать ей что-нибудь, если не найдет нужным, может ей ничего не давать: она должна уйти с пустыми руками.

[§ 38.] Если женщина живет еще (?) в доме своего отца, а муж ее оставит ее, то подарки (украшения), которые он сам ей делал (буквально: на нее возложи л), оп может взять, [но] на «терхегу» (брачный дар), который он принес, он не имеет прав, оно свободно для женщины п.

[§ 39.] Если человек отдаст мужу не свою дочь и если прежде ее отец задолжал и она была поселена [в доме кредитора] в качестве залога, [и если] прежний кредитор придет к продавцу женщины, то он должен быть удовлетворен относительно ее цены; если у продавца будет нечего дать, то человек (тот) может взять продавца. А если в бедственном положении она жила, то она свободна для своего оживителя. А если человеку, взявшему женщину; либо дали написать таблетку (т. е. взять на себя обязательство), либо иным образом дали принять на себя [ответственность перед] вчиняющим иск, то он должен в[зместить] цену женщины, а продавец [свободен].

[§ 40.] ...Рабыни не должны покрываться; кто увидит покрытую рабыню, должен схватить ее и привести к воротам (?) дворца. Ей должно отрезать уши, схвативший ее может взять ее одежды. Если человек увидит покрытую рабыню и отпустит, не схватит ее и не приведет к воротам (?) дворца и против него выступят свидетельским показанием, изобличат его, – то ему должно дать 50 ударов палкой, просверлить ему уши, продернуть веревку и завязать сзади; [его донос]чик (?) может взять его одежды. Один полный месяц он должен выполнять царскую работу.

[§ 42.] Если человек в день праздника возольет масло на голову дочери человека или на пиру принесет «хуруппате», то возвращения быть не может (т. е. помолвка не может быть аннулирована).

[§ 43.] Если человек либо возольет на голову масло, либо принесет «хуруппате», а сын, которому он предназначал [эту] жену, умрет или пропадет, то он может отдать [ее] какому хочет из своих сыновей от старшего до младшего, которому будет 10 лет. Если отец умрет и сын, которому он предназначал [эту] жену, также умрет, то сын умершего сына, которому будет 10 лет, может взять ее. Если сыновья сына моложе 10 лет, то отец девушки, если хочет, может отдать свою дочь или, если хочет, может вернуть [принесенное] в равном количестве. Если сына не будет, то все, что он получил из цветных камней, и всего, что не съедобно, он должен вернуть, а съедобного он не должен возвращать.

[§ 44.] Если ассириец или ассириянка, которые живут в доме человека за свою цену в качестве залога, взяты за полную цену, то он может его бить, таскать [за волосы], бить по ушам и просверливать [их].

[§ 46.] Если женщина, чей муж умер, по смерти мужа не выйдет из его дома и если ее муж ничего не отписал ей, то она может жить в доме своих детей, где хочет; дети ее мужа должны содержать ее; они должны заключить договор, [чтобы давать ей] прокормление и питье, как невест[к]е, которую они любят. Если она последующая (т. е. вторая жена) и не имеет своих детей, то она может жить у одного (из пасынков), но они должны содержать ее совместно. Если у нее есть дети, то дети первой [жены] могут не соглашаться содержать ее, а она может жить в доме своих собственных детей, где хочет. Ее собственные дети должны содержать ее, и их работу она должна выполнять. А если [ес]ть (кто-либо) из детей ее мужа, кто возьмет ее, то только [взяв]ший ее [должен содержать ее, а ее другие дети могут н]е содержать ее.

[§ 47.] Если человек или женщина приготовят чары и они будут схвачены в их руках, против них выступят свидетельским показанием и изобличат их, то приготовившего чары должно убить. Человек, который видел изготовление чар [или] от видевшего чары слышал, что он говорил ему: «Я сам видел», [этот] слышавший должен прийти и сообщить царю. Если видевший отопрется от того, что тот сказал царю, то он должен сказать перед Быком, сыном Шамаша: «[Будь я проклят],

если он не говорил»; он свободен; видевший, который сказал и отперся – царь как сочтет нужным, должен допросить его и выяснить его подноготную (?). Заклинатель, когда его приведут, должен заставить говорить [того] человека и сказать [ему] так: «От клятвы, которой ты заклят для царя и его сына, вас (!) не освободят, но, согласно таблетке, которой ты заклят для царя и его сына, ты будешь заклят».

[§ 58.] Во всех наказаниях – [будь то отрывание], будь то отрезание [жене человека], также и жрец – «галлу» пусть узнает [и пусть] придет, согласно тому, [что написано на [этой] таблетке (?)].

[§ 59.] Кроме наказаний [жене человека, написанных] на [этой] таблетке, человек может свою жену [бить], выщипывать [волосы], бить по у[шам] и ко[лотить(?)], вины его [в том] нет.

Таблица 2

[§ 1.] из невозделанных земель (??) [... из (?)] бесплодной земли старший брат 2 части [... в качестве своей наследственной доли] должен выбрать и взять, и братья его друг за другом должны выбрать и взять. Всякое поле «шилухли» и все [произведения] трудов их младший сын должен разделить; старший сын должен выбрать и взять 1 часть, а о второй части, его он должен метать жребий со своими братьями.

[§ 2.] Если человек из неразделенных братьев погубит живое существо, [то] его должно отдать хозяину живого существа; если хочет, хозяин живого существа может убить его, а если хочет – может помиловать [и] взять его наследственную долю.

[§ 3.] Если человек из неразделенных братьев скажет слово измены (?) или бежит, (то) с его наследственной долей царь (поступит) как желает.

[§ 6.] [Если человек скажет человеку: «Я] возь[му] твой [дом и поле] за серебро», то прежде чем он [возьм]ет поле и дом за серебро, в течение полного месяца глашатай трижды должен выкликать в поселении бога Ашшура и трижды он должен выкликать в поселении, где ют берет поле и дом: «Поле и дом такого-то, сына такого-то, на возделываемой земле такого-то поселения я возьму за [серебро]; у кого есть [право] взять или претензии, пусть они предъявят свои документы и

положат их перед «надзирателями», пусть возбудят иск, пусть освободят [имущество от сторонних претензий] и пусть возьмут». Кто в течение этого полного месяца, пока есть срок не забыть (старое право), предъявит свои документы и положит их перед «надзирателями» – [этот] человек в отношении поля своего должен быть удовлетворен (?) и может взять [его]. Когда глашатай выкликает в городе бога Ашшура, должны присутствовать один из советников («суккаллу»), что перед царем, писец-города, глашатай и царские «надзиратели». В поселении, где он берет поле и дом, должны присутствовать староста и трое «великих» поселения. Они должны заставить глашатая выкликнуть, должны написать свои документы и отдать [их]: «В течение этого полного месяца, кто не принес своего документа, не положил перед «надзирателями», потерял свою часть в поле и доме; они «свободны» [принадлежат] просившему глашатаю выкликнуть». Из трех документов о кличе глашатаю, которые должны написать судьи, [документ должны взять надзиратели ...

[§ 8.] Если человек [нарочно] спутает большую межу своих товарищей, то его должно уличить клятвенным показанием и доказать против него; он должен отдать 1 талант свинца; поле, которое он [нарочно] спутал [и взял], он должен отдать втрое; ему должно дать 50 ударов палки, и 1 полный месяц он должен выполнять царскую работу.

[§ 9.] Если человек нарушит малую межу между жребиями, то против него должно выступить свидетельским показанием и изобличить его; он должен отдать 1 талант свинца; поле, которое он [нарочно] спутал [и взял], он должен отдать втрое; ему должно дать 50 ударов палки, 1 полный месяц он должен выполнять царскую работу.

[§ 10.] Если человек выроет колодец или построит укрепленный двор не на своем поле, то он теряет свою часть в колодце своем и (укрепленном дворе) своем, ему должно дать 30 ударов палки, и 1 полный месяц он должен [выполнять] царскую работу.

(Конец параграфа настолько фрагментирован, что не поддается переводу.)

[§ 12.] Если человек разобьет сад или [выроет] колодец и вырастит деревья на поле [товарища своего], а хозяин поля будет смотреть (с ведома его) и не [возразит], то сад [«свободен»* (т. е. принадлежит) разбившему его, [но] он должен [отдать] хозяину (поля, превращенного в) сад поле за поле.

[§ 13.] Если человек не на своей невозделанной земле разобьет сад, выроет колодец и вырастит овощи или деревья, то против него должно выступить свидетельским показанием и изблечить его, и когда придет хозяин поля, то он может взять и сад вместе [с произведениями] трудов.

[§ 14.] Если человек не на своей невозделанной земле огородился (?) и будет формовать кирпичи, то против него должно выступить свидетельским показанием и изблечить его; землю он должен отдать втрое, и кирпичи его возьмут. Ему должно дать 50 ударов палки, и [1 полный месяц] он должен выполнять царскую работу.

[§ 17.] Если в колодцах (цистернах) есть вода, которая для орошения (и) [для обработки (полей)] [прих]одит, то хозяева полей должны помогать друг другу; каждый должен выполнять работу для своего поля и орошать свое поле; а если в их числе есть несогласные, то тот в числе их, кто согласен, должен спросить судей, взять документ от судей и выполнять работу; эту воду он может взять себе и орошать свое поле; никто другой не должен орошать.

[§ 18.] Если есть вода Адада (т. е. дождевая), которая для орошения (и) для обработки (полей) приходит, то хозяева полей должны помогать друг другу; каждый должен выполнять работу для своего поля и орошать свое поле. А если в их числе есть несогласные, то тот в их числе, кто согласен, может взять документ от судей против несогласных. [Староста] и 5 «великих», [поселения должны присутствовать...], ему должны дать ...уд]аров [палкой, и 1 (?) полный месяц он должен] выполнять [царскую работу].

Тема 2. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Вопросы для устного рассмотрения:

1. Представьте основы системы религиозного мировоззрения – брахманизма.
2. Веды как источник брахманизма.
3. Упанишады. Дхармасутры. Дхармашастры. Выделение сословий.
4. Варны.
5. Дхармы.
6. «Законы Ману» о правах и обязанностях членов различных варн.
7. Особая роль брахманов. Обоожествление Наказания.
8. Критика буддизмом политических и правовых идей брахманизма.
9. Первые представления о естественном характере законов.

Теоретическая информация по теме

Большой вклад в процесс становления политико-правовой мысли человечества на этапе древности внесла Индия.

На процесс становления древнеиндийской политико-правовой мысли оказали воздействие специфические природно-климатические, этнографические и культурные особенности жизни населения, издавна проживающего на полуострове Индостан.

Эти особенности выражались в следующем:

- 1) наличие высокой урожайности земель, пригодных для обработки, еще в III тысячелетии до нашей эры привело к развитию имущественного и социального неравенства и возникновению древнеиндийской государственности;
- 2) наличие неоднородного этнического происхождения народов, проживающих на территории полуострова Индостан, исповедующих многобожие (политеизм);
- 3) процесс образования древнеиндийской государственности был связан с формированием объединяющей религиозно-мифологической

системы ценностей в виде религиозных систем (буддизма и брахманизма);

4) в рамках религиозных систем, а не отдельных мифов, как у народов Передней Азии, шел процесс осмысления категорий государства, общества, права и закона;

5) наличие на территории полуострова Индостан разнообразных климатических зон и разного рельефа местности приводило к длительному сохранению родоплеменных отношений, натурального хозяйства.

Исходя из этих обстоятельств система управления, сложившаяся в III–I тысячелетиях до нашей эры на территории полуострова Индостан, имела четко выраженный олигархический характер, который выражался в практически безграничных полномочиях древнеиндийских жрецов-служителей божественным культам народов Индии¹.

Таким образом, политико-правовая мысль Древней Индии имела следующие характерные особенности:

а) приоритетность обоснования идей социального и имущественного неравенства через мифологические знания;

б) маловажность вопроса о происхождении царской власти в связи с тем, что источником происхождения царской власти была жреческая власть (религиозно-сакральная).

Проблема обоснования имущественного и социального неравенства была достаточно важной в развитии древнеиндийского политико-правового знания. Решение этой проблемы в условиях пестрого этнического состава четко определяло приоритеты в распределении материальных благ в древнеиндийском обществе.

Большое значение в обосновании имущественного и социального неравенства сыграла религиозно-нравственная система духовных ценностей брахманизма, через призму которой и осмыслялась проблема имущественного и социального неравенства.

Историческими источниками брахманизма являются веды – книги религиозного содержания, содержащие в себе обоснование разделения общества на четыре замкнутые варны (группы):

а) брахманы – люди, призванные осуществлять управленческую деятельность,

---

¹ Нерсесянц В.С. Указ. Соч. М., 2004. С. 26.

б) кшатрии – особая группа людей, профессионально занимающаяся военной службой;

в) вайши – люди, по роду своих обязанностей занимающиеся сельским хозяйством, торговлей и ремеслом;

г) шудры – бедные крестьяне, являющиеся неполноправными в древнеиндийском обществе.

Основным критерием таких социальных отличий был род занятий и происхождение из разных частей тела древнеиндийских богов в соответствии с брахманистской системой монотеистических религиозных верований.

Брахманы должны были занимать первенствующее социальное происхождение, так как признавался факт их создания из уст богов.

Считалось, что они призваны богами заниматься управленческой и интеллектуальной деятельностью.

Кшатрии, с точки зрения религиозных верований брахманизма, созданы из рук богов и призваны были обладать необходимой физической силой для службы в войске.

Вайши, с точки зрения брахманизма, создавались из бедер богов и должны были быть основной группой древнеиндийского общества, занятой в сфере производственной деятельности, направленной на создание материальных благ общества.

Наконец, шудры – представители социальных низов общества. Считалось, что они созданы из ног богов.

Таким образом, эти мифологические сведения решали достаточно важную задачу – в условиях становления имущественного неравенства в результате развития производства они доходчиво объясняли свободным общинникам причины происхождения имущественного и социального неравенства в обществе и необходимость подчинения властным полномочиям брахманов.

Применительно к деятельности представителя каждой варны была закреплена определенная дхарма – закон, путь поведения, при этом в соответствии с канонами брахманизма древнеиндийский царь должен был происходить из варны брахманов, с детства учиться у брахманов искусству управления людьми.

Миссией государственной власти являлась охрана и гарантия варновых привилегий и создание правовых гарантий сохранения высокого социального статуса брахманов в древнеиндийском обществе III–I тысячелетий до нашей эры.

Социально-политические представления брахманизма как религиозной системы нашли свое отражение в Законах Ману – законодательном памятнике Древней Индии (II век до нашей эры – II век нашей эры).

Эти законы сыграли большую роль в закреплении привилегированного положения брахманов в общественных отношениях и системе власти, которые должны были выражаться в подчиненном статусе царя перед брахманами.

Новой тенденцией в социально-политическом развитии Древней Индии середины I тысячелетия до нашей эры становились громадные изменения в процессе развития древнеиндийской государственности, обусловленные развитием социальной структуры общества.

1. Под воздействием дальнейшей интенсификации сельскохозяйственного производства, роста имущественного и социального неравенства, обострения социальных противоречий происходил процесс дальнейшего укрепления древнеиндийской государственности.

2. Большой импульс для объединения индийских племен дало македонское нашествие Александра Македонского в IV веке до нашей эры.

3. В этих условиях роль и значение варновой структуры общества начинает снижаться, брахманы, обладая громадными ресурсами и высоким социальным положением, стремились не допустить централизации, что приводило к нарастанию противоречий между жрецством и царской властью.

4. В условиях появления новых слоев населения в результате имущественной дифференциации происходит заметное укрепление царской власти, не связанной с родоплеменными и варновыми культами и знатью.

5. Периодом расцвета древнеиндийской государственности, образованной в результате завоевательной политики первого представителя династии Маурьев – Чандрагупты I, стал конец IV – начало III века до нашей эры¹.

---

¹ Нерсесянц В.С. Указ. Соч. М., 2004. С. 28.

Династия Маурьев – Чандрагупты I, стал конец IV – начало III века до нашей эры.

Государственная власть в этот период времени нуждалась в советах и наставлениях, что привело к появлению уникального политического трактата одного из министров царя Чандрагупты I – Каутильи.

Этот трактат получил название «Артхашастра (наставление в пользе)» и стал системой практических советов в осуществлении эффективного государственного управления и удержания власти.

1. Артхашастра стремится обосновать социально-политический идеал в виде царской монархии, где царю принадлежат все материальные блага и средства производства.

2. Артхашастра, в отличие от других источников, обосновывает и приоритетность царского суда над судом общины и судебными функциями жрецов. В данном сочинении с достаточно рационалистических позиций обосновывается наука о государственном правлении как «средстве обладания тем, чем не обладали, для сохранения, приобретенного».

Такое понимание целей и задач государственного управления было связано с накоплением оценок разнообразных фактов социально-политического развития Индии, которые выражались в виде народных восстаний, государственных переворотов и набегов иноплеменников. Даже процесс самого прихода к власти Чандрагупты I был связан с социально-политическими потрясениями и завоевательными войнами, в ходе которых происходило перераспределение собственности. Именно поэтому в Артхашастре государственная власть непосредственно связана с проблемой обладания собственностью и удержанием ее в своих руках.

3. Инструментом недопущения социальнополитических потрясений в виде народных волнений, с точки зрения чиновника Каутильи, были следующие факторы:

1) поддержание мифологических представлений в обществе о божественном происхождении царя, который и должен был сконцентрировать в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть;

2) проведение мудрой государственной политики, которая должна выражаться в создании системы защиты государства от внеш-

ней угрозы (пограничная стража), всемерное стимулирование деятельности по обработке земли, активного ведения торговли через разумное ограничение налогообложения, проведение жесткой, но обоснованной налоговой политики;

3) проведение политики государства с обязательной пользой для царской власти, которая должна выражаться в длительном удержании управленческих полномочий. Для этого Артхашастра вводила категорию «артхе», что означает «польза»;

4) жестокое подавление народных волнений, несущих социально-политическую нестабильность и смуту.

Таким образом, при оценке Архашастры обращают на себя внимание совершенно новые тенденции в развитии политико-правовой мысли:

1) признание необходимости проведения правителем эффективных практических мероприятий по сохранению власти в руках царя;

2) ограничение роли религиозно-мифологических представлений в объяснении государства, права, закона и политики как искусства сохранения и приумножения собственности.

В этих условиях социальная концепция брахманизма перестала соответствовать стремлению централизованной царской власти создать государственный аппарат, не связанный с удовлетворением потребностей родоплеменной жреческой верхушки.

С другой стороны, сильная централизованная царская власть нуждалась в сплачивании подданных вне зависимости от социального происхождения последних и социальнополитической стабильности.

Угрозой социально-политической стабильности были как волнения социальных низов, так и государственные перевороты, которые приводили к частой смене правящих династий в Древней Индии.

Именно укрепление централизованной царской власти создавало запрос на формирование новой сплачивающей политической идеологии в виде религиозно-философских систем буддизма и индуизма.

1. Буддизм как религиозно-мифологическая система подверг резкой критике идею жесткого варнового социального неравенства и стремился обосновать идею духовного равенства людей.

2. Сторонники буддизма исходили из того, что любой человек вне зависимости от социального происхождения может достичь превосходства над другими людьми.

3. Для достижения превосходства над людьми, как считали сторонники буддизма, человек должен отказаться от собственных желаний и страстей и стать по-настоящему сильным человеком, которому не требуется наказание.

4. В возможности отказа от собственных желаний и страстей буддисты видели высоконравственное поведение и право управлять людьми.

5. Для всех остальных необходимо применение насилия и принуждения.

6. Таким образом, критерий социального неравенства буддизм видел не в социальном происхождении людей, а в поведенческих чертах человека – отказ от собственных желаний и страстей (ахимса) и отказ от деяния, которое могло только навредить.

Эти ценностные установки должны были поддерживать социальную иерархию, создавать возможности для повышения социального статуса через усовершенствование морально-нравственных качеств человека и закрепление социально-политической стабильности, основой которой должна стать централизованная царская монархия.

"Манавадхармашастра", или "Законы Ману", - самый известный широкому кругу читателей памятник древнеиндийской литературы. В нем можно найти предписания, касающиеся всех сторон человеческой жизни и людского общежития Индии, правила и законы рождения и смерти, брака и семьи, рода и племени, сословий (варн) и общественного управления.

"Дхарма" на санскрите означает "ведущий принцип". В древнеиндийской брахманистской философии это слово получило множество значений.

Дхарма - это закон бытия, жизненное начало, кармический долг, предопределение, право, добродетель, свойство, учение, истина и закон. Со временем слово "дхарма" стало обозначать совокупность правовых, моральных, этических и других норм, определяющих добродетельность человека и правила жизни в зависимости от его сословного статуса.

В самих Законах Ману дхарма, обладающая десятью признаками, определяется как "Постоянство, снисходительность, смирение, непохищение, чистота, обуздание чувств, благоразумие, знание Веды, справедливость и негневливость..." (VI, 92). Свой нынешний вид Законы

Ману приобрели в результате длительного развития индийской нравственно-правовой традиции. Столетия они существовали в устной форме: Когда же обычное право и устные традиции перестали удовлетворять потребности растущих древнеиндийских государств, возникли дхармасутры - основанные на Веде сборники фиксированных письменных правовых норм.

Эти сборники поучений и рекомендаций к применению обычных правовых норм создавались в брахманских богословских школах. Дхармасутры не столько излагали, сколько напоминали основные положения, которые читателю должны были быть известны в виде устного неписаного права.

В шраманский и маурийский периоды (VI-III вв. до н. э.) из дхармасутр выросли дхармашастры - сакрализованные правовые трактаты, более систематизированные и написанные стихами для лучшего запоминания и изучения. Тогда-то Законы Ману и приобрели тот вид, в котором они дошли до нас. Текст, как полагают, окончательно сложился во II в. до н. э. - II в. н. э. Наиболее древними признаются II-VI главы, хотя и в них имеются позднейшие вставки и дополнения. Относительно новыми считаются первая и двенадцатая главы.

Законы Ману

В Законах Ману сохранилась композиционная целостность первичного прототекста. Однако в тексте имеется немало повторений, отступлений, противоречивых положений, нередко нарочито приведенных непосредственно друг за другом.

Манавадхармашастра неоднократно переписывалась и комментировалась в Средние века (IX-XV), что свидетельствует о большом значении этого сборника в индийской культуре. Работы средневековых индийских комментаторов, особенно Медхатитхи (IX в.) и Каллюкабхатты (XV в.), имеют огромное значение для понимания многих стихов знаменитого сборника Законов Ману¹.

Мáну-смрítи, также известна как Ману-самхíта, Манавадхармашастра и Законы Ману – памятник древнеиндийского права,

---

¹ Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_545.pdf (дата обращения: 16.08.2022).

древнеиндийский сборник религиозно-нравственных и правовых предписаний, приписываемый традицией легендарному прародителю человечества – Ману.

Является одной из девятнадцати дхарма-шастр, которые входят в литературу смрити.

«Ману-смрити» сложилась во II веке до н. э. – II веке н. э. Самыми древними считаются II–VI главы (II – правила жизни в период обучения; III-IV – правила жизни семьянина-домохозяина; V – некоторые религиозные нормы; VI – правила жизни отшельника;)

«Ману-смрити» написана на санскрите, содержит 2685 стихов (шлок), которые разбиты на 12 глав:

I глава описывает представления о происхождении Вселенной, сословий (варн), человеческого общества;

II – правила жизни в период обучения; III-IV – правила жизни семьянина-домохозяина;

V – некоторые религиозные нормы;

VI – правила жизни отшельника;

VII – наставления об обязанностях царя и управлении государством;

VIII – наставления о судопроизводстве и юридической практике;

IX-X посвящены семейным отношениям, наказаниям за различные преступления, обязанностям членов варн;

XI – предписания о покаяниях и обетах во искупление совершенных грехов;

XII – описание посмертных воздаяний за дурные дела в настоящей жизни¹.

Таким образом, в рамках социально-политических учений индийских религиозно-мифологических систем уже в древности шел процесс:

1) выделения политико-правового знания;

2) постановки проблемы имущественного и социального неравенства как основы укрепления древней государственности;

3) закрепления основной ценностной ориентации правителя, который должен быть заинтересован в удержании власти в своих руках и социально-политической стабильности².

---

¹ Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича. М., 1960. С. 7.

² Нерсесянц В.С. Указ. Соч. М., 2004. С. 29.

Практические задания

Веда (санскр.; букв. – знание, видение) – это:

1) собрание древнеиндийских священных текстов, почитаемое как божественное откровение. В индуизме В. рассматриваются как средоточие абсолютной истины и всеобъемлющего знания. Ведийский канон включает в себя самхиты, брахманы (рассуждения о смысле и символике ведийского ритуала), араньяки (примыкающие к брахманам «лесные книги», также разъясняющие суть ритуала) и Упанишады (наставительные тексты религ.-филос. содержания).

2) веды – это лишь самхиты, четыре сборника на ведийском санскрите:

Ригведа – собрание гимнов;

Самаведа – собрание напевов;

Яджурведа – собрание жертвенных формул;

Атхарваведа – собрание заклинаний и заговоров.

Самаведа и Яджурведа идейно и текстуально близки к Ригведе; Атхарваведа, отражающая заговорную и магическую практику, во многом заимствованную из неиндоевропейской аборигенной культуры, была присоединена к ведийскому канону позднее¹.

Веды

Ответьте на вопросы по текстам:

1. *Каково ведическое мироустройство?*
2. *Кто по сословию были брахма-риши и какие характеристики им даны в Рамаяне?*
3. *Сколько сыновей было у царя Дашаратхи?*
4. *Какими качествами обладали сыновья Дашарахти?*
5. *Какой тип семьи был в древнеиндийском обществе?*

---

¹ Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/5198997 (дата обращения: 16.07.2022).

Рамайна. Сказание о Раме (фрагмент)¹

Глава 7

При дворе царя Дашаратхи

Министры великодушного потомка Икшваку обладали исключительной добродетелью; мудрые советники, по лицу распознающие характер человека, они с удовольствием делали все, что было полезно и приятно. Знаменитый герой имел восемь министров безупречного нрава, целиком преданных интересам царя – это Дхиришти, Джаянта, Виджая, Сураштха, Раштравардхана, Акопа, Мантрапала и ученый Сумантра. Повсюду известные и превосходные риши Васиштха и Вамачева сопровождали царя вместе с другими советниками – Суйагьей, Джавали, Кашьяпой, Гаутамой, Маркандеей, Диргхаюсом и дваждырожденным Катьяяной. Он всегда совещался с этими брахма-риши, которые были пожилыми священнослужителями и обладали совершенством благоразумия, были почтенны, опытни, владели своими чувствами, были удачливы, великодушны, искусны во владении оружием, непоколебимы, необычайно знамениты, верны и покорны царским указам. Обладая властью и славой, они были дружественны в общении и не произносили несправедливых слов даже в гневе или из соображений целесообразности; сведущие во всем, что касалось их друзей и остальных подданных, они знали, что делают их враги или намереваются сделать. Воздержанного нрава, верные в дружбе, они непоколебимо вынесли бы свой приговор даже собственным сыновьям, если бы те попртали закон. Опытные в экономике и ведении войны, эти советники никогда не наказывали врага незаслуженно, были храбры и нечестобивы. Обсуждая все стороны политической жизни, они покровительствовали всем Рамайна Монастырь-академия йоги «Собрание Тайн» жителям государства и умножали царские сокровища, не обременяя ученых и воинов; они присуждали виновным наказания, которые те могли вынести. Эти министры были чисты сердцем и целомудренны. Никто не общался с женой соседа, не был зол, все жили в мире и согласии. Развивая добродетельные качества и упражняясь в различных ис-

---

¹ Рамайна. Сказание о Раме [Электронный ресурс]. – URL: https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_510.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

кусствах, они славились своей отвагой, их благородные имена были известны за пределами государства, а поступки всегда имели глубокие основания. Сведущие в государственных законах и благословенные богатством, они давали мудрые советы и развивали ум в философских дискуссиях. Знакомые с законами морали, министры царя Дашаратхи с любовью обращались друг к другу; оповещенные своими посланниками о нуждах людей, они удовлетворяли их и правили с осторожностью. Дашаратха никогда не позволял в своем царстве возникать распрям несправедности и на весь мир прославился как океан правдивости. Лев среди людей, царь Дашаратха правил всей землей, не было никого выше или равного ему. Почитаемый всеми подвластными ему правителями, окруженный друзьями, он пользовался дружеским расположением соседей. Своими усилиями он искоренил тернии из своего царства и правил миром, подобно Индре на небесах. Окруженный опытными министрами, сведущими в законе и исполнении долга, преданными, разумными и талантливymi, этот монарх сиял славой, подобно солнцу в ореоле лучей.

* * *

Глава 18

Рождение сынов царя Дашаратхи.

Приход Вишвамитры Великое жертвоприношение царя Дашаратхи с успехом завершилось, и боги, получив свою долю жертвенных даров, вернулись каждый в свою обитель. Царь также, исполнив возложенные на него обязанности, вернулся в столицу вместе с женами, армией и колесницами.

Приглашенные на жертвоприношение цари, довольные гостеприимным приемом, поклонились мудрецу Васиштхе и разъехались по своим царствам. Как только они отбыли, прибывшим с ними подданным раздали украшения, одежды и подарки, чтобы возвращение их было радостным. Царь Дашаратха со вниманием и заботой проводил гостей и, в сопровождении процессии вернувшись в столицу, сразу направился к святым брахманам.

Ришьяшринга вместе с супругой Шантой простились с монархом и отправились в свой город. Царь Дашаратха также провожал его некоторое время. Счастливый, он жил в Айодхье, ожидая рождения своих благословенных наследников. Через шесть времен года после жертвоприношения, в девятый день луны двенадцатого месяца Чаитра в небе взошла звезда Пурнаvasу, а планеты Солнца, Марса, Сатурна, Юпитера и Вenu заняли самое высокое положение, зодиакальные знаки Овна, Рыбы и Весов были в самом благоприятном виде, а Луна и Юпитер соединились в периоде Карка.

Рамаяна Монастырь-академия йоги «Собрание Тайн» Всеми почитаемый Господь Вселенной, наделенный божественными атрибутами, Шри Рамачандра родился из чрева Каушалы. Преумножающий славу династии Икшваку, отмеченный божественными знаками, часть благословенного Господа Вишну, с красноватыми глазами, длинными руками, алыми устами, с голосом звонким, как гонг, безмерной славы, своим сиянием он сделал Каушалю еще краше, как это сделал тысячеглазый бог, увеличив красоту Адити. Бхарата, наделенный совершенством героизма, родился из чрева Кайкеи, само милосердие, он воплощал собой четвертую часть Вишну.

Сумитра дала жизнь Лакшмане и Шатругне, искусным во владении оружием; они разделили последнюю четверть славы Вишну. Благодетельный Бхарата родился под звездой Пушая, когда Солнце вошло в знак Рыбы, а два сына Сумитры – под созвездием Змеи, когда Солнце было в Раке. Благополучно рожденные четыре сына царя, добродетельные и красивые, сияли, как звезды Парва, Уттара и Бхадрипада. В это время гандхарвы играли божественные мелодии, нимбы танцевали, звучали небесные гонги, а боги сыпали с небес цветы. Повсюду в городе пели радостные песни; улицы были полны танцоров, актеров и музыкантов, которые пели и играли на различных музыкальных инструментах. Царь раздал дары священнослужителям, бардам и певцам, а брахманов почтил тысячами коров и серебром. На одиннадцатый день детей нарекли именами; старшего, возвышенной души, назвали Рамой; сына Кайкеи назвали Бхаратой, а сыновей царицы Сумитры – Лакшмана и Шатругна. Церемонию провел святой мудрец Васиштха, чувствуя великую радость. Как только ритуал завершился, брахманов

города и всей страны угостили пиром, почтили подарками и драгоценными камнями. Все обряды, связанные с рождением сынов царя Дашаратхи были исполнены с величайшей тщательностью.

Старший сын Рама, радость своего отца, напоминал знаменосца, главу всех живых существ, равного самому Сваямбху. Знатоки Вед, а также те, кто черпал удовлетворение, служа другим, кто был искушен в знании и наделен добродетелью, признавали знаменитого Раму, отмеченного героизмом, дорогого всем, сияющего как луна, своим идеалом. Ловко управляющий слоном, конем или колесницей, он был умелым и преданным слугой своего отца.

Удачливый Лакшмана всегда искал случая доставить удовольствие Раме, радости мира, и любил его, как саму жизнь. Казалось, он был вторым Рамой; этот великий герой не гулял и не ложился спать без него; когда его угощали лущеным рисом, он не прикасался к нему без брата; если Рагхава отправлялся верхом на охоту, Лакшмана сопровождал его с луком в руках, с восторгом наблюдая за ним. Бхарата любил Шатругну, младшего брата Лакшманы, больше жизни, и тот отвечал ему такой же любовью. Четыре одаренные и нежные сына Дашаратхи дарили ему бесконечное счастье, подобно богам, радующим Брахму, праотца этого мира.

Скромные и известные, познавшие все и благоразумные – такими были те царевичи несравненной славы, и отец их Дашаратха, видя в них свою отраду, напоминал Брахму, бога миров.

Тигры среди людей, юноши с наслаждением изучали Веды и, послушные отцу, упражнялись в искусстве стрельбы из лука. Знаменитый монарх тем временем стал думать о женитьбе своих славных сынов и, добродетельный, совещался со священниками и родственниками. Пока великодушный монарх обсуждал будущее царевичей, в столице появился знаменитый мудрец Вишвамित्रа.

Желая увидеться с государем, он обратился к стражникам: – Поспешите сообщить царю, что к нему пришел сын Гадхи из рода Каушика! Услышав это, перепуганные стражники бросились в царские покои оповестить Дашаратху, который вместе с гуру Васиштхой вышел к воротам приветствовать мудреца и пригласить во дворец. Они встречали муни подобно Брахме, встречающему Индру. Завидев блистательного и могущественного аскета, исполняющего великие обеты,

монарх с радостью на лице по традиции предложил ему Аргхью. Рама-яна Монастырь-академия йоги «Собрание Тайн» Добродетельный Вишвамитра осведомился у царя о благополучии его государства, процветании подданных, родственников и друзей, а о неистощимости его казны. Затем Вишвамитра спросил: – Послушны ли тебе слуги? Проводятся ли должным образом в твоих владениях ведические жертвоприношения? Принимаешь ли ты чужеземных гостей с положенным гостеприимством? Узнав, как поживают Васиштва и другие мудрецы, Вишвамитра вошел во дворец. Здесь царь снова выразил ему почтение и радостно сказал: – О благородный мудрец, твое появление подобно обретению пищи богов или дождю, напоившему истомленную засухой землю!

О муни, твой приход благословен так же, как рождение сына у бездетного человека или обретение богатства, когда человек думал, что безвозвратно его лишился (?). О могущественный мудрец, от всего сердца я приглашаю тебя; поведай, что привело тебя ко мне?

Благодаря одному твоему взгляду, обращенному на меня, о мудрец, я обретаю праведность и достоинство; сегодня жизнь моя обрела смысл, цель моего появления на земле достигнута, поскольку ты посетил меня. О Благословенный, прежде ты был воинствующим мудрецом, славным своими священными обетами, но сейчас ты стал брахманом (сноска 1,47) и достоин самого высокого поклонения с моей стороны! Твое появление принесло мне чистоту и благословение, твоим святым присутствием я и мое царство освободились от тяжести оскорблений. Будь же милостив, поведай нам о цели своего прихода, я жажду выразить тебе свою благодарность, оказав служение.

О Каушика, не колеблясь, поведай свою волю, я готов исполнить все, что ты скажешь; в моих глазах ты подобен Богу, о лучший из брахманов; увидев тебя, я обрел великие плоды паломничества по святым местам. Превосходный риши, обитель величайших достоинств, был очень доволен словами царя Дашаратхи, приятными для слуха, смиренными и изреченными человеком, владевшим собой.

Вишну-Смрити (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Каковы были обязанности царя по Вишне-Смрити?
2. По каким критериям назначались чиновники?
3. Каковы были нормы налогообложения?
4. Какие преступления и наказания за них указаны в источнике?
5. Какое количество варн выделялось в источнике и какова их характеристика?

Глава 2

- (1) Брахман, кшатрий, вайшья и шудра – четыре варны.
- (2) Из них первые три – дваждырожденные.
- (3) Для них предписана совокупность обрядов, сопровождаемых мантрами, – от зачатия и до церемонии сожжения.
- (4) А дхармы их [таковы]: (5) для брахмана – обучение, (6) для кшатрия – владение оружием, (7) для вайшьи – охрана скота, (8) для шудры – служение дваждырожденным.
- (9) И для [всех] дваждырожденных – жертвоприношения и изучение Вед.
- (10) Вот их средства к существованию: (11) для брахмана – принесение жертв для других и получение даров; (12) для кшатрия – защита земли; (13) для вайшьи – земледелие, скотоводство, торговля, ростовщичество и выращивание живого товара; (14) для шудры – все ремесла.
- (15) В случае бедствий [дозволяется] способ существования следующей, [более низкой] варны.
- (16) Терпение, правдивость, смирение, чистота, щедрость, владение органами чувств, непричинение вреда живым существам, повиновение старшим, паломничество по святым местам, сострадание, (17) честность, отсутствие алчности, почитание богов и брахманов, отсутствие зависти считаются их общей дхармой.

---

¹ Вишну-смрити / Пер. с санскрита Н.А. Корнеевой. М., 2007. С. 80-84.

Глава 3

(1) Теперь обязанности царя:

(2) охрана подданных,

(3) обеспечение исполнения каждым своей дхармы в соответствии с его варной и ашрамой.

(4) Пусть царь поселится в местности плодородной, пригодной для скота, богатой урожаями, (5) населенной преимущественно вайшьями и шудрами.

(6) Пусть он там живет в какой-нибудь из крепостей, защищенной пустыней, войсками, земляными укреплениями, водой, лесом или горами'.

(7) Находясь там, пусть назначит глав каждой общины, (8) управляющих десятью [общинами], (9) управляющих сотней [общин] (10) и управляющих областью.

(11) Если общину постигнет беда, пусть управляющий общины освободит ее от налогов.

(12) Если это не поможет, пусть сообщит управляющему десяти общин.

(13) Если и он не сможет [помочь]– управляющему сотней [общин].

(14) Если даже тот не сможет [помочь] – управляющему области.

(15) Управляющий же области пусть всеми силами [эту] беду устраняет.

(16) Пусть назначит надежных [управляющих] на рудники, в места сбора пошлин, на переправы, в слоновники; (17) благочестивых– для дел благочестия, (18) ловких – для дел, связанных с выгодой, (19) храбрых – для дел военных, (20) безжалостных – для дел безжалостных, (21) евнухов – к женщинам.

(22) Пусть царь забирает ежегодно с подданных в качестве налога шестую часть урожая зерна (23) и других посевов; (24) со скота, золота, тканей – две сотых; (25) с мяса, меда, топленого масла, лекарств, благовоний, цветов, кореньев, плодов, напитков, древесины, листьев, шкур, глиняных и каменных сосудов, изделий из тростника – шестую часть.

(26) Но с брахманов налог пусть не берет, (27) ведь они приносят [его] царю своим благочестием.

(28) От всех деяний подданных, дурных или добрых, царь получает шестую часть.

(29) Пусть берет в качестве пошлины десятую часть с товара своей страны, (30) а с чужеземного – двадцатую.

(31) У того, кто стремится обойти место уплаты пошлин, следует отобрать все [товары].

(32) Ремесленники и работники пусть один [день] в месяц трудятся на царя.

Вишну-смрити (33) Элементы государства 3 – владыка, [его] советники, крепость, казна, войско, земли, населенные подданными, и союзники.

(34) И пусть [царь] наказывает тех, кто им вредит.

(35) Пусть имеет собственных соглядатаев как в своей стране, так и в чужой.

(36) Пусть почитает добродетельных,

(37) а злодеев наказывает.

(38) По отношению к врагу, союзнику, нейтральному и «срединому» [государю] пусть в должное время применяет политику умиротворения, внесение раздора, подкуп и силу.

(39) И в должное время использует мир, войну, поход, выжидание, помощь более сильного [или] двойственную политику.

(40) В поход пусть отправляется в месяце чайтра или маргаширша (41) либо в случае ослабления противника.

(42) При захвате чужой страны не следует нарушать ее традиции.

(43) Подвергшись нападению со стороны врага, пусть защищает свою страну всеми силами.

(44) Нет дхармы царей, которая может сравниться с самопожертвованием в битве.

(45) Те, кто убиты при защите коровы, брахмана, царя, друга, имущества, жены или своей жизни, попадают на небеса.

(46) [На небеса попадают] и те, кто защищает варны от смешения.

(47) При захвате города противника пусть царь помажет там на царство родича того [государя, которого он ниспроверг]; (48) не следует прерывать царский род, (49) за исключением царского рода, не принадлежащего к знати.

(50) Пусть [царь] избегает чрезмерного увлечения охотой, игрой в кости, женщинами, вином (51) и не допускает оскорблений словом и действием.

(52) Пусть не причиняет вреда [чужому] имуществу.

(53) Пусть не разрушает прежние [городские] ворота.

(54) Пусть не будет щедрым к недостойным.

(55) Из рудников [царь] может взять себе все.

(56) Если найден клад, пусть половину его отдаст брахманам, (57) другую половину пусть отправит в казну.

(58) Если клад найдет брахман, то он может взять его целиком.

(59) Если [клад найдет] кшатрий, пусть четвертую часть отдаст царю, четвертую часть – брахманам, а половину может взять сам. (60) Вайшья пусть четвертую часть отдаст царю, брахманам – половину, четвертую часть может взять сам.

Перевод (61) Шудра, разделив найденное на двенадцать частей, пять частей пусть отдаст царю, пять частей – брахманам, две части может взять сам.

(62) Не сообщившего о находке следует лишить всего.

(63) Нашедший [собственный клад] сам, если он не брахман, пусть отдаст двенадцатую часть царю.

(64) Заявляющий о чужом закопанном [кладе] как о своем должен заплатить штраф в размере его [стоимости].

(65) Имущество несовершеннолетних, не имеющих опекуна, и женщин пусть оберегает царь.

(66) Обнаружив имущество, похищенное ворами, пусть [царь] целиком вернет его владельцам независимо от их варны; (67) а то, что не сможет найти, пусть возместит из собственной казны.

(68) Бедствия, происходящие от рока, пусть успокаивает обрядами умиротворения и благословления, (69) а бедствия, происходящие от войск [другого государя], – постоянной готовностью сражаться.

(70) Пусть [царь] выберет домашнего жреца, сведущего в Ведах, итихасах, дхармашастрах и в [науке о] выгоде, человека знатного происхождения, без физических недостатков, преданного аскетизму, (71) а также [пусть выберет] помощников во всех делах – чистых, неалчных, внимательных, обладающих силой.

(72) Пусть сам вместе с мудрыми брахманами разбирает тяжбы (73) или назначит [в качестве главного судьи] брахмана.

(74) Пусть царь назначит членами суда известных происхождением, делами и обетами, равно справедливых к врагам и друзьям – тех, кого тяжущиеся не смогут привлечь на свою сторону, возбуждая их страсть, гнев, страх, жадность и т.п.

(75) И пусть царь во всех делах доверяет астрологам.

(76) Пусть постоянно почитает богов и брахманов, (77) оказывает уважение старшим, (78) совершает жертвоприношения. (79) И пусть в его стране не страдает от голода брахман (80) и даже человек другой [варны], преданный добрым делам.

(81) Пусть [царь] брахманам дарит землю.

(82) А для уведомления об этом будущих царей – тем, кому он ее дарит, пусть даст письменный документ на ткани или медной пластинке с оттиском собственной печати, с указанием своей родословной, размеров земли и последствий отторжения дара.

(83) И пусть не отнимает землю, подаренную другими [царями].

(84) Брахманам пусть дает всевозможные дары. Вишну-смрити (85) А себя пусть защищает со всех сторон.

(86) И пусть будет великолепен, (87) а также носит [при себе] мантры, которые дают здоровье и действуют как противоядие.

(88) Пусть не употребляет то, что не проверено.

(89) Пусть беседует улыбаясь (90) и не хмурит брови даже с теми, кто достоин казни.

(91) Пусть должным образом налагает наказание на провинившихся (92) в соответствии с их преступлениями (93) и ни от кого не терпит повторного проступка.

(94) Тот, кто долга своего не выполняет, пусть не останется без наказания у царей.

(95) Там, где беспрепятственно бродит темное, красноглазое Наказание, там подданные процветают, если царь хорошо наблюдает.

(96) В своей стране пусть налагает наказание справедливо, сурово карает врагов, с любимыми друзьями пусть будет прямым, а с брахманами – терпеливым.

(97) Слава царя, живущего подобным образом, даже если он существует лишь сбором колосьев, распространяется в мире, как капля кунжутного масла в воде.

(98) Царь, который счастлив при счастье подданных и несчастен при их несчастье, в этом мире прославится, а после смерти обретет блаженство на небесах.

Глава 5

(1) Совершившие «прегрешения великие» (махапатака), все, кроме брахмана, должны быть подвергнуты телесному наказанию.

(2) Для брахмана не [должно быть] телесного наказания.

(3) Брахмана следует изгнать из своих владений, заклеив его.

(4) За убийство брахмана следует на лоб [убийцы] поставить [клеймо] в виде безголового тела, (5) за пьянство – в виде кабачной вывески, (6) за воровство – [знак] собачьей лапы, (7) за прелюбодеяние с женою гуру 4 – [знак] женского органа.

(8) А в иных делах, за которые полагается телесное наказание, следует выселить [брахмана] со всем имуществом, не причинив ему вреда.

(9) Подделывающих [царские] повеления, (10) изготовителей фальшивых документов, (11) отравителей, поджигателей, разбойников; убивающих женщин, детей и мужчин; (12) тех, кто похищает более десяти кумбха зерна (13) или более сотни [мер] того, что измеряется весом; (14) тех, кто, будучи незнатными, претендуют на царскую власть; (15) тех, кто разрушает межевые знаки; (16) тех, кто предоставляет убежище и пищу разбойникам, (17) за исключением [времени], когда царь не способен [обеспечить порядок]; (18) жену, пренебрегающую мужем, если муж не способен [сам ее наказывать], царь пусть казнит.

(19) Какой частью тела человек низшей варны совершит проступок по отношению к высшему по варне, именно ту у него и следует отрубить.

(20) Если сел на одно с ним сиденье, его следует изгнать, поставив клеймо на зад; (21) если плюнет – отрезать губы; (22) если пустит ветры – вырезать задний проход; (23) если оскорбит словом – отрезать язык.

(24) Тому, кто наберется наглости давать указания в дхарме [человеку высшей варны], пусть царь прикажет влить в рот кипящее масло; (25) а тому, кто позволит себе нанести обиду его имени и касте, следует вонзить [в язык] острие длиною в десять ангул. Вишну-смрити

(26) Клевещущий по поводу учености, места происхождения, касты, соблюдения обрядов пусть будет наказан штрафом в двести каршапан; (27) если назовет кривым, хромым и т.п., даже если это правда, – штраф две каршапаны; (28) оскорбляющий старших [пусть заплатит штраф] двести каршапан.

(29) Если нанесет оскорбление, обвинив другого в «прегрешении, ведущем к потере касты» (патания), – высший вид штрафа; (30) в «прегрешении менее тяжком» (упапатака) – средний.

(31) Если это относится к почтенным знатокам трех Вед, к кастам и объединениям – [высший и средний штрафы соответственно], (32) к общине или стране – низший штраф.

(33) За оскорбление, касающееся физических недостатков, – [штраф] сто каршапан; (34) а за оскорбление, касающееся матери, – высший [штраф].

(35) За оскорбление, нанесенное равному по варне, – штраф двенадцать пан; (36) за оскорбление, нанесенное тому, кто ниже по варне, – шесть.

(37) За ответное оскорбление, нанесенное тому, кто выше по варне, – штраф тот же (38) или три каршапаны.

(39) И столько же за употребление бранных слов.

(40) Прелюбодей за связь с женщиной своей варны должен заплатить высший штраф, (41) за связь с женщиной низшей варны (42) или соитие с коровой – средний, (43) а за связь с неприкасаемой – смертная казнь.

(44) За скотоложество – штраф в сто каршапан. (45) Тот, кто выдает девушку, не объявив об имеющемся у нее пороке, пусть [заплатит такой же штраф] (46) и содержит ее.

(47) А тот, кто непорочную порочит, – высший штраф.

(48) У того, кто убьет слона, коня, верблюда, корову, пусть отрубят руку и ногу.

(49) И у того, кто продает мясо, не подходящее для пищи.

(50) Убивший домашнее животное должен заплатить штраф в сто каршапан (51) и возместить хозяину стоимость.

(52) Убивший лесное животное [пусть заплатит] пятьдесят каршапан.

(53) Убивший птицу или рыбу – десять каршапан.

(54) А убивший насекомое – каршапану.

(55) Срубающий плодоносящее дерево [должен заплатить] высший штраф; (56) срубающий дерево, дающее цветы, – средний; (57) вырубаящий стелющиеся растения, кусты и лианы – сто пан; (58) срезающий траву – одну; (59) и [пусть заплатит] все убытки их хозяевам.

(60) Угрожающий рукой [должен заплатить] десять каршапан, (61) ногой – двадцать, (62) поленом – штраф первого вида, (63) камнем – средний, (64) оружием – высший.

(65) Хватающий за ногу, за волосы, за одежду, за руку [должен заплатить] десять пан.

(66) Причиняющий боль без пролития крови – тридцать две паны, (67) с пролитием крови – шестьдесят четыре.

(68) Если сломает [другому] руку, ногу, выбьет зуб, отрежет ухо [или] нос, (69) а также если [избитый] не сможет двигаться, есть и говорить, – средний [штраф].

(70) Если выколет глаз, сломает шею, плечо, бедро, ключицу, – высший [штраф].

(71) Того, кто выколет [другому] оба глаза, царь пусть до конца его жизни не выпускает из тюрьмы (72) или сделает с ним то же самое.

(73) Если несколько [человек] избивают одного, штраф с каждого в двойном размере от указанного [штрафа] для одного.

(74) [Тот же штраф] и с тех, кто, будучи поблизости, не устремляется на помощь зовущему, а убегает сам.

(75) Каждый, кто искалечил человека, пусть несет расходы по его лечению.

(76) То же самое и в отношении тех, кто искалечил домашнее животное.

(77) Похитившего корову, коня, верблюда [или] слона следует лишить руки и ноги; (78) похитившего козу или барана – руки.

(79) Похитивший зерно пусть возместит [его] в одиннадцатикратном размере, (80) то же [при хищении] других посевов.

(81) Похитивший золото, серебро, одежды [на сумму] больше пятидесяти [пан пусть будет] лишен руки, (82) если на меньшую, пусть будет наказан штрафом в одиннадцатикратном размере.

(83) Пусть будет наказан штрафом в трехкратном размере стоимости похитивший пряжу, хлопок, навоз, патоку, простоквашу, мо-

локо, пахту, траву, соль, глину, золу, птицу, рыбу, топленое и растительное масло, мясо, мед, изделия из бамбука, глиняную и железную посуду,

(84) а также вареную пищу.

(85) За хищение цветов, зелени, кустов, стелющихся растений и лиан, листьев, (86) а также овощей, корней и плодов – [штраф] пять кришнал. (87) Похитивший драгоценные камни [пусть заплатит] высший штраф.

(88) Похитивший предметы, которые не перечислены,– [штраф], равный [их] стоимости.

(89) Вор следует заставить вернуть все похищенное хозяину, (90) затем привести в действие объявленное наказание.

(91) Не уступивший дорогу тем, кому следует уступить дорогу, должен заплатить штраф двадцать пять каршапан, (92) [так же] и не уступивший место тому, кому должно уступить место, (93) не почтивший того, кто заслуживает почтения, (94) не пригласивший брахмана-соседа [на церемонию, на которую его следовало пригласить], (95) не накормивший приглашенного.

(96) А тот, кто был приглашен и согласился [прийти], но не принимает пищу, [пусть заплатит] машу золота (97) и [пусть даст] пригласившему еду в двойном размере.

(98) Осквернивший брахмана недозволенной пищей [должен заплатить] шестнадцать золотых, (99) [пищей], лишаящей его кастовой принадлежности,– сто [золотых], (100) сурой– пусть будет казнен.

(101) Осквернивший [таким же образом] кшатрия должен заплатить в половинном размере, (102) осквернивший вайшью– в половинном размере от этой [половины], (103) осквернивший шудру должен заплатить низший вид штрафа.

(104) Неприкасаемый, прикоснувшийся нарочно к «чистому» человеку одной из трех варн, должен быть казнен, (105) если это сделала женщина в период месячных, ее следует наказать плетью. (106) Оставивший свои нечистоты на дороге, в саду, у воды [пусть заплатит] сто пан (107) и уберет их.

(108) Причиняющий повреждения [чужому] дому, земле, стене и т.п. [пусть заплатит] средний штраф (109) и восстановит то, [что повредил]. (ПО) [Пусть заплатит] сто пан тот, кто бросает в [чужой] дом предмет, который может нанести ущерб; (111) кто [ложно] отрицает

[права других] на общее [имущество]; (112) кто не отдает обещанное; (113) отец, сын, ачарья, жертвователь и жрец, покидающие один другого, если тот, [кого покидают], не исключен из касты, (114) и покинуть их нельзя; (115) кто кормит отшельников-шудр на церемониях в честь богов и предков; (116) кто берет на себя дела, ему не положенные; (117) кто взламывает опечатанное жилище; (118) кто, не имея на то полномочий, требует клятвы; (119) кто кастрирует домашний скот.

(120) Со свидетелей в тяжбе между отцом и сыном штраф десять пан, (121) а кто между ними вызовется быть [судьею], с того высший штраф.

(122) Изготовитель мошеннических приспособлений для взвешивания и измерения (123) и ложно в этом обвиняющие; (124) продавец поддельных товаров; (125) каждый из торговцев, которые, сговорившись, препятствуют торговле несоответствующей ценой, (126) должен заплатить высший штраф.

(127) Того, кто, взяв плату, не отдает покупателю товар, следует заставить вернуть его с прибылью".

(128) И царь пусть возьмет с него штраф сто пан.

(129) Если покупатель отказывается от товара, о покупке которого он договорился, то ущерб возмещается покупателем.

(130) У продающего запрещенный царем [товар] он отбирается.

(131) Перевозчик, взимающий сухопутную пошлину [на речной переправе], должен быть оштрафован на десять пан.

(132) И лодочник – сборщик пошлин, взимающий пошлину за переправу с учеников, лесных отшельников, монахов, беременных женщин и тех, кто совершает паломничество по святым местам.

(133) И эту [пошлину] им пусть вернет.

(134) У тех, кто использует «обманные» игральные кости, [следует] отрубить руку.

(135) У тех, кто мошенничает в игре, – отрубить два пальца, (136) и у тех, кто срезает кошельки.

(137) У тех, кто крадет одежду, – отрубить руку. (138) Если днем скот задрали волки или [хищники], а пастух не прибежал [на помощь], – вина пастуха; (139) пусть он отдаст хозяину цену пропавшего скота. (140) Если [пастух] без разрешения доит [скотину], – штраф двадцать пять каршапан. (141) Если буйволица потравит посевы, пастух должен быть оштрафован на восемь маш, (142) а если она паслась без пастуха,

то [ее] хозяин; (143) то же самое, если [потраву совершит] конь, верблюд или осел.

(144) Если же корова – то половину этого [штрафа]; (145) если коза или баран – половину этой [половины].

(146) Если после потравы [скот] уляжется [на поле] – двойной [штраф].

(147) И во всех случаях хозяину поля [должна быть возмещена] стоимость потравленных посевов.

(148) Если [потрава произойдет] у обочины дороги, края деревни [или] пастбища – нет греха.

(149) И так же [если] на неогороженном [поле] (150) или [если будет] кратковременной.

(151) И [нет греха, если совершит потраву] «отпущенный» [скот], бык-производитель или корова после отела.

(152) А тому, кто принуждает к рабству' людей высшей варны, – высший штраф.

(153) Отступивший от правил, [установленных] для странствующего нищего, пусть несет рабскую службу царю.

(154) Нанявшийся и до окончания срока бросивший службу пусть отдаст [хозяину] всю [полученную] сумму (155) и даст царю сто пан [в качестве штрафа].

(156) То, что пропадет по его вине, пусть [возместит] хозяину, (157) за исключением погибшего по воле рока.

(158) Если же хозяин откажется от того, кто нанялся, до окончания срока, пусть он отдаст ему всю сумму [жалованья, о котором был договор], (159) и сто пан царю [в качестве штрафа].

(160) За исключением случая, когда виновен [в этом] сам нанятый. (161) Кто девицу, уже обещанную [одному], отдаст другому, тот должен быть наказан как вор, (162) если нет вины жениха.

(163) [Так же должен быть наказан] оставляющий невесту, если нет ее вины, (164) и [оставляющий] жену.

(165) Если кто публично купит чужую вещь, не зная, [что она чужая], в том нет его вины.

(166) [Но] хозяин может забрать [эту] вещь.

(167) Если же купит тайком и за низкую цену, тогда и продавец и покупатель должны быть наказаны как воры.

(168) Похищающий имущество общины пусть будет [из нее] изгнан; (169) и так же – нарушающий ее правила.

(170) Присвоивший имущество, оставленное ему на сохранение, пусть вернет его хозяину с процентами (171) и пусть будет наказан царем как вор. (172) И так же [следует наказать того], кто называет якобы оставленным на сохранение то, что не оставлял.

(173) Наказав высшим штрафом того, кто нарушает границу [землевладений], пусть заставят [виновного] восстановить ее.

(174) Тот, кто кормит [людей] непригодной пищей, лишаящей их кастовой принадлежности, должен быть изгнан.

(175) Продающий непригодную для еды пищу и то, что не следует продавать, а также разрушающий изображения богов должны быть наказаны высшим штрафом.

(176) Так же и врач, действовавший неверно в отношении людей высокопоставленных; (177) [если действовал неверно] в отношении обычных [людей]– средний [штраф]; (178) [если] в отношении животных – низший [штраф].

(179) Не отдающего обещанное, заставив это [обещанное] вернуть, следует наказать низшим штрафом.

(180) У лжесвидетелей, берущих взятки, следует отобрать все их имущество, (181) а также у судей[-взяточников].

(182) Тот, кто передаст другому заложенный участок земли размером больше гочармы, не выкупив его, должен быть телесно наказан; (183) если [участок] меньшего размера– пусть будет оштрафован на шестнадцать суварн.

(184) Гочармой называется такой участок– будь он большого или малого размера, – плодами с которого один человек может питаться целый год.

(185) Если два человека ведут спор о том, кому из них [участок] отдан в залог, выигрывает тот, кто владеет [полем], если он не занял его силою.

(186) Тот [участок], владение которым подтверждено письменным документом и [который] используется надлежащим образом, принадлежит владельцу и не может быть отнят у него никоим образом.

(187) Имущество, которым владел отец в соответствии с дхармой и правилами владения, после его смерти безоговорочно [переходит к сыну], ибо он обретает его посредством права владения.

(188) На ту землю, которая должным образом находилась во владении трех предков, четвертый [потомок] получает права даже при отсутствии документов [о праве собственности].

(189) В случае убийства угрожающих жизни животных, имеющих когти, рога или клыки, слонов, коней и прочих, – на убийце нет греха.

(190) Нападающего с целью убить пусть убивает не раздумывая, будь то даже учитель, ребенок, старик или ученый брахман.

(191) Нет никакого греха в явном или тайном убийстве того, кто сам решился на убийство, – [это] безумие является лишь ответом на то безумие.

(192-193) Следует знать, что есть семеро угрожающих жизни: заносающий меч, [намеревающийся уничтожить] ядом, огнем, рукою, поднятой в проклятья, заклинаниями Атхарваведы, клеветующий пред царем и покушающийся на жену; тех же, кто лишает славы и имущества, называют уносящими дхарму и артху.

(194) О Земля, предписание о наказании я изложил тебе по существу и подробно, ибо разнообразны всевозможные прегрешения, (195) а в отношении других преступлений царь, узнав о касте, имуществе и возрасте [преступника], пусть налагает наказание, посоветовавшись с брахманами.

(196) Чиновник, освобождающий того, кто заслуживает наказания, и тот худший из людей, кто налагает наказание на невиновных, пусть понесут двойное наказание.

(197) Тот царь, в городе которого нет ни вора, ни прелюбодея, ни сквернословия, ни разбойника, ни насильника, достоин мира Шакры.

Законы Ману (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Как родился прародитель всего мира?*
2. *Из чего была извлечена тройная вечная Веда?*
3. *Как звали десять великих риши, которых создал прародитель всего мира?*
4. *Что зависит от бодрствования и сна великого прародителя?*

---

¹ Текст приводится по: Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича. М. 1960. С. 7-340.

5. *Каков социальный статус брахман?*
6. *Каковы характеристики семейной жизни и почитания родственников?*
7. *Каковы полномочия брахман в области наказания преступлений и грехов?*
8. *Какова характеристика преступлений наказания за них?*
9. *Каковы виды судебного разбирательства по гражданским и уголовным делам?*
10. *Что ожидает убийцу по Законам Ману?*
11. *Какие законные способы возникновения права собственности по Законам Ману?*
12. *Каковы имущественные права верховного правителя Древней Индии и его роль в регулировании имущественных отношений?*
13. *Каковы условия приобретения права собственности на основе давности владения в Законах Ману?*
14. *Каковы имущественные права верховного правителя Древней Индии?*
15. *Каковы общие правила заключения сделок, которые были сформулированы в Законах Ману?*
16. *Каковы условия заключения сделок купли-продажи?*
17. *Каков брачный возраст по Законам Ману?*
18. *Каково положение женщины в семье?*
19. *Каковы должностные преступления, которые наказывались лишением собственности или смертной казнью?*
20. *Кто осуществлял правосудие в Древней Индии?*
21. *Назовите основные источники доказательств на судебном процессе по Законам Ману?*
22. *Какие требования предъявлялись к свидетелям согласно Законам Ману?*
23. *Как наказывалось лжесвидетельство?*
24. *Какие виды ордалия описаны в Законах Ману?*

Глава 1.

[1. Почтив самосущего Брахму, наделенного неизмеримым блеском, я изложу различные дхармы, объявленные Ману]*.

1. Великие риши*, приблизившись к Ману*, сидевшему углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь:

2. «О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы* всех [четырех] варн и имеющих смешанное происхождение! *.

3. Ибо ты, Владыка, один знаешь истинный смысл обрядов всего непостижимого, неизмеримого предписания * Самосущего».

4. Он, обладающий неизмеримым могуществом, так спрошенный теми, обладающими великой душой, должным образом почтив всех тех великих риши, ответил так: «Да будет выслушано! »

5. Этот [мир] неведомый, неопределимый, недоступный для разума, непознаваемый, как бы совершенно погруженный в сон, был тьмой *.

6. Тогда божественный Самосущий невидимый, [но] делающий [все] это – великие элементы * и прочее – видимым, проявляющий энергию, появился, рассеивая тьму.

7. Тот, кто постижим [только] умом, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе все живые существа *, удивительный (acintya), проявился сам [по собственной воле].

8. Вознамерившись произвести из своего тела различные существа, он * вначале сотворил воды и в них испустил свое семя.

9. Оно стало золотым яйцом, по блеску равным солнцу; в нем он сам родился [как] Брахма *, прародитель всего мира.

10. Воды называются нара (nārā), ибо воды – действительно порождение Нары *; они – первое местопребывание его, поэтому он именуется Нараяной *.

11. Из этой [перво]причины *, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное *, возник [дух] Пуруша (puruṣa), который в мире прославляется [под именем] Брахмы.

12. Он, божественный, прожив в том яйце целый год*, сам же силой Своей мысли разделил это яйцо надвое;

13. и из тех двух половинок он создал небо и землю, между ними атмосферу (vyoman), восемь стран света * и вечное местопребывание вод *.

14. Из самого себя он также извлек разум (manas), образующий реальное и нереальное; из разума же – сознание (ahankāra), имеющее способность самосознания [и] господствующее;

15 кроме того, Великую душу *, все [творения], одаренные тремя качествами *, и по порядку пять органов чувств *, воспринимающие предметы мира.

16. Соединяя малые частицы этих шести *, обладающие чрезвычайной энергией, с частицами самого себя, он создал все существа.

17. Так как эти шесть [родов] малых частиц его облика входят (ā-ṣri) в эти существа, его облик мудрые назвали телом (sarira).

18. В него входят великие элементы со своими функциями и разум со своими малыми частицами – вечный творец всех существ *.

19. Из малых [образующих] тело частиц этих семи могущественных принципов * происходит этот [мир], приходящий из неизменного.

20. Среди них каждый последующий приобретает качество каждого предыдущего, и считается, что какое место каждый из них занимает, столькими качествами он обладает*.

21. Вначале же он определил для всех – для каждого в отдельности, – в согласии со словами Вед, имена, род деятельности (каггпап) и особое положение (samstha).

22. Он, Владыка, создал богов деятельных и одушевленных и неосязаемый сонм садхьев*, а также вечное жертвоприношение.

23. Из огня, ветра и солнца он извлек тройную вечную Веду, состоящую из Риг, Яджур и Сама, ради снискания успеха в жертвоприношении *,

24. [он создал] время и разделение времени, звезды и также планеты, реки, океаны, горы, равнины и неровности,

25. аскетизм (tapas), речь, наслаждение, желание и гнев; и, желая сотворить эти живые существа, он создал это творение.

26. Для различения же деяний он отделил дхарму от адхармы * и подчинил эти живые существа двойственным состояниям – [например], наслаждению и страданию и т.д.

27. Посредством тех, которые были упомянуты как мелкие, подвергшиеся изменениям частицы пяти [элементов], создано в должном порядке все это.

28. И к какой деятельности Владыка предназначил каждое [существо], ее только оно само и выполняет, возрождаясь опять и опять *

29. Какое качество он установил для каждого при сотворении – зловредность или безвредность, мягкость или жестокость, дхарму или адхарму, правду или ложь, – то само по себе проникло в него.

30. Как при смене времен года [каждое] само по себе приобретает свои отличительные признаки, так и существа, одаренные телом, – свои виды деятельности.

31. А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней [соответственно] брахмана, кшатрия, вайшия и шудру.

32. Разделив свое тело, он стал посредством [одной] половины мужчиной, [другой] половины – женщиной; от нее тот Владыка произвел Вираджа *.

33. Но знайте, достойнейшие из дваждырожденных, что я, 23 Законы Ману которого создал сам. мужчина Вирадж, исполнив покаяние, творец всего этого [мира].

34. И я, желая произвести существа, совершив весьма трудный для исполнения аскетический подвиг (tapas), создал сначала владык существ – десять великих риши:

35. Маричи, Атри, Ангираса, Пуластью, Пулаху, Крату, Прачетаса, Васиштху, Бхригу и Нарадду.

36. Они создали семь других Ману, преисполненных блеска, богов, местопребывания богов * и великих риши, обладающих неизмеримым могуществом,

37. якшей *, ракшасов *, пищацей *, гандхарвов *, апсар *, асуров *, нагов *, змей, супарн * и разные сонмы предков *,

38. молнии, громы и тучи, полные и неполные радуги, метеоры, небесные шумы, кометы и различные небесные светила,

39. киннаров *, обезьян, рыб, различных птиц, домашний скот и диких животных, людей и плотоядных животных с двумя рядами зубов,

40. червей и насекомых, молей, вшей, мух, клопов, всех жалящих и кусающих и недвижущихся разного рода.

41. Таким образом, все это – недвижущееся и движущееся – было произведено этими, обладающими великой душой, посредством аскетизма и по моему повелению, согласно карме *.

42. Какого рода деятельность установлена здесь * для каких живых существ, это я подлинно объявляю вам, а также способ рождения.

43. Домашний скот и дикие животные, плотоядные с двумя рядами зубов, ракшасы, пищачи и люди – живородящие.

44. Рожденные из яйца – птицы, змеи, крокодилы, рыбы с черепахами и разряды [животных], которые рождены на суше, а также в воде.

45. Рожденные от теплоты – жалящее и кусающее, вошь, муха, клоп и другое подобное, которое рождается от пота.

46. Все растения, размножающиеся посредством семени или стебля, растут из отпрыска; однолетние растения – [те. 24 Глава I которые], принося много цветов и плодов, погибают после созревания плода.

47. Те, которые дают плод, не давая цветов, называются ванаспати (vanaspati), но приносящие цветы и плоды называются врикша (vrksha).

48. Различные кустарниковые (guschagulma) растения, а также разного рода травы, вьющиеся и ползучие растения произрастают от семян и стеблей.

49. Окруженные темнотой, имеющей многие виды *, – следствием кармы – они наделены самоощущением и исполнены наслаждений и страданий.

50. [Таковы], начиная с Брахмы и кончая этими [растениями], упомянутые состояния в этом всегда страшном, постоянно движущемся круговороте душ *.

51. Так все это и меня создав, он, чье могущество непостижимо, погрузился в самого себя *, неоднократно выжимая время временем *.

52. Когда он, божественный, бодрствует, тогда этот мир находится в движении; когда он спокойно спит, тогда все спит.

53. Когда он спит в этом спокойном состоянии, одаренные телом существа, по природе деятельные, отвращаются от своих дел и разум (manas) расслабляется.

54. Когда же они одновременно погружаются в тот великий атман, то он – душа всех существ – мирно почивает в совершенном спокойствии.

55. Погрузившись же в темноту, он * долго сохраняет способность чувствовать, но не исполняет своих функций; затем он выходит из тела.

56. Когда, состоя из крошечных частиц, он проникает в семя – растительное или животное – тогда, соединившись [с ним], он принимает телесный облик.

57. Так он, неизменный, пробуждением все движущееся и недвижущееся всегда оживляет и разрушает.

58. И эту щастру * создав, он сначала меня должным образом ознакомил, я же – Маричи и других мудрецов.

59. Эту щастру вам без остатка изложит этот Бхригу; ибо этот мудрец узнал ее всю без пропусков от меня».

60. Тогда тот великий риши Бхригу, когда ему было так сказано тем Ману, сказал всем тем риши: «Да будет выслушано!

61. Другие шестеро Ману'1', принадлежащих к роду Ману, происшедшего от Самосущего, – все творящие существа, обладающие великой душой и неизмеримым могуществом,

62. [это] – Сварочиша, Ауттами, Тамаса, а также Райвата, Чакшуша, обладающий великим блеском, а также сын Вивасвата.

63. Эти семь Ману, начиная с происшедшего от Самосущего, обладающие большим блеском, каждый в свое время произведя все это движущееся и недвижущееся, владели [им].

64. Восемнадцать нимеш* [составляют] каштху (kāsthā); те тридцать – калу (kalā); мухурта (muhūrta) состоит из тридцати кал; столько же [мухурт составляют] день и ночь*.

65. Солнце отделяет день и ночь – человеческие и божественные; ночь [предназначена] для сна живых существ, день – дл? совершения дел.

66. У предков день и ночь – месяц, но разделенный на две половины: темная – день для совершения дел, светлая – ночь для сна*.

67. У богов день и ночь – [человеческий] год, опять разделенный на двое: день – период движения солнца к северу, ночь – период движения к югу*.

68. Теперь выслушайте вкратце, каков размер ночи и дня Брахмы и веков* – одного за другим по порядку.

69. Сказали*, [что] четыре тысячи лет [составляют] век Крита; сумерки, предшествующие ему, [имеют] столько же сотен [лет]*, сумерки последующие – столько же.

70. В другие три [века] с их сумерками – предшествующими и последующими – тысячи и сотни уменьшаются на единицу [в каждом случае].

71. Эти двенадцать тысяч [лет], только что упомянутые как сумма четырех [человеческих] веков называются веком богов. 26 Глава I

72. Да будет известно, что сумма тысячи божественных веков – один день Брахмы, столько же – ночь *.

73. Те [лишь, которые] знают, что святой день Брахмы оканчивается по [прошествии] тысячи веков [богов] и ночь такова же, [суть именно] люди, знающие, [что такое] день и ночь.

74. По окончании того дня и ночи он, спящий, пробуждается, а пробудившись, создает разум (manas) – реальный и нереальный.

75. Разум, побуждаемый желанием [Брахмы] творить, видоизменяет сотворенное [и] поэтому порождает эфир (ākāśa); они объявили, что его качество – звук.

76. От эфира вследствие его видоизменения происходит разносящий всякий запах, чистый, могучий ветер; он считается обладающим качеством осязания.

77. От ветра вследствие его видоизменения происходит озаряющий и разгоняющий тьму лучезарный свет; качеством его считается форма;

78. а от света вследствие его видоизменения – воды; они считаются обладающими качеством вкуса; от вод – земля, обладающая качеством запаха. Так было создано вначале *.

79. Ранее упомянутый век богов – двенадцать тысяч [лет]– взятый семьдесят один раз, называется здесь манвантарон (manvantara).

80. Манвантары, создания и разрушения [мира], бесчисленны; Высочайшее Существо (paramesthin), как бы играя, создает их каждый раз.

81. В век Крита дхарма – четвероногая-* и полная, также и истина; никакой выгоды не было людям от адхармы.

82. Но в другие [века] из-за [стремления к] выгоде дхарма теряет постепенно по ноге; и из-за воровства (saurika), лжи (anrta) и обмана (māyā) дхарма исчезает четверть за четвертью.

83. Свободные от болезней, достигающие всех целей [люди] в век Крита живут по четыреста лет, но в Трета и прочих их жизнь уменьшается на одну четверть*...

84. Жизнь смертных, упоминаемая в Веде, желанные результаты жертвенных обрядов и сила одаренных телом распределяются соответственно веку.

85. Одни дхармы – в век Крита, другие – в Трета и Двапара, иные – в век Кали, соответственно укорочению веков.

86. В век Крита объявили главным аскетизм, в Трета – знание, в Двапара же – жертвоприношение, в век Кали – одну щедрость.

87. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

88. Обучение (adhyāraṇa), изучение [Веды] (adhyāyana), жертвоприношение для себя (yajana) и жертвоприношение для других (yājana), раздачу (dāna) и получение (pratigraha) [милостыни] он установил для брахманов*.

89. Охрану подданных, раздачу [милостыни], жертвоприношение (ijya), изучение [Веды] и неприверженность к мирским утехам он указал для кшатрия*.

90. Пастьбу скота (pa<ünām raksana) и также раздачу [милостыни], жертвоприношение, изучение [Веды], торговлю (vanikpatha), ростовщичество (kuslāda) и земледелие (kṛṣi) – для вайшия*.

91. Но только одно занятие Владыка указал для щудры – служение (cusrūṣā) этим варнам со смирением*.

92. Выше пупа человек считается более чистым, именно поэтому наиболее чистыми объявлены Самосушим его уста*.

93. Вследствие происхождения из наилучшей части тела [Брахмы], вследствие первородства*, знания Веды, брахман по нраву господин всего этого творения*;

94. ибо Самосуший, совершив аскетические подвиги, создал сначала из своих уст его для приношения жертв богам и предкам, для сохранения всего этого.

95. Какое живое существо лучше того, устами которого всегда поглощают жертвенную пищу (havya) небожители, а поминальные приношения (kavya) – предки? * Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными – разумные, между разумными – люди, между людьми – брахманы;

97. между брахманами – знающие [Веду], между знающими – признающие, между признающими – исполняющие, между исполняющими – познающие брахму.

98. Само рождение брахмана – вечное воплощение дхармы, ибо он рожден для дхармы и предназначен для отождествления с брахмой.

99. Ведь брахман, рождаясь для охранения сокровищницы дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ.

100. Все, что существует в мире, это собственность (sva) брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это *.

101. Брахман ест только свое, носит – свое и дает – свое; ведь другие люди существуют по милости брахмана.

102. С целью определения обязанностей (karman) его* и остальных мудрый Ману, происшедший от Самосущего, составил эту щастру.

103. Она должна быть тщательно изучена и правильно сообщена ученикам [только] ученым брахманом, никем другим *.

104. Брахман, изучающий эту щастру и ведущий образ жизни, соответствующий объявленному [в ней], никогда не пятнается грехами, [совершенными] в мыслях, [а также] словесными и телесными.

105. Он очищает [всякое] сборище и родичей – семь предшествующих и семь последующих [поколений]; только он один имеет право на всю эту землю.

106. Эта [щастра обеспечивает] наилучшее благополучие, увеличение разума, вечную славу, высшее блаженство.

107. В ней полностью изложена дхарма, добродетельность и греховность деяний, а также извечное правило жизни четырех варн.

108. [Это] правило жизни – высшая дхарма, изложенная в священном откровении *, а также в священном предании *; поэтому желающий себе блага дваждырожденный * пусть всегда следует ему.

109. Брахман, пренебрегающий правилом добродетельного поведения, не вкушает плода Веды *, но следующий ему считается вкушающим обильный плод...

Глава 2.

28. Благодаря изучению Вед, обетам*, жертвам на огне*, тройственному священному знанию *, жертвам (ijya) *, сыновьям, великим жертвоприношениям (mahāyajna), ведийским жертвоприношениям (yajna) это тело делается достойным [соединения с] брахмой.

29. Раньше отрезания пуповины мальчик допускается к обряду при рождении и к вкушению им золота *, меда и масла, сопровождаемому произнесением мантр.

30. На десятый или двенадцатый день пусть отец позаботится о совершении обряда наречения именем (nāmadheya) в счастливый лунный день или минуту, или при благоприятном созвездии.

31. [Именем] брахмана пусть будет [слово] благоприятно, кшатрия – исполненное силы, вайция – соединенное с богатством, но у щудры – презрительное;

32. [именем] брахмана пусть будет [слово], выражающее счастье, кшатрия – исполненное защиты, вайция – связанное с процветанием, щудры – связанное с услужением*.

33. У женщин [желательно имя] легко произносимое, не страшное, имеющее ясный смысл, приятное, благоприятствующее, оканчивающееся долгим гласным, содержащее благословение.

34. По истечении четвертого месяца должен быть исполнен обряд первого выно: а [младенца] из дома (niskramana), по истечении шести месяцев – обряд первого кормления рисом (annaprā^ana) или какой-нибудь [другой] жертвенный обряд, благоприятный для семьи.

35. Согласно предписанию священного откровения обряд пострижения (cūḍākarma) должен быть совершен ради дхармы для всех дваждырожденных по прошествии первого или третьего года.

36. На восьмом году от зачатия надо произвести посвящение (urapāyana) для брахмана, на одиннадцатом от зачатия – для кшатрия, на двенадцатом от зачатия – для вайция*.

37. [Посвящение] брахмана, желающего [приобрести] священное знание, может быть произведено на пятом [году], кшатрия, желающего могущества, – на шестом, вайция, желающего богатств, – на восьмом*.

38. [Время чтения] «Савитри»* для брахмана не истекает до шестнадцати лет, для кшатрия – до двадцати двух, вайция – до двадцати четырех.

39. После этого эти трое, не получившие своевременно посвящения, лишаются посвящения, становятся вратьями* презираемыми ариями.

40. С ними, не очищенными должным образом, никогда, даже в бедственных обстоятельствах, брахману не следует вступать в сношения – ни посредством Веды*, ни посредством брака.

41. Ученикам (brahmacārin) * полагается носить должным образом шкуры черных антилоп, оленей, козлов, а также [одежды], сделанные из пеньки, льна и овечьей шерсти.

42. Тройной пояс (mekhalā) брахмана, гладкий и мягкий, должен быть сделан из [травы] мунджа, [пояс] кшатрия, как тетива лука, [должен быть] сделан из [травы] мурвы, вайщия – из пеньковых нитей.

43. При недостатке [травы] мунджа они должны делаться из [травы] куща, ащмантака, бальбаджа с одним тройным узлом или с тремя, или с пятью.

44. Священный шнур (upavīta) для брахмана полагается из хлопковых нитей, перевитый втрое, кшатрия – [сделанный] из пеньковых нитей, вайщия – из шерстяных нитей.

45. Согласно дхарме достойны посохов: брахман – [еде* ланного] из бильвы или палаци, кшатрий – из [дерева] вата или кхадира и вайщий – из пилу или удумбары.

46. Посох брахмана должен быть сделан размером до верха волос, кшатрия – достигающим лба, вайщия – до носа.

47. Всем этим посохам полагается быть прямыми, без повреждений, приятными и нестрашными на вид, сохраняющими кору, непопорченными огнем.

48. Получив желанный посох, почтив солнце, обойдя огонь, имея его с правой стороны, [ученик] пусть собирает милостыню согласно правилам *.

49. Посвященный брахман пусть просит милостыню, начиная [свою просьбу] с [почтительного слова] «господин» (bhavant), кшатрий – [помещая слово] «господин» в середине, а вайщий – [помещая слово] «господин» в конце [фразы].

50. Сначала следует просить милостыню у матери или сестры, или у родной сестры матери и [всякой другой женщины), которая не унизит его [отказом].

51. Собрав милостыни сколько нужно, показав без обмана гуру *, он может есть, обратившись лицом к востоку, очистившись прихлебыванием воды.

52. При вкушении с лицом, обращенным к востоку, [достигается] долголетие, с лицом, обращенным к югу, – слава с ли 3* 36 Законы Ману с лицом, обращенным к западу, – благополучие, с лицом, обращенным к северу, – праведность.

53. Совершив омовение, дважды рожденный пусть всегда * ест пищу внимательно, а поев* совершит должным образом омовение и [при этом] омоет впадины [на голове]*.

54. Надо всегда чтить пищу и есть ее без пренебреженья, увидев [ее] – радоваться, чувствовать себя удовлетворенным и всегда принимать с благодарностью...

127. Встретив брахмана, пусть спрашивает о счастье (ku- <;ala), кшатрия – о благоденствии (anama), вайшия – о благосостоянии (ksema), щудру – о здоровье (ärogya).

128. К тому, кто посвящен [для совершения жертвоприношений], не должно обращаться по имени, даже к более молодому; но знающий дхарму ему, ранее упомянутому, пусть говорит „бхох“ и „бхават“ *.

129. Если же это женщина – чужая жена и не родственница по происхождению (yonitafo), – ей следует говорить: „госпожа“ и „милая сестра“.

130. Дядьям по матери и по отцу, тестям, жрецам, [и другим] почтенным, [даже если они] моложе, он, встав, пусть говорит: „Я – такой-то“.

131. Сестра матери, жена дяди по матери, теща и сестра отца должны быть почитаемы как жена гуру, [ибо они] равны жене гуру.

132. Ноги жены брата, [если она] той же варны, он должен обнимать каждый день; но [ноги] жен [других] родственников по отцу (jnāti) и матери (sambandhi) он должен обнимать, [только] вернувшись из длительной отлучки.

133. К сестре отца, [его] матери и к своей старшей сестре следует относиться, как к матери, [но] мать почтеннее их.

134. Жители одного города считаются друзьями [и равными, хотя бы они были] десятью годами [старше один другого], занятые той же профессией – пятью годами, знатоки Вед (srotriya) – тремя годами, но родственники – [только] при незначительной разнице в возрасте.

135. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец – брахман.

136. Богатство, родство, возраст, [надлежащее исполнение] обрядов* и пятое – священное знание – достойны уважения, [и причем] каждое последующее важнее [предшествующего].

137. [Если у кого-нибудь] из трех [высших] варн имеется большинство [этих] пятй – по числу и по качеству, – тогда он достоин уважения, а щудра, – [кроме того], достигший десятого [десятка лет жизни].

138. Должно давать дорогу едущему в колеснице, тому, кому идет десятый десяток, больному, несущему тяжесть, женщинам, снатаке, царю и жениху.

139. Среди них встретившихся, наиболее почтенны снатака и царь; из них двоих снатака пользуется почтением царя...

Глава 3.

1. «Обет изучения трех Вед у гуру должен быть исполнен в течение тридцати шести лет, половины этого [срока], четверти, или до полного усвоения.

2. Изучив в должном порядке Веды, [все три], или две, или даже одну, без нарушения обета ученика (brahmacarya), пусть живет в ашраме домохозяина.

3. Его, признанного исполнившим свою дхарму, получившего от отца * в виде наследства Веду, украшенного гирляндой, сидящего на ложе, пусть он * почитит сначала коровой *.

4. Омывшись с позволения гуру, исполнив, согласно правилу обряд возвращения домой (samāv.rtta) *, дваждырожденному надо взять жену одной с ним варны, обладающую благоприятными знаками *.

5. [Девушка], которая не сапинда * со стороны матери и не принадлежит к тому же. роду *, что и отец, предписывается дваждырожденный для брака и любовных отношений.

6. При заключении брака (strlsambandha) надо избегать следующие десять семейств (kula), даже [если они] большие (mahat) и богаты коровами, козами, овцами, деньгами и зерном:

7. семейство, пренебрегающее исполнением обрядов, лишенное мужчин (nisprigusa), в котором не изучается Веда, [члены которого] волосаты, подвержены геморрою, чахотке, плохому пищеварению, падуцей, белой или черной проказе (9vitrikusthin).

8. Не следует брать в жены девушку рыжую (kapilā), имеющую лишний член *, болезненную, безволосую, слишком волосатую, болтливую, красноглазую,

9. носящую имя созвездия, дерева, реки, название низшей касты (antu), горы, птицы, змеи, слуги* или устрашающее имя*.

10. Надо брать в жены женщину, свободную от телесных недостатков, имеющую приятное имя, походку лебедя (harisa) или слона*, нежные волосы на теле и голове, красивые зубы, нежные члены.

11. Благоразумному не следует брать в жены ту, у которой нет брата и отец неизвестен, из опасения, что она может оказаться путрикой*, а также [из опасения] нарушения дхармы*.

12. При первом браке дваждырожденному рекомендуется [жена] его варны; но у поступающих по любви могут быть жены согласно прямому порядку [варн] (kramaas).

13. Для щудры предписана жена щудрянки, для вайция – [щудрянки] и своей [варны], для кшатрия – те [обе] и своей (варны), для брахмана – те [три], а также своей [варны]*

14. Ни в одном сказании не упоминается жена-щудрянки у брахмана или кшатрия, даже у находящихся в крайних обстоятельствах.

15. Дваждырожденные, берущие по глупости в жены низкороденных женщин*, быстро низводят семьи и потомков к положению щудры ((jüdratä).

16. Согласно Атри и сыну Утатхьи [уже только] женившийся на щудрянке впадает в грех, по Щаунаке* – вследствие рождения [от нее] сына, согласно Бхригу–вследствие [рождения] потомства [только] от нее.

17. Брахман, возведя щудрянку на ложе, [после смерти! низвергается в ад; произведя от нее сына, он лишается брахманства.

18. Предки и боги не вкушают [приношения] того, у которого обряды в честь богов, предков и гостей совершаются в ее присутствии; поэтому он не идет на небо.

19. Для целующего* щудрянку (vrsali), для оскверненного [ее] дыханием, а также для породившего от нее потомство не предписывается искупления*...

151. Не следует кормить при щраддхе следующих: носящего волосы*, не изучившего [Веды], импотента*, игрока, ни тех, которые приносят жертвы для многих*.

152. Надо избегать при приношении богам и предкам лекарей, обслуживающих идолов* жрецов, продавцов мяса и живущих торговлей,

153. слугу (presya) деревни и царя (räja), имеющего больные ногти, имеющего черные зубы, ослушника гуру, покинувшего священный огонь, а также ростовщика (värdhusin),

154. чахоточного, пастуха, младшего брата, женившегося раньше старшего *, человека, не исполняющего религиозных обязанностей, ненавидящего брахманов, неженатого старшего брата женившегося младшего * и члена какого-либо объединения *...

Глава 7.

20. Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле...

27. этих трех, [но] чувственный, непостоянный и порочный Наказанием же губится.

28. Так как Наказание обладает великой энергией и с трудом может быть использовано неопытными *, то царя, отклоняющегося от дхармы, оно губит вместе с родственниками...

34. Поэтому же слава царя, живущего противоположно, несдержанного, сжимается, как капля коровьего масла на воде.

35. Для всех неуклонно следующих присущей им дхарме, для варн и различных ащрам царь создан [как] охранитель...

Глава 8.

52. При запирательстве должника, которому в суде сказано: «Отдай», – истцу (abhiyoktar) полагается указать место или привести [иное] доказательство.

144. Залог нельзя использовать против воли (baläd) [должника]; использующий [его так] – теряет процент или обязан удовлетворить [должника уплатой] стоимости (mulya); иначе он будет [считаться] похитителем залога.

145. Ни залог, ни вклад (upanidhi) не теряются с течением времени; они оба подлежат возвращению, хотя бы долго оставались [у принявшего на хранение].

146. [Предметы], используемые с согласия [должника] – корова, верблюд, верховая лошадь и [животное], приученное к работе, – никогда не пропадают для него.

147. Если собственник (dhanin) поблизости молча наблюдает, как что-либо* используется другими в течение десяти лет, он не имеет права получить это [обратно].

148. Если [собственность] того, [кто] не слабоумен и совершеннолетен, использовалась с [его] ведома *, она согласно обычаю (vyavahāra) потеряна для него; пользователь имеет право (arhati) на это имущество...

163. Договор (vyavahāra), заключенный пьяным, безумным, страдающим [от болезни и т. д.], рабом (adhyadhina), ребенком, старым, а также неуполномоченным, – недействителен.

164. Соглашение (bhāsa), даже будучи подкрепленным [письменными документами, дачей залога и т. д.], не является истинным, если оно заключено в нарушение дхармы, принятой в деловых отношениях.

165. Обманный залог или продажу, обманный дар или принятие [его] – все, где виден обман, надо отменить...

168. Данное по принуждению, используемое насилием, а также написанное по принуждению – все дела, совершенные по принуждению, Ману объявил недействительными.

201. Кто получает какую-либо вещь при продаже ее в присутствии свидетелей, тот получает вещь честно и по закону (nyāyatas) покупкой.

215. Наемный работник (bhrta), который, не будучи больным, из наглости не исполняет установленную работу, должен быть оштрафован на восемь кришнал, и его жалованье не должно быть уплачено ему.

218. Таким образом, дхарма относительно неуплаты жалованья за [невыполненную] работу изложена полностью; теперь я изложу дхарму относительно нарушителей договора (samaya).

219. Человека, который, заключив скрепленное клятвой соглашение (samvid) с общиной (safiha), с деревней или округом, нарушает [его] из жадности, царю следует изгнать из страны.

220. Схватив нарушителя соглашения, надо заставить его уплатить шесть нишка, четыре суварны и серебряную щатаману *.

221. Справедливому царю следует применять это [вышеупомянутое] правило о наказаниях к нарушающим соглашение с деревнями и родовыми общинами (grāmajätisamühesu).

399. Царю следует конфисковывать все имущество [купца], из жадности вывозящего [из страны] товары, [торговля которыми] объявлена [монополией] царя *, а также запрещенные к вывозу.

400. Избегающий таможи, покупающий и продающий не в должное время *, говорящий ложно при исчислении [стоимости товара] должен быть принужден уплатить восьмикратную [стоимость] ущерба (атуауа), [который он мог этим причинить].

401. Определив места прибытия и отправления, время хранения, прибыль (vrddhi) « издержки (ksaya), следует назначать покупную и продажную [цену] для всех товаров.

402. Каждый раз по прохождении пяти ночей или двух недель царю надо в присутствии их* устанавливать цены.

403. Надо, чтобы весы и меры были всегда хорошо помечены, а проверять их полагается через каждые шесть месяцев.

404. За переправу [пустой] повозки должна быть уплачена пана, за человека [с ношей] – половина паны, за животное и женщину – четверть паны и за человека без ноши – половина четверти.

Глава 9.

1. Теперь я изложу вечные законы для мужа и его жены, которые идут по пути долга, будь то вместе, будь то в разлуке.

2. День и ночь женщины должны находиться в зависимости мужчин (своего семейства)...

3. Отец охраняет ее в детстве, муж охраняет ее в молодости, сыновья охраняют в старости; женщина никогда не пригодна для независимости.

4. Достоин порицания отец, который не выдает (своей дочери замуж) в надлежащее время; достоин порицания муж, который не приходит (к своей жене в должное время), и достоин порицания сын, который не охраняет своей матери по смерти ее мужа.

8. Муж, при соединении с женой, став зародышем, рождается в ней; замужество жены состоит в том, что он снова рождается от нее.

10. Человек не может вполне охранить женщин силой, но и могут быть охранены принятием (следующих) мер:

11. (Муж) должен поручить своей (жене) хранение и расходование имущества, содержание (всего) в чистоте, (исполнение) религиозных обязанностей, приготовление пищи и попечение о домашней утвари.

12. Женщины, заключенные в доме под охраной верных и преданных людей, не бывают в безопасности; только те, которые охраняют сами себя по своему собственному желанию, находятся в полной безопасности.

13. Употребление спиртных напитков, общество дурных людей, оставление мужа, бродяжничество, сон не вовремя и проживание в чужих домах составляют шесть причин падения женщины.

14. Женщины не смотрят на красоту, их не останавливает возраст; (при мысли «довольно того, что) он мужчина», они отдаются и красивому и безобразному.

29. Ту, которая, обуздывая свои мысли, слова и действия, не нарушает долга относительно своего мужа, живет с ним и в этом мире и на небе (после смерти), добродетельные люди называют верной (женой, садхви).

30. Но за измену своему мужу жена подвергается порицанию между людьми, и (в будущей своей жизни) она возрождается в чреве шакала и поражается болезнями в наказание за свой грех.

31. Выслушайте (теперь) следующее священное правило, благодетельное для всех людей, которое возведено... относительно мужского потомства.

33. По священному преданию женщина считается полем, мужчина считается семенем; рождение всех одаренных телом существ (имеет место) вследствие союза почвы с семенем.

45. Только тот полноценный человек, кто состоит из трех (соединенных лиц): его жены, его самого и его потомства; так (говорит Веда), и (ученые) брахманы выразили это (правило) так: «муж с женой составляют одно целое».

46. Ни вследствие продажи, ни оставления ее (мужем) жена не освобождается от мужа: такую мы знаем дхарму...

48. Как по отношению к (чужим) коровам, кобылам, верблюдам, девушкам-рабыням, буйволицам, козам и овцам производитель (или его хозяин) не получает приплода, так и по отношению к чужим женам.

49. Те, которые не владеют полем, но, имея семена, бросают их в чужую землю, не получают прибыли в зерне, которое может вырасти.

51. Таким же образом люди, не имеющие супружеских прав на женщин и бросающие свое семя в чужую почву..., не получают плода.

52. Если не было заключено договора относительно приплода между собственником поля и собственником семени, то приплод принадлежит собственнику поля...

53. Но если особым договором (поле) передано (другому) для посева, то собственник семени и собственник поля оба считаются в этом мире участниками (жатвы).

59. За неимением потомства (от своего мужа) женщина, которая была уполномочена, может достигнуть, надлежаще (предписанным способом), желанного потомства от (сожительства с) деверем или (каким-либо другим) сапಿಂದой¹ (своего мужа).

60. Тот, кому назначено (восстановить семя) от вдовы, должен (приблизиться к ней) ночью, помазанный очищенным маслом и молча воспроизвести сына...

66. Этот обычай порицается просвещенными брахманами, как свойственный животным...

72. Даже если (человек) взял девушку законным образом, он может бросить (ее, если она) с пороком, больна или обещана или отдана ему обманом.

74. Муж, имеющий дела (в чужих краях); может отлучиться, обеспечив содержание своей жены....

75. Если (муж) до отъезда обеспечил (ей) средства существования, то она должна ограничивать себя в своей повседневной жизни, но если он отправился, не обеспечив (ее), то она может существовать непредосудительными ручными работами.

76. Если муж ее отправился в чужие края ради религиозных обязанностей, (она) должна ожидать его восемь лет, если для (приобретения) знания или славы, – шесть лет, для удовольствия – три года.

77. В продолжение года муж должен терпеть жену, которая ненавидит его; но по (прошествии) года он может отобрать у нее имущество и прекратить сожительство с ней.

78. Та, которая показывает неуважение (к мужу), преданному (какой-либо дурной) страсти, к пьянице или больному, должна быть удалена на три месяца и лишена своих украшений и обстановки.

79. Но та, которая выражает отвращение к своему (мужу) безумному или лишенному варны, или скопцу, или страдающему бессилием, или пораженному такими болезнями, которые считаются наказанием за грехи, не должна быть ни удалена, ни лишена имущества.

81. Жена, не рождающая детей, может быть переменена на восьмом году, рождающая детей мертвыми – на десятом, рождающая только девочек – на одиннадцатом, но сварливая – немедленно.

82. Но больная жена, которая ласкова (к своему мужу) и высоко нравственна, может быть переменена только с ее согласия и никогда не должна быть неуважаемой.

85. Если дваждырожденные берут жен из своей и других (низших варн), то старшинство, почет и помещение этих (жен) должно быть (устроено) согласно порядку варн.

88. За отличного, красивого жениха равной варны (отец) может выдать свою дочь, согласно предписанному правилу, хотя бы она не достигла (брачного возраста).

90. Девушка, даже достигнув совершеннолетия, должна ждать три года; но после этого срока она может выбрать себе жениха равной (варны).

91. Если она сама, не будучи выдана замуж, находит себе жениха, ни она не совершает греха, ни тот, за кого она выходит.

92. Девушка, сама выбравшая для себя жениха, не должна брать с собой украшений, полученных ею от отца, матери или братьев; если она уносит их, это будет воровство.

93. Но взявший (в жены) совершеннолетнюю девушку не должен платить брачного вознаграждения ее отцу; ибо последний теряет свою власть над ней, препятствуя (законному результату появления) ее отпавлений.

94. Тридцатилетний мужчина может жениться на двенадцатилетней девушке, которая ему нравится; двадцатичетырехлетний мужчина – на восьмилетней девушке; если (исполнение) его обязанностей может (иначе) замедлиться² (он должен жениться) раньше.

95. Муж получает свою жену от Богов...; чтобы угодить Богам он должен всегда содержать ее, (пока она) верна.

102. Мужчина и женщина, соединенные браком, должны стараться не быть разлученными и не нарушать своей взаимной верности.

103. Тем самым вам объявлен закон относительно мужа и его жены...; выслушайте (теперь закон относительно) раздела наследства.

104. По смерти отца и матери братья, собравшись, могут разделить между собою поровну отцовское (и материнское) наследство; они не властны (над ним) при их жизни.

105. (Или) старший один может взять все отцовское имение, остальные должны жить под его опекой, как (они жили) под опекой отца.

106. После рождения первенца человек делается отцом сына и освобождается от долга по отношению к предкам...

107. Только этот сын, на которого он возлагает свой долг и через которого он достигает бессмертия, рожден для (исполнения) Закона; все остальные считаются потомством любви.

108. Как отец (бережет) своих сыновей, так старший брат должен беречь своих младших братьев, и они также, согласно Закону, должны относиться к своему старшему брату, как сыновья (относятся к своему отцу).

118. Но девушкам (сестрам) братья отдельно из своих частей должны дать, каждый из своей доли, одну четвертую часть; те, которые отказываются дать это, должны быть исключены из варны.

127. Тот, кто не имеет сына, может сделать свою дочь уполномоченной дочерью (путрика, назначенной произвести потомство для своего отца, говоря ее мужу): «Мальчик, рожденный от нее, должен исполнять мои поминальные обряды».

136. В том сыне, которого дочь, неуполномоченная или уполномоченная, может родить мужу равной варны, его дед по матери имеет внука; он должен принести поминальный пирог и наследовать имущество.

148. Правила, (изложенные выше), относятся к разделу между сыновьями женщин той же (варны); теперь выслушайте закон, относящийся к сыновьям, рожденным от нескольких жен разных (варн).

152. ...Знающий закон должен разделить все имущество на десять частей и распределить его следующим образом:

153. Сын брахман должен взять четыре части, сын кшатрийки – три, сын вайшийки – две, сын шудрянки может взять одну часть.

185. Не братья, не родители, а сыновья наследуют имущество отца; но наследство бездетного должен получить отец, а также братья.

189. Имущество (умершего) брахмана никогда не должно поступать в пользу царя, таково правило; но (имущество людей) других варн, при отсутствии всех наследников, царь может взять себе.

192. По смерти матери все единоутробные братья и единоутробные сестры должны поровну разделить имущество матери.

194. Что (было дано) до (брачного) огня, что (было дано) при свадебном шествии, что было дано в знак любви и что было получено от брата, матери или отца – это считается шестью видами собственности женщины.

195. Подарки, полученные ею после брака и сделанные (ей) любящим мужем, должны перейти к ее потомству, (даже) если она умерла при жизни своего мужа.

213. Старший брат, который по жадности обманывает младших, не должен (в дальнейшем пользоваться правами) старшего, ... и должен быть наказан царем.

220. ...Выслушайте теперь законы, относящиеся к игре.

221. (Азартную) игру и битье об заклад царь должен устранить из своего государства; оба эти порока причиняют государям разрушение их царства.

227. В древнюю эпоху этот порок игры оказался причиной сильной вражды; поэтому благоразумный человек не должен предаваться игре, даже ради удовольствия.

228. На всякого, кто предается этому (пороку) тайно или открыто, царь должен налагать наказания по своему усмотрению.

229. Кшатрий, вайший и шудра, которые не в состоянии уплатить штраф, должны возратить долг работой; брахман должен уплачивать его мало-помалу.

230. На женщин, детей, безумных, старых, бедных и больных царь должен налагать наказание бамбуковыми прутьями или веревкой и т. п.

231. Тех (лиц), назначенных управлять (общественными) делами, которые, будучи распалены пламенем наживы, причиняют вред делам просителей, царь должен лишать собственности.

232. Составителей ложных указов, тех, которые развращают его министров, тех, которые убивают женщин, детей или брахманов, и тех, которые служат его врагам, царь должен предавать смерти.

270. Справедливый царь не должен заставлять предавать смерти вора, (если он не пойман) с украденным имуществом; но того, кто пойман с украденным имуществом, он может немедленно лишить жизни.

276. Но царь должен отрубить руки тем ворам, которые, проникнув в дом, совершают кражу ночью, и заставить посадить их на острый кол.

277. За первую кражу он должен приказать отрезать у вора два пальца, за вторую – руку и ногу, за третью – подвергнуть смерти.

278. Тех, которые дают (ворам) огонь, пищу, оружие или приют, и укрывателей краденых вещей царь должен наказать как воров.

280. Тех, которые врываются в (царскую) кладовую, арсенал или храм, и тех, которые крадут слонов, лошадей или колесницы, он должен казнить без промедления.

284. Все врачи, которые плохо обращаются (со своими пациентами, должны заплатить) штраф...

287. Тот человек, который поступает нечестно с честными (покупателями), или обманывает в своих ценах, должен быть оштрафован низшим или средним штрафом.

288. Царь должен помещать все тюрьмы вблизи большой дороги, где страдающие и обезображенные преступники могут быть видны.

291. Тот, кто продает плохое зерно (вместо хорошего), тот, кто вынимает семена (уже засеянные), и тот, кто уничтожает пограничный (знак), должен быть наказан изуродованием.

292. Но царь должен заставить разрезать на части бритвами золотых дел мастера, поступающего нечестно...

293. За кражу земледельческих орудий, оружия и лекарств царь должен налагать наказания, принимая во внимание время (преступления) и полезность (предмета).

303. Царь должен подражать энергичному действию Индры, Солнца, Ветра, Ямы, Варуны, Луны, Огня и Земли.

304. Как Индра посылает обильный дождь в течение четырех месяцев дождливого сезона, так и царь, принимающий на себя обязанности Индры, должен источать благоденствия на свое государство.

305. Как Солнце, в течение восьми месяцев, (неощутимо) поглощает воду своими лучами, так и царь должен постепенно извлекать подати из своего государства; ибо это обязанность, которую он уподобляется Солнцу.

306. Как Ветер движется (езде), проникая (в виде воздуха) во все созданные существа, так и царь должен проникать (повсюду) при помощи своих агентов; это – обязанность, которую он уподобляется Ветру.

307. Как Яма в назначенное время подчиняет своей власти и друзей и врагов, так и все подданные должны быть контролируемы царем; это – обязанность, которую он уподобляется Яме. 308. Как (грешник) оказывается связанным цепями через Варуну, так и он должен наказывать злодеев; это – обязанность, которую он уподобляется Варуне.

309. Царь принимает на себя обязанность Луны, (появление) которой его подданные (приветствуют с той большой радостью), какую люди испытывают при виде полнолуния.

310. (Если) он пылает гневом против преступников и одарен блестящей энергией и уничтожает дурных подданных, тогда его сила считается (похожею) на силу Огня.

311. Как Земля служит опорой равномерно для всех созданных существ, так (царь), служащий опорой для всех своих подданных, (принимает на себя) обязанности Земли.

322. Кшатрии не благоденствуют без брахманов, брахманы не благоденствуют без кшатриев; брахманы и кшатрии, объединившись, благоденствуют и в этом (мире) и в будущем.

326. После того, как вайший получил посвящение и вступил в брак, он должен быть неизменно внимательным к тем занятиям, на которые он может существовать, и к заботам о скоте.

327. Ибо, когда Владыка тварей (Праджапати) создал скот, он поручил его вайшию; брахману и царю он вверил все (остальные) существа.

328. (Поэтому) вайший никогда не должен (допускать такой) мысли: «Я не хочу ухаживать за скотом»...

329. (Вайший) должен знать относительную стоимость драгоценных камней, жемчуга, кораллов, металлов, (платья) сделанного из тканей, благовоний и пряностей.

330. Он должен знать (способы) сеяния семян, хорошие и дурные свойства почвы, и он должен в совершенстве знать все меры и веса. 1 Икара, Варуна – Божества, Яма – судья мертвых.

331. А также достоинства и недостатки товаров, выгоды и невыгоды (разных) стран, (вероятные) прибыль и убытки на товарах и способы правильного разведения скота.

332. Он должен знать надлежащую плату слугам, разные языки, способы хранения товаров и правила купли и продажи.

333. Он должен употреблять величайшие усилия для приращения своего имущества законным способом и должен давать пищу всем созданным существам.

335. (Шудра) чистый, покорный высшим варнам, кроткий в словах, чуждый гордости и всегда ищущий помощи у брахманов, достигает (в своей будущей жизни) высшей варны.

Глава 10.

1. Три дваждырожденные варны, исполняя свои (предписанные) обязанности, должны изучать (Веду); но из них (только) брахман должен толковать ее, а не другие двое; такое установлено правило.

2. Брахман должен знать средства существования, (предписанные) для всех, наставлять других и сам жить в соответствии с Законом.

4. Брахманы, кшатрии и вайшии (составляют) три варны дваждырожденных, четвертая же, шудры, имеет только одно рождение; пятой (варны) нет.

57. Человека нечистого происхождения, который не принадлежит к какойлибо варне, ... который не ариец, хотя имеет вид арийца, можно распознать по его делам.

58. Поведение, недостойное арийца, грубость, жестокость и постоянное пренебрежение обязанностями обличают в этом мире человека нечистого происхождения.

63. Непричинение никому вреда, правдивость, неприсвоение чужого, чистоту и самообуздание Ману объявил сущностью Закона (основной дхармой) для четырех варн.

113. Брахманам-снатакам, бедствующим, нуждающимся в металле или в [другом] предмете, следует просить царя; если тот не желает давать, он должен быть покинут *.

114. [При сравнении] поля необработанного и обработанного, коров, коз, овец, золота, зерна и пищи – каждое предшествующее менее греховно [при получении его в качестве милостыни].

115. Существует семь законных способов приобретения имущества (vitta): наследование (dāya), получение (lābha) *, покупка (kṛaya), завоевание (jaya), ростовщичество (prayoga), исполнение работы (karmayoga), а также получение (pratigraha) [милостыни] от добродетельных *.

116. [Имеется] десять средств (hetu) существования: знание (vidyā), ремесло (gilpa), работа за плату (bhṛti), услужение (sevā), скотоводство, (goraksya), торговля (vipani), земледелие (kṛsi), довольство [малым] (dhṛti), милостыня (bhalksa), ростовщичество (kṛsda).

117. Брахману и даже кшатрию не полагается ссужать [деньги] под проценты; но при желании он, конечно, может дать грешнику [ссуду] под небольшой процент для [исполнения] дхармы.

Глава 11.

26. Тот грешник, который захватывает собственность богов * и брахманов, в другом мире * живет экскрементами коршунов.

27. В конце года следует всегда исполнять жертвоприношение вайшванари (vaigvānari) * в качестве искупления за неисполнение предписанных жертвоприношений животного и сомы.

28. Тот дваждырожденный, который не при крайних обстоятельствах исполняет дхарму, установленную для крайних обстоятельств, не получает награды в будущей жизни: так установлено [мудрыми].

29. Всеми богами, садхьями и брахманами – великими риши, боявшимися гибели в крайних обстоятельствах, было создано заменяющее правило [вместо главного].

30. Кто, будучи в состоянии исполнить главное правило (prathamakalpa), живет согласно заменяющему (anukalpa), для того, злонамеренного, будущая награда не полагается.

31. Брахман, знающий дхарму, может ничего не сообщать царю; именно своей мощью * ему следует наказывать тех вредящих [ему] людей.

32. [При сравнении] его мощи и мощи царя его мощь – более сильная, поэтому именно своей мощью дваждырожденный может наказывать врагов.

33. Он может без колебаний использовать священные тексты Атхарвана и Ангираса *, ведь слово – оружие брахмана, пусть дважды-рожденный им поражает врагов.

34. Кшатрию полагается преодолевать выпавшее ему несчастье мощью руки, вайщию и щудре же – богатством, лучшему из дважды-рожденных – тихими молитвами и жертвоприношениями на огне.

35. Брахман считается творцом [мира], карателем, учителем, благодетелем; нельзя ни говорить ему [что-нибудь] неблагоприятное, ни обращаться к нему грубо.

36. Ни девушка, ни молодая женщина, ни человек малосведущий, ни глупый не могут совершать агнихотру, так же как больной и непосвященный,

37. ибо такие [люди], совершающие жертвы на огне, и тот, чья та [агнихотра], низвергаются в ад; поэтому совершающему жертвоприношение надо быть искусным в [совершении обрядов] Вайтана * и знающим всю Веду.

38. Брахман, будучи богатым, не дав посвященную Праджапати лошадь в качестве вознаграждения за совершение агньядхеи *, становится [подобным] тому, кто не зажигал священных огней.

39. Верующий и обуздывающий свои чувства может исполнять и другие благочестивые деяния, но ни в коем случае не следует в этом мире совершать жертвоприношения за меньшее, [чем положено], вознаграждение *.

40. Органы чувств, почет, небо, долголетие, славу, потомство, скот – губит жертвоприношение, за которое дается [слишком] малое вознаграждение; поэтому человеку с малым достатком не следует приносить жертвы.

41. Брахман-агнихотрин *, добровольно пренебрегший щепными огнями, пусть исполняет лунное покаяние * в продолжение месяца, ибо это [преступление] равно убийству сына.

44. Человек, не исполняющий предписанное дело, исполняющий порицаемое и приверженный к мирским утехам, обязан совершить покаяние (prāyascitta).

45. Мудрые предписали покаяние за грех, совершенный неумышленно, некоторые, [исходя] из указаний священного откровения, объявили [его] даже за [грехи], совершенные умышленно.

46. Грех, совершенный неумышленно, очищается повторением ведийских текстов, но совершенный умышленно, по глупости, – разного рода покаяниями.

47. Дваждырожденный, будучи вынужден исполнять покаяние по [велению] рока или за [действие], совершенное в прежней жизни, – не может общаться с благочестивыми до исполнения покаяния.

48. Некоторые злодеи подвергаются изменению внешности вследствие преступлений в этом мире, а некоторые – из-за совершенных в прежней жизни:

49. укравший золото [как следствие этого приобретает] болезнь ногтей, пьяница – черноту зубов, убийца брахмана – чахотку, осквернитель ложа гуру – болезнь кожи...

Так, вследствие остатка [греха прежнего] деяния рождаются презираемые благочестивыми слабоумные, немые, слепые, глухие, а также имеющие безобразную внешность.

54. Поэтому для очищения всегда должно быть исполняемо покаяние, так как неискупившие грехи рождаются [вновь] с позорными знаками.

55. Убийство брахмана, пьянство, кража *, прелюбодеяние с женой гуру и даже сообщество с такими [преступниками] объявили великими грехами (mahārāṭaka) *.

56. Ложь при [определении] превосходства [в родовитости], представляемый царю клеветнический донос, лживое обвинение гуру – равны убийству гуру.

57. Пренебрежение Ведой, порицание Веды, лжесвидетельство, убийство друга, поедание запрещенной и несъедобной пищи – шесть [преступлений], равных пьянству.

58. Похищение вклада (nikṣepa) или людей (nara), лошади и серебра, земли (bhōmi), алмазов (vajra) и [других] драгоценных камней считается равным краже золота.

59. Плотскую связь с единоутробными сестрами, с девушками и низкорожденными женщинами (antyajā), с женами друга или сына объявили равной осквернению ложа гуру.

60. Убиение коров, принесение жертв для недостойных жертвоприношения, прелюбодеяние, продажа самого себя (ātmaṅkṛaya), оставление гуру, матери, отца и сына, [священного домашнего] огня, [прекращение] повторения Веды,

61. [допущение] младшим братом [женитьбы ранее] неженатого старшего, [допущение] старшим неженатым братом женитьбы младшего, выдача дочери за одного из них и принесение для них жертв,

62. опорочение девушки, ростовщичество (vārdhusya), нарушение обета, продажа пруда (tadāga), сада (āgāma) *, жены и потомства,

63. образ жизни вратьи *, оставление родственников, обучение [Веде] за плату, изучение [ее] у [учителя], получающего плату (bhffā), и продажа товаров, запрещенных к продаже (арапуа),

64. заведование всякими рудниками (ākara), возведение крупных сооружений *, повреждение растений, проживание за счет жены, чародейство и колдовство посредством корней,

65. порубка невысохших деревьев на топлизо, совершение деяний для себя *, вкушение запрещенной пищи,

66. незажигание священных огней, воровство *, неуплата долгов *, изучение ошибочных книг * и занятие ремеслом танцора и певца (kaugilavya),

67. кража зерна, металлов * или скота *, связь с пьяными женщинами, убийство женщин, щудр, вайшиев и кшатриев, неверие (nāstikya) * – меньший грех (uparāta).

68. Нанесение вреда брахману [ударом], ьюхание [вещей], неподлежащих нюханию, или спиртных напитков, обман и мужеложство причиняют потерю касты (jātibhraiigakara).

69. Убиение осла, лошади, верблюда, оленя, слона, козы и овцы известно как вызывающее [возрождение] в смешанной [касте] (saifikaṛ), так же как рыбы, змеи и буйвола.

70. Принятие имущества от презренных *, торговля (vānija), услужение щудрам известно как делающее [виновника] недостойным получать дары, [как] и произнесение неправды.

71. Умерщвление червей, насекомых и птиц, употребление пищи, находившейся поблизости от спиртного, кража плодов, топлива, цветов и отсутствие самообладания – [преступления], вызывающие нечистоту.

72. Выслушайте [теперь] надлежаще о всех тех грехах, как они были объявлены по отдельности, [и] какими обетами они снимаются *.

73. Для своего очищения убийце брахмана * надо жить в лесу двенадцать лет, построив хижину, питаясь, милостыней и сделав своим отличительным знаком череп покойного;

74. или ему надо добровольно стать [в сражении] мишенью для воинов, знающих [его намерение], или ему надо трижды бросаться вниз головой в пылающий огонь;

75. или он может совершить жертвоприношения ащвамедха, сварджит, госава, абхиджит, вишваджит, триврит или агништут;

Глава 12.

8. (Человек) достигает (результата) доброго или дурного посредством умственного (действия) в своем уме, словесного (действия) в своем слове, телесного (действия) своего тела.

9. За (многие) преступные деяния, совершенные телом, человек становится (в будущем рождении) чем-либо неодушевленным; за (грехи), совершенные словом, – птицей или зверем; и (за грехи), совершенные умом, (он возродится в) низшей варне.

10. Тот человек, который достиг контроля над своими словами, контроля над своими мыслями и контроля над своим телом, называется тридандин, «носящий три жезла».

11. Тот человек, который соблюдает этот тройственный контроль (над собой) по отношению ко всем созданным существам и обуздывает желания и гнев, достигает истинного величия.

Тема 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Вопросы для устного рассмотрения:

1. Даосизм.
2. Конфуцианство.
3. Моизм.
4. Легизм.

Теоретическая информация по теме

Древнекитайская философия права является уникальной, она особенна тем, что её доктринальной основой является ни мифология, ни религия, а ритуал. Ритуал представляет собой устои, основу и истоки неба и земли. Для этой философии характерно развитое чувство покорности власти правителя, которое основано на почитании старших, культе предков. Повышенный прагматизм политико-правовой идеологии в Древнем Китае, ориентированность идеологии на поиск эффективных средств управления, способных обеспечить гармонию и порядок, обусловили свободное сосуществование различных политико-этических учений.

Своего апогея политико-правовые учения достигли в V–III вв. до н.э., когда существовало одновременно шесть основных школ. Наибольшее влияние среди которых имели конфуцианство, легизм, моизм, даосизм. Они несли не только философский смысл, но и имели практическое значение, поскольку в них искали способы урегулирования возникающих в обществе конфликтов.

Конфуцианство было оформлено в 551–479 гг. до н. э. Конфуций предлагал решать, как социальные, так и политические вопросы, опираясь на принципы жень, ли и дэ. У Конфуция самая важная норма – жень – обозначает не только поведение человека, но и его качественную характеристику. Суть её можно понять из следующего рассуждения: «Если вы учтивы, к вам не будут обращаться неуважительно, если вы честны, вам будут верить; если серьёзны, преуспеете; если добры, сможете использовать услуги других». Обладание всеми этими качествами и постоянная реализация их – это и есть жень. Принцип «ли». Без него немислим порядок в обществе. Достижение справедливого

устройства возможно, лишь соблюдая определённые правила (ли) и нормы (сяо), которые касаются всех людей и прежде всего тех, кто управляет. Ли – это правила поведения людей, которые предохраняют от угодничества одних, от произвола других, позволяя каждому сохранить достоинство. Без неукоснительного соблюдения ли вся структура¹.

Принцип добродетели «дэ». Этот принцип распространяется на всех людей, причастных к управлению. По Конфуцию управляющие верхи должны быть совершенными, подчинены строгим нормам ритуала «ли»: чувству долга и справедливости, стремлению к знаниям, верности, уважению к старшим, гуманному отношению к подчиненным. Благородный чиновник всегда следует справедливости и готов к отставке.

Сторонники данной философии считают, что именно мораль является главным средством воздействия на людей. Конфуций не считал принцип законности первостепенным, открыто заявлял о вреде закона; отрицательно относился к позитивным законам, которые традиционно носят репрессивный характер.

Если учение об управлении Конфуция было построено на этикете и нравственности, то легизм можно назвать противоположным политико-правовым учением, так как оно основывалось на главенстве закона.

Легизм призывал к тоталитарно-деспотическому управлению обществом. Наиболее значимые представители легизма считаются Шан Ян и Хань Фэй.

Шан Ян считал, что народные интересы противоположны государственным, так как человек обладает изначально эгоистичной и злой природой, а государство призвано спасти людей от самих себя. Он писал: «Глупость и зло – удел народа, мудрость и благо – прерогатива власти». По мнению легистов только закон выступает регулятором общественной жизни, законы одинаковы для всех и являются инструментом в руках власти.

---

¹ Сорокун П.В., Яськова Е.Е. Политические и правовые учения в древнем Китае // Эпоха науки № 8 – декабрь 2016 г. Социально-экономические и общественные науки [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/ypetrova/Downloads/politicheskie-i-pravovye-ucheniya-v-drevnem-kitae.pdf> (дата обращения: 02.08.2022).

Понятие справедливости Шан Ян отождествлял с насилием и считал, что основным стимулом правомерного поведения людей является страх перед наказанием. Если Конфуций учил превыше всего почитать своих родителей, то Шан Ян учил доносить на них при малейшем проступке против государства. Вместо государства, понимаемого как семья, – мертвый бюрократический организм, основанный на формальных правовых отношениях. Вместо добродетельного правителя – повелитель, для которого не существуют ни традиции предков, ни воля народа, ни добродетель.

Государство, основанное на принципах легизма является жестко централизованным, содержит хорошо вооруженную армию, обеспечивает ограничение произвола чиновников и местных правителей; обеспечивает единый порядок и законы.

Даосизм оформился как политико-правовое воззрение в VI в. до н. э его основателем был Лао-цзы. Он определяет дао как естественный, закономерный порядок вещей, не зависимый от божественной воли или воли правителя. Дао олицетворяет высшую добродетель и естественную справедливость. В отношении к дао все равны. В такой трактовке дао выступает как естественное право. Император должен так выстроить администрацию, чтобы всё шло как по маслу и не нужно было даже указаний, каждый знал бы своё дело и исполнял его безукоризненно.

Творчество (в т.ч. законотворчество) Лао-цзы оценивал как ложный путь, потому как предметы искусства, культуры, позитивные законы созданы человеком, а не природой.

По мнению сторонников даосизма, правитель не должен вмешиваться в естественный ход вещей. Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Учение призывает не притеснять народ, а наоборот обеспечить ему покой.

Начала радикально-демократического направления древнекитайской философии заложило политико-правовое учение моизма, основателем которого выступал Мо-цзы (479–400 гг. до н. э.).

Моисты придерживались идеи единой власти и справедливости для всех. Они считали, что власть идеально-организована, когда во главе стоит мудрый правитель, и система исполнительной службы исправно работает. По мнению Мо-цзы, чтобы установить единство в

государстве необходимо искоренить вредные учения, привить единомыслие, поддерживать социальное равенство. По некоторым идеям моизм напоминает легизм. Так например, Мо-цзы как и Шан Ян считал, что на государственную должность следует определять наиболее мудрых граждан, независимо от родства и происхождения. Также в государстве, построенном на принципах моизма поощрялись доносы, иначе комыслящие сурово наказывались.

Но было в концепции моизма некоторые идеи схожие с конфуцианскими. К примеру, огромное значение предавалось принципу всеобщей равной любви и отмечался вред законов.

Государство, считал Мо-цзы, должно заботиться о благе народа. Народ должен быть сыт. Решение этой проблемы моисты видели во всеобщем занятии физическим трудом. Признавалось право народа на восстание против несправедливой власти.

Все четыре проанализированных философских направлений имеют общую цель это построение идеального гармоничного государства. Но значение морали в управлении обществом понимается по-разному. Конфуций считает, что каждый человек, в особенности правитель, должен постоянно совершенствоваться и стремиться к идеальному моральному облику. Шан Ян считал, что эгоизм, зло, жадность – истинная природа человека, а государство добродетельно. И правителю не обязательно обладать моральными качествами, главное чтоб он внушал трепет народу. Мо-цзы полагал, что человек добрый от рождения. Добро основа морали человека и общества. Человеческая доброта отличает его от животного. Лао-цзы основой гармонии считает естественную сущность человека. Исходя из данной концепции все нормы поведения, устанавливаемые позитивным законом ложны. Таким образом, на способ управления государством особое влияние оказывает понимание сути человека и его роли в обществе.

В изученных концепциях речь идет о двух противоположных моделях поведения власти: активная деятельность и недеяние. Следует ли правителю вмешиваться в общественную и личную жизнь граждан? Конфуцианство и легизм предложили активную деятельность, хотя конфуцианство опиралось на мораль и добродетель, а легизм – на закон. Даосизм и моизм, выступали за невмешательство в общественный ход вещей.

Таким образом, подводя итог можно отметить, что политические и правовые взгляды мыслителей и политических деятелей Древнего Китая были удивительно прагматичными. Все правовые теории имеют свои преимущества и недостатки, возможно, приблизится к идеальному государству поможет объединение положительных идей в одну концепцию. Такая теория основывается на нравственных началах человека, а подкрепляется умеренным законным вмешательством власти. В государстве необходим взаимный контроль власти и общества. При этом власти следует не только постоянно развиваться в искусстве управления, но и заслужить доверие граждан, самой быть примером соблюдения законов как позитивных, так и естественных¹.

Практические задания

Конфуций. Изречения (фрагмент)²

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Каковы должны быть качества человека, правящего уездом?*
2. *Что должно лежать в основе закона?*
3. *Что есть человечность?*
4. *Какой главный фактор в управлении государством?*
5. *Какой экономический фактор Конфуций ставит в зависимость царю от народа?*
6. *Какое изречение Конфуция можно сравнить с выражением «каждый должен заниматься своим делом»?*
7. *Что есть правление?*
8. *Какое качество правителя исключит воровство в государстве?*
9. *Чем можно побуждать к усердию в делах?*

---

¹ Сорокун П.В., Яськова Е.Е. Политические и правовые учения в древнем Китае // Эпо-ха науки № 8 – декабрь 2016 г. Социально-экономические и общественные науки [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/yetrova/Downloads/politicheskie-i-pravovye-ucheniya-v-drevnem-kitae.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

² Текст составлен по: История политических и правовых учений: Электронная хрестоматия / Сост. М.Н. Грачев [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt05.htm> (дата обращения: 16.06.2022).

10. Можно ли одним высказыванием привести страну к расцвету?

11. Что рождает великодушие, правдивость, доверие, сметливость, беспристрастность?

Глава 1. Учиться

5. Учитель сказал:

– Правя уделом, способным выставить тысячу боевых повозок, надо быть тщательным в делах, правдивым, любить людей, экономить средства и побуждать народ к труду в соответствии со сменой сезонов.

Глава 2. Правитель

3. Учитель сказал:

– Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность.

Глава 6. Вот Юн

7. Благодетельный из Младших спросил:

– Можно ли привлечь Чжун Ю к правлению? Учитель ответил:

– Ю человек решительный. С чем он не справится по службе?

– А можно ли и Цы привлечь к правлению?

– Цы человек понятливый. С чем он не справится по службе?

– А можно ли и Цю привлечь к правлению?

– Цю многое умеет. С чем он не справится по службе?

Глава 12. Янь Юань

2. Чжунгун спросил о том, что такое человечность. Учитель ответил:

– Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный

жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе; не вызывают ропота в стране, не вызывают ропота в семействе.

Чжунгун сказал:

– Я хоть и не сметлив, позвольте мне заняться исполнением этих слов.

7. Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством.

Учитель ответил:

– Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

– А что из названного можно первым исключить в случае необходимости? – спросил Цзыгун.

– Можно исключить оружие.

– А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? – снова спросил Цзыгун.

– Можно исключить еду.

Смерть издревле никто не может избежать.

Когда ж народ не верит, то не устоять.

9. Князь Скорбной Памяти спросил Ю Жо:

– Как быть? Нынешний год неурожайный, и на покрытие расходов не хватает средств.

Ю Жо ответил:

– А почему бы не взимать налог в размере лишь одной десятой части.

– Я сейчас взимаю две десятых, и мне их не хватает. Как же я обойдусь одной десятой? – возразил князь.

Ю Жо сказал:

– Как может Вам недоставать, когда будет хватать народу? Как может Вам хватать, когда народу не хватает?

11. Князь Великий из удела Ци спросил Конфуция о том, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил:

– Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын.

– Отлично! Воистину, если не будет государем государь, слуга слугой, отец отцом и сыном сын, то, пусть бы даже у меня был хлеб, смогу ли я его вкушать? – ответил князь.

14. Цзычжан спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

– Когда руководишь, забудь об отдыхе.

А выполняя поручение, будь честен.

17. Благодетельный из Младших спросил Конфуция о том, в чем заключается правление.

Конфуций ответил:

– Правление есть исправление.

Кто же посмеет не исправиться,

Когда исправитесь Вы сами?!

18. Благодетельный из Младших был обеспокоен воровством и спросил совета у Конфуция.

Конфуций ответил:

– Коль сами будете скромны в желаниях,

Не согласятся воровать и за награду.

19. Благодетельный из Младших, беседуя с Конфуцием об управлении государством, спросил:

– Что, если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?

Конфуций ответил:

– В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель – ветер, у малых же людей она – трава; склоняется трава вслед ветру.

20. Цзычжан спросил:

– Каким должен быть ученый муж, который мог бы называться выдающимся?

– А что, по-твоему, значит “выдающийся”? – спросил Учитель.

– Всегда быть прославляемым в стране, всегда быть прославляемым в семействе, – ответил Цзычжан. Учитель возразил:

– Это прославленный, а не выдающийся. А выдающийся бесхитроу и прям, он любит справедливость, вникает в то, что люди ему говорят, и изучает выражение их лиц, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других. Он непременно будет выдающимся в стране и выдающимся в семействе. Кого же прославляют, тот внешне проявляет человечность, а поступает вопреки ей, и так живет, не ведая сомнений. Вот он и будет непременно прославляемым в стране и прославляемым в семействе.

Глава 13. Цзылу

1. Цзылу спросил о том, что значит быть правителем.

Учитель ответил:

– Побуждай к усердию своим примером.

Когда Цзылу попросил дальнейших разъяснений,

Учитель сказал:

– Не знай отдыха.

2. Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем. Учитель ответил:

– Будь примером для своих подданных, не вини за малые проступки, выдвигай достойных и способных.

– А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? – спросил Чжунгун. Учитель ответил:

– Возвысь тебе известных,

А тех, кого не знаешь, –

Отринут ли другие?

3. Цзылу сказал:

– Вэйский государь ждет Вас для дел правления.

С чего Вы начнете? Учитель ответил:

– Нужно исправить имена.

– Вы так считаете? – возразил Цзылу. – Это слишком заумно. Зачем их исправлять?

Учитель ответил:

– Как ты необразован, Ю! Благородный муж, наверное, промолчал бы, услышав то, чего не понимает. Ведь если не подходит имя, то неуместно его толкование, коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности. Поэтому все, что называет благородный муж, всегда можно растолковать, а что он растолковывает, всегда можно исполнить. Благородный муж лишь избегает в толковании небрежности.

9. В поездке в Вэй с Учителем был Жань Ю, который правил повозкой.

Учитель заметил:

– Какое множество людей!

Жань Ю спросил:

– Когда их много, то что еще следует сделать?

– Их обогатить, – ответил учитель. Жань Ю снова спросил:

– А если станут и богаты, то что еще следует сделать?

– Их обучить, – ответил Учитель.

11. Учитель воскликнул:

– Воистину, как верно сказано, что если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они смогут справиться с насилием и обойтись без казней!

12. Учитель сказал:

– Даже когда приходит к власти истинный правитель, человечность может утвердиться лишь через поколение.

13. Учитель говорил:

– Когда ты исправляешь сам себя, то с чем не справишься в правлении? Когда не можешь сам себя исправить, то как же будешь исправлять других?

14. Когда Жань вернулся с заседания, Учитель спросил:

– Почему пришел так поздно?

– Обсуждали одно государственное дело, – ответил ученик.

Учитель возразил:

– Это дело не могло быть государственным. В противном случае я слышал бы о нем, хотя нигде и не служу.

15. Князь Твердый спросил:

– Можно ли одним высказыванием привести страну к расцвету?

Конфуций ответил:

– Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: “Трудно быть правителем и нелегко быть подданным”. Если поймешь, как трудно быть правителем, то разве не приблизишься к тому, когда одним высказыванием приводят государство к процветанию?

– А можно ли одним высказыванием погубить страну? – спросил князь.

Конфуций ответил:

– Этого нельзя достичь высказыванием. Но люди говорят: “Мне доставляет радость быть правителем лишь то, когда не возражают на мои слова”. Если то, о чем он говорит, прекрасно, разве плохо, что ему никто не возражает? Но если сказанное дурно и никто не возражает, то

разве не приблизишься к тому, чтобы одним высказыванием погубить государство?

16. Князь Шэ спросил, что значит управление государством. Учитель ответил:

– Это когда радуются те, что близко,
И приходят те, что далеко.

17. Когда Цзыся стал управителем Цюйфу, он спросил о том, как должен действовать правитель.

Учитель ответил:

– Не рассчитывай на скорые успехи и не соблазняйся малой выгодой. Поспешишь – и не добьешься цели, соблазнишься малым – и не сделаешь великого.

19. Фань Чи спросил о том, что составляет человечность. Учитель ответил:

– Держать себя с почтительностью дома,
Благоговейно относиться к делу
И честно поступать с другими.
От этого нельзя отказываться,
Даже когда едешь к варварам.

20. Цыгун спросил:

– Каким надо быть, чтобы могли назвать ученым мужем?

Учитель ответил:

– Ученым может называться человек, стыдливый в своем поведении, способный с честью выполнить приказ правителя во время миссии в чужом краю.

– Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

– Названный в роду почтительным к родителям, названный в деревне чтящим старших.

– Осмелюсь узнать, каков следующий за этим?

– Им будет, несомненно, малый человек. Чьи речи всегда искренни, а действия решительны. Он ограничен и упрям, но его тоже можно считать “следующим”.

– А каковы те, кто в наши дни занят правлением?

– А... мелкие людишки! Они не могут идти в счет!

Глава 16. Младший

1. Когда Младший решил выступить против владения Чжуаньюй, Жань Ю и Цзи Лу встретились с Конфуцием и сообщили:

– Младший решил начать боевые действия против Чжуаньюя.

Конфуций ответил:

– Но в этом не ты ли, Цю, и виноват? Царь-предок в прошлом сделал Чжуаньюй ответственным за жертвоприношения горе Дунмэн, к тому же данное владение находится на территории нашего княжества и защищает его алтари. Зачем же выступать против него?

Жань Ю ответил:

– Наш господин желает этого, а мы оба, его подданные, не хотим.

Конфуций ответил:

– Цю, у Чжоу Жэня есть высказывание: “Когда ты можешь проявить свои способности, то оставайся на посту, а не способен – уходи”. Зачем слепому поводырь, который не поддерживает его в опасном месте и не помогает встать, когда он падает? Ты говоришь неверно. Кто виноват, когда из клетки убегает тигр или носорог или ломаются в шкапулке панцирь черепахи и нефрит?

– Городские стены во владении Чжуаньюй крепки, и оно находится недалеко от Би, – сказал Жань Ю.

– Если сейчас не захватить, то в будущем наверняка доставит беды сыновьям и внукам Младшего.

Конфуций возразил:

– Цю, благородный муж не любит, когда не высказывают прямо своих побуждений, лишь стараются найти им оправдание. Я слышал, что того, кто правит государством или возглавляет знатный род, тревожит не отсутствие богатства, а его несоразмерное распределение, тяготит не малочисленность народа, а отсутствие благополучия. При соразмерности нет бедности; когда царит гармония, нет недостатка в людях; где утверждается благополучие, там не бывает потрясений. Так-то вот. Поэтому, коль непокорны жители далеких местностей, их привлекают тем, что совершенствуют образование и нравственность; когда же привлекают, то делают их жизнь благополучной. И вот вы оба, Ю и Цю, хотя и ходите в помощниках у господина, но жители далеких местностей ему не покоряются, и он не может их привлечь; в стране раздоры и разброд, а он не может ее уберечь, да еще замышляет выступить с

оружием внутри страны. Младшим Суням, боюсь, надо опасаться не владения Чжуаньюй, а самих себя.

Глава 17. Ян Хо

1. Ян Хо хотел, чтобы к нему явился Конфуций, но Конфуций не приходил. Тогда он послал Конфуцию в подарок поросенка. Выбрав время, когда Ян Хо не было дома, Конфуций отправился к нему с визитом, но неожиданно встретил его по дороге.

– Подойди ко мне, – обратился к нему Ян Хо, – я хочу с тобой поговорить.

Затем он сказал Конфуцию:

– Может быть назван человечным тот, кто, затаив за пазухой драгоценность, спокойно наблюдает, как его страна сбивается с пути? Не может. А может быть назван умным тот, кто стремится поступить на службу, но уже много раз упускал эту возможность? Не может. Дни и месяцы уйдут, с ними годы нас покинут.

– Согласен, я пойду служить, – ответил Конфуций.

18. Учитель отметил:

– Плохо, когда фиолетовый цвет затмевает ярко-красный; плохо, когда мелодии удела Чжэн портят возвышенную музыку; плохо, когда краснобаи губят государство.

Глава 20. Яо сказал

1. Яо сказал:

– О! Ты, Шунь! По преемству, установленному Небом, выбор пал на тебя. Держись твердо незыблемой середины. Если народ в пределах четырех морей будет терпеть лишения, то благословение Неба навсегда тебя покинет.

Шунь дал такое же указание Юю.

Тан сказал:

– Я, ничтожный Люй, осмеливаюсь принести в жертву черного быка и с трепетом докладываю Великому Владыке, что не смею миловать свершивших преступления и прикрывать Твоих, Владыка, слуг; пусть Твое сердце само сделает выбор. Если я виновен, не карай всех остальных; если виновны остальные, то за них меня подвергни каре.

Чжоуский дом одаривал щедро, и стали богаты хорошие люди.

“Хотя есть близкая родня, ей не сравниться с людьми, обладающими человечностью. Если виноват народ, его вина на мне одном”.

Он произвел проверку мер длины, объема, веса, восстановил отброшенные должности, и правительственные распоряжения стали всюду выполняться. Он возродил погибшие уделы, угаснувшие поколения, возвысил тех, кого несправедливо отвергали, и все простые люди Поднебесной выразили ему с радостью свою покорность.

Чему он уделял особое внимание, так это простым людям, обеспеченности продовольствием, обряду траура и жертвоприношениям.

Великодушие покоряет всех, правдивость вызывает у людей доверие, сметливость позволяет достигать успеха, а беспристрастность радует.

2. Цзычжан спросил Конфуция:

– Каковы условия участия в правлении страной?

Учитель ответил:

– Если относиться с почитанием к пяти достоинствам и устранять четыре недостатка, то можно принимать участие в правлении.

– Что значит пять достоинств? – спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов, не вызывает злобы у людей, когда заставляет их трудиться; его желания несовместимы с жадностью; он полон величавости, но чужд высокомерия; он грозен, но в нем нет свирепости.

– Что значит: “оказывая милость, не нести расходов?” – спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

– Благодотворить народу, используя все то, что приносит ему выгоду, – то ли не милость, не требующая расходов? Если для людей, которых заставили трудиться, выбирать посильный труд, то у кого из них возникает злоба? Когда стремятся к человечности и добиваются ее, откуда может взяться жадность? Благородный муж не смеет проявить пренебрежение, имеет ли он дело с многочисленным или немногим, великим или малым, – это ли не величавость без высокомерия? Благородный муж носит надлежащим образом шапку и платье, его взор полон достоинства, он так внушителен, что люди, глядя на него, испытывают трепет, – он ли не грозен без свирепости?

– Что значит четыре недостатка? – спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

– Казнить тех, кого не наставляли, значит быть жестоким; требовать исполнения, не предупредив заранее, значит проявлять насилие; медлить с приказом и при этом добиваться срочности, значит наносить ущерб; и в любом случае скупиться, оделяя чем-либо людей, значит поступать казенно.

Лао-цзы. Книга о Дао и дэ (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

- 1. Какова основная идея первого приведенного отрывка?*
- 2. Каков исходный постулат размышлений Будды?*
- 3. Какова конечная цель человека, по мнению Будды?*
- 4. Сформулируйте четыре благородные истины буддизма.*
- 5. Для чего нужен Восьмеричный путь, с чего он начинается и чем завершается?*
- 6. Какова основная мысль второго фрагмента?*
- 7. На основе второго фрагмента сформулируйте нравственный кодекс. Сохраняет ли свою актуальность этика буддизма в современном мире? Объясните свою позицию.*
- 8. Каким образом этические принципы буддизма могут быть использованы в служебно-профессиональной деятельности пожарных?*

(Книга пути и добродетели)

1. Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба

---

¹ Текст представлен по: Дао дэ цзин. (Книга пути и добродетели) / Пер. Я. Хиншуна [Электронный ресурс]. URL: <http://tao-te-ching.ru/> (дата обращения: 16.07.2022).

они* одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному.

4. Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чьё оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

6. Превращения невидимого [дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

7. Небо и земля – долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это от того, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

14. Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещён, его низ не затемнён. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Придерживаясь древнего дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом дао.

21. Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно. Дао туманно и неопределённо. Однако в его туманности и неопределённости содержатся образы. Оно туманно и неопределённо.

Однако в его туманности и неопределённости скрыты вещи. Оно темно и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью.

С древних времён до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаём начало всех вещей? Только благодаря ему.

24. Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блещет. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из дао, всё это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий дао, не делает этого.

36. Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления].

37. Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем – простое бытие – для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится.

57. Страна управляется справедливостью, война ведётся хитростью. Поднебесную получают во владение посредством недеяния. Откуда я знаю всё это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников.

Поэтому совершенномудрый говорит: «Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам

будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным».

58. Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро – в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенно мудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть.

63. Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое – из немногого. На ненависть нужно отвечать добром.

Преодоление трудного начинается с лёгкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из лёгкого, а великое – из малого. Поэтому совершенномудрый начинает не с великого, тем самым он совершает великое. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много лёгких дел, там много и трудных. Поэтому совершенномудрый относится к делу, как к трудному, поэтому он не испытывает трудности.

64. То, что спокойно, легко сохранить. То, что ещё не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего ещё нет. Наведение порядка надо начать тогда, когда ещё нет смуты. Ибо большое дерево вырастает из маленького, девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

Кто действует – потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет – теряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет. Те, кто, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу. Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому как он его начал, у того всегда будет благополучие. Поэтому совершенномудрый не имеет страсти, не ценит труднодобываемые предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать.

78. Вода – это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твёрдого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного.

Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твёрдое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны – становится государём, и, кто принял на себя несчастье страны – становится властителем».

Правдивые слова похожи на свою противоположность.

81. Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдаёт другим. Небесное дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенномудрого – это деяние без борьбы.

Конфуций. Лунь Юй (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *В чем состоит основное содержание учения Лао-Цзы о Дао? Назовите основные признаки Дао.*

2. *Каковы основные социально-политические идеи Лао-Цзы. Насколько они актуальны для современной России?*

3. *Какие из этих заповедей мудреца кажутся Вам наиболее полезными для современной молодежи?*

4. *Какое значение имеет максима Лао-Цзы «Кто действует – потерпит неудачу»?*

Глава 1

1. Учитель сказал: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это неприятно? Встретить друга, прибывшего издалека,

---

¹ Текст представлен по: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> (дата обращения: 03.08.2022).

разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?»

2. Ю-цзы сказал: «Мало людей, которые, будучи почтительными к родителям и уважительными к старшим братьям, любят выступать против вышестоящих. Совсем нет людей, которые не любят выступать против вышестоящих, но любят сеять смуту. Благородный муж стремится к основе. Когда он достигает основы, перед ним открывается правильный путь. Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – это основа человеколюбия».

3. Учитель сказал: «У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия». <...>

6. Учитель сказал: «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг».

7. Цзы-ся сказал: «Если кто-либо вместо любви к прекрасному избирает уважение к мудрости, отдает все свои силы служению родителям, не щадит своей жизни, служа государю, правдив в отношениях с друзьями, то, хотя о нем и говорят, что он не обладает ученостью, я обязательно назову его ученым человеком».

8. Учитель сказал: «Если благородный муж не ведет себя с достоинством, он не имеет авторитета, и, хотя он и учится, его знания не прочны. Стремись к преданности и искренности; не имей друзей, которые бы уступали тебе [в моральном отношении]; совершив ошибку, не бойся ее исправить». <...>

14. Учитель сказал: «Когда благородный муж умерен в еде, не стремится к удобству в жилье, расторопен в делах, сдержан в речах и, чтобы усовершенствовать себя, сближается с людьми, обладающими правильными принципами, о нем можно сказать, что он любит учиться». <...>

16. Учитель сказал: «Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава 2

1. Учитель сказал: «Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий». <...>

3. Учитель сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится».

4. Учитель сказал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала». <...>

7. Цзы-ю спросил о почтительности к родителям. Учитель ответил: «Сегодня почтительностью к родителям называют их содержание. Но люди содержат также собак и лошадей. Если родителей не почитать, то чем будет отличаться отношение к ним от отношения к собакам и лошадям?»

8. Цзы-ся спросил о почтительности к родителям. Учитель ответил: «Трудно постоянно выражать радость. Разве можно считать почтительностью к родителям только то, когда дети работают за них и предлагают им первым отведать вино и пищу?» <...>

13. Цзы-гун спросил о благородном муже. Учитель ответил: «Он прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом».

14. Учитель сказал: «Благородный муж ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одинаково».

15. Учитель сказал: «Учиться и не размышлять - напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно».

16. Учитель сказал: «Изучение неправильных взглядов вредно».

Глава 3

<...> 11. Учитель сказал: «Благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду». <...>

16. Учитель сказал: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду». <...>

Глава 6

<...> 17. Учитель сказал: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику. После того как воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем». <...>

27. Учитель сказал: «Такой принцип, как «золотая середина», представляет собой наивысший принцип. Люди [уже давно не обладают] им».

Глава 12

2. Чжун-гун спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Вне своего дома относись к людям так, словно принимаешь дорогих гостей. Используй народ так, словно совершаешь важное жертвоприношение. Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве и в семье к тебе не будут чувствовать вражды». <...>

11. Циский Цзин-гун спросил Учителя об управлении государством. Конфуций ответил: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном». <...>

16. Учитель сказал: «Благородный муж помогает людям свершать красивые дела и не помогает им свершать некрасивые дела. Низкий человек поступает противоположным образом». <...>

23. Цзы-гун спросил о том, что значит быть кому-то другом. Учитель ответил: «Будь честен с ним, когда даешь ему совет, и побуждай к хорошему. Но если он не слушает, то не настаивай, чтобы не быть униженным».

Глава 14

27. Учитель сказал: «Благородный муж стыдится, когда его слова расходятся с поступками».

28. Учитель сказал: «У благородного мужа три моральных принципа, но я не могу их осуществить. Обладая человеколюбием, он не печалится; будучи мудрым, он не сомневается; будучи смелым, он не боится». Цзы-гун сказал: «Это то, что Учитель говорил о себе». <...>

34. Кто-то спросил: «Правильно ли отвечать добром на зло?» Учитель ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром».

Тема 4. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Вопросы для устного рассмотрения:

1. Политическая и культурная специфика Древней Греции.
2. Источники греческого права и правовой теории.
3. Век законодателей. Возникновение правовой теории.
4. Взгляды на происхождение государства и права.
5. Право как предписание (приказ).
6. Факторы, обуславливающие право на практике.
7. Цель и пределы правового регулирования. Господство права.
8. Аристотелев анализ справедливости.
9. Равенство перед законом.
10. Надлежащая правовая процедура, элементарные стандарты правосудия.
11. Теория наказания.
12. Теория собственности.

Теоретическая информация по теме

Характеристика политического и экономического строя Древней Греции:

1. Государственность в Древней Греции возникает в начале 1 тысячелетия до н. э. в форме самостоятельных и независимых полисов – отдельных городов-государств, включавших наряду с городской территорией также и прилегающие сельские поселения;

2. Переход от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу и политической форме организации общественной жизни сопровождался все более углублявшимся процессом социальной дифференциации населения и усилением борьбы между различными слоями общества – родовой знатью и обнищавшими общинниками, богатыми и бедными, свободными и рабами;

3. В заданных условиях повсеместно в древнегреческих полисах разворачивается ожесточенная борьба за власть, которая находит свое концентрированное выражение в борьбе за учреждение одной из соответствующих **форм правления – аристократии** (власти старой или

новой знати, привилегированных, «лучших»), **олигархии** (власти богатых и имущих) или **демократии** (власти народа, т. е. всех взрослых свободных уроженцев данного полиса);

4. В результате этой борьбы к VI–V вв. до н. э. в разных полисах более или менее прочно устанавливается и развивается соответствующая форма правления, в частности:

- 1) *демократия в Афинах и Абдерах,*
- 2) *олигархия в Фивах и Мегарах,*
- 3) *близкая к аристократии (с пережитками царского и военнo-лагерного правления) в Спарте и т. д.*
- 4) нередко в тех или иных полисах (характерный пример – Сиракузы в V в. до н. э.) на более или менее длительное время устанавливалась *тирания.*

Тирания – форма государственной власти, установленная насильственным путем и основанная на единоличном правлении. В нарицательном значении тирания – синоним правления, основанного на деспотизме.

Эти процессы нашли свое отражение и теоретическое осмысление в политических и правовых учениях Древней Греции.

В истории возникновения и развития древнегреческой политико-правовой мысли более или менее отчетливо выделяются **три периода.**

1. **Ранний период (IX–VI вв. до н. э.)** связан со временем возникновения древнегреческой государственности.

В этот период наблюдается заметная рационализация политико-правовых представлений (в творчестве Гомера, Гесиода и особенно – знаменитых «семи мудрецов») и формируется философский подход к проблемам государства и права (Пифагор и пифагорейцы, Гераклит).

2. **Второй период (V – первая половина IV в. до н. э.)** – это время расцвета древнегреческой философской и политико-правовой мысли, нашедшего свое выражение в учениях Демокрита, Ксенофонта, софистов, Сократа, Платона и Аристотеля.

3. **Третий период (вторая половина IV–II в. до н. э.)** – период эллинизма, время начавшегося упадка древнегреческой государственности, подпадения греческих полисов под власть сперва Македонии, а затем и Рима.

Воззрения этого периода представлены в учениях Эпикура, стоиков (стоицизм физика, этика, логика) и Полибия.

В целом, возникнув в условиях деления людей на свободных и рабов, **античная** политико-правовая мысль оформилась и развивалась как **идеология свободных**:

1. Свобода – фундаментальная ценность, главная цель усилий и основной предмет забот древнегреческой политической теории и практики. Это, конечно, была **не всеобщая, а ограниченная свобода**: рабы были вне этой свободы. Не были они и субъектами той политики (полисной жизни), которая представляла собой форму жизни только свободных людей, полноправных членов полисного коллектива, граждан полиса.

2. Политика и связанные с нею практические и духовные занятия выступают здесь как дело свободы и сфера усилий свободных людей, а труд (и прежде всего труд физический) – как удел рабов.

3. Вся производственно-трудовая сфера, как и сфера семьи, находится, по тогдашним представлениям, в принципе вне сферы свободы и, следовательно, вне политики как отношений свободы. Отношения господина и раба, главы семьи и остальных ее членов как отношения господства и подчинения трактуются как неполитические отношения¹.

Ранний период (IX–VI вв. до н. э.)

Основными представителями политико-правовых учений данного периода, как было указано выше, выступали Гомер, Гесиод, знаменитых «семь мудрецов», Пифагор и пифагорейцы, Гераклит.

Древние мифы уже отчасти в орфической поэзии, а затем все более отчетливо в поэмах Гомера и Гесиода теряют свой сакральный характер и начинают подвергаться этической и политико-правовой интерпретации.

Поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера Зевс (верховный бог) в нравственно-правовой плоскости выступает как верховный заступник всеобщей справедливости (Дике – право, справедливость, правда), сурово карающий тех, кто творит насилие и неправый суд:

1. справедливость (дике) выступает в качестве основы и принципа сложившегося обычая, обычного права (темИс);

---

¹ Нерсесянц В.С. Указ. Соч. С. 41.

2. обычное право (темис) есть известная конкретизация вечной справедливости (дике), ее присутствие, проявление и соблюдение в отношениях между людьми, да и во взаимоотношениях самих богов;

3. причитающаяся каждому (богу или человеку) по справедливости и обычаю *честь* передается Гомером с помощью слова *тиме*.

Поэмы Гесиода «Теогония» и «Труды и дни».

1. Боги в его толковании выступают как олицетворение различных нравственно-правовых принципов и сил.

2. «Теогонии» Гесиода, от брака Зевса (олицетворения всего совершенного) и Фемиды (олицетворения вечного естественного порядка) рождаются две дочери-богини: Дике (справедливость) и Эвномия (благозаконие). Дике охраняет естественно-божественную справедливость и карает неправду. Эвномия же обозначает божественный характер начал законности в общественном устройстве, глубинную внутреннюю связь законности и полисного устройства.

3. В поэме «Труды и дни» Гесиод, отстаивая идеалы патриархального (догосударственного) строя, освещает смену пяти «веков» (эпох) в жизни людей:

1. «золотого»,
2. «серебряного»,
3. «медного»,
4. «полубогов-героев»,
5. «железного века».

1) Люди «золотого века» (при правлении Крона) жили счастливо, не зная ни трудов, ни забот.

2) Непокорных богам людей «серебряного века» уничтожил Зевс.

3) Воинственные люди «медного века» сами уничтожили себя во взаимных распрях. В злых войнах и кровавых битвах погиб и благородный род полубогов-героев «четвертого века» (эпоха Геракла и Троянской войны).

4) В мрачных красках рисует Гесиод жизнь людей последнего, «железного века», сетуя на тяжкий труд людей этого поколения, на господство зла и насилия в человеческих отношениях, порчу нравов, отсутствие правды, подмену права силой и кулаком.

Все попытки рационализации Гомера и Гесиода продолжало творчество «семи мудрецов» (VII–VI вв. до н. э.). К ним обычно причислялись Фалес, Питтак, Периандр, Биант, Солон, Клеобул и Хилон.

1. Мудрецы настойчиво подчеркивали основополагающее значение господства справедливых законов в полисной жизни.

2. Соблюдение законов - существенная отличительная черта благоустроенного полиса.

3. Наилучшим государственным устройством:

1) Биант считал такое, где граждане боятся закона в той же мере, в какой боялись бы тирана.

2) Хилон («Повинуйся законам», автор положения «Познай самого себя») считал тот, где граждане слушаются законов более, чем ораторов.

Пифагор и пифагорейцы

Философское учение такого великого мыслителя, как Пифагор не могло не касаться государственно-правовых проблем, ибо античные греки не мыслили свое бытие вне полисов (др.-греч. πόλις – город) – городов-государств. В своей политико-юридической доктрине Пифагор выступает настоящим защитником правопорядка, считая, что «необходимо исполнять закон и воевать с беззаконием». Он критически относился к юридическим новациям, призывая сохранять отцовские нравы и обычаи. Именно нравы он считал первыми законами, на которых держится общество и справедливость. Эта идея является предтечей теории правосознания. Более того, по его мнению, «одну и ту же (равную) силу имеют: в царстве Плутона - Дике, в царстве Зевса – Фемида, в полисах – Номос. Поэтому тот, кто поступает несправедливо по отношению к тому, что установлено ими, оказывается нарушителем всего миропорядка». Итак, Дике (др.-греч. Δίκη – «право, справедливость, правда») – древнегреческая богиня правды, власть которой абсолютно господствует в потустороннем царстве мертвых – в Аиде; в обители олимпийских Богов поддерживает порядок богиня правосудия Фемида (др.-греч. Θέμις, Θέμιδος, лат. *Themis*); и наконец в мире людей

спокойствие общества и справедливость в отношениях между смертными обеспечивается властью Номоса (др.-греч. νόμος, νόμος – обычай, нрав, порядок, закон) – Бога законов.

В правовой системе Пифагора правда, правосудие и закон составляют неразрывную юридическую троицу, гарантирующую гармонию и справедливость во Вселенной.

Справедливость для Пифагора есть воздаяние, равное ущербу, причиненному другому, что соответствует древнему принципу талиона – око за око, зуб за зуб и т. д. Легендарный законодатель Крита Радамонт, получивший законы от своего отца Зевса, объявил своему народу: «Коль понесет, что содеял, то правый суд свершится».

У Платона аналогичным образом справедливость рассматривается как воздаяние каждому должного¹.

Критикуя демократию, они обосновывали аристократические идеалы **правления «лучших» – умственной и нравственной элиты.**

1. Определяющую роль во всем мировоззрении пифагорейцев, носившем во многом мистический характер, играло их учение о числах.

2. Число, по их представлениям, это начало и сущность мира. Исходя из этого, они пытались выявить математические характеристики, присущие нравственным и политико-правовым явлениям.

3. При освещении проблем права и справедливости пифагорейцы первыми начали теоретическую разработку понятия «равенство», столь существенного для понимания роли права как всеобщей равной меры регуляции общественных отношений.

4. Справедливость, согласно пифагорейцам, состоит в воздаянии равным за равное.

5. Идеалом пифагорейцев является полис, в котором господствуют справедливые законы. (После божества, учил Пифагор, более всего следует уважать родителей и законы, повинуюсь им по убеждению, а не внешне и притворно.)

6. Законопослушание пифагорейцы считали высокой добродетелью, а сами законы – большой ценностью.

---

¹ Колесников Ю.А., Серегин А.В., Яценки Т.С. Философско-правовые идеи Пифагора Самосского // История Философии права [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-idei-pifagora-samosskogo> (дата обращения: 16.08.2022).

7. Причем они, критикуя склонность к законодательным нововведениям, расценивали как «хорошее дело» пребывание «в отцовских обычаях и законах, даже если бы они были немного хуже других».

8. Наихудшим злом пифагорейцы считали анархию (безвластие). (Критикуя анархию, они отмечали, что человек по своей природе не может обойтись без руководства, начальства и надлежащего воспитания)¹.

Вместе с тем Пифагор выступал против применения смертной казни, если убийство совершалось неумышленно, в этом случае он предлагал обременять убийцу обязанностью содержать вдову и детей убитого.

Закон (νομός), по его мнению, всегда лучше судебной справедливости, так как последняя подобна «искусству врачевания, врачует уже заболевших, а первый с самого начала не дает заболеть и заблаговременно печется о заключенном в душе здоровье». Анархия – наибольшее зло, которое может постигнуть человеческое общество.

«Ведь не дано природой человеку сохранить себя, если нет над ним руководителя (Бога, отца, закона, судьи и исполнителя)» [7, с. 306]. Пифагор призывал бороться с ничем не ограниченным волюнтаризмом человеческих желаний. «Никогда не нужно позволять человеку делать все что ему захочется, – говорил он, – но всегда нужно иметь какое-либо руководство и законную, хорошо организованную власть, которой послушен каждый из граждан»². Следование гражданскому долгу в любых обстоятельствах в последующем стало девизом стоической философии.

Основой социального благополучия в учении Пифагора являлись дружба и согласие граждан, поэтому каждый полис должен был возводить храмы в честь муз, охраняющих гармоничные отношения среди соотечественников. Древнегреческими музами (др.-греч. μουσα, мн.ч. μουσαι – мыслящи) являлись: Калиопа (Καλλιόπη) – покровительница эпической поэзии; Эвтерпа (Εὐτέρη) – покровительница лирической поэзии и музыки; Мельпомена (Μελπομένη) – покровительница трагедии; Талия (Θάλεια) – покровительница комедии; Эрато (Ερατώ) – покровительница любовной поэзии; Полигимния (Πολύμνια) – покрови-

---

¹ Нерсесянц В.С. Указ. Соч. С. 45.

² Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. М., 2003. С. 304..

тельница пантомимы и гимнов; Терпсихора (Τερψιχόρη) – покровительница танцев; Клео (Κλειώ) – покровительница истории; Урания (Οὐρανία) – покровительница астрономии. В целях достижения всеобщей гражданской любви, дружбы и согласия, так называемой филлии (от др.-греч. Φιλία – дружба, любовь, согласие)

Пифагор предлагал целую систему политико-правовых мер.

Во-первых, для установления согласия между разумной и неразумной частями души гражданам необходимо изучать философию.

Во-вторых, через здоровый образ мыслей и поступков должна установиться гармония души с телом. Данная рекомендация напрямую связана с принципами авестийской этики, воспевавшей благую мысль, благое слово и благое дело¹.

Гераклид

Политико-правовые воззрения Гераклита тесно связаны с его общефилософскими положениями, диалектическими идеями о всеобщем развитии (*«все течет, все изменяется»*).

1. Социально-политическое неравенство оправдывается им так же, как неизбежный, правомерный и справедливый результат всеобщей борьбы. (*«Война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными»*).

2. Гераклит подчеркивал, что народ должен сражаться за закон, как за свои стены. Своеволие же следует гасить скорее, чем пожар.

3. Критикуя демократию, где правит толпа и нет места лучшим, Гераклит выступал за правление лучших. (*«Один для меня, – говорил он, – десять тысяч, если он – наилучший»*). В другом его афоризме утверждается: *Мысль Гераклита состоит в том, что для формирования и принятия закона вовсе не обязательно всеобщее одобрение на народном собрании: главное в законе – его соответствие всеобщему логосу, понимание чего одному (лучшему) более доступно, чем многим*).

---

¹ Колесников Ю.А., Серегин А.В., Яценки Т.С. Философско-правовые идеи Пифагора Самосского // История Философии права [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-idei-pifagora-samosskogo> (дата обращения: 11.07.2022).

Второй период (V – первая половина IV в. до н. э.)

Основные представители: Демокрит, софисты, Сократ, Платон и Аристотель.

Демокрит совершил одну из первых попыток рассмотреть возникновение и становление человека, человеческого рода и общества как часть естественного процесса мирового развития.

(В ходе этого процесса люди постепенно под влиянием нужды, подражая природе и животным и опираясь на свой опыт, приобрели все свои основные знания и умения, необходимые для общественной жизни).

1. Он считает несправедливым все то, что противоречит природе.
2. В государстве представлены общее благо и справедливость. Интересы государства превыше всего, и заботы граждан должны быть направлены к его лучшему устройству и управлению.
3. Для сохранения государственного единства Демокрит требует единения граждан, их взаимного сочувствия, взаимопомощи, взаимозащиты и братства. Гражданская война расценивается им как бедствие для обеих враждующих сторон.
4. Дурные граждане не достойны почетных должностей из-за своей небрежности, глупости и наглости.
5. Законы призваны обеспечить благоустроенную жизнь людей в полисе, но чтобы действительно достигнуть этих результатов, необходимы, соответствующие усилия и со стороны самих людей, их повиновение закону.

Софисты

Наименование «софист» происходит от слова «софос» (мудрый). Софисты были платными учителями мудрости, в том числе и в вопросах государства и права.

Уже в древности различали два поколения софистов: старших (Протагор, Горгий, Продик, Гиппий, Антифон и др.) и младших (Фрасимах, Калликл, Ликофрон и др.) софистов.

1. **Протагор**, заявлял мысль, которая разделялась многими софистами, звучит так: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». Из этого положения Протагор делал выводы о правомерности и справедливости демократического строя.

2. Писанный закон – искусное человеческое изобретение, т. е. нечто искусственное. От «писаного закона» **Горгий** отличал неписаную «справедливость», которая характеризуется им как «сущность дел», «божественный и всеобщий закон». *(Это не означает, однако, наличия между ними резкого расхождения и противоположности. Будучи приверженцем писаных законов, Горгий вместе с тем саму справедливость ставит по ценности выше их).*

3. Сторонником аристократического правления был, согласно сообщению Платона, молодой афинский аристократ и софист **Каллик**. Он резко противопоставлял естественное право полисным законам и общепринятым обычаям.

Гортинские законы

Большая надпись, найденная в 1884–1885 гг. на месте древнего города Гортины на острове Крите, состоит из 12 столбцов и содержит до 17 тыс. букв. Она была высечена на внутренней стене круглого здания, где, вероятно, происходили заседания суда. Это самый большой древнегреческий законодательный текст, сохранившийся до нашего времени. В своей основной части надпись относится к V I–V вв. до н. э., но включает законы гораздо более раннего времени. Законодательство отражает архаический быт Гортины: сравнительно примитивный уровень рабовладельческих отношений, значительные пережитки родового строя. Полезно сопоставить социальные отношения Гортины со спартанскими. Ниже приводится текст законов с небольшими пропусками.

Сократ

Обсуждение морально-политической проблематики Сократ поднял на уровень понятий и дефиниций. Тем самым закладывались начала собственно теоретического исследования в названной области.

1. Сократ различал естественное право и закон полиса, но в отличие от них он считал, что и естественное право, и полисный закон восходят к разумному началу.

2. Сократ был принципиальным сторонником законности.

3. Править должны знающие. (*«Цари и правители не те, которые носят скипетры, не те, которые избраны известными вельможами, и не те, которые достигли власти посредством жребия или насилем, обманом, но те, которые умеют править»*).

Платон

Так, в его ранних диалогах, называемых «сократическими» («Апология Сократа», «Протагор», «Критон» и др.), в целом доминируют взгляды, метод и подход Сократа – рационализм; поиски общих понятий, обнимающих собой многообразие эмпирических явлений; углубленный интерес к моральной проблематике и т. п.

Собственно, платоновское учение об идеях появляется в более поздних диалогах («Государство», «Политик», «Законы» и др.).

1. Идеальное государство трактуется Платоном (в диалоге «Государство») как реализация идей и максимально возможное воплощение мира идей в земной общественно-политической жизни – в полисе.

2. Справедливый человек несколько не отличается от справедливого государства, но, напротив, схож с ним.

3. Трем началам (или частям) человеческой души – разумному, яростному и вожделеющему – аналогичны в государстве три схожих начала – совещательное, защитное и деловое, а этим последним соответствуют три сословия – правителей, воинов и производителей (ремесленников и земледельцев).

4. Справедливость состоит в том, чтобы каждое начало занималось своим делом и не вмешивалось в чужие дела.

5. Определяя полис как совместное поселение, обусловленное общими потребностями, Платон подробно обосновывает положение о том, что наилучшее удовлетворение этих потребностей требует разделения труда между гражданами государства.

6. Вопросы регламентации брака, быта, собственности, труда, да и всей жизни людей третьего сословия Платон оставляет на усмотрение властей идеального государства.

Аристотель

1. Аристотель различает два вида, справедливости: уравнивающую и распределяющую. Критерием уравнивающей справедливости является «арифметическое равенство», сферой применения этого принципа – область гражданско-правовых сделок, возмещения ущерба, наказания и т. д.

2. Политическая справедливость возможна лишь между свободными и равными людьми, принадлежащими к одному сообществу, и имеет целью их самоудовлетворенность (автаркию).

3. Государство (полис) – продукт естественного развития. (В этом отношении оно подобно таким естественно возникшим первичным общинам, как семья и селение. Но государство – высшая форма общины, обнимающая собою все остальные общины).

4. Отношения господина и раба являются, по Аристотелю, элементом семьи, а не государства. Политическая же власть исходит из отношений свободы и равенства, принципиально отличаясь этим от отцовской власти над детьми и от господской власти над рабами.

Третий период (вторая половина IV–II в. до н. э.)

Эпикур, стоики (стоицизм физика, этика, логика) и Полибий.

Эпикур

1. Природа, согласно учению Эпикура, развивается по своим собственным законам, без вмешательства богов.

2. Главная цель государственной власти и основание политического общения состоят, по Эпикуру, в обеспечении взаимной безопасности людей, преодолении их взаимного страха, непричинении ими друг другу вреда.

3. Законы трактуются Эпикуром в качестве средства ограждения и защиты «мудрых» (т. е. людей этически совершенных) от «толпы», публичной гарантии этической свободы и автономии индивида.

Стоики

Основателем стоицизма был Зенон.

1. Мироздание в целом, согласно стоицизму, управляется судьбой. Судьба в учении стоиков выступает в качестве такого «естественного закона» («общего закона»), который имеет в то же время божественный характер и смысл.)

2. В основе гражданского общежития лежит, по мысли стоиков, естественное тяготение людей друг к другу, их природная связь между собой.

3. Государство, следовательно, выступает у стоиков как естественное объединение, а не как искусственное, условное, договорное образование.

4. Все люди (и по своей природе, и по закону мироздания в целом) – граждане единого мирового государства (космополиса) и что человек – гражданин вселенной.

Полибий

1. В целом характерен государственнический взгляд на происходящие события, согласно которому то или иное устройство государства играет определяющую роль во всех человеческих отношениях.

2. Выделяет шесть основных форм государства, которые в порядке их естественного возникновения и смены занимают следующее место в рамках полного их цикла: царство (царская власть), тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия.

3. Истоки человеческого общежития он видит в том, что присущая всем живым существам – как животным, так и людям – слабость естественно «побуждает их собираться в однородную толпу».

4. Разделял естественно-правовые представления стоиков. Обычай и законы характеризуются Полибием в качестве двух основных начал, присущих каждому государству. *Он восхваляет «добрые обычаи и законы», которые «вносят благонравие и умеренность в частную жизнь людей, в государстве же водворяют кротость и справедливость»¹.*

---

¹ Нерсесянц В.С. Указ. Соч. С. 65-70.

Практические задания

Гомер. Из поэмы «Илиада» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Какие события, предшествовали «Троянской войне»?*
2. *Кто и что стало причиной начала «Троянской войны», используя ниже представленный текст?*
2. *Каково имя троянского царевича, который украл жену спартанского царя Елену.*
3. *Как назывались вожди древних греков в период Троянской войны?*
4. *Чем закончилась поэма Илиада, используя ниже представленные фрагменты текста Илиады?*
5. *В чем заключалось противоречие между знатью и народом?*
6. *Каково было вооружение воинов?*
- 7.

На юге Греции, в знаменитой впоследствии Спарте, царствовал Менелай Атрид (то есть, сын Атрея). Он был женат на Елене, дочери Леды. Отцом Елены был сам царь богов Зевс, явившийся к Леде в виде прекрасного лебедя. Эта-то Елена, жена Менелая, и была прекраснейшей женщиной во всем мире. Парис приехал в качестве гостя к Менелая. Афродита зажгла Елену страстью к Парису, и он увез Елену на своих кораблях вместе со всеми ее сокровищами к себе в Трою. Троя (или Илион) была столицей богатой троянской страны, расположенной на северо-западной оконечности Малоазиатского полуострова, при впадении Геллеспонта (ныне Дарданельский пролив) в Эгейское море.

Похищение Парисом Елены повело, по греческим сказаниям, из которых черпал Гомер, к продолжительной войне греческих народов с Троей, окончившейся разрушением Трои. Троянская война не выдумка, она была действительно, но вызвана она была, конечно, не похищением красивой женщины.

На пути у Париса встал владыка морской Нерей со словами:

---

¹ Гомер. Илиада [Электронный ресурс]. - URL: <https://онлайн-читать.рф/гомер-илиада/> (дата обращения: 11.06.20220).

«На погибель себе везешь ее в дом свой! Сильной ратью встанут эллины и пойдут вслед за вами; расторгнут они союз ваш и сокрушат древнее царство Приама. Горе! Сколько пота прольют мужи из-за похищения Елены, сколько трудов понесут всадники и кони их, сколько героев дарданских падет в кровавых сечах! Яростью кипит Паллада и облакается уже в шлем свой и в доспехи. И тщетно будешь ты надеяться на помощь Афродиты; тщетно станешь уклоняться от битв, хорониться в своем доме от тяжеловесных копий и кносских стрел: прахом и кровью покроются твои юные кудри. Или не страшны тебе мстители за похищение Елены – ни Одиссей с Нестором, ни Аякс с Тидеевым сыном Диомедом? Как робкая лань от волка, побежишь ты в бою от Тидида! Гнев Пелида Ахилла замедлит гибель Илиона, но когда исполнится время – пламя пожрет твердыни Пергама, в прах падет Илион и погибнет царство Приама!»¹

* * *

«У богов был свадебный пир: выдавали «сереброногую» богиню Фетиду, дочь морского старца Нерея, за смертного человека Пелея, царившего над народом мирмидонцев во Фтии, на севере Греции. Случай совершенно необычный. У богов и богинь были нередки мимолетные любовные связи со смертными женщинами и мужчинами. Но чтобы богиню выдавали замуж за смертного человека – этого не бывало. Однако к тому были основательные причины. Фетидою увлекались сам царь богов, громовержец Зевс, и его брат Посейдон, владыка морей. Существовало предсказание, что сын, родившийся от Фетиды, будет много сильнее своего отца. Греческие боги были далеко не всемогущи. Выше их стоял темный, безличный рок, и его решений боги не имели возможности отменить. Чтобы сделать для себя безопасным будущего сына Фетиды, они и выдали ее замуж за смертного. Существо, только более сильное, чем смертный человек, для богов не было опасно. А сильного бога у них были очень основательные причины бояться. Зевс сам воцарился над миром, свергнув с помощью братьев и сестер отца своего Крона и заключив его в подземный Тартар. Крон в свою очередь воцарился, свергнув отца своего Урана, первоначального владыку мира.

---

¹ Гомер. Илиада [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/гомер-илиада/#morgnev> (дата обращения: 11.06.2022).

На свадебный пир были приглашены все боги за исключением Эриды, богини вражды и раздора. Причина понятна. Эрида обиделась. В середине пира вдруг дверь открылась, и Эрида с порога покатила в пиршественный зал золотое яблоко с надписью: «прекраснейшей». За яблоко возник жестокий спор между тремя богинями: царицей Герой, женою Зевса, Палладой-Афиной, богиней мудрости, и Афродитою, богиней любви и красоты. Каждая требовала яблоко себе, как наиболее прекрасной. Поладить не смогли и обратились за решением спора к красавцу-царевичу Парису, сыну троянского царя Приама. Он в это время пас стада на Гаргаре, одной из вершин горы Иды близ Трои. Обе стороны сразу повели дело начистоту. Гера обещала Парису власть и богатство, Афина – мудрость и славу, Афродита – любовь самой красивой в мире женщины. Парис подобный способ решения спора нашел вполне естественным и стал взвешивать не то, какая из богинь наиболее прекрасна, а то, какое из обещаний наиболее заманчиво. И присудил яблоко Афродите»¹.

* * *

«Кончились игры. Народы ахейские все расходились –
Каждый к быстрым своим кораблям, вкусить собираясь
Пищи вечерней и сладкого сна. Но Пелид быстроногий
Плакал, о друге своем вспоминая. Не брал его вовсе
Всех покоряющий сон. На своей он метался постели,
Полный тоски, вспоминал и мужество друга, и силу,
Сколько вместе они пережили и сколько страдали
В битвах тяжелых с врагом и в волнах разъяренного моря.
Все это он вспоминал, проливая обильные слезы.
То в постели лежал на боку, то растянется навзничь,
Кверху лицом, то ничком повернется. Вставал он с постели,
Берегом моря, тоскуя, бродил. Заря занималась
Перед глазами его, озаряя и берег, и море.
Быстро тогда он впрягал в колесницу коней легконогих,
Сзади привязывал Гекторов труп и влачил его трижды
На колеснице блестящей своей вокруг могилы Патрокла.

---

¹ Гомер. Илиада [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/гомер-илиада/#morgnev> (дата обращения: 11.06.2022).

... Все одобряли такое решение, но только не Гера,
Не совоокая дева, не бог Посейдон земледержец.
Им, как и прежде, была ненавистна священная Троя,
Старец Приам и народ за вину Александра, который
Горько обидел богинь, явившихся в дом его сельский,
Ту предпочтя, что его одарила погибельной страстью.
После того как зарею двенадцатой небо зажглося,
Часто случается: смертный и более близких теряет, –
Сына цветущего или единоутробного брата;
Плачет о нем и скорбит, но потом свою скорбь прекращает.
Смертных богини судьбы одарили выносливым духом.
Этот же, Гектора, богу подобного, жизни лишивши,
Труп его вяжет к коням и волочит его вокруг могилы
Милого друга. Ни славы, ни пользы он тем не добудет.
Как бы ему не воздали мы, будь он хоть доблестен духом!
Прах бесчувственный, в злобе своей Ахиллес оскверняет!"
... Так и хочу я!.. Пускай Ахиллес умертвит меня тотчас,
Только б мне сына обнять и рыданиями сердце насытить!"
Так произнесши, поднял в сундуках он прекрасные крышки,
Вынул оттуда двенадцать прекраснейших ценных покровов,
Также зимних накидок простых и ковров по двенадцать,
Столько ж прекрасных плащей и столько же тонких хитонов,
Золота десять талантов отвесил и вынес наружу,
Два треножника ярких, четыре блестящих лохани,
Вынес прекрасную чашу, ему как послу во Фракии
Данную в дар, – драгоценность великая! Но и ее он
Не пожалел во дворце у себя, до того порывался
Выкупить милого сына. Собравшихся жителей Трои
Выгнал из портика он, браня оскорбительной речью:
"Сволочь негодная, вон! Ужель не довольно и дома
Плача у вас, что сюда и меня вы приходите мучить!
Или вам мало, что столько страданий послал мне Кронион,
Лучшего сына отняв! Испытаете скоро вы сами:
Легче гораздо теперь от ахейцев вы будете гибнуть
После того, как погиб он, мой Гектор возлюбленный. Я же
Раньше, чем город увижу разрушенным, в прах обращенным,
Раньше пускай я под землю сойду, в жилище Аида!"

Так он сказал и с жезлом ворвался в их толпу. Побежали
От разъяренного все старика. И кричал сыновьям он,
Громко браня Агафона, подобного богу, Париса,
Паммона и Гиппофоя, Антифона и Деифоба,
Дия с Геленом, Полита могучеголосого, – всех их
Аргоубийца вожатый на это Приаму ответил:
"Юность мою искушаешь, старик! Но старанья напрасны.
Хочешь, чтоб принял твои я дары за спиною Пелида.
Всею душой я боюсь и стыжусь обокрасть Ахиллеса.
Как бы со мною позднее за это беды не случилось!
Проводником я тебе хоть до славного Аргоса буду,
На корабле и пешком провожать тебя рад со стараньем.
Вряд ли с презрением кто с провожатым таким бы сразился".
Так отвечал благодаетц Гермес и вскочил в колесницу.
В руки проворно схватил и бич, и блестящие вожжи,
Коням и мулам вдохнул необычную резвость и силу.
Грозно взглянув на Приама, сказал Ахиллес быстроногий:
"Не раздражай меня нынче, старик! Ведь и так уж решил я
Гектора выдать тебе. От Зевеса ко мне приходила
Вестницей мать, что меня родила, дочь старца морского.
Но и тебя, – хорошо я, Приам, это знаю, не скроешь! –
Но и тебя к кораблям нашим кто-то привел из бессмертных.
Ибо никто б из людей не посмел, даже юноша пылкий,
В стан ахейский войти: от стражи он скрыться не смог бы,
Да и засов нелегко б отодвинул на наших воротах.
Будет тебе еще больше страдающий дух волновать мне!
Как бы тебе здесь, старик, хоть ты – и просящий защиты,
Не отказал я в пощаде, нарушивши зевсову волю!"
Так он сказал. Испугался старик и послушал приказа.
Сын же Пелеев из ставки, как лев, устремился наружу,
Но не один; поспешили за ним и товарищей двое, –
Автомедонт благородный и Алким, которых меж всеми
После Патрокла убитого чтит Ахиллес наиболее.
Быстро они от ярма лошадей отвязали и мулов,
Вестника старца Приама ввели в ахиллесову ставку,
В кресло его усадили, с повозки ж красивоколесной,
Неисчислимую плату за голову Гектора сняли.

Две лишь оставили мантии с вытканным тонко хитоном,
С тем чтобы тело одетым домой отпустить от Пелида.
Он же, позвавши рабынь, повелел им обмыть и умастить
Гектора тело, но прочь отнеся, чтоб Приам не увидел.
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына увидев, а сам он внезапно в ответ не вскипел бы
И не убил бы его, приказанье нарушивши Зевса.
Тело обмыли рабыни и маслом его умастили,
В новый одели хитон и набросили мантию сверху.
Гектора сам Ахиллес, подняв, положил на носилки;
Вместе с друзьями потом на повозку в носилках поставил.
После того зарыдал, и друга назвал, и промолвил:
"Не обижайся, Патрокл, если даже и в доме Аида
Ты вдруг узнаешь, что я многосветлого Гектора тело
Отдал отцу: не ничтожными он заплатил мне дарами.
Долю достойную я и тебе из них выделю в жертву!"
В ставку свою Ахиллес многосветлый вернулся обратно,
Сел в красивое кресло, с которого встал перед этим,
Против Приама с другой стороны у стены и промолвил:
"Сын твой умерший, старик, тебе возвращен, как велел ты.
Тело в носилках лежит. Его на заре ты увидишь,
Так говорила. И вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое широкой. Печаль несдержимая всех охватила.
Возле ворот городских окружили везущего тело.
Всех впереди молодая жена и почтенная мать
Волосы рвали, бросались к повозке красивоколенной,
Голову Гектора в руки хватали. И плакал народ весь.
До ночи целый бы день напролет, заливаясь слезами,
Перед воротами все оставались у трупа в повозке;
Если б старик со своей колесницы не крикнул народу:
"Дайте дорогу, чтоб мог я на мулах проехать! Потом же
Плачем насытитесь все вы, как мертвого в дом привезу я!"
Так он сказал. Расступился народ и открыл им дорогу.
К славному дому Приама привезши, на ложе сверленном
Тело они положили. Певцов, зачинателей плача,
Возле него посадили, которые с грустным стенаньем
Песни плачевные пели, а жены им вторили стоном.

Плач белорукая после того зачала Андромаха,
Голову Гектора мужеубийцы обнявши руками:
"Молод из жизни ушел ты, мой муж дорогой, и вдовою
В доме меня покидаешь. И мал еще сын наш младенец,
Нами, злосчастливыми, на свет рожденный, тобою и мною.
Юности он не достигнет, я думаю. Прежде наш город
Будет разрушен. Погиб ты, хранитель его, защищавший
Трою саму, и почтенных супруг, и детей несмышленных!
Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстролетных,
С ними со всеми – меня. И сам ты, о сын мой, за мною
Следом пойдешь, чтобы там неподобную делать работу,
Для господина стараясь свирепого. Либо ахеец,
За руки взявши, швырнет тебя с башни – ужасная гибель! –
В гневе, что брата его, иль отца, или милого сына
Гектор в бою умертвил, ибо очень немало ахейцев,
Пикой его пораженных, глодало широкою землю:
Сердцем не мягок родитель твой был средь погибельной сечи.
Вот почему так о нем и горюет народ в Илионе.
Плач несказанный и горе родителям милым принес ты,
Гектор! Но мне наиболее жестокие скорби доставил.
Не протянул ты руки мне своей со смертельного ложа,
Слова заветного мне не сказал, о котором бы вечно
Я вспоминала и ночью, и днем, обливаясь слезами!"
Так говорила, рыдая. И жены за нею стенали.
Громко потом зачала между женами плач свой Гекуба:
"Гектор, из всех сыновей наиболее мною любимый!
Мил у меня и при жизни ты был олимпийцам бессмертным,
И по кончине твоей за тебя они сердцем болеют.
Многих других сыновей у меня Ахиллес быстроногий,
В плен захвативши живьем, далеко за бесплодное море
Продал на Самос, на Имброс, на Лемнос, окутанный паром.
Но, одолевши тебя и оружием душу исторгнув,
Как ни влачил он тебя вокруг могилы Патрокла, который
Гибель из рук твоих принял и быть воскрешенным не смог им,
Все ж у меня как росой ты умытый покоишься в доме,
Свежий, подобно тому, кого Аполлон сребролукий
Нежной стрелою своей умертвил, подошедши внезапно!"

Так говорила, рыдая. И плач поднялся непрерывный.
Третьей меж женами горестный плач зачинала Елена:
"Гектор, меж деверей всех наиболее мною любимый!
Ибо супруг мне теперь – Александр боговидный, привезший
В Троию меня. Отчего, отчего не погибла я раньше!
Нынче двадцатый уж год для меня с той поры протекает,
Как прибыла я сюда и покинула край мой родимый,
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова!
Даже когда и другой кто меня укорял из домашних, –
Деверь, золовка прекрасно одетая или невестка,
Или свекровь, – что до свекра-отца, то всегда был он ласков, –
Ты, убеждая словами, удерживал их от нападков
Мягким своим обращением и мягкою речью своею.
Горько скорблю о тебе и скорблю о себе, злополучной.
Нет у меня никого в Илионе широком другого,
Кто бы мне дружествен был. Для всех я равно ненавистна!"
Так говорила, рыдая. Вздыхал весь народ неисчетный.
Старый Приам обратился к народу с такими словами:
"В город везите, троянцы, дрова и не бойтесь нисколько
Тайной засады ахейцев. Мне дал Ахиллес обещанье,
От чернобоких своих отправляя судов, что не будет
Зла причинять нам, покамест двенадцатый день не наступит".
Так говорил он. В повозки волов тяжконогих и мулов
Стали они запрягать и пред городом быстро собрались.
Девять дней подвозили несчетное множество леса.
Вместе с десятою свет приносящею смертным зарею
Вынесли, горько рыдая, отважного Гектора тело,
Наверх костра положили и снизу подбросили пламя.
Рано рожденная, в небе взошла розоперстая Эос.
Люди сходились к костру, на котором покоился Гектор.
После того как сошлись и большая толпа собралась,
Первым же делом вином искрометным костер загасили
Всюду, где сила огня сохранилась. А братья с друзьями
Тщательно белые кости героя средь пепла собрали,
Горько скорбя и со щек обильные слезы роняя.
В ящик потом золотой те кости они положили,
Их покрывши пред тем пурпуровой мягкой одеждой.

Тотчас спустили в могилу глубокую, после того же
Поверху часто камнями огромными плотно устлали.
Сверху насыпали холм. Вокруг же стража сидела,
Глядя, чтоб ранее срока на них не напали ахейцы.
Быстро насыпав могилу, они разошлись. Напоследок
Снова все собрались и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, владыки, вскормленного Зевсом.
Так погребали они конеборного Гектора тело»¹.

* * *

Вестникам звонкоголосым тогда приказал Агамемнон
Длинноволосых ахейцев созвать на собранье.
Вестники с кличем пошли. Ахейцы собирались быстро...
Бурно кипело собранье. Земля под садившимся людом
Тяжко стонала. Стоял несмолкающий шум. Надрывались
Девять глашатаев криком неистовым, всех убеждая
Шум прекратить и послушать царей, вскормленных Зевесом.
Только с трудом, наконец, по местам все народы уселись
И перестали кричать. И тогда поднялся Агамемнон
Скипетр держа, над которым Гефест утомился, работал.
Царь, на него опершись, обратился к собранию с речью:
«О, дорогие герои данайцы, о, слуги Ареса!
Зевс молневержец меня в тяжелейшие бедствия впутал:
Скрытный, сначала он мне обещал и кивнул в подтвержденье,
Что возвращусь я, разрушив высокотвердынную Троию.
Нынче ж на злой он решился обман и велит мне обратно
В Аргос бесславно бежать, погубивши так много народу!
Этого вдруг захотелось теперь многомощному Зевсу;
Много могучих твердынь городских уж разрушил Кронион,
Много разрушит еще: без конца велика его сила.
Было бы стыдно для наших и самых далеких потомков
Знать, что такой многолюдный и храбрый народ, как ахейский,
Попусту самой бесплодной войной воевал, и сражался
С меньшею ратью врагов, и конца той войны не увидел...

---

¹ Текст приводится по: Гомер. Илиада [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайн-читать.рф/гомер-илиада/#morgnev> (дата обращения: 11.06.2022).

Девять уж лет пробежало великого Зевса-Кронида.
Бревна на наших судах изгнивают, канаты истлели.
Дома сидят наши жены и малые дети-младенцы,
Нас поджидая напрасно; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Ну, так давайте же, выполним то, что сейчас вам скажу я:
В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоуличной Трои нам взять никогда не удастся!»
Так он сказал и в груди взволновал у собравшихся множеств
Сердце у всех, кто его на совете старейшин не слышал.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские...
Кинулись все к кораблям. Под ногами бегущих вздымалась
Тучами пыль. Приказанья давали друг другу хвататься
За корабли поскорей и тащить их в широкое море.
Чистили спешно канавы. До неба вздымались крики
Рвущихся ехать домой. У судов выбивали подпорки¹.

...Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных.
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
«Муж знаменитый, тебе ли, как робкому, страху вдаваться?
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
Ныне испытывал он и немедля накажет ахеян,
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Крониона-Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».
Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и другие советы послушай»
«Боле почтенных, чем ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значущим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 55-56.

Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам,
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель, –
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы; да здравствует он над другими,)...
Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный.
В мыслях имея всегда непристойные многие речи...
«Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе Аргивяне избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из Троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, иль другой Аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтоб любовьию с ней наслаждаться,,
В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахейн!
Слабое робкое племя, ахейнки мы, не ахейцы!
В дома свои отплывем, а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»
Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но внезапно к нему Одиссей устремился.
Гневно возрел на него и воскликнул голосом грозным.
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один порицать скиптроносцев»..
Рек, и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг полоса, под тяжестью скинтра золотого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах¹.

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2
/ Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 57.

* * *

Но Теламонид великий пылал непрестанно поранить
Гектора меднооружного; тот же, испытанный в битвах,
Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел и жужжание копий.
И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался к защите сподвижников верных.
Словно когда от Олимпа подымлется на небо туча
В воздухе ясном, как бурную грозу Кронион наводит, –
Так от судов поднялось и смятенье, и шумное бегство.
Вспять, в неустройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломавши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал; горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышлял; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их до облак
Прах крутился столбом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от ставок ахейских.
Он же, герой, где смятения более видел в бегущих,
С криком туда налетал; упали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели...¹

Гераклид. «О природе вещей» (фрагмент)²

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Определите, какая наилучшая и наихудшая форма правления по Гераклиду?*
2. *От кого исходят все законы?*
3. *На что должен опираться полис?*

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 58.

² Текст приводится по: Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014. С. 210-214.

«Поделом было бы взрослым эфесцам поголовно удавиться и оставить полис недорослям, за то, что они изгнали Гермодора, наиболее полезного из всех граждан, со словами: «Среди нас никто да не будет наиболее полезным, а не то быть ему в другом месте и с другими!»

«Аристофан изображает Богатство слепым... намекая на то, что оно сопричастно пороку, а не добродетели, поэтому и Гераклит Эфесский проклинает эфесцев, а не желает им добра, когда говорит: «Да не оскудеет у вас богатство, Эфесцы, дабы вы изобличились в вашей порочности!»

«Собаки лают на того, кого они не узнали».

«Невежество лучше скрывать, чем выставлять напоказ».

«Юдин для меня десять тысяч, если он наилучший».

«Что за ум у них? Что за разум? Они следуют певцам черни (демоса) и живут по ее законам, а того не ведают, что много плохих, мало хороших».

«Космополис и божественный закон и как парадигма идеального строя».

«Те, которые желают говорить с умом, должны твердо опираться на общий для всех /логос/, как граждане полиса – на закон, и даже намного тверже. Ибо все человеческие законы зависят, как от кормильца, от одного – божественного. Он господствует неограниченно по своему изволению, и он довлеет всем /человеческим законам/, и все их преодолевает».

«Закон и совет: повиноваться одному».

«Судьями многих должны быть любомудрые мужи (философы)».

«Порочные люди – противники правдолюбцев»

«Народ должен сражаться за закон, когда его попирают, как за стену города».

«Своеволие надо гасить скорее, чем пожар»¹.

---

¹ Текст приводится по: Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014. С. 210-214.

Гесиод «Труды и дни» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Кто и с каким отношением к закону определяет счастье в повседневной жизни?
2. Какова основа и роль честного обогащения в повседневной жизни и государственном управлении?
3. Каковы советы Гесиода по выбору жены?
4. Какова периодизация истории человечества по Гесиоду?
5. Каково было хозяйство мелкого собственника-крестьянина?

Притча о 2 городах.

Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка,
И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.
Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобилие. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.
Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздаст по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.
Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.
Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.

---

¹ Гесиод. Труды и дни [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425407002> (дата обращения: 18.08.2022).

Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.
Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглою туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде.
Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.
Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит, – и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдется внутри государства любого.
Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да приказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.
Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:
Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
Людам же правду Кронид даровал – высочайшее благо.
Если кто, истину зная, правдиво дает показанья,
Счастье тому посылает Кронион широкоглядящий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,

Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
А доброклятвенный муж и потомков оставит хороших.
С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить сколько хочешь – весьма немудреное дело.
Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.
Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.
Тот – наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заранее предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять, – совсем человек бесполезный.
Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением –
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.
Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд – удел бедняка, а взоры богатого смелы...

Важность здорового размышления, честного труда и справедливого обогащения.

«Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.
Тот – наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заранее предвидит, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять, – совсем человек бесполезный.
Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением –
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.
Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд – удел бедняка, а взоры богатого смелы.
Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком – как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти

Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, –
Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом, – и лишь краткое время он тешиться
будет богатством.

То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его, – что весьма непристойно!
Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает,
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжкой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!
Этого ты избегай безрассудной своею душою.
Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку,
Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы – другие.
Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем».

Выбор жены.

«В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь подходящий.
До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:
Лет тридцати ожениться – вот самое лучшее время.
Года четыре пусть зреет невеста, женитесь на пятом.
Девушку в жены бери – ей легче внушить благонравье.
Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.
Все обгляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.
Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,
Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,
Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа
Высушит пуще огня и до времени в старость загонит»¹.

---

¹ Текст приводится по: Гесиод. Труды и дни [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425407002> (дата обращения: 18.08.2022).

*

*

*

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебородные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства, —
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они надземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.
После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было несхоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А, наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землю
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.
После того как земля поколение и это покрыла,
Дали им люди название подземных смертных блаженных.
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.
Третье родитель-Кронид поколение людей говорящих

Медное создал, ни в чем с поколеньем несхожее с прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арен, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться;
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: о черном железе не знали.
Сила ужасная собственных рук принесла им гибель.
В затхлую область они леденящего душу Аида
Все низошли безымянно; и, как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.
После того как земля поколенью и это покрыла,
Снова еще поколенью, четвертое, создал Кронион,
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше
Славных героев божественный род. Называют их люди –
160. Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили*,
Из-за эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские
Прочим отец Зевс-Кронид пропитанье, а также жилище
Определил на краю земли от людей всех отдельно
И в далеке от бессмертных. Кронос у них воцарился.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучиц острова населяют блаженных.
Трижды в году хлеבודарная почва героям счастливым.
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит.
Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
(Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.
Зевс поколенью людей говорящих погубит и это,
После того как на свет они станут рождаться седыми.)

Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут». Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин. Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то, Старых родителей скоро совсем почитать перестанут; Будут их яро и зло поносить нечестивые дети Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет Больше никто доставлять пропитанья родителям старым Правду заменит кулак. Города друг у друга разграбят И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохраниитель, Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право. Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся. Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным, Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый, Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело, К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных, Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет¹.

* * *

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок бегов, – чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так поллюби же дела свои во-время делать и с рвением.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары,
Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 62-64.

310. Вечным богам, как и людям; бездельники всякому мерзки!
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься, – скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.
Страх нехороший повсюду сопутствует бедному мужу, –
Страх, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Страх – удел бедняка, а взоры богатого смелы.
Лучше добром благоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком, – как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен, и вытеснен стыд из сердца бесстыдством.
Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом, – и лишь краткое время он тешиться будет богатством.
То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его, – что весьма непристойно.
Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошею бранью отца своего обругает, –
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжкой,
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье.
Этого ты избегай безрассудной своею душою!
Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку,
Свято и чисто сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
Чтоб к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы – другие.
Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем!
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, – когда еще пояс подвяжет
А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы!
Точно отмерив, бери у соседа займы; отдавая,
Меряй такую же мерой, а можешь, – так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.
Выгод нечистых беги: нечистая выгода – гибель.
Тех, кто любит, – люби; если кто нападет, – защищайся!
Только дающим давай; ничего не давай не дающим.
Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет.
Дать – хорошо; но насильно берущего смерть ожидает.
Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много, –
Чувствует радость давая, и сердцем своим веселится.
Если же кто своевольно берет, повинуйся бесстыдству, –
Если и малое даже прикладывать к малому будешь,
Скоро большим оно станет; прикладывай только почаще:
Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился.
Если что заперто дома, об этом заботы немного.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Брать – хорошо из того, что имеешь. Но гибель для духа
Рваться к тому, чего нет. Хорошенько подумай об этом!
Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка.
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость!
Другу всегда обеспечена будь договорная плата.
С братом, – и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях
делай.
Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.
Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
Верит, поистине, вору ночному, кто женщине верит!
Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком, и опять одного лишь оставит.
Впрочем, Крониду легко осчастливить богатством и многих.
Больше о многих заботы, однако, и выгоды больше.
Если к богатству в груди твоей сердце стремится, то действуй.
Как говорю я, свершая работу одну за другою...
В первую очередь – дом и вол работающий для пашни,

Женщина, чтобы волов подгонять: нежена, – покупная!
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого; откажет он, – как обернешься?...,
Быков же
Девятилетних себе покупай ты, вполне возмужалых:
Сила таких не мала, и всего они лучше в работе...
Сорокалетний за ними да следует крепкий работник,
Съевший к обеду четыре куска восьмидольного хлеба.
Чтобы работал усердно и борозду гнал бы прямую,
Вбок на приятелей глаз не косил бы, но душу в работу
Вкладывал...
Только что время для смертных придет приниматься за
вспашку,
Ревностно все за работу берись, – батраки и хозяин
Влажная ль почва, сухая ль, паши, передышки не зная.
Сзади с мотыгой
Мальчик-невольник пускай затруднение* птицам готовит.
Семя землей засыпая¹.

Протагор. Свидетельства о жизни и учении (фрагмент)²

Ответьте на вопросы по тексту:

- 1. Когда жил Протагор и каково место его рождения?*
- 2. Как вы понимаете фразу Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей»?*
- 3. Каково мнение Протагора о богах?*
- 4. Как бы назвали сегодня учение Протагора о богах?*
- 5. Как поступили афиняне с учениями Протагора?*
- 6. Какой метод рассуждений стал первым применять Протагор?*

1. Диоген, IX. 50 с. Протагор, сын Артемона или, как (сообщают)

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 65-67.

² Текст приводится по: Маковельский А.О. Софисты. Вып. 1. Баку: Азербайджанский Государственный университет им. С.М. Кирова, 1940, С. 5-6.

Аполлодор и Дейнон в V книге «Персидских войн», сын Майандрия, (происходил) из Абдеры, как сообщает Гераклид Понтийский в сочинении: «О законах». Последний также говорит, что Протагор написал законы для города Фурий¹. А как говорит Эвполид д в «Льстецах», (Протагор был родом) из Теоса². А именно он пишет: «В доме находится Протагор из Теоса». Он и Продик из Кеоса³, читая доклады, собирал» приношения. И Платон в «Протагоре» (316 А) говорит, что Продик обладал сильным низким голосом. Протагор был учеником Демокрита. Последний был прозван «Мудростью», как говорит Фаворин в «Истории разных вещей».

(51) Он первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения противоположных друг другу. И з них он составлял диалог, первый применив этот (способ изложения). В одном своем сочинении он сделал следующее начало (следует фрагмент В 1). Он говорил, что душ, а есть ни что иное как ощущение. Это о нем сообщает Платон в «Теэтете» (152 след.). И (еще он говорил), что все истинно. И В' другом своем сочинении он начинает изложение следующим образом: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет» и т. д. (следует фрагмент В 4).

(52) За это вот начало своего сочинения он был изгнан афинянами.

И книг» его они сожгли (публично) на площади, собрав их через глашатая у всех, у кого они были. Он первый стал взимать плату (за учение) (и взимал ее в размере) ста мин. И он первый определил времена (глагола), объяснил значение наклонения, ввел словесные состязания (диспуты) и привлек в рассуждения софизмы. И оставив рассуждение (по существу.), он развил (чисто) словесное красноречие и породил современный поверхностный род эристиков. По этому поводу и Тимон говорит о нем: «Протагор, сцепившийся (с противником), большой мастер спорить» (фр. 47 Д).

(53) Он так же первый стал применять сократический род рассуждений. И учение Антисфена, пытавшегося доказать, что невозможно противоречить, он первый высказал, как (об этом) говорит Платон в «Эвтидеме» (286 С). Также он первый показал способы выведения умозаключений в отношении поставленных тем, как сообщает диалектик Артемидор в сочинении: «Против Хрисиппа». Так же он первый изобрел так называемые «плечи», на которых носят тяжести, как сообщает

Аристотель в сочинении: «О воспитании». Дело в том, что он был (в начале) носильщиком, как и Эпикур где-то говорит, и возвысился (из этого состояния) благодаря тому, что Демокрит обратил внимание на то, как (искусно) он увязывал дрова. Он первый разделил речь на четыре вида: просьбу, вопрос, ответ и приказание.

(54). (Другие же делят на семь видов: повествование, вопрос, ответ, приказание, выражение желания, просьбу и призыв). И эти виды он назвал «корнями речей». Алкидам же говорит о (следующих) четырех видах речи: повествовании, ответе, вопросе и приветствии. Первым из своих произведений он (Протагор) прочитал сочинение: «О богах», начало которого мы выше привели. Прочитал же (он его.) в Афинах в доме Эврипида или, как говорят некоторые, в доме Мегаклейда. Другие (говорят, что) в Лфтее, причем он поручил чтение своему ученику Архагору, сыну Теодота. Обвинил же его Пифодор, сын Полидзела, один из четырехсот. Аристотель же говорит, что (это сделал) Эватл (см. В 6).

(55)2. Сохранились следующие его книги: «Искусство спорить», «О борьбе», «О науках», «О государстве», «О честолюбии», «О добродетелях», «О начатках человеческого общества», «О том, что в Аиде», «О поступающих несправедливо с людьми». «Повелительное слово», «Тяжба о плате», «Прений» две книги. Вот каковы у него сочинения. Написал и Платон на него диалог. Филохор сообщает, что, когда он плыл в Сицилию, корабль потонул. И на это же намекает Эврипид в «Иксионе». Некоторые (говорят), что он скончался в пути, прожив около 90 лет.

(56) Аполлодор же говорит, (что он прожил) 70 лет, был софистом, 40 лет и расцвет его сил (акме) пришелся на 84 олимпиаду.

Гортинские законы¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Каковы права человека по Гортинским законам?*
2. *Что является основанием для раздела имущества?*

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 78-86.

3. *Каковы имущественные права мужа и жены в случае развода?*
4. *Каковы наследственные права граждан?*
5. *Каковы правовые основы владения «родовым имуществом»?*
6. *Каков юридический статус кабальных?*
7. *Каково положение женщины при наследовании имущества?*
8. *Каков характер обязательств, взятых на себя гражданами?*
9. *Каковы правила усыновления?*

Боги! Кто возымеет намерение спорить из-за владения свободным или рабом, пусть до суда не уводит; а ежели уведет, пусть судья присудит его за свободного к уплате 10 статеров, за раба— 5 статеров, за то, что уводит, и пусть присудит, чтобы освободил в течение 3 дней. Если же не освободит, пусть присудит за свободного к штрафу в статер, за раба в драхму за каждый день, пока не освободит; относительно же срока пусть решает судья, принимая присягу.

А если он станет отрицать, что увел, пусть судья, принимая присягу, разбирает дело в случае, если не даст показаний свидетель.

Если же один будет спорить, что это свободный, а другой что это раб, тогда пусть преимущество будет за теми, которые будут утверждать, что это свободный. Если же станут спорить из-за раба двое, утверждая каждый, что это его раб, и если даст показания свидетель, то судить согласно с показанием свидетеля; когда же или за обоих будут показывать свидетели, или ни за того, ни за другого, тогда пусть судит судья под присягой. Если же проиграет дело тот, кто владеет, пусть свободного отпустит в течение 5 дней, а раба передаст из рук в руки. Если же не отпустит или не отдаст, пусть присудит судья, чтобы он уплатил за свободного 50 статеров и по статеру за каждый день, пока не отпустит, а за раба 10 статеров и по драхме за каждый день, пока не отдаст его в руки. Если же судья присудит, то взыскать в течение года тройную стоимость или менее, но не больше; относительно срока пусть решает судья под присягой. Если же раб, из-за которого он проиграет дело, воспользуемся правом убежища в храме, то пусть он (ответчик) призывает его в присутствии двух свидетелей — совершеннолетних свободных людей и объявит перед храмом, где он будет укрываться, или сам, или вместо него кто-нибудь другой. Если же не

позовет или не объявит, пусть внесет вышеозначенную сумму. Если же и самого его не отдаст в течение года, то пусть, кроме того, внесет полную стоимость его. Если же раб умрет во время процесса, то ответчик внесет полную стоимость его. Если же уведет лицо, состоящее в должности косма, или кто другой у косма, пусть вчинят иск, когда он сложит с себя полномочия, и если он проиграет дело, пусть внесет вышеозначенную сумму с того дня, как увел,

А кто уведет осужденного и отданного под залог, тот пусть останется без наказанным.

*

*

*

Если муж и жена станут разводиться, то пусть она владеет своим имуществом, с которым пришла к мужу, и половиной дохода, если таковой будет с ее собственного имущества, и половиной всего, что она нарядит, что бы это ни было, и пятью статерами, если муж будет повинен в ее одиночестве.

Если же муж станет утверждать, что он не виновен в этом, то пусть судья решает, принимая присягу. Если же она унесет что-нибудь другое у мужа, она уплатит 5 статеров, а также пусть возвратит и самую вещь, которую унесет или похитит. А если в чем она станет упираться, пусть определит судья, чтобы жена поклялась Артемидой, что у Амикл, призывая богиню, носящую лук. Если же кто похитит для нее что-нибудь после принесения ею клятвы, пусть уплатит 5 статеров и возвратит самую вещь.

Если же ктонибудь посторонний будет помогать унести, он уплатит 10 статеров, а самую вещь вдвойне, буде судья под клятвой признает, что он помог унести ее. Если муж умрет, оставив детей, то жена, если пожелает, пусть выходит замуж, взяв свое собственное имущество и то, что подарит ей муж, согласно с предписаниями закона перед тремя свидетелями совершеннолетними и свободными. Если же она унесет что-нибудь из имущества детей, то пусть подлежит суду.

А если жена умрет бездетной, пусть отдадут ее собственное имущество законным наследникам и половину того, что она нарядила, и половину дохода, если таковой будет с ее собственного имущества.

Если жена деревенского раба б, жирушего своим домом, разойдется с ним при жизни его или овдовеет вследствие его смерти, пусть

она возьмет свое собственное имущество. Если же унесет что-нибудь другое, пусть подлежит суду.

*

*

*

Отец пусть имеет власть над детьми и имуществом, чтобы делить его между ними, и мать над своим собственным имуществом. Пока они будут живы, пусть не будет обязательным разделяться; если же кто-нибудь присужден к штрафу, то пусть выделяют осужденному его часть согласно тому, что значится в законе. Если же кто умрет, пусть дома его в городе и все, что находится в домах, в которых не живут деревенские рабы, а также овцы и крупный скот, не принадлежащие деревенским рабам, все пусть принадлежит сыновьям, остальное же имущество пусть поделят справедливо и пусть получают сыновья, сколько бы их ни было, по две части каждый, а дочери, сколько бы их ни было, одну часть каждая. Пусть поделят и материнское имущество, если она умрет, так же, как написано в законе об отцовском. Если же имущества движимого не будет, но будет дом, пусть получают свою долю дочери, как написано в законе. Если же пожелает отец при своей жизни подарить дочери при выходе замуж, пусть дарит согласно с написанным в законе, но не больше. Если же одной из них дал прежде или завещал, пусть она это имеет, а другого пусть не получает.

Жена, которая не имеет имущества, данного или завещанного отцом или братом, ни полученного по наследству на том положении, какое было, когда обязанности космов исполняли Килл с товарищами из эфалейского стартаб, пусть получает долю в наследстве, а вышедшие замуж ранее пусть не вчиняют иск. Если умрет муж или жена и если будут дети, или у их детей дети, или от этих дети, пусть они получают имущество.

Если же не будет никого из них, а будут братья покойного и от братьев дети или дети последних, пусть они получают имущество. Если же не будет никого из них, а будут сестры покойного и от них дети или дети их детей, пусть они получают имущество.

Если же не будет никого из них, пусть получают имущество те, кто имеет право на это, чьими бы детьми они ни были. А если не будет законных наследников этого семейства, пусть получают имущество те,

кто составляет этот клар. Если же из лиц, имеющих право на наследство, одни пожелают разделить имущество, другие же нет, пусть судья определит, чтобы имущество все находилось у тех, которые хотят разделиться, пока не поделятся.

Если же после приговора судьи кто-нибудь силой ворвется, или уведет, или унесет, тот уплатит 10 статов и вещь вдвойне.

Если же некоторые не пожелают делить животных, плоды, одежду, украшения и вообще всякую движимость, пусть судья решает спор под присягой. Если же при разделе имущества наследники не будут согласны относительно дележа, то пусть продадут имущество и, продав тому, кто больше всех будет давать, из стоимости его пусть каждый получит свою законную часть. При дележе имущества пусть будут в качестве свидетелей трое или больше совершеннолетних свободных граждан. Если будет давать приданое дочери, пусть дает таким же порядком.

*

*

*

Пока будет жив отец, из имущества отца у сына пусть никто не покупает ничего и не берет в залог. А то, что он сам приобретает или получит по наследству, пусть продает, если пожелает. Пусть и отец имущество детей, которое они приобретут или получают по наследству, и муж имущество жены не продает и не завещает, а точно так же и сын имущество матери.

Если же кто-нибудь купит или примет в залог или примет по завещанию, вопреки тем законам, которые здесь написаны, то пусть имущество остается у матери и у жены, а продавший или заложивший уплатит вдвое тому, кто купил или взял в залог или по завещанию и, если будет еще какой-нибудь ущерб, то за него в простом размере; а что было прежде (т. е. до этого закона), пусть не подлежит суду.

Если же противник станет возражать относительно вещи, из-за которой они будут спорить, говоря, что она не принадлежит матери или жене, то пусть вчинят иск, где это полагается по праву, у судьи сообразно с тем как по каждому пункту значится в законе.

Если же умрет мать, оставив детей, то пусть отец распоряжается имуществом матери, но пусть не продает и не закладывает, если не одобрят этого дети, сделавшись совершеннолетними.

Если же кто-нибудь вопреки закону купит или возьмет под залог, пусть имущество принадлежит детям, а купившему или принявшему под залог тот, кто продал или заложил, уплатит двойную сумму стоимости и, если будет еще какой-нибудь ущерб, то за него в обычном размере. Если же он женится на другой, то пусть дети распоряжаются имуществом матери.

* * *

Если кто-нибудь будет продан к врагам и, находясь там вне-воле, будет выкуплен из чужого государства по собственной просьбе, пусть принадлежит тому, кто его выкупил, пока не возвратит должную сумму. Если же они не будут согласны относительно суммы, или если освобожденный будет утверждать, что выкуплен не по собственной просьбе, тогда пусть судья решает спор под присягой.

... если раб придет к свободной и женится на ней, дети пусть будут свободными, если же свободная придет к рабу, дети пусть будут рабами. Если же от одной и той же матери родятся дети – одни свободные, другие рабы, тогда в случае смерти матери, если окажется имущество, пусть владеют им свободные. Если же не окажется свободных, то пусть получают законные наследники. Если кто-нибудь, купив раба на рынке, не отступится от него в течение 60 дней, пусть владелец будет за него ответственным, если он раньше или после этого оскорбил кого-нибудь.

* * *

Дочь-наследница пусть, вы дается замуж за старшего из братьев отца. Если же окажется несколько дочерей-наследниц и братьев отца, пусть каждая выдается за следующего по старшинству. Если же не окажется братьев отца, но будут сыновья от братьев, то пусть выдается за первого из сыновей от самого старшего. Если же окажется несколько дочерей-наследниц и сыновей от братьев, то каждая пусть выдается за следующего по старшинству за сыном от старшего.

Дочь-наследницу имеющий право пусть берет замуж одну, а не больше.

А до тех пор, пока не достигнет зрелости тот, кто имеет право жениться, или сама наследница, пусть домом, если таковой окажется, владеет наследница, а от всего дохода половину пусть получает тот, кто имеет право жениться. Если же тот, кто имеет право жениться, будучи несовершеннолетним, но уже зрелым, не пожелает жениться на достигшей зрелости, то пусть дочь-наследница владеет всем имуществом и доходом, пока он на ней не женится.

Если же имеющий право, будучи совершеннолетним, не пожелает жениться на достигшей зрелости, хотя она и желает выйти замуж, пусть родственники наследницы вчиняют иск, а судья пусть определит, чтобы он женился в течение двух месяцев. Если же он не женится, как написано, пусть она, владея всем имуществом, выдается замуж за другого, имеющего право, буде такой найдется; если же не найдется человека, имеющего право, пусть выходит замуж за кого пожелает из своей филы, кто станет просить ее руки.

Если же она, достигши зрелости, не пожелает выйти замуж за того, кто имеет на это право, или если имеющий право еще не достиг зрелости, и наследница не пожелает ждать, тогда пусть наследница владеет домом, если таковой окажется в городе, и всем, что есть в доме, а из всего остального возьмет половину и выходит замуж за другого, за кого пожелает из своей филы, кто просит ее руки. Но из имущества долю пусть дадут первому.

Если же не будет у наследницы женихов, имеющих право, как написано, пусть она, владея всем имуществом, выходит за кого хочет из своей филы. Если же из филы никто не пожелает на ней жениться, пусть родственники этой наследницы объявят в своей филе, не желает ли кто-нибудь жениться на ней. И если кто-нибудь женится на ней, пусть это сделает в течение 30 дней как объявят; если же нет, то пусть выходит замуж за другого, за кого будет в состоянии. Если женщина, после того как отец или брат выдал ее замуж, делается наследницей, и если она несмотря на желание того, за кого ее выдали, иметь ее своей женой, не захочет оставаться за ним замужем, буде она имеет уже детей, пусть, получивши свою часть из имущества, как написано в законе, выходит замуж за другого из своей филы.

Если же не будет детей, то пусть выходит замуж, владея всем имуществом, за того, кто имеет право, если таковой окажется, если же нет, то как написано в законе. Если у наследницы умрет муж, оставив

детей, то пусть она, если пожелает, выходит замуж, за кого будет в состоянии, из своей фило, но не по принуждению. Если же умерший не оставит детей, пусть она выходит замуж за имеющего право согласно с тем, как написано в законе. Если же имеющий право жениться на наследнице будет находиться в отъезде, а наследница уже достигнет зрелости, пусть выходит замуж за другого, имеющего право, согласно с тем, как написано в законе.

Наследницей пусть будет та, у которой не будет ни отца, ни брата от этого же отца. А управление имуществом пусть принадлежит братьям отца, от дохода же она получит половину, пока не достигнет зрелости. Если же у нее, когда она не достигла зрелости, не будет законного жениха, пусть наследница распоряжается имуществом и доходом и, пока не достигнет зрелости, пусть воспитывается у матери; если же матери у нее не будет, пусть воспитывается у братьев матери. Если же кто-нибудь женится на наследнице вопреки предписанию закона, пусть те, кто имеет право, заявят перед космом.

*

*

*

Если кто-нибудь, взяв на себя поручительство или будучи осужден на суде, или не платя по закладным обязательствам, или просрочив их, или заключив условие, умрет, или если другой не выполнит этого по отношению к нему, пусть вчинят иск до истечения года; а судья пусть решает на основании показаний. Если будет идти спор о судебном приговоре, пусть судья и мнамон, если таковые в это время будут живы и будут оставаться полноправными гражданами, будут законными свидетелями; в качестве же свидетелей принятого поручительства, закладных, просрочки и условия пусть дают показания те, кто имеет право.

Если же они дадут показания, пусть определяет судья, чтобы истец получил причитающуюся сумму в настоящем размере, если он сам и свидетели подтвердят это присягой.

Если примет поручительство сын в то время, когда будет жив его отец, пусть отвечает за это сам своею личностью и своим имуществом, какое будет иметь. Если кто-нибудь возьмет на себя обязательство за границей или не станет платить тому, кто принял участие в загранич-

ном предприятия, и это будут подтверждать свидетели, достигшие зрелости, – по делу в 100 статеров и более – трое, на меньшую сумму до 10 статеров – двое, на сумму же меньше этого – один, пусть судья решает на основании их показаний. При отсутствии же свидетельских показаний, если явится сам давший обязательство, пусть он сообразно с тем, что предложит жалобщик, или отречется под клятвой, или...

* * *

Пусть делается усыновление, из какого рода кто пожелает. Объявление об усыновлении пусть происходит на площади перед собранием граждан с камня, с которого произносятся речи. Пусть усыновивший даст своей матери жертвенное животное и кувшин вина. И если усыновленный получит в наследство все имущество и не будет наряду с ним законных детей, пусть он исполняет за своего приемного отца обязанности по отношению к богам и людям, как установлено законом для законных детей.

Если же он не пожелает исполнять, как написано, пусть имуществом владеют законные наследники. Если же у его приемного отца будут законные дети, пусть усыновленный получает долю в наследстве при наличии сыновей, такую, какую сестры от братьев.

Если же мужчин не будет, а только дочери, пусть усыновленный имеет равную долю с ними и пусть не будет обязательным для него исполнять обязанности приемного отца и получать наследство, которое оставит приемный отец; большего же усыновленный пусть не домогается.

Если же усыновленный умрет, не оставив законных детей, пусть поступит имущество к родственникам его приемного отца. Если же пожелает усыновивший, он может заявить об отказе на площади с того камня, с которого произносятся речи, на собрании граждан, но пусть внесет 10 статеров в суд, а мнамон косма чужеземцев пусть отдаст их отвергнутому.

Ни женщина, ни тот, кто не достиг зрелости, пусть не усыновляют.

Пусть применяют указанные положения с тех пор, как законодатель написал их, а за прежние действия, каким бы образом кто ни получил имущество, ни усыновленному, ни от усыновленного пусть нельзя будет требовать ответственности.

Ксенофонт. О доходах (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Согласны ли вы с мнением Ксенофонта о том, что «каковы правители, таковы и государства»? Почему?*
2. *Какая статья государственных доходов является одной из самых выгодных?*
3. *Какие привилегии предоставляются купцам и судовладельцам в Афинах? Почему они наделены данными привилегиями?*
4. *Про что говорил Ксенофонт, употребляя данное выражение «ни серебряная жила никогда не истощится, ни серебро никогда не обесценится»?*
5. *Каким образом следует устраивать дела государства, чтобы обеспечить всех афинян питанием на общественный счет по мнению Ксенофонта?*
6. *За какой путь государства выступал Ксенофонт для обеспечения своей гегемонии?*

Глава 1. Введение. Природа Аттики

Я всегда придерживаюсь того мнения, что, каковы правители, таковы и государства. Поскольку, однако, некоторые из лиц, занимающих руководящее положение в Афинах, высказывались в том смысле, что они ничуть не хуже других понимают, что такое справедливость, но что, мол, вследствие бедности народных масс они вынуждены все же поступать в какой-то степени несправедливо по отношению к городам¹, то я решил посмотреть, не могут ли афинские граждане каким-нибудь образом прокормиться за счет собственной страны, что и было бы всего справедливее. Ибо я считаю, что если бы это оказалось возможным, то они одновременно смогли бы помочь своей бедности и перестали бы возбуждать подозрение эллинов.

Я начал думать над этим вопросом, и мне сразу же стало ясно, что страна эта от природы такова, что способна приносить очень большие доходы. Чтобы доказать истинность моих слов, я расскажу сначала о

---

¹ Текст представлен по: Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Калистова. М., 1964. С. 343–357.

природных условиях Аттики. О том, что климат здесь самый мягкий, свидетельствуют уже сами произведения земли. Во всяком случае то, что во многих местах не смогло бы даже произрастать, здесь приносит плоды. Подобно земле и море, окаймляющее берега страны, также в высшей степени благодатно. И вообще все блага, какие только боги посылают людям в различные времена года, все это здесь раньше всего появляется и позже всего кончается. Однако эта страна не только изобилует произведениями, цветущими и созревающими в течение года, она имеет также и вечные блага. Ибо от природы в ней имеется в изобилии камень², из которого делаются прекраснейшие храмы, красивейшие алтари, великолепнейшие изваяния богов. На него большой спрос и со стороны эллинов, и со стороны варваров. Есть здесь и такая земля, которая, если засеять, не приносит плодов, а если ее раскапывать, прокармливает значительно большее число людей, чем если бы на ней уродился хлеб. Несомненно, она содержит серебро по божественному предопределению. По крайней мере ни в один из тех многочисленных городов, которые расположены по соседству (с Аттикой) и на суше и на море, не проходит даже маленькая жилка среброносной породы. Можно подумать также, что город афинян отнюдь не без цели расположен у центра Эллады и даже всей вселенной. Ведь чем дальше от Афин, тем с большим холодом или жарой приходится сталкиваться. И все те, кто намерен попасть из одного конца Эллады в другой, все они либо проплывают, либо проходят мимо Афин, как мимо центра круга. Более того, хотя страна афинян и не со всех сторон омывается морем, тем не менее она подобно острову при помощи всевозможных ветров привозит все, в чем нуждается, и вывозит все, что пожелает; ибо с обеих сторон она окружена морем. И по суше она также получает много товаров благодаря торговле; ведь она – на материке. Наконец, большинству других городов много хлопот, доставляют живущие рядом с ними варвары, а соседями афинян являются такие города, которые и сами более всего удалены от варваров.

Глава 2. Государственное покровительство метекам

Причиной всего того, о чем я только что сказал, является, на мой взгляд, сама страна. Если же говорить о тех средствах, которые могут быть использованы помимо естественных богатств, то здесь на первый

план выступает покровительство метекам. Эта статья государственных доходов является, по моему мнению, одной из самых выгодных: ведь метеки сами содержат себя, и много пользы приносят государствам, и при том не только не получают никакой платы, но, напротив, сами вносят метекскую подать³. Мне кажется, что заботы о метеках будут проявлено достаточно, если мы отменим то, что не приносит никакой пользы государству, а вместе с тем навлекает на метеков какое-то бесчестие; если мы отменим также обязанность метеков наравне с горожанами нести военную службу в качестве гоплитов. Ибо велика опасность для самих метеков, надолго также они отрываются от занятий ремеслом и своим хозяйством. Однако и для города будет несомненная польза, если граждане будут проходить военную службу вместе с гражданами, а не так, как теперь. Тогда вместе с ними выстраиваются и лидийцы, и фригийцы, и сирийцы, и прочие варвары, которых так много среди метеков. Помимо той выгоды, которая произойдет от освобождения метеков от обязанности стоять в строю вместе с гражданами, к вящей славе города будет также и то, если окажется, что афиняне в битвах более полагаются на самих себя, нежели на иноземцев. Равным образом мне кажется, что, предоставляя метекам возможность участвовать во всем, в чем их участие было бы полезно, и, в частности, привлекая их службе в коннице, мы смогли бы внушить им большую благожелательность и вместе с тем сделали бы город более сильным и великим. Далее, в пределах городских стен есть много участков пустующей земли. Если государство предоставит право застраивать и приобретать в собственность эти участки тем метекам, которые попросят об этом и которые окажутся людьми достойными, то я думаю, что вследствие этого много хороших людей стало бы стремиться поселиться в Афинах. Наконец, если бы мы учредили должность попечителей метеков, подобно тому как есть попечители сирот⁴, и установили бы соответствующее вознаграждение для тех, у кого на попечении оказалось бы наибольшее число метеков, то и это сделало бы метеков более благожелательными и, само собой разумеется, все люди, лишённые отечества, стали бы стремиться поселиться на правах метека в Афинах, а это в свою очередь привело бы к увеличению государственных доходов.

Глава 3. Государственное покровительство купцам и судовладельцам

Теперь я расскажу о том, какие преимущества и выгоды представляет город афинян и для занятия торговлей. Прежде всего, для кораблей он имеет самые хорошие и самые надежные гавани; в них можно укрыться и спокойно переждать бурную погоду. Далее, купцам в большинстве других городов приходится вывозить взамен своих товаров какие-либо другие, ибо эти города пользуются монетой, не имеющей хождения за их пределами. В Афинах также купцам предоставляется возможность взамен своих товаров вывозить огромное количество других – таких, какие только люди пожелают. Но если купцы не захотят вывозить взамен своих товаров какие-либо другие, то тогда, вывозя одно только серебро, они все равно будут вывозить прекрасный товар, ибо, где бы они ни продали его, везде получают больше, чем сами затратили на его приобретение. Если, с другой стороны, заранее определить награды для тех из властей эмпория⁵, которые наиболее справедливо и вместе с тем наиболее быстро будут разбирать спорные дела так, чтобы не задерживать желающего отплыть, то в таком случае еще больше людей и с большей охотой станут вести торговлю в Афинах. Полезно также награждать первыми местами⁶ и приглашать время от времени на гостеприимные обеды⁷ тех купцов и судовладельцев, относительно которых будет признано, что они оказывают городу пользу и кораблями, и товарами. Ведь если их будут почитать таким образом, то они не только ради прибыли, но и ради почестей поспешат в Афины, как к своим друзьям. И конечно, чем больше людей будет прибывать в Афины и селиться там, тем больше товаров будут ввозить, вывозить, отправлять и продавать, тем больше доходов будут получать частные лица и тем больше налогов будет уплачиваться государству.

Для такого рода увеличения доходов не требуется никаких предварительных затрат, необходимы лишь гуманные постановления и соответствующее попечение. Что же касается других возможных доходов, то я знаю, что для этого нужен известный капитал. Однако я не отчаиваюсь и не думаю, что граждане не захотят внести деньги на такое дело. Я помню, что государство внесло много денег, когда были посланы войска под командованием Лисистрата на помощь аркадянам⁸, помню также, что много денег было внесено и на экспедицию

Гегесилея⁹. Я знаю, что государство часто высылает триеры, снаряжение которых сопряжено с большими расходами, причем совершенно неизвестно, будет ли от этого государства лучше или хуже, а ясно лишь одно, что граждане никогда не получают обратно денег, которые они внесли, и не будут участвовать в том, ради чего они вносили эти деньги. Напротив, ни от чего они не получают столь большой выгоды, как от денег, которые они выплатят в счет необходимого капитала. Ведь у всякого, чей взнос будет равен десяти минам, прирост составит почти одну пятую, совсем как в ссудах под залог корабля и груза, ибо такой человек будет получать по три обола в день. А у того, чей взнос будет равен пяти минам, прирост составит больше одной трети. Во всяком случае большинство афинян ежегодно будет получать больше, чем они внесли. Ибо тот, кто выплатит одну мину, будет получать почти две мины дохода, и это в городе, который считается самым надежным и долговечным из всего, что создано человеком. Я думаю, что многие чужеземцы также внесли бы деньги, если бы они знали, что их провозгласят «благодетелями на вечные времена». То же сделали бы и некоторые города – из стремления к такого рода почести. Я уверен, что даже цари, тираны и сатрапы, по крайней мере некоторые из них, также возымели бы желание получить свою долю в этой благодарности.

А когда составится необходимый капитал, целесообразно будет построить для судовладельцев возле гаваней новые гостиницы в дополнение к уже существующим. Полезно будет также и для купцов оборудовать соответствующие места для купли и продажи, а для всех вообще прибывающих – построить государственные гостиницы. Если же и для рыночных торговцев будут сооружены помещения и лавки в Пирее и в городе, то и от этого государство одновременно будет иметь и украшение, и много доходов. Мне кажется также, что было бы хорошо попытаться выяснить, нельзя ли, подобно тому как государство имеет государственные триеры, приобрести также и государственные грузовые суда и сдавать их в аренду по представлению поручителей всем желающим точно так же, как это делается и с прочим общественным достоянием. Ведь если бы и это оказалось возможным, то и отсюда был бы большой доход государству.

Глава 4. Разработка серебряных рудников

Я считаю, однако, что если будут разрабатываться надлежащим образом серебряные рудники, то от них одних и без других доходов будет поступать огромное количество денег. Я хочу пояснить их возможности тем, кто этого не знает, ибо тогда вы сможете лучше решить, как следует их использовать. Итак, что серебряные рудники стали разрабатываться очень давно, ясно всем. Во всяком случае никто даже не пытается сказать, когда именно приступили к этому. Тем не менее, хотя серебряная руда уже давно откапывается и выносится на поверхность, обратите внимание, какую незначительную часть по сравнению с естественными холмами, содержащими серебро, составляют кучи выброшенной наружу породы. Мало того, сереброносные места, как видно, не только не сокращаются, но, напротив, с течением времени все более и более увеличиваются в размерах. По крайней мере, сколько людей ни перебивало в разное время на рудниках, никто не испытывал недостатка в работе; наоборот, всегда работы было больше, чем работающих. И сейчас ни один из тех, кто имеет рабов в рудниках, не сокращает их числа, но, напротив, все время приобретает новых как можно больше. Ведь когда раскопками и поисками занимаются немногие, тогда, как не известно, и богатства находят мало. А когда этим занимаются многие, тогда серебряная порода обнаруживается в значительно большем количестве. Поэтому-то, насколько мне известно, только в этой отрасли производства никто не завидует тем, кто основывает новые предприятия. Далее, владельцы земельных участков всегда могут сказать, сколько упряжек скота и сколько работников необходимо на данном участке. Если же кто использует рабочей силы больше, чем требуется, то они считают это убыточным. Напротив, в серебряных рудниках, судя по тому, что говорят, всегда не хватает работников. Ведь когда оказывается слишком много медников, то медные изделия становятся дешевыми, а медники разоряются; точно так же и с кузнецами. Далее, когда бывает слишком много хлеба и вина, то продукты становятся дешевыми, а занятие земледелием оказывается невыгодным. Тогда многие люди перестают обрабатывать землю и обращаются к крупной или мелкой торговле и к ростовщичеству. Напротив, чем больше бывает обнаружено серебряной породы и чем больше оказывается серебра, тем больше людей отправляется на эти работы. В

самом деле, когда кто-либо приобретет достаточное количество утвари для своего дома, он больше уже не покупает ее; но никто еще не приобрел столько серебра, чтобы больше в нем не нуждаться. Напротив, если у кого его становится слишком много, то излишнее зарывают в землю и при этом испытывают не меньшее удовольствие, чем если бы пользовались им. И вообще, когда города находятся в цветущем состоянии, все люди испытывают живейшую потребность в серебре: мужчины хотят тратить деньги на красивое оружие и хороших лошадей, на дома и роскошную обстановку; женщины же стремятся к дорогим туалетам и золотым украшениям. А когда города страдают от недородов или от войны, то люди еще больше нуждаются в деньгах и на провиант, так как земля остается невозделанной, и на наемных солдат. Конечно, могут сказать, что и золото ничуть не менее ценно, чем серебро; я с этим не спорю. Однако я знаю, что и золото, когда его появляется слишком много, также обесценивается, а серебро от этого становится лишь дороже. Все это я изложил для того, чтобы мы смело могли вести на работы в серебряные рудники как можно большее число людей, чтобы смело могли заниматься разработкой рудников, будучи в полной уверенности, что ни серебряная жила никогда не истощится, ни серебро никогда не обесценится. Мне кажется, однако, что государство знало это и до меня. Во всяком случае оно разрешает заниматься разработкой рудников даже любому желающему из иностранцев при условии уплаты податей наравне с гражданами.

А чтобы яснее изложить свои мысли насчет пропитания для граждан, я расскажу теперь о том, как следует разрабатывать рудники, чтобы они приносили городу как можно больше выгоды. Я вовсе не считаю, однако, что на основании того, о чем я собираюсь говорить, мною следует восхищаться как человеком, который сделал какое-либо сложное открытие. Ведь то, о чем я буду говорить, мы все либо и теперь еще можем видеть, либо же знаем понаслышке, что так делалось и в прошлом. Нет, удивляться следует тому, что город, зная, как много частных лиц обогащается за его счет, не пытается им подражать. Ведь все мы, кто интересовался этим вопросом, знаем, что когда-то Никий, сын Никерата, имел в серебряных рудниках 1000 человек, которых он отдавал внаем фракийцу Сосию на таких условиях: Сосий должен был уплачивать ему за каждого человека в день по чистому оболу, а он дол-

жен был предоставлять Сосию все время равное число рабов. У Гиппоника¹⁰ также было 600 рабов, которых он сдавал точно таким же способом и которые приносили ему чистую мину (дохода) в день; у Филемонида¹¹ было 300 рабов, которые приносили ему соответственно полмины в день; у других – столько, сколько каждому позволяли его возможности. Однако к чему говорить о том, что было давно? Ведь и теперь в серебряных рудниках есть много рабов, которых сдают таким же способом. Итак, при осуществлении моих предложений новым оказалось бы только то, что по примеру частных лиц, которые приобрели рабов и обеспечили себе таким образом постоянный доход, государство также стало бы приобретать государственных рабов до тех пор, пока их не оказалось бы по три на каждого афинянина. Возможно ли все то, о чем мы говорим, об этом всякий пусть судит после того, как рассмотрит в отдельности каждое из наших предложений. Итак, прежде всего, что касается сбора денег на покупку рабов, то совершенно очевидно, что государственная казна располагает в этом отношении большими возможностями, нежели частные лица. Далее, Совету¹², разумеется, легче и сделать через глашатая объявление о том, чтобы всякий желающий приводил рабов на продажу, и купить тех рабов, которые будут приведены. А когда рабы будут куплены, то неужели их станут меньше брать внаймы у государства, чем у частных лиц, при одинаковых условиях найма? Ведь сдаются же в аренду и участки священной земли, и святилища, и дома; и налоги берутся на откуп у государства. А чтобы купленные рабы оставались в сохранности, государство может требовать представления поручителей от лиц, берущих внаймы рабов, подобно тому как оно требует этого от тех, кто берет на откуп налоги. К тому же совершить беззаконие легче именно откупщику налогов, нежели лицу, берущему внаймы рабов. Ведь как уличить какого-нибудь человека в вывозе государственного серебра, когда оно одинаково с его собственным? Напротив, если заклеить рабов государственным клеймом и наперед установить наказания для тех, кто станет их продавать и вывозить, то как сможет тогда кто-нибудь их похитить? Итак, в пределах того, что было сказано, оказывается возможным для государства и приобретать рабов, и охранять их. Если же кто размышляет теперь над тем, каким образом при наличии большого числа работников окажется также достаточное число тех, кто пожелает взять их внаймы, то пусть он не беспокоится. Ведь надо

иметь в виду, что многие из предпринимателей охотно будут брать внаем новых государственных рабов: возможностей для их использования много; к тому же среди тех, кто занят в рудниках, есть много таких, которые состарились на работе. Много есть также и других, афинян и иностранцев, которые и не пожелали, и не смогли бы заниматься физическим трудом, но которые охотно стали бы добывать себе необходимые средства к жизни, работая в качестве управляющих. Если бы для начала оказалось хотя бы 1200 рабов, то, вероятно, уже на те доходы, которые они станут приносить, их число в течение пяти или шести лет легко можно будет довести до 6000. От этого числа, если каждый раб станет приносить в день по чистому оболу, общий доход составит 60 талантов в год. Если теперь из этой суммы откладывать на покупку новых рабов по 20 талантов, то остальные 40 государство сможет уже использовать на другие свои нужды, какие только окажутся. Когда же число рабов будет доведено до 10000, общий доход с них составит уже 100 талантов. А что государство получит дохода во много раз больше этой суммы, это могут засвидетельствовать, если только они еще живы, все те, кто помнит, сколько дохода приносил налог с рабов до событий в Декелее¹³. Свидетельствует об этом и то, что, несмотря на бесчисленное множество людей, работавших в серебряных рудниках во все времена, рудники и сейчас остаются теми же, какими они были при жизни наших предков. Все, что происходит сейчас, также подтверждает, что никогда число рабов в рудниках не сможет превысить того числа, которого требуют работы, ибо рудокопы не обнаруживают ни конца шахты, ни окончания штреков. И уж во всяком случае прокладывать новые шахты сейчас можно ничуть не хуже, чем раньше, ибо никто не мог бы сказать с определенностью, где больше сереброносной породы: в уже проложенных шахтах или в еще не начатых. Отчего же тогда, могут меня спросить, многие предприниматели не занимаются теперь разработкой новых месторождений так же, как раньше? Почему они только недавно начали приводить в порядок свои дела? Причиной тому то, что люди, занимающиеся разработкой серебряных рудников, стали теперь беднее, чем прежде, а для всякого, кто начинает новую разработку, очень велик риск. Ведь тот, кто найдет хорошую разработку, становится богатым, а тот, кто не найдет, теряет все, что затратил. Так вот, на этот риск не очень-то хотят идти нынешние горнопромышлен-

ники. Мне кажется, однако, что и в этом деле я мог бы дать совет относительно того, как можно было бы с наименьшим риском начать новые разработки. Как известно, в Афинах есть 10 фил. Если государство даст каждой из них равное число рабов, а они, деля друг с другом все удачи и неудачи, начнут новые разработки, то при таком образе действий, если серебро найдет одна фила, это будет выгодно и для всех других, а если его найдут две, три, четыре или пять, это соответственно сделает работы еще более выгодными. А чтобы все филы потерпели неудачу, это невероятно: ничто из прежнего опыта не подтверждает возможности такого исхода. Вы видите, что точно так же и частные лица, объединяясь в компании и деля друг с другом все удачи и неудачи, меньше подвергаются опасности в этом рискованном предприятии. И конечно, вы не должны бояться того, что при таком способе разработки рудников государство стеснит частных лиц или, наоборот, частные лица стеснят государство. Напротив, подобно тому как союзники, чем больше их сойдется, тем сильнее они делают друг друга, так и здесь, чем больше людей будет работать в серебряных рудниках, тем больше богатства будет ими найдено и получено.

Выше мною было сказано, каким образом следует устроить дела государства, чтобы обеспечить всех афинян питанием на общественный счет. Если же по чьим-либо расчетам выходит, что на все это потребуется огромный капитал и что никогда поэтому не будет внесено в общий фонд достаточного количества денег, то я должен сказать, что оснований для тревог и в этом случае нет, ибо дела вовсе не обстоят так, что необходимо сразу же выполнять весь этот план в полном объеме из опасения, что иначе не будет от него никакой пользы. Нет, сколько домов ни будет построено, сколько ни будет [с. 352] сооружено кораблей или закуплено рабов, все это немедленно станет приносить пользу. К тому же выполнение плана по частям, а не сразу в полном объеме выгоднее еще и по следующей причине. Ведь если мы не постепенно, а сразу займемся всеми строительными работами, то мы выполним эти работы и с большими издержками и вообще хуже. Равным образом, стремясь заполучить сразу же огромное количество рабов, мы вынуждены будем покупать их без разбора: плохих и по дорогой цене. Между тем, выполняя все в соответствии с нашими возможностями, мы всегда сможем претворить в жизнь то, что будет признано полезным. Напротив, если будет совершена какая-нибудь ошибка, мы

всегда сможем не допустить ее повторения. Кроме того, если сразу будет выполняться решительно все, то нам придется сразу же достать и все необходимое; если же мы станем выполнять только часть, а часть отложим на будущее, то тогда наличный доход поможет обеспечить все, что нужно. Быть может, по мнению всех, наиболее опасным является то, что рудники могут быть переполнены, если государство приобретет слишком много рабов. Однако и от этого опасения мы сможем освободиться, если станем ежегодно направлять на работу в рудники лишь столько людей, сколько потребует сама работа. Во всяком случае я придерживаюсь такого мнения относительно выполнения всего этого плана: как удобнее, так и лучше. Конечно, вы можете сказать, что вследствие взносов, уплаченных на нынешнюю войну¹⁴, никакие новые взносы невозможны. Но вы все-таки сделайте так: сколько денег приносили налоги до заключения мира, на эти деньги управляйте государством и в наступающем году. А сколько денег станут приносить налоги вследствие заключения мира, вследствие покровительства метекам и купцам, вследствие стечения в Афины большего количества людей и неизбежного ввиду этого увеличения ввоза и вывоза товаров, наконец, вследствие увеличения портовых сборов и роста рыночной торговли, — все это вы используйте для того, чтобы появилось как можно больше новых доходов. Если же кто боится, что все это предприятие может оказаться напрасным в случае, если разразится война, то пусть он учтет, что при таких обстоятельствах война будет во много раз страшнее для тех, кто ее начнет, нежели для нашего города. В самом деле, что может быть полезнее для ведения войны, чем множество людей? Люди, когда их много, могут укомплектовать экипажами большой флот; они могут тогда и на суше оказаться опасными для противника, нужно лишь должным образом позаботиться о них.

Я считаю также, что в случае войны вполне возможно не оставлять серебряных рудников врагу. В самом деле, в районе рудников есть две крепости: одна — на юге, в Анафлисте, другая — на севере, в Форики. Они отстоят друг от друга на расстоянии около 60 стадий. Если в промежутке между ними, на самой высокой вершине Бесы, соорудить третье укрепление, то работы в рудниках можно будет сосредоточить у одного из этих укреплений и, если будет замечено какое-либо продвижение противника, каждый легко сможет уйти в безопасное место. Если же неприятель действительно явится, то, разумеется, если он

найдет вне стен города хлеб, вино или скот, он все это сможет забрать. Но если он завладеет серебряными рудниками, чем сможет он там воспользоваться, если не считать камней? Да и как вообще смогли бы прорваться враги к рудникам? Ведь ближайший по соседству город Могары отстоит от них более чем на 500 стадий, а следующий самый близкий город – Фивы – более чем на 600. Если враги двинутся откуда-нибудь из этих мест по направлению к серебряным рудникам, то им так или иначе придется проходить мимо нашего города, и, если их будет немного, они, разумеется, будут уничтожены афинскими всадниками и отрядами пограничной охраны. Выступить же с большим войском и тем самым оголить собственные границы – это было бы для них слишком рискованно. Ведь в таком случае город афинян будет ближе к их городам, нежели они сами, коль скоро они окажутся в районе рудников. К тому же, если бы они пришли с большими силами, как могли бы они оставаться здесь, не располагая провиантом? Запасаться продовольствием через посредство лишь части войск опасно как для тех, кто отправляется за ним, так и для тех, кто остается для ведения войны. А если отправляться за провиантом каждый раз всем войском, то так скорее очутишься на положении осаждаемого, нежели осаждающего.

Вообще не только поступления с рабов увеличили бы для граждан пропитание; ввиду скопления в районе рудников большого количества людей возникло бы много новых доходов – от тамошнего рынка, от домов, расположенных близ рудников и принадлежащих государству, от плавильных печей и от всего прочего. Сильно возросло бы население и самого города, если бы рудники стали разрабатываться предложенным способом. И уж конечно, у владеющих земельными участками в этом районе они были бы не в меньшей цене, чем у тех, кто владеет участками в районе города. Я уверен, что по свершении всего того, о чем я сказал, граждане не только будут богаче деньгами, но и станут более послушными, более дисциплинированными и более рачительными в военном деле. Ведь те, кому прикажут выполнять гимнастические упражнения, станут с большим тщанием заниматься этим в гимнасиях, коль скоро они будут получать на свое содержание больше, чем гимнасиархи на состязаниях в беге с факелами¹⁵. Равным образом те, кого назначат нести гарнизонную службу в крепостях или зачислят в пельтасты и прикажут обходить дозором страну, – все они с большим рвением станут выполнять свои обязанности, коль скоро за

выполнение каждой из этих работ им будут выдаваться деньги на пропитание.

Глава 5. Необходимость мира

Совершенно очевидно, что, для того чтобы все доходы поступали в изобилии, нужен мир. Но в таком случае не следует ли учредить должность мирохранителей? Ведь избрание таких должностных лиц будет способствовать тому, что все люди с большей охотой и в большем числе станут прибывать в наш город. Если же кое-кто считает, что, постоянно проводя мирную политику, государство станет менее сильным, менее славным и менее влиятельным в Элладе, то я должен сказать, что он заблуждается. Ведь недаром же говорят, что самые счастливые государства те, которые дольше всех живут в мире; а из всех государств Афины обладают наибольшей способностью развиваться в мирное время. В самом деле, начиная с судовладельцев и купцов, кто только не пожелает воспользоваться преимуществами нашего города, коль скоро он будет жить в мире! Люди, богатые хлебом или вином; люди, располагающие большим количеством масла или скота; люди, способные извлечь прибыль из своего ума или из своих денег, – мастера, софисты и философы; поэты и те, кто изучает их творения; люди, горящие желанием увидеть или услышать все, что есть замечательного в делах божественных или человеческих; наконец, те, кто хочет быстро продать или купить большое количество товаров, – где легче они добьются всего этого, как не в Афинах? По-видимому, против этого никто не станет возражать. Если же кто-нибудь, желая, чтобы государство вновь обрело утраченную гегемонию, считает, что этого можно было бы добиться скорее войной, нежели миром, то пусть он обратится прежде к эпохе персидских войн и посмотрит, каким образом, насилыми или благодеяниями по отношению к эллинам, мы добились тогда руководства над флотом и должности общеэллинских казначеев¹⁶. Далее, когда наше государство стало, по общему мнению, слишком сурово обращаться с эллинами и вследствие этого лишились власти, то разве и тогда не оказались мы снова с согласия островитян руководителями флота, коль скоро стали воздерживаться от несправедливых поступков?¹⁷ Равным образом фиванцы, испытывая благодеяния со сто-

роны афинян, также признали над собой их гегемонию. Наконец, лакедемоняне также не за насилия, а за благодеяния предоставили нам возможность решить вопрос с гегемонией по собственному усмотрению. Ныне же вследствие царящей в Элладе смуты государству нашему, как мне кажется, представляется удобный случай без трудов, опасностей и расходов вновь подчинить эллинов своему влиянию. В самом деле, можно сделать вот какого рода попытку: начать мирить воюющие друг с другом города; а если в них есть какие-либо враждующие группировки, можно начать мирить и их. С другой стороны, если станет известно, что вы заботитесь о том, чтобы святилище в Дельфах было, как и раньше, независимым, если станет известно, что вы стремитесь к этому не путем войны, а путем переговоров с эллинскими государствами, то, я думаю, не будет ничего удивительного, если вы найдете у всех эллинов сочувствие и поддержку, скрепленную общей клятвой и союзом против тех, кто попытается теперь, после ухода фокидян, захватить храм¹⁸. Наконец, если станет известно, что вы вообще заботитесь о том, чтобы на всей земле и на море был мир, то, я уверен, все тогда будут желать благополучия после своего родного города более всего Афинам. А если кто-нибудь думает, что по крайней мере в делах обогащения война более выгодна для государства, чем мир, то я уверен, что лучше всего этот вопрос можно было бы решить следующим образом: надо вновь обратиться к анализу событий прошлого и посмотреть, как обычно заканчивались они для государства. Всякий найдет тогда, что и в старину в мирное время много денег поступало в казну государства, а во время войны все они полностью расходовались. С другой стороны, всякий, кто станет наблюдать, легко обнаружит, что и ныне из-за войны много доходов иссякло, а те, что поступили, полностью были израсходованы на различные нужды военного времени. Напротив, после того, как на море наступил мир, и доходы увеличились, граждане получили возможность использовать их по своему усмотрению. Конечно, меня могут спросить при этом: “Ну а если кто-нибудь станет чинить обиду нашему городу, ты скажешь, что и по отношению к нему тоже следует соблюдать мир?” Нет, я этого не скажу. Напротив, я утверждаю, что мы скорее сможем отомстить нашим обидчикам, если сами наперед никого не будем обижать: ведь тогда наши противники ни в ком не смогут найти себе союзника.

Платон. Из диалога Протагор (фрагмент) ¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Как Протагор называет науку, которой обучает? Какова ее характеристика по Протагору?

2. Почему добродетели и политическому искусству невозможно научиться?

3. Как Протагор аргументирует свои мысли о том, что к справедливости и гражданским доблестям считается каждый?

Вступление. Друг. От куда ты, Сократ?

Алкивиада! А мне, когда я видел его недавно, он показался уже мужчиной – хоть и прекрасным, но все же мужчиной: ведь, между нами говоря, Сократ, у него уже и борода пробивается.

С о к р а т. Так что же из этого? Разве ты не согласен с Гомером, который сказал, что самая приятная пора юности – это когда показывается первый пушок над губой – то самое, что теперь у Алкивиада? Друг. Как же теперь твои дела? От него ты идешь? И как расположен к тебе юноша?

С о к р а т. Хорошо, по-моему, особенно сегодня; он немало говорил нынче в мою пользу и очень мне помог. От него я сейчас и иду. Но хочу сказать тебе невероятную вещь: в его присутствии я не обращал на него внимания, а частенько и просто забывал про него.

Д р у г. Какая же это такая огромная преграда могла стать между вами? Неужто ты нашел в нашем городе кого-нибудь красивее, чем он?

С о к р а т. И намного красивее. Д р у г. Что ты говоришь? Здешнего или чужого?

С о к р а т. Чужого. Друг. Откуда он?

С о к р а т. Абдерит.

Д р у г. И до того красив, по-твоему, этот чужеземец, что он тебе показался даже прекраснее сына Клиния?

С о к р а т. А почему бы, дорогой друг, тому, кто мудрее, не казаться и более прекрасным?

---

¹ Текст приводится по: Платон. Протагор / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1990. С. 418-435.

Д р у г. Так, значит, ты пришел к нам сюда, Сократ, после встречи с каким-то мудрецом?

С о к р а т. С самым что ни на есть мудрейшим из нынешних, если и ты полагаешь, что всех мудрее теперь Протагор.

Д р у г. Что ты говоришь? Протагор у нас здесь?

С о к р а т. Да уж третий день.

Д р у г. И ты только что беседовал с ним?

С о к р а т. Вволю наговорился и наслушался. зю

Д р у г. Так что же ты не расскажешь нам об этой беседе, если ничто тебе не мешает? Садись-ка вот тут, вели мальчику встать и дать тебе место.

С о к р а т. Расскажу с большой охотой и еще буду благодарен, если вы меня выслушаете.

Д р у г. Да и мы тебе, если расскажешь.

С о к р а т. Так пусть благодарность будет обоюдной. Итак, слушайте.

Минувшей ночью, еще до рассвета, Гиппократб, сын Аполлодора, брат Фасона, вдруг стал стучать изо всех сил ко мне в дверь палкой и, когда ему отворили, ворвался в дом и громким голосом спросил:

– Сократ, проснулся ты или спишь? А я, узнав его голос, сказал:

– Это Гиппократ. Уж не принес ли какую-нибудь новость?

– Принес, – отвечал он, – но только хорошую.

– Ладно, коли так. Но какая же это новость, ради которой ты явился в такую рань?

Тут Гиппократ, подойдя поближе, говорит:

– Протагор приехал.

– Позавчера еще, – сказал я, – а ты только теперь узнал?

– Клянусь богами, только вчера вечером. – И с этими словами, ощутивши кровать, Гиппократ сел у меня в ногах. – Да, только вчера, очень поздно, когда я пришел из Энои. Ведь слуга мой, Сатир, сбежал от меня. Я было хотел сказать тебе, что собираюсь в погоню за ним, да почему-то забыл. А как пришел я к себе, мы поужинали и уже собрались на покой, но вдруг брат говорит мне, что приехал Протагор. Я хотел тотчас же к тебе идти, но потом показалось мне, что слишком уж поздний час ночи; а лишь только выспался после такой усталости, как сейчас же встал и пошел сюда.

Я, зная его мужество и пылкость, сказал:

– Да что тебе в этом, уж не обижает ли тебя чем-нибудь Протагор?

А он, улыбнувшись, ответил:

– Да, Сократ, клянусь богами, тем, что он сам мудр, а меня мудрым не делает.

– Но клянусь Зевсом, если дать ему денег и уговорить его, он и тебя сделает мудрым.

– Да, если бы за этим стало дело, – сказал Гиппократ, – так Зевс и все боги свидетели – ничего бы я не оставил ни себе, ни друзьям. Но из-за того-то я теперь к тебе и пришел, чтобы ты поговорил с ним обо мне. Я ведь и моложе, и притом никогда не видал Протагора и не слышал его, потому что был еще ребенком, когда он в первый раз приезжал сюда. А ведь все, Сократ, расхваливают этого человека и говорят, что он величайший мастер речи. Ну отчего бы нам не пойти к нему, чтобы застать его еще дома? Он остановился, как я слышал, у Каллия, сына Гиппоника. Так идем же!

А я сказал:

– Пойдем, только не сразу, дорогой мой, – рано еще; встанем, выйдем во двор, погуляем и поговорим, пока не рассветет, а тогда и пойдем. Протагор большею частью проводит время дома, так что не бойся, мы скорее всего его застанем.

С этими словами мы поднялись и стали прохаживаться по двору. Чтобы испытать выдержку Гиппократа, я, посмотрев на него пристально, спросил:

– Скажи мне, Гиппократ, вот ты теперь собираешься идти к Протагору, внести ему деньги в уплату за себя, а, собственно говоря, для чего он тебе нужен, кем ты хочешь стать? Скажем, задумал бы ты идти к своему тезке, Гиппократу Косскому, одному из Асклепиадов, чтобы внести ему деньги в уплату за себя, и кто-нибудь тебя спросил бы: «Скажи мне, Гиппократ, ты вот хочешь заплатить тому Гиппократу, но почему ты платишь именно ему?» – что бы ты отвечал?

– Сказал бы, потому, что он врач.

– «А ты кем хочешь сделаться?»

– Врачом.

– А если бы ты собирался отправиться к Полику лету аргосцу или Фиди афинянину, чтобы внести им за себя плату, а кто-нибудь тебя

спросил, почему ты решил заплатить им столько денег, что бы ты отвечал?

– Сказал бы, потому, что они ваятели.

– Значит, сам ты хочешь стать кем?

– Ясно, что ваятелем.

– Допустим, – сказал я.

– А вот теперь мы с тобой отправляемся к Протагору и готовы отсчитать ему деньги в уплату за тебя, если достанет нашего имущества на то, чтобы уговорить его, а нет, то займем еще и у друзей. Так вот, если бы, видя такую нашу настойчивость, кто-нибудь спросил нас: «Скажите мне, Сократ и Гиппократ, кем считаете вы Протагора и за что хотите платить ему деньги», – что бы мы ему отвечали? Как называют Протагора, когда говорят о нем,

подобно тому как Фидия называют ваятелем, а Гомера – поэтом? Что в этом роде слышим мы относительно Протагора?

– Софистом называют этого человека, Сократ.

– Так мы идем платить ему деньги, потому что он софист?

– Конечно.

– А если бы спросили тебя еще и вот о чем:

«Сам-то ты кем намерен стать, раз идешь к Протагору?»

Гиппократ покраснел, – уже немного рассвело, так что это можно было разглядеть.

– Если сообразоваться с прежде сказанным, – отвечал он, – то ясно, что я собираюсь стать софистом.

– А тебе, – сказал я, – не стыдно было бы, клянусь богами, появиться среди эллинов в виде софиста?

– Клянусь Зевсом, стыдно, Сократ, если говорить то, что я думаю.

– Но пожалуй, Гиппократ, ты полагаешь, что у Протагора тебе придется учиться иначе, подобно тому как учился ты у учителя грамоты, игры на кифаре или гимнастики? Ведь каждому из этих предметов ты учился не как будущему своему мастерству, а лишь ради своего образования, как это подобает частному лицу и свободному человеку и.

– Конечно, – сказал Гиппократ, – мне кажется, что Протагорово обучение скорее такого рода.

– Так сам-то ты знаешь, что собираешься делать, или тебе это неясно? – спросил я.

– О чем это ты?

– Ты намерен предоставить попечение о твоей душе софисту, как ты говоришь; но, право, я бы очень удивился, если бы ты знал, что такое софист. А раз тебе это неизвестно, то ты не знаешь и того, кому ты вверяешь свою душу и для чего – для хорошего или дурного.

– Я думаю, что знаю, – сказал Гиппократ, – Так скажи, что такое софист, по-твоему?

Я полагаю, что, по смыслу этого слова, _он._ – знаток в мудрых вещах.

– Да ведь это можно сказать и про живописцев, и про строителей: они тоже знатоки в мудрых вещах; но если бы кто-нибудь спросил у нас, в каких именно мудрых вещах знатоки живописцы, мы бы сказали, что в создании изображений; и в других случаях ответили бы так же. А вот если бы кто спросил, чем мудр софист, что бы мы ответили? В каком деле он наставник?

– А что если бы мы так определили его, Сократ: это тот, кто наставляет других в искусстве красноречия?

– Может быть, – говорю я, – мы и верно бы сказали, однако недостаточно, потому что этот наш ответ требует дальнейшего вопроса: если софист делает людей искусными в речах, то о чем эти речи? Кифарист, например, делает человека искусным в суждениях о том, чему он его научил, – то есть об игре на кифаре.

Не так ли?

– Да.

– Допустим. Ну а софист, в каких речах он делает искусным? Не ясно ли, что в речах о том, в чем он и сам сведущ?

– Похоже на то.

– А в чем же софист и сам сведущ, и ученика делает сведущим?

– Клянусь Зевсом, не знаю, что тебе ответить. На это я сказал:

– Как же так? Знаешь, какой опасности ты собираешься подвергнуть свою душу? Ведь когда тебе бывало нужно вверить кому-нибудь свое тело и было неизвестно, пойдет ли это на пользу или во вред, ты и сам немало раздумывал, вверить его или не вверить, и друзей и домашних призывал на совет и обсуждал это дело целыми днями. А когда речь зашла о душе, которую ты ведь ставишь выше, чем тело I5, потому

что от того, будет она лучше или хуже, зависит, хорошо или дурно пойдут все твои дела, ты ни с отцом, ни с братом и ни с кем из нас, твоих друзей, не советовался, верить ли тебе или не верить свою душу этому пришлому чужеземцу. Лишь вчера ввечеру, по твоим словам, услышав о нем, ты уже сегодня идешь спозаранку, не поразмыслив и не посоветовавшись о том, нужно ли верить ему себя или нет, и сразу готов потратить и собственные деньги, и деньги друзей, как будто ты уже дознался, что тебе нужно непременно сойтись с Протагором, которого, как ты говоришь, ты и не знаешь и не разговаривал с ним никогда. Ты называешь его софистом, а что такое софист, оказывается, совсем не ведаешь, хоть и собираешься верить себя ему.

Гиппократ, выслушав, сказал:

– Так оно и выходит, Сократ, как ты говоришь.

– А что, Гиппократ, не будет ли наш софист чем-то вроде торговца или разносчика припасов, которыми питается душа? По-моему, во всяком случае, он таков.

– Но чем же питается душа, Сократ?

– Знаниями, разумеется, – сказал я. – Только бы, друг мой, не надул нас софист, выхваляя то, что продает, как те купцы или разносчики, что торгуют телесною пищей. Потому что и сами они не знают, что в развозимых ими товарах полезно, а что вредно для тела, но расхваливают все ради продажи, и покупающие у них этого не знают, разве случится кто-нибудь сведущий в гимнастике или врач. Так же и те, что развозят знания по городам и продают их оптом и в розницу всем желающим, хоть они и выхваляют все, чем торгуют, но, может быть, друг мой, из них некоторые и не знают толком, хорошо ли то, что они продают, или плохо для души; и точно так же не знают и покупающие у них, разве лишь случится кто-нибудь сведущий во врачевании души. Так вот, если ты знаешь, что здесь полезно, а что – нет, тогда тебе не опасно приобретать знания и у Протагора, и у кого бы то ни было другого; если же нет, то смотри, друг мой, как бы не проиграть самого для тебя дорогого. Ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного. Съестное-то и напитки, купив их у торговца или разносчика, ты можешь унести в сосудах, и, прежде чем принять в свое тело в виде еды и питья, их можно хранить дома и посоветоваться со знающим человеком, что следует есть или пить и чего не следует, а также сколько и в какое время. При такой покупке риск не велик.

Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, уплатив цену, принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой. Это мы и рассмотрим, причем вместе с теми, кто нас постарше, потому что мы еще молоды, чтобы разобраться в таком деле. А теперь пойдём, как мы собирались, и послушаем того человека; послушавши же его, и с другими побеседуем: Прота с гор ведь там не один, с ним и Гиппий Элидский, и, думаю, Продик Кеосский, да и много еще других мудрецов.

Порешив так, мы отправились; когда же мы очутились у дверей, то приостановились, беседуя о том, что пришло нам в голову дорогой. Чтобы не бросать этот разговор и покончить с ним, прежде чем войти, мы так и беседовали, стоя у дверей, пока не согласились друг с другом. И видимо, привратник – какой-то а евнух – подслушивал нас, а ему, должно быть, из-за множества софистов опротивели посетители этого дома. Когда мы постучали в дверь, он, отворивши и увидев нас, воскликнул:

– Опять софисты какие-то! Ему некогда! – И сейчас же, обеими руками схватившись за дверь, в сердцах захлопнул ее изо всей силы.

Мы опять постучали, а он в ответ из-за запертой двери крикнул:

– Эй, вы! Не слышали, что ли: ему некогда.

– Но, любезный, – говорю я, – не к Каллию мы е пришли, да и не софисты мы. Успокойся: мы пришли потому, что хотим видеть Протагора. Доложи о нас!

Человек насилу отворил нам дверь. Когда мы вошли, то застали Протагора прохаживающимся в портике, а с ним прохаживались по одну сторону Каллий, сын Гиппоника, его единоутробный брат Парал, сын

Перикла, и Хармид, сын Главкона, а по другую сторону – второй сын Перикла, Ксантипп, далее Филлипид, сын Филомела, и Антимер мендеец, самый знаменитый из учеников Протагора, обучавшийся, чтобы стать софистом по ремеслу. Те же, что за ними следовали позади, прислушиваясь к разговору, большего частью были, видимо, чужеземцы – из тех, ктяю Протагор увлекает за собою из каждого города, где бы Знни бывал, завораживая их своим голосом, подобно Орфею, а они идут на его голос, замороженные; были и некоторые из местных жителей в этом хоре. Глядя на этот хор, я особенно восхищался, как

они остерегались, чтобы ни в коем случае не оказаться впереди Протагора: всякий раз, когда тот со своими собеседниками поворачивал, эти слушатели стройно и чинно расступались и, смыкая круг, великолепным рядом выстраивались позади него. ,

Потом «оного мужа узрел я», как говорит Гомер,— Гиппия Элидского, сидевшего в противоположном портике на кресле. Вкруг него сидели на скамейках Эриксимах, сын Акумена, Федр мирринусиец, Андрон сын Андротиона, еще несколько чужеземцев, его сограждан, и другие. По-видимому, они расспрашивали Гиппия о природе и разных астрономических, небесных явлениях, а он, сидя в кресле, с каждым из них разбирал и обсуждал их вопросы.

«Также и Тантала, да, и его я тоже увидел» ведь и Продик Кеосский прибыл сюда; он занимал какое-то помещение, которое прежде служило Гиппонику кладовою, теперь же, за множеством постояльцев, Каллий очистил его и сделал пристанищем для гостей. Продик был еще в постели, укрытый какими-то овчинами и покрывалами, а на одной из соседних с ним кроватей расположился керамеец Павсаний, а с Павсанием — совсем еще мальчик, безупречный, как я полагаю, по своим природным задаткам, а на вид очень красивый. Кажется, я расслышал, что имя ему Агафон, и я бы не удивился, если бы оказалось, что он любимец Павсания. Кроме этого мальчика были тут и оба Адиманта — сын Кепида и сын Левколофида, и некоторые другие тоже были там, а о чем они разговаривали, этого я не мог издали разобрать, хоть и жаждал слышать Продика, считая его человеком премудрым и даже божественным; но из-за того что голос его низок, только гул раздавался по комнате, а слов его уловить нельзя было.

Чуть только мы вошли, как вслед за нами — красавец Алкивиад, как ты его называешь (да и я вслед за тобою), и Критий, сын Каллесхра. Войдя, мы еще немного помедлили, а осмотревшись кругом, подошли к Протагору, и я сказал:

— К тебе, Протагор, мы пришли, я и вот он, Гиппократ.

— Как же вам угодно,— сказал он,— разговаривать со мною: наедине или при других?

— Для нас,— отвечал я,— тут нет разницы, а тебе самому будет видно, когда выслушаешь, ради чего мы пришли.

— Ради чего же, — спросил Протагор,— вы пришли?

– Этот вот юноша – Гиппократ, здешний житель, сын Аполлодора, из славного и состоятельного дома; да и по своим природным задаткам он не уступит, мне кажется, любому из своих сверстников. Помоему, он стремится стать человеком выдающимся в нашем городе, а это, как он полагает, всего скорее осуществится, если он сблизится с тобою. Вот ты и решай: надо ли, по-твоему, разговаривать с нами об этом наедине или при других.

– Ты правильно делаешь, Сократ, что соблюдаешь осторожность, говоря со мной об этом, – сказал Протагор. – Чужеземцу, который, приезжая в большие города, убеждает там лучших из юношей, чтобы они, забросив всех – и родных и чужих, и старших и младших, – проводили время с ним, чтобы благодаря этому стать лучше, нужно быть осторожным в таком деле, потому что из-за этого возникает немало зависти, неприязни и всяких наветов.

Хотя я и утверждаю, что софистическое искусство очень древнее, однако мужи, владевшие им в стародавние времена, опасаясь враждебности, которую оно вызывало, всячески скрывали его: одним служила прикрытием поэзия, как Гомеру, Гесиоду и Симониду, другим – таинства и прорицания, как ученикам Орфея и Мусея, а некоторым, я знаю, даже гимнастика, как, например, Икку тарентинцу и одному из первых софистов нашего времени, селимбрийцу Геродику, уроженцу Мегар; музыку же сделал прикрытием ваш Агафокл, великий софист, и Пифоклид Кеосский, и многие другие. Все они, как я говорю, опасаясь зависти, прикрывались этими искусствами. Я же со всеми ними в этом не схож, ибо думаю, что они вовсе не достигли желаемой цели и не укрылись от тех, кто имеет в городах власть, а только от них и применяются эти прикрытия. Толпа ведь, попросту говоря, ничего не понимает, и что те затают, тому и подпевает. А пускаться в бегство, не имея сил убежать, – это значит только изобличить самого себя: глупо даже пытаться, у людей это непременно вызовет еще большую неприязнь, так как они подумают, что такой человек помимо всего еще и коварен. Вот я и пошел противоположным путем: признаю, что я софист и воспитываю людей, и думаю, что эта предосторожность лучше той: признаваться лучше, чем запирается. Я принял еще и другие предосторожности, так что – в добрый час молвить! Хоть я и признаю себя софистом, ничего ужасного со мной не случилось. А занимаюсь я этим де-

лом уже много лет, да и всех-то моих лет уже очень много: нет ни одного из вас, кому я по возрасту не годился бы в отцы. Итак, мне гораздо приятнее, чтобы вы, если чего хотите, говорили об этом перед всеми присутствующими.

А я подметил, что он хотел показать себя и Продику, и Гиппию и порисоваться перед ними,— дескать, мы пришли к нему как поклонники, и говорю ему:

— А что, не позвать ли нам Продика и Гиппия и тех, кто с ними, чтобы они слышали нас?

— Конечно,— сказал Протагор.

— Хотите,— сказал Каллий,— устроим общее обсуждение, чтобы вы могли беседовать сидя? Это всем показалось дельным, и мы, радуясь, что послушаем мудрых людей, сами взяли за скамьи и кровати и расставили их около Гиппия, так как там уже и прежде стояли скамьи. В это время пришли Критий и Алкивиад, ведя Продика, которого они подняли с постели, и всех тех, кто был с Продином.

Когда мы все уселись, Протагор начал:

— Теперь, Сократ, повтори в их присутствии то, что ты сейчас говорил мне об этом юноше.

Сократ. «Платон. Аристотель» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы к тексту:

1. *Каково происхождение Сократа?*
2. *Какие сведения мы можем получить о семье Сократа?*
3. *Были ли у Сократа какие-либо сочинения?*
4. *Каков был круг общения Сократа? Какие занятия в жизни?*
5. *Какие источники дают повествования о Сократе?*
6. *Каково было отношение к Сократу в Афинах?*
7. *Каковы особенности Сократа, созданные Усенофонтом и Платоном?*
8. *В чем обвинили Сократа и какого наказания за это требовали?*
9. *Что такое «даймон» Сократа?*

---

¹ Текст приводится по: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель / 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 9-36.

- 10. Каково отношение Сократа к судьям на его суде?*
- 11. Каково наказание вынес суд?*
- 12. В чем состояли предложения своего наказания, исходящих от Сократа?*
- 13. В чем заключались занятия Сократа в тюрьме?*
- 14. Почему Сократ отказался от побега?*
- 15. Каков был день Сократа перед казнью?*
- 16. Каковы были предсмертные слова Сократа?*

Кто же такой был этот Сократ, вызвавший решительный переворот в жизни Платона? Не в пример аристократу Платону Сократ был самого простого происхождения. Родился он около 469 года. Отец его – каменотес Софрониск из дома Алопеки, а мать Фенарета – повивальная бабка.

Уже в пожилом возрасте он женился на некоей Ксантиппе, имел троих детей, однако не заботился о житейских благах, не занимался никаким ремеслом, но зато был подлинным философом, а именно «любителем мудрости» и искателем истины.

Сведения о Сократе чрезвычайно противоречивы. Сам он ничего не писал, а лишь беседовал, задавая вопросы собеседнику, наводя его на правильный путь. Но вокруг Сократа всегда были друзья, участники его бесед, молодежь и старики, называвшие себя часто его учениками, хотя сам он их таковыми не считал, так как философской школы в строгом смысле слова он не возглавлял и не имел. Сократ был задирист, остроумен, беспокоен, насмешлив и не считался с положением, богатством, связями и общественной значимостью своих собеседников. Деньги он презирал и осмеивал так называемых «учителей мудрости», софистов, которые обучали красноречию молодежь большею частью из состоятельных семей и брали за это огромную плату, что было удивительно для афинян, не считавших философию ремеслом, нуждающимся в денежном вознаграждении.

Сведения о Сократе дошли до нас из самых разнообразных источников, и на первый взгляд в них очень много противоречивого. Здесь есть свидетельства таких младших современников Сократа, как знаменитый комедиограф Аристофан; верных учеников Сократа – историка и философа Ксенофонта и самого Платона. Сведения о Сократе дают нам так называемые «сократики», слушатели Сократа, которые сами

впоследствии основали новые философские школы. Евклид из Мегары, Федон из Элиды, Антисфен Афинский, Аристипп из Кирены. Немногие, но важные замечания об идеях Сократа находят у Аристотеля, ученика Платона.

Аристофан в комедии «Облака», поставленной в 423 году до н. э., изобразил Сократа в виде забавного персонажа, главы некоей подозрительной школы софистов «мыслильни», обманщика и выдумщика, изобретателя некой новой религии и новых богов, какими здесь являются облака. Эта безжалостная пародия Аристофана до некоторой степени отражала неясные слухи, бродившие среди необразованных и жадных до новостей афинских обывателей. Но вместе с тем эта пародия свидетельствовала о славе Сократа и его широкой известности. Попасть в качестве персонажа комедии знаменитого Аристофана на подмостки театра мог только очень популярный человек, обладавший огромным влиянием на людей. Во всяком случае, Сократ – завсегда у улиц, рынков и дружеских собраний, бедно одетый, босой, небольшого роста, скуластый, со вздернутым носом, толстыми губами и шишковатым лбом, лысый, напоминал собою комическую театральную маску. Его загадочная манера разговаривать доверительно, интимно, дружески и вместе с тем иронически приводила в смущение собеседника, который вдруг осознавал себя ничтожеством, глупым, растерянным. Вопросы Сократа о том, что такое красота, справедливость, дружба, мудрость, храбрость, заставляли задумываться не только о философских понятиях, но и о жизненных ценностях. Сократ разъяснял предназначение человека в обществе, его обязанности, его взаимоотношения с законами, почитание богов, необходимость образования, воздержания от грубых страстей, приобретения друзей, то есть практическую ориентацию человека в жизни, руководствующегося совестью, справедливостью и гражданским долгом. Казалось бы, весь этот круг вопросов должен был иметь огромное воспитательное значение. Но идеал сократовского человека, скромного бессребреника, живущего по совести, только раскрывал перед большинством их пороки и низменные стремления, так и оставаясь недостижимым. Обличение богатства, гордости, честолюбия вызывало гнев и даже ненависть к Сократу, который заставлял человека признать свое полное ничтожество. Сил же преодолеть недостатки и начать какую-то иную жизнь хватало не у всех. И те,

кто ощущал свое бессилие, в глубине души осуждали человека, который разбудил их совесть, доказал их невежество, смутил их покой, лишил уверенности в своих силах и посеял сомнение в давно установленных традициях. Путь морального самосовершенствования и жизни в идеях, а не в приобретении материальных благ, был слишком тяжел для среднего человека. Немногие шли за Сократом, и часто это были молодые люди из богатых и знатных семей, пресыщенные именно материальными благами, возмущившиеся против родительского и государственного авторитета и питавшие мечты о быстрых и радикальных преобразованиях в обществе. Как это ни парадоксально, некоторые молодые друзья Сократа вовсе не собирались постепенно воспитывать и образовывать «среднего» человека или вразумлять и наставлять «лучших» богатых граждан. Путь сократовского убеждения был слишком долог и подавить «большинство», то есть народ, в беспрекословном послушании идеальному законодательству казалось им проще и доступнее.

Так, политические деятели Критий и Алкивиад, искавшие мудрость у Сократа, были участниками антидемократических переворотов, стремились к «олигархии», «власти немногих», к тому, что тогда называли тиранией, тем самым предав идеи Сократа и действуя вопреки им. Философы, и прямые ученики Сократа и его истолкователи, тоже зачастую вступали в противоречие с самыми любимыми мыслями своего учителя. Так, основатель кинической школы Антисфен и его ученик Диоген пришли к выводу о духовной свободе человека, лишённого не только имущественных благ, но и твердых семейных уз, моральных традиций, общественных обязанностей, так как все это подчиняло человека ненавистным государственным законодательствам, делаящим людей на свободных и рабов.

Аристипп из Кирены искал высшее благо в освобождении человека от тягот жизни, в отдаче себя стихии бескорыстных наслаждений, или гедонизму. Эвклид Мегарский настолько оторвал человека от материального мира, что признавал истинное бытие только в идеях. Федон – основатель элидо-эретрийской школы, довел до предела мастерство философского спора, предпочитая этические проблемы, но одновременно отличался религиозным свободомыслием. Таким образом, каждый из учеников Сократа односторонне развил те или иные идеи

учителя, выдвигая на первый план то сугубо теоретические, то жизненно-практические тенденции.

Сам же Сократ, если судить о нем, в свою очередь, по всей этой мозаике сведений, дошедших от его прямых учеников в философии, предстает в чрезвычайно противоречивом виде. В Сократе уживается критика власти большинства, то есть демократии, и почитание законов, беспрекословное выполнение гражданского долга. Ирония и сомнение у него – рядом с глубокой верой в добрую основу человека. Стремление к идеальному бытию ничуть не мешает ему в земной дружбе и веселых пиршественных беседах. Вера во внутренний голос, «даймон», совесть, отвращающую Сократа от недостойных поступков, уживается с верой в древние мифы о загробной судьбе человеческой души. Сознание своего ничтожества неразрывно у Сократа с твердым убеждением в предназначении к высокой цели самого себя, человека, которого Дельфийский оракул назвал мудрейшим из греков.

Может быть, не так уж неправ Аристофан, который пародийно обобщил колоритнопротиворечивую фигуру бродячего мудреца, доводя до абсурда те стороны его характера и его стремления, которые так поражали каждого добропорядочного афинского гражданина, привыкшего к налаженной и освященной временем системе отношений между людьми, человеком и богами, человеком и отеческими законами.

Еще более интересным встает перед нами образ Сократа, если судить о нем по главнейшим источникам – «Воспоминаниям» Ксенофонта и диалогам Платона. Эти книги открывают нам того Сократа, который стал живой легендой. А так как Ксенофонт и Платон были верные друзья своего наставника и, конечно, соперничали между собой, в течение всей жизни обращаясь к памяти Сократа, то их сочинения, дошедшие до нас не во фрагментах, а, наоборот, с удивительной полнотой, являются главным свидетельством в жизнеописании их общего учителя и друга.

Ксенофонт создал свой идеал Сократа – моралиста, устойчивого, упорного, но несколько надоедливого разговорщика, приводившего всех в смущение своей безупречной логикой. Платоновский Сократ – живой, задорный, любитель застольных бесед, фигура одновременно трагическая и забавная, редкостное сочетание аскетического мудреца и шутовского маскарада.

Не будем чересчур критичны, уличая в несоответствиях и противоречиях авторов сочинений, где главным действующим лицом является Сократ. Даже если эти авторы преувеличивали одни его черты и умаляли другие, даже если они что-то сознательно опустили, а что-то сознательно выдвинули, даже более того, если они творили живую легенду, благочестиво веря, что она и есть единственно настоящая, понятая ими истина, – они, эти авторы, Ксенофонт и Платон, знали Сократа, общались с ним, записывали на свой страх и риск его словечки и породившие их мысли. Они были современниками, а не потомками, которые хотят понять настоящего Сократа через две тысячи четыреста лет после его смерти и строят свои домыслы на уровне новейших методов философского и филологического анализа, зачастую апеллируя к авторитету электронновычислительной машины.

Не будем гиперкритиками, ибо даже легенда всегда отражает стремление и чаяния человека определенной эпохи, ибо миф всегда в своей основе имеет зерно истины. Сократ – человек, еще при жизни ставший мифом и легендой. Но если такая легенда и такой миф способствовали появлению философа Платона (а в дальнейшем Аристотеля) и стали центральным ядром всех его многотомных сочинений, то мы должны только быть благодарны стремлению человечества к поэтическому вдохновению и к вымыслу, которые заставляют потомков задумываться и трепетать, переживая как свое, близкое и родное, события тысячелетней давности.

Отвлечемся от ученых скептиков и последуем за творимой Платоном и Ксенофонтом легендой.

Деятельность Сократа (вторая половина V в. до н. э.) в эпоху расцвета афинской демократии после победы над персами (первая половина V в. до н. э.) была обусловлена огромным интересом к человеку и его личности. Расцвет наук, искусств, философии, духовного свободного мышления и сознание силы и независимости отдельной личности прекрасно выражены в древнегреческой трагедии. Именно здесь, в драматургии Эсхила, Софокла, Еврипида, виден современный им грек, вступивший в конфликт с древними традициями и религиозными установлениями. Давно прошли времена, когда человек не мыслил себя вне родового коллектива и признавал себя как частицу великой матери-природы, участвующей в вечном круговороте жизни и смерти. Философы (VI–V вв. до н. э.), которые учили о бытии, раскрывая тайны природы,

и сочиняли поэмы и трактаты под одним общим для всех названием «О природе», постепенно, и вначале достаточно робко, переходили к проблемам этическим. Природа была вне морали, и древний грек считал мерилom всего именно соответствие человеческих поступков законам природы.

Но гражданин греческого полиса VI–V веков до н. э. жил по законам своего государства, вырабатывая идеал, критерием которого была именно полисная калокагатия. Ко второй половине V века, когда резко возросли противоречия уже не между греками и чужеземцами-персами, а между самими греческими городами-государствами, жаждущими новых земель, денежных богатств и рынков сбыта, возросла роль инициативы отдельного человека, предприимчивого, деятельного, образованного, сильного в знании законов и судебных тонкостей. Вот тут-то и появились софисты, платные учителя мудрости, считавшие, как и их глава Протагор, человека мерой всех вещей, центром общественной жизни и венцом природы. Оказалось, что изворотливая мысль часто сильнее оружия, особенно если владеешь искусством спора – эристикой (греч. *eris* – спор) и умеешь мастерски «неправое дело выставить правым, а более слабые аргументы выставить сильными». Эристике учили за большие деньги софисты – Протагор, Горгий, Продик, Гиппий и другие. Красноречие, риторика, учившие умению убеждать, оказались главнейшими науками. С хитростями софистической риторики, так называемыми софизмами, мог познакомиться каждый за установленную мзду. Правильное, закономерное на первых порах стремление софистов изучить механизм логической, убедительной мысли и тем самым дать человеку в руки важное орудие в превращениях частной и общественной жизни, постепенно перешло в увлечение внешними словесными эффектами и беспредметную риторику. Главное же, если для софистов человек был мерилom всей окружающей жизни, значит, он мог в своих личных, часто корыстных целях действовать без всякого ограничения, невзирая на мораль. Такому человеку все было позволено, и все моральные нормы оказывались для него относительными, зависящими от того, как воспринимает их софистически воспитанный человек. Софистов, у которых многие постигали мудрость красноречия, стали недолюбливать и даже высмеивать, тем более что многие политические деятели афинской демократии, уже утерыв-

шие свое здоровое, крепкое начало и пустившиеся в военные авантюры, были учениками софистов и ловко обманывали доверчивый народ. На этом фоне всеобщего увлечения неограниченными способностями и возможностями человека, умеющего мастерски выражать свои мысли и быть непобедимым в доказательствах и спорах, Сократ должен был сыграть заметную роль. В молодости Сократ работал вместе со своим отцом, и его даже считали неплохим ваятелем. Годом к двадцати пяти он отправился набираться софистической премудрости к Продику Кеосскому, своему ровеснику, софисту, который в отличие от своих сотоварищей придавал большое значение моральным принципам, занимался философией языка, изучая многообразие смысловых значений слова. Возможно, что увлечение красноречием привело молодого Сократа к знакомству с Аспазией, супругой Перикла, прославленной красотой и любовью к философии. Через многие годы Сократ вспоминал, как учился риторике у Аспазии и за свою забывчивость едва ли не получал от нее оплеухи. Он даже припомнил и пересказал речь, которую сочинила Аспазия для Перикла на погребении погибших воинов-афинян. Увлечение риторикой было неразрывно у Сократа с занятиями музыкой, которой его обучали Дамон, наставник Перикла, и Конн. А музыка, в свою очередь, вела к математике и астрономии. Сократ брал уроки у Феодора из Кирены, ученого геометра, астронома и музыканта. Метод беседы, основанный на вопросах и ответах, так называемая диалектика, столкнул Сократа с удивительной женщиной, Диотимой, жрицей и пророчицей, которая, по преданию, даже отсрочила на десять лет нашествие чумы в Афинах. Эта образованнейшая женщина поразила Сократа гибкостью ума и тончайшей логикой...

... Но вот однажды произошел случай, изменивший дотолее размеренное течение жизни философа.

Херефонт, один из ближайших и пылких друзей Сократа, отправился в священный город Дельфы к оракулу Аполлона и спросил бога, есть ли на свете кто-нибудь мудрее Сократа. Ответ пифии предания толкуют по-разному. Или пифия изрекла, что никого нет мудрее Сократа. Или же она сказала: «Софокл мудр, Еврипид мудрее, Сократ же – мудрейший из всех людей».

Такое признание исключительной мудрости у человека, который говорил о себе: «Я знаю то, что я ничего не знаю», – глубоко подей-

ствовало на Сократа, и он стал будто одержим идеей учить своих сограждан истинному знанию, так как считал, что есть «одно только благо – знание, и одно только зло – невежество». Слава Сократа превзошла популярность софистов. Те учили искусству спора ради самого спора, невзирая на истину и часто даже нарочито противореча ей и черное делая белым. Софисты эффектно демонстрировали свою ученость, отнюдь не отличаясь глубиной познаний, но зато они открыто восхваляли себя, как, например, Гиппий из Элиды или Фразимах, горделиво важничали, как Протагор или Горгий, окруженные учениками и поклонниками.

Сократ тоже вечно был окружен любопытными почитателями, друзьями и учениками. Но он учил бескорыстно, сам подавая пример скромности в житейском обиходе. В беседе он поглубже запрятывал свое знание предмета и внешне казался ровней какому-нибудь неопытному собеседнику, заодно с которым он пускается в поиски истины. Сократ не был спорщиком, как софист, он был диалектиком, то есть мастером выяснять суть предмета посредством вопросов и ответов в непринужденной беседе (греч. *dialegomai* – беседую). Столкновение мыслей, отбрасывание ложных путей, выбор наводящих вопросов, постепенное приближение к правильному знанию Сократ шутя называл «повивальным искусством», духовным рождением идеи, вспоминая, наверное, ремесло своей матери, помогавшей роженицам.

К Сократу шли те, кто глубоко и искренне пытался докопаться до правильного знания, но шли и любопытные, привлеченные его славой. Здесь были и старые и молодые. Сократ дружил с философами-пифагорейцами, своими одноклассниками Симмием и Кебетом. Надежнейшим другом был его сверстник Критон, совсем уже не философ, а просто добрый и благородный человек. У него были друзья в разных концах Греции, в Фессалии, Фивах, Мегаре, Элиде. Евклид из Мегары во время войны пробирался в Афины по ночам под страхом смерти, чтобы послушать Сократа. Федон из Элиды, попавший в плен и обращенный в рабство, был выкуплен при содействии Сократа и стал его ближайшим учеником. Иные, как Херефонт, Аполлодор, Антисфен, Аристодем или Гермоген, были восторженными поклонниками Сократа, готовыми ради него бросить все блага жизни.

Херефонт всюду прославлял мудрость Сократа, признанную са-

мим Аполлоном, Гермоген изнывал от любви к высокой нравственности и неотступно следовал за Сократом, презирая отцовское богатство и впад в бедность. Аполлодор и Антисфен не отходили от Сократа, взяв за правило ежедневно примечать все, что он говорит и делает. Аристомед, маленький, босоногий, один из самых пылких почитателей Сократа, часто сопровождал его на философские беседы за пиршественным столом, надолго сохраняя в памяти все, что там говорилось, чтобы потом пересказать это всем, кто интересовался жизнью учителя.

Ксенофонт, писатель, философ, историк, познакомился с Сократом при необычных обстоятельствах. Сократ однажды якобы встретил Ксенофонта и загородил ему дорогу палкой, спросив его, где продаются съестные припасы. На ответ Ксенофонта он вновь задал вопрос, а где люди делаются добродетельными. На молчание Ксенофонта Сократ властно приказал: «Иди со мною и учись». Вот почему, когда Ксенофонту надо было ехать в Малую Азию военачальником к персидскому царевичу Киру Младшему, он советовался не с кем иным, как с Сократом, который и направил его в Дельфы к оракулу Аполлона.

С Сократом искали дружбы заносчивые аристократы вроде Алкивиада, Крития или Калликла, а македонский царь Архелай пригласил Сократа к своему двору, на что получил отказ.

Сократ отклонил приглашение Скопаса и Еврилоха, владельцев Фессалии и Лариссы. Сократ был общительным человеком. Он проводил дни то в гимнасии, то в палестре, то на агоре или за пиршественным столом. И всюду он беседовал, поучал, давал советы, выслушивал. Иной раз в городе появлялась какая-нибудь приезжая знаменитость, и Сократ спешил встретиться и поспорить.

Сократ, по преданию, жил такой строгой и скромной жизнью, что в страшную эпидемию чумы 429 года, когда вымерли или ушли из города тысячи людей, он не подвергся заразе.

Не все, кто считался другом Сократа, были подлинными друзьями. На пиру у богача Каллия в 422 году, о котором повествует Ксенофонт («Пир»), рассуждая о превосходстве духовной любви и доказывая, что в общении людей самое главное – дружба, Сократ и не подозревал, что сидящий рядом Ликон, известный оратор, через много лет будет в суде требовать его смерти. Ученики Сократа Антисфен и Гермоген и не думали о том, что они будут стоять у смертного ложа их

учителя. А пока они оживленно перебрасываются словами и с любопытством наблюдают за выступлением приглашенных актеров, искусно изображающих в танце брак бога Диониса и Ариадны, слушают флейтистку и кифариста, внимательно следят за ловкими движениями танцовщицы-акробатки.

Пройдет около года, и в доме почтенного Кефала, вблизи Афин, в Приее, как повествует Платон, опять встретятся спорщики. Сократ обсуждал здесь важные общественные проблемы – что такое идеальное государство и как надо воспитывать граждан. На беседу о создании вселенной и легендарной Атлантиде Сократ придет через день в дом Крития.

Те, кто совсем юными встречались с Сократом в гостеприимном доме Каллия, соберутся через много лет, как будто в 416 году, за пиршественным столом (греч. *Symposion* – «Пир») у известного трагического поэта Агафона, того самого, который юнцом слушал спор Протагора и Сократа.

За чашей вина, да еще разбавленного, по обычаю греков, водой, общий, совместный разговор имел не только развлекательный, но и философский характер. Поэтому, когда трагик Агафон пригласил к себе друзей по случаю одержанной им в театре победы, на пиру среди афинских знаменитостей одно из первых мест занял Сократ.

Участники пира обсуждают проблему любви и красоты, и каждый произносит особую речь. Сократ превосходит всех. Он развивает замечательную по логике концепцию постепенного восхождения человека к высшей духовной любви и высшему благу. Сократ одержал победу своей речью. Неожиданно врывается Алкивиад, давний его любимец, и увенчивает его пышным венком. Все выслушивают восторженное похвальное слово Алкивиада в честь Сократа.

Но вот наступили трудные времена. Ослабленная неудачами Пелопоннесской войны, в 411 году демократия утратила свои позиции в связи с деятельностью Алкивиада и так называемого олигархического «совета четырехсот». Пересматривали конституцию, урезали исконные свободы. И хотя демократия восстановилась в 410 году, но злоупотребление властью вождями отдельных партий, демагогами, вызвало большое недовольство в народе.

Сократ невольно оказался в гуще события последних нескольких

лет уходящего V века. И здесь-то в 408 году произошла встреча Сократа и Платона. Мы не знаем ее подробностей, но она должна была, по всем традиционным понятиям, ознаменоваться каким-то необычным явлением. Сократ предвидел эту встречу в сновидении. Лебедь из его сна – Платон обрел наконец учителя, которому оставался верен всю жизнь и которого прославил в своих сочинениях, став поэтическим летописцем его жизни. Отныне Платон забросил все свои прежние увлечения – музыку, стихи, палестру, театр и прежние занятия философией, знания о которой он почерпнул у Кратила, доведшего до крайности учение Гераклита о текучести всего сущего и пришедшего к выводу о недостоверности и относительности знания вообще. Сократ дал Платону то, чего так ему не хватало: твердую веру в существование истины и высших ценностей жизни, которые познаются через приобщение к благу и красоте трудным путем внутреннего самосовершенствования.

Мирные занятия философией не могли продолжаться вдали от политической жизни. Сократу и Платону пришлось вскоре столкнуться с этим непреложным фактом. Правители города пытались восстановить былой порядок и неукоснительное следование законам, обращаясь к религиозному чувству и древним обычаям, но в погоне за сильной властью одновременно сами же нарушали демократические традиции. Так, Сократ оказался замешанным в трагической истории, происшедшей с афинскими стратегами в 406 году, после сражения при Аргинуских островах. Афинский флот во главе с 10 стратегами одержал блестящую победу над пелопоннесцами. Однако афиняне не успели из-за поднявшейся бури похоронить своих погибших воинов. Боясь кары, на родину вернулись только шесть стратегов, остальные бежали. Вернувшиеся были сначала награждены за победу, а затем их обвинили как нарушителей отечественных религиозных обычаев. Власти так спешили расправиться со стратегами, желая утратить граждан, что потребовали решить их судьбу в один день и голосовать сразу единым списком, а не обсуждать дело каждого в отдельности. Сократ же как раз в 406 году был избран членом афинского «совета пятисот» («буле»), членом которого мог быть каждый гражданин, достигший тридцати лет. Сократ вошел в совет от своего родного дема Алопеки, входившего в филу Антиохида. Совет делился на 10 отделений по числу аттических административных единиц, так называемых фил. В каждом отделении заседало пятьдесят человек. И в течение примерно

сорока дней обязанности поочередно исполняло каждое из десяти отделений. Заседания булестов именовались пританией, а сами участники сессии пританами. Оказалось, что в момент суда над стратегами Сократ как раз был в числе пританов и более того, в самый день суда он явился эпислатом, то есть главою всего совета на данный день. Всегда независимый и справедливый, Сократ резко воспротивился незаконному поспешному суду без всякого разбирательства. Ксенофонт, современник событий, в своей «Греческой истории» и поздний историк Диодор подробно рассказывают об этом тягостном деле. Чтобы обойти упорство Сократа, решили отложить постановление суда на следующий день, когда совет возглавил уже другой эпислат. Стратеги были признаны виновными и казнены. Сам же Сократ едва избежал преследований от правящей партии, нарушившей свои демократические установления. Искатель истинного знания и абсолютной справедливости, Сократ невольно вступал в конфликт и с демократами и с их врагами, не подчиняясь политическим изменениям и интригам, хотя сам совершенно был неопытен в соблюдении формальностей и даже заслужил всеобщее осмеяние, так как не знал, как надо собирать голоса в совете.

Необычный поступок Сократа не остался незамеченным. Платон в одном из своих первых произведений, «Апологии Сократа», расскажет об этой истории, вложив ее в уста самого Сократа. Но это было только начало. Хотя Сократ уверял всех, что от опрометчивых действий его отвращает какой-то внутренний голос, называемый им «даймоном», но как-то получалось так, что «даймон» никогда не запрещал Сократу вступаться за справедливость, даже если это грозило серьезным наказанием. Думается, что этот «даймон» был не чем иным, как голосом совести самого Сократа, и поэтому невольно толкал его на крайне опасные действия, вырывая из мирного обихода привычного философствования.

Так, в 404 году афинский политик Критий, приверженец олигархов, некогда слушатель Сократа, переметнувшийся к софистам, сам блестящий софист и остроумный поэт, возглавил государственный переворот. После восстановления демократии, когда был вторично изгнан Алкивиад, за которого ратовал Критий, самому Критию тоже пришлось уйти в изгнание в 406 году. Он жил в Фессалии, вел и там политическую игру и вернулся в Афины ярким приверженцем спартанского военно-аристократического строя. Афинская олигархия, совершившая

переворот, получила название власти «тридцати тиранов». Эти «тридцать», верхушка заговорщиков, правили Афинами немногим более года, изгоняя и казня непокорных. Следуя за Платоном, мы можем установить еще один факт дерзкой самостоятельности Сократа. Он оказался пританом афинского совета и, по требованию «тридцати тиранов», в числе пятерых сограждан, исполнявших такие же обязанности, должен был привезти с острова Саламина известного Леонта, чтобы казнить его. Леонт был очень богат, и олигархи стремились завладеть его имуществом. Однако Сократ воспротивился этому приказу и снова один, в то время как остальные четверо привезли Леонта на гибель. Сократ едва избежал казни, да от кого? От тех, кого считали его учениками, Крития и Хармида (Алкивиад к этому времени был убит в Малой Азии), давным-давно променявших трудное сократовское правдоискательство на политические интриги. Уж кто-кто, а Платон здесь достоверный свидетель, так как Критий, его двоюродный дядюшка, пытался и Платона втянуть в олигархическую политику, от чего последний решительно отказался. Хармид же – младший брат матери Платона, блестящий молодой человек, которого когда-то Сократ уговорил заниматься общественной деятельностью.

... В 399 году на Сократа был подан донос, составленный Мелетом, богачом-кожевником Анитом и оратором Ликоном. Формально первым обвинителем был Мелет, но, по существу, главная роль принадлежала влиятельному Аниту, осуждавшему Сократа с позиций узкой консервативной благонадежности и видевшего в Сократе софиста, опасного критика старинных идеалов государственной, религиозной и семейной жизни. В обвинении значилось следующее: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки.

Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание – смерть». Как рассказывает Платон, Сократ мирно беседовал с геометром Феодором Киренским и юным Теэтетом, будущим известным ученым и философом, человеком благородным и мужественным. Повторилась давнишняя ситуация. Некогда молодой Сократ с трепетом слушал старика Парменида. Теперь Сократ, сам семидесятилетний старик, напутствовал Теэтета. В конце беседы идет речь о «повивальном искусстве» Сократа, которое он и его

мать получили от бога. Она – для женщин, рождающих детей, Сократ – для юношей, рождающих прекрасные мысли. Сократ будто неожиданно вспоминает, что ему надо идти в суд, куда его вызывают по обвинению, подписанному Мелетом. Однако даже и вызов в суд не помешал Сократу на следующий день встретиться со своими собеседниками и с помощью своего «повивального искусства» выяснить, что же собою представляет настоящий софист. Общий вывод был таков: софистический спор – это пустая болтовня, способствующая трате времени и денег. Искусство софиста есть не что иное, как спор ради наживы. Однако вывод, сделанный в тонкой диалектической беседе, для необразованного среднего горожанина ничего не значил. Такой немудрящий афинянин, ремесленник или торговец еще помнил сам, а может быть, слышал от старших о некоем Сократе, которого осмеивали в комедии Аристофана двадцать лет тому назад. Тот Сократ исследовал все, что над землей, и все, что под землей, и был забавным шарлатаном, но очень вредным развратителем молодежи, которую он учил, как в суде ловкой речью обдурить своих кредиторов. Вдобавок старик Сократ поклонялся каким-то неведомым богам, то ли облакам, то ли громам и вихрям. И сам всюду говорил, что внутри его обитает некий «даймон», подающий, когда надо, голос, которого следует беспрекословно слушаться. В довершение всех зол старшее поколение помнит, что за Сократом неотступно ходили Алкивиад, Критий и Хармид и похвалялись, что они-де ученики и друзья мудрейшего Сократа. А уже какие беды обрушили на Афины Алкивиад и Критий и сколько невинных достойных граждан погибло при «тирании тридцати» – знал каждый. Сократу угрожала серьезная опасность...

Назначается судебное разбирательство. Оно происходит в одном из десяти отделений суда присяжных, или гелиеи, включавшей пять тысяч граждан и тысячу запасных, которые ежегодно избирались по жребию от каждой из 10 фил Аттики. В отделении, разбиравшем дело Сократа, было 500 человек. К этому количеству присоединяли при голосовании еще одного присяжного, чтобы число членов суда становилось нечетным.

Сократ должен был явиться в суд и выступить в собственную защиту. Ему предлагал помощь и даже приготовил для него речь знаменитый судебный оратор Лисий, в доме отца которого когда-то проводил время Сократ, рассуждая об идеальном государстве. Но это было

двадцать лет назад. Лисий потерял отца, брат его погиб при «тирании тридцати», а сам он, виднейший оратор, пытался защитить Сократа от демократов консервативного толка. Однако Сократ отказался от подготовленной Лисием речи, хотя в Афинах принято было даже заказывать специальным ораторам-логографам такие защитительные речи, или апологии. Сократ, привыкший беседовать с людьми разного положения, достатка и образования, решил сам убедить в своей невиновности суд, где мог заседать любой афинский гражданин, достигший двадцати лет, и где обязанности присяжных исполняли горшечники, оружейники, портные, повара, корабельщики, медники, лекаря, плотники, кожевники, мелкие торговцы и купцы, учителя, музыканты, писцы, наставники в гимназиях и палестрах и многие-многие другие, с которыми так привычно на площадях и базарах вступал в разговоры Сократ.

Положение Сократа оказалось трудным. После того, как обвинители произнесли свои речи, слово предоставили Сократу. Однако время защитительной речи было строго ограничено, на видном месте установили клепсидру, то есть водяные часы. А ведь Сократу надо было так много сказать: и оправдаться перед обвинением двадцатилетней давности, пущенным в ход с легкой руки Аристофана, и перед нынешними обвинителями. Ни одного конкретного, фактически установленного обвинения не существовало. Сократу приходилось, как он сам говорил, сражаться с тенями и слухами. Но он прекрасно понимал, что в клевете на него участвуют или люди, ничтожество и невежество которых он вскрывал постоянно, или наивные простаки, идущие на поводу у слухов. Ему удастся во время речи задавать свои обычные иронические вопросы Мелету, и тот отвечает невпопад или молчит. Но Сократ, который так привык утверждать людей не в желаниях материальных, а в добродетели, держится достойно и не ищет снисхождения, не надеется разжалобить присяжных бедностью, старостью, тремя детьми, которые останутся сиротами. Он уверен в своей правоте, заявляя, что не перестанет и впредь воспитывать граждан. Ничего не скрывая, он по своей простоте рассказывает суду и об оракуле, признавшем его мудрейшим, и о таинственном голосе, который удержал его от недостойных поступков, и о том, как он храбро противился «тирании тридцати», и о том, как он никого специально не обучал и никогда не

брал денег. В свидетели он приводит своих друзей, с трепетом слушающих его. Здесь старик Критон и его сын Критобул, Эсхин из Сфетта и его отец, Антифон и Никострат. Здесь же Аполлодор со своим братом и сыновья Аристана, Адимант и Платон. Сократ не просит суд поступиться истиной и нарушить присягу. Он ищет одной только справедливости. Алексей Лосев и др.: «Платон. Аристотель».

Происходит перерыв в заседании, и присяжные после обсуждения дела выносят обвинительный приговор. Иные раздражены гордостью Сократа, тем, что он не плачет перед ними и не протягивает с мольбой руки. Иные страшатся человека, якобы объявленного Аполлоном мудрейшим и обладателя какого-то даймонического голоса. Другим не по нутру смирение Сократа и его непоколебимость, уверенность в собственной правоте. По свидетельству Платона, за оправдание Сократа был подан 221 голос, а против – 280 голосов. Ему не хватило всего лишь 30 голосов, так как для оправдания надо было иметь минимум 251 голос из 501 количества присяжных. По афинским законам, обвинитель, не собравший 1/5 голосов, должен был заплатить штраф в 1000 драхм и лишался права в дальнейшем подавать в суд жалобы подобного рода. Только наличие, кроме Мелета, двух других обвинителей – Анита и Ликона – обеспечило Мелету необходимое количество голосов. Мелет в своем письменном обвинении потребовал для Сократа смерти. По афинским законам, обвиняемый имел право, в свою очередь, предложить себе наказание. И Сократ со свойственной ему иронией предлагает для себя, для старика, много сил отдавшего на воспитание афинских граждан, пожизненный обед на общественный счет в пританее, который предназначался атлетам, заслужившим награду на Олимпийских играх. Присяжные негодуют на эту насмешку и шумят, как они уже не раз шумели во время речи Сократа. А Сократ продолжает. Он готов заплатить штраф в 1 мину, а ведь все имущество его оценивается в 5 мин. Но друзья Критон, Критобул, Аполлодор и Платон, присутствующие здесь же, велят ему назначить штраф в 30 мин, чтобы ублажить присяжных, и берут на себя поручительство. Они люди состоятельные и надежные, так что деньги будут вовремя внесены.

Суд не удовольствовался штрафом, и присяжные, оскорбленные иронией Сократа, собрали теперь, голосуя за смертный приговор, которого требовали обвинители, уже на 80 голосов больше. Бедняга

Аполлодор, плача, сказал Сократу после вынесения смертного приговора: «Мне особенно тяжело, Сократ, что ты приговорен к смертной казни несправедливо». На что Сократ ответил: «А тебе приятнее было бы видеть, что я приговорен справедливо?» Перед вынесением окончательного решения Платон пытался увещевать присяжных. Он уже было взобрался на помост и начал говорить: «Граждане афиняне, я – самый молодой из всех, кто сюда всходил...» – как судьи закричали: «Долой! Долой!» Еще не хватало почтенному суду выслушивать сына Аристона, ближайшего родича тех, кто верховодил недавно олигархами. Сократ был спокоен. Он сказал, что природа с самого рождения обрекла его, как и всех людей, на смерть. А смерть есть благо, ибо она дает ему возможность или стать ничем и ничего не чувствовать, или, если верить в загробную жизнь, встретиться со славными мудрецами и героями прошлого. Самое же главное, он готов и в Аиде испытывать его обитателей, кто из них мудр, а кто только прикидывается мудрым.

Сократ, уважая решение афинян, поручает им своих сыновей, чтобы их наставляли на путь добродетели так, как он сам наставлял своих соотечественников. Но «уже пора идти отсюда, – закончил он, – мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме бога».

Тем, кто его осудил, Сократ предсказал приход новых обличителей. Они будут тем суровее, чем они моложе. И их обличение несправедливости превзойдет все то, что до сих пор делал Сократ. Тем, кто казнил Сократа, еще придется дать отчет за нарушение справедливости, и их вскоре постигнет кара тяжелее той смерти, которую присудили самому Сократу.

По преданию, обвинители Сократа испытали на себе его предсказание. Рассказывают, что афиняне, одумавшись, изгнали их из города, лишили их «огня и воды», так что им ничего не оставалось делать, как повеситься. Потомкам очень хотелось, чтобы возмездие когда-нибудь настигло убийц Сократа. И вот создавалась легенда о том, как Анит, главный подстрекатель и преследователь, был побит камнями и умер в страшных мучениях...

По решению суда, Сократа препроводили в тюрьму. Приговор не могли привести в исполнение еще целый месяц, так как корабль, посланный с ежегодным священным посольством, «Феорией», на остров Делос, родину бога Аполлона, еще не вернулся. А казнить во время

пребывания на Делосе Феории в честь афинского героя Тесея было за-
прещено. Так и жил Сократ в тюрьме еще много дней в ожидании
неминуемой смерти. К нему приходили друзья. Старик Критон убеж-
дал его спастись бегством и найти убежище вдали от Афин, хотя бы в
Фессалии, где его уже ожидают. Известные философы-пифагорейцы из
Фив, Симмий и Кебет, готовы оказать своему другу помощь и запла-
тить, кому надо. По всему видно, что и сами тюремщики смущены не-
справедливостью суда и не очень усердны в охране. Ежедневно Со-
крата навещают преданные ученики. Они собираются вместе у здания
суда и, как только откроется тюрьма, входят к Сократу и проводят с
ним целый день. Но вот дошли слухи, что корабль с Делоса прибудет
на следующий день, и Критон торопит с решением, так как все подго-
товлено для бегства. Сократ, однако, непреклонен. Как он может поки-
нуть город, где родился, вырос, где получил воспитание? А отеческие
законы? Разве они простят ему это трусливое бегство? И что скажут
люди, которых наставлял и вразумлял Сократ? Нет, смерть надо встре-
тить достойно и не противиться злу, которое наносит ему родной го-
род. Нельзя воздавать злом за зло, преступив законодательство и обы-
чай старины. Отголоски речей, с которыми будто бы обращаются за-
коны к Сократу, звучат в его сердце, и как ни жаль ему старого Кри-
тона, но лучший выбор – покорно ждать прибытия священного посоль-
ства.

Как и предсказывал Сократ, корабль пришел назавтра после бе-
седы с Критоном. Друзья собрались раньше обыкновенного, желая
продлить свою последнюю встречу с Сократом. Здесь были Федон и
Аполлотор, Критобул с отцом, Гермоген и Есхин, Антисфен и Менек-
сен, Эпиген и Ктесипп; Клеомброт и Аристипп находились в это время
на острове Эгине, Платон был болен после тягостных событий. Зато из
Фив явились преданные Симмий и Кебет, из Мегар Евклид и Терпсион,
да еще Федонд. Одиннадцать архонтов, надзиравших за тюрьмами,
предписали совершить казнь в тот же день. По их приказу с Сократа
сняли оковы, в которых он находился все это время, и, сидя на кровати,
он с удовольствием растирал затекшую ногу. Здесь же голосила его
жена Ксантиппа, держа на руках младшего сына. Сократ просил Кри-
тия увести несчастную домой. А сам мирно беседовал с друзьями о бес-
смертии души, о ее судьбе в загробном мире, о том, какими прекрас-

ными и сияющими видятся ему истинная земля и истинное небо. Сократ убежден, что, выпив цикуту, яд, который принесет ему смерть, он отойдет в счастливые края блаженных. Он совершил в соседней комнате омовение, простился с детьми и родственниками, велел возвращаться домой. А солнце уже было близко к закату, и появился прислужник одиннадцати, как предупреждение о надвигающейся смерти. И Сократ со свойственной ему иронической благожелательностью даже назвал этого мрачного вестника обходительным человеком, когда тот по обычаю попросил у него прощения. Пришел раб вместе с человеком, который держал в руках чашу со смертным ядом. Он дал необходимые наставления. Надо выпить яд и ходить до тех пор, пока не отяжелеют ноги, а потом лечь и ждать, когда яд доберется до сердца и оно затихнет. Сократ не спеша взял в руки чашу и выпил ее до дна легко и спокойно. Вокруг него рыдали друзья, голосил Аполлотор, всем надрывая душу. А Сократ еще пристыдил их. Умирать надлежит в благоговейном молчании. Он сначала ходил, потом лег и уже не чувствовал, как его холодеющее тело ощупывал слуга. И вдруг, когда смертельный холод стал подбираться к сердцу, Сократ неожиданно промолвил свои последние слова: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте». – «Непременно, – отозвался Критон. – Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?» Но ответа уже не было. Взгляд Сократа остановился. Критон закрыл ему рот и глаза. Умирая, он как бы выздоровел, и душа его вернулась к вечной жизни, освободившись от земных невзгод. Вот почему в последних своих словах Сократ вспомнил о жертве, которую приносили богу врачевания Асклепию, дарователю здоровья.

Платон. Из диалога «Апология Сократа» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы к тексту:

- 1. Каковы мысли Сократа о государстве и праве «Апология»?*
- 2. Как Сократ объясняет свое занятие философией?*

---

¹ Текст приводится по: Платон. Апология Сократа / Пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. / Под общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и др. М., 1990. С. 70-96.

3. *Как Сократ защищается от обвинения, почему он не почитает Богов?*

4. *Чему удивляется Сократ после вынесения обвинительного приговора?*

5. *Почему Сократ отказывается от изгнания в пользу смертной казни?*

6. *Что является политическим идеалом Сократа?*

7. *Что составляет нравственную основу и сущность государства?*

8. *Какова структура права?*

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обвиняков, верно они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному – тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они понимают, то я готов согласиться, что я – оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, – правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Было бы ужасно, о мужи афиняне, если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, – под Потидеей, Амфиполем и Делием, – если бы теперь, когда меня поставил сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, если бы теперь я испугался смерти или еще чего-нибудь и бежал из строя; это было бы

ужасно, и тогда в самом деле можно было бы по справедливости судить меня за то, что я не признаю богов, так как не слушаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрым, не будучи таковым, потому что бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это в позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня касается, о мужи, то, пожалуй, я и тут отличаюсь от большинства людей только одним: если я кому-нибудь и кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об Аиде, так и думаю, что не знаю. А что нарушать закон и не слушаться того, кто лучше меня, будь это бог или человек, нехорошо и постыдно – это вот я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более, чем того, что наверное есть зло. Так что если бы вы меня отпустили, не поверив Аниту, который сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня, и внушал вам, что если я уйду от наказания, то сыновья ваши, занимаясь тем, чему учит Сократ, развратятся уже вконец все до единого, – даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, – так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра – я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботишься и не помышляешь?» И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду

попрекать его за то, что он самое дорогое не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами, с вами особенно, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной. Да, если бы такими словами я развращал юношей, то слова эти были бы вредными. А кто утверждает, что я говорю что-нибудь другое, а не это, тот несет вздор. Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет — поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз.

После обвинительного приговора

Многое, о мужи афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось, тем, что вы меня осудили, между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую, и я был бы оправдан. Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел; да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов. Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить

народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю — даровой обед в Пританее. Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленопреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко — в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что

это – зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь – уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же. В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен прожить спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, – если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну 92 столько и назначаю. А вот они, о мужи афиняне, – Платон, Критон, Критобул, Аполлодор – велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные».

Итак, что касается первых моих об этой моей защиты будет обвинителей для вас достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей.

Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение; рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

– Ну вот, Мелет, скажи-ка ты мне 24: не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

– Конечно.

– В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботишься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь...

Платон. Из диалога «Критон» (фрагмент)¹.

Ответьте на вопросы к тексту:

1. Считает ли Сократ, что нужно заботиться о мнении большинства относительно справедливости, и почему?

2. Можно ли, по мнению Сократа, воздавать несправедливостью за несправедливость?

3. Как вы считаете, соглашается или нет Сократ с тем, что говорят законы?

---

¹ Текст приводится по: Платон. Апология Сократа / Пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. / Под общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и др. М., 1990. С. 97-111.

4. *Каково отношение законов к неисполнению судебных решений?*

5. *В каких отношениях находятся законы с Сократом как гражданином?*

6. *О чем, по мнению законов, говорит тот факт, что Сократ редко отлучался из Афин?*

«Сократ. Стало быть, он должен вести себя, упражнять свое тело, ну и, разумеется, есть и пить так, как это кажется нужным одному – тому, кто к этому делу приставлен и понимает в нем, а не так, как это кажется нужным всем остальным.

Критон. Это верно.

Сократ. Хорошо. А если он этого одного не послушается и не будет ценить его мнения, а будет ценить слова большинства или тех, которые в этом ничего не понимают, то не потерпит ли он какого-нибудь зла?

Критон. Конечно, потерпит.

Сократ. Какое же это зло? Чего оно касается? Из того, что принадлежит послушнику, чего именно?

Критон. Очевидно, тела, ведь его оно и разрушает.

Сократ. Ты хорошо говоришь. Уж не так ли и в остальном, Критон, чтобы не перечислять всех случаев? Ну вот, конечно, и относительно справедливого и несправедливого, безобразного и прекрасного, доброго и злого – того самого, о чем мы теперь совещаемся, нужно ли нам относительно всего этого бояться и следовать мнению большинства или же мнению одного, если только есть такой, кто это понимает, и кого должно стыдиться и бояться больше, чем всех остальных, вместе взятых? Ведь если мы не последуем за ним, то мы испортим и уничтожим то самое, что от справедливости становится лучшим, а от несправедливости погибает, как мы и раньше это утверждали. Или это не так?

Критон. Думаю, что так, Сократ.

Сократ. Ну а ежели, последовав мнению невежд, мы погубим то, что от здорового становится лучше, а от нездорового разрушается, будет ли стоить жить, после того как оно будет разрушено? Я говорю это о теле, не правда ли?

Критон. Да.

Сократ. Так стоит ли нам жить с негодным и разрушенным телом?

Критон. Никоим образом.

Сократ. Ну а стоит ли нам жить, когда разрушено то, чему несправедливость вредит, а справедливость бывает на пользу? Или, может быть, то, к чему относятся справедливость и несправедливость, – что бы это там ни было – мы ценим меньше, нежели тело?

Критон. Никоим образом.

Сократ. А напротив, ценим больше?

Критон. Да, и много больше.

Сократ. Стало быть, уже не так-то должны мы заботиться о том, что скажет о нас большинство, мой милый, а должны заботиться о том, что скажет о нас тот, кто понимает, что справедливо и что несправедливо, – он один да еще сама истина. Таким образом, в твоём рассуждении неправильно, во-первых, то, что ты утверждаешь, будто мы должны заботиться о мнении большинства относительно справедливого, прекрасного, доброго и им противоположного. «Да, но ведь большинство, – скажут на это, – способно убивать нас».

Критон. Ты прав, Сократ, так могут сказать.

Сократ. Но, мой милейший, не знаю как тебе, а мне относительно этого рассуждения сдаётся, что подобное ему было у нас и раньше. Подумай-ка ты опять вот о чем: стоим ли мы еще или не стоим за то, что всего больше нужно ценить не жизнь как таковую, а жизнь достойную?

Критон. Конечно, стоим.

Сократ. А что хорошее, прекрасное, справедливое, что все это одно и то же – стоим ли мы за это или не стоим?

Критон. Стоим.

Сократ. Так вот на основании того, в чем мы согласны, нам и следует рассмотреть, будет ли справедливо, если я буду стараться уйти отсюда вопреки воле афинян, или же это будет несправедливо, и если окажется, что справедливо, то попытаемся это сделать, а если нет, то оставим. Что же касается твоих соображений относительно расходов, общественного мнения, воспитания детей, то, говоря по правде, Критон, не есть ли это соображения людей, которые одинаково готовы убивать, а потом, если бы это было можно, воскрешать, так себе, ни с того ни с сего, – соображения того же самого большинства? Но нам с тобою, как этого требует наше рассуждение, следует, кажется, рассмотреть

только то, о чем мы сейчас говорили,— справедливо ли мы поступим, если будем платить деньги и благодарить тех, которые меня отсюда выведут, или если будем сами выводить и сами выходить, или же, наоборот, делая все это, мы поистине нарушим справедливость; и если бы оказалось, что поступать таким образом — несправедливо, тогда бы уж не следовало беспокоиться о том, что, оставаясь здесь и ничего не делая, мы должны умереть или подвергнуться еще чему-нибудь, если уж иначе приходится нарушить справедливость.

Критон. Говорить-то, мне кажется, ты хорошо говоришь, но разбери-ка, что нам следует делать, Сократ.

Сократ. Разберем-ка, милейший, сообщая, и если у тебя найдется возразить что-нибудь на мои слова, то возражай и я тебя послушаюсь; а если не найдется, то уж ты перестань, мой милейший, говорить мне одно и то же, будто я должен уйти отсюда вопреки афинянам, ибо что меня касается, то я очень дорожу тем, чтобы поступать в этом деле с твоего согласия, а не вопреки тебе. Заметь же особенно начало исследования, покажется ли оно тебе удовлетворительным, и постарайся отвечать по чистой совести.

Критон. Я постараюсь.

Сократ. Полагаем ли мы, что ни в каком случае не следует добровольно нарушать справедливость или что в одном случае следует, а в другом нет? Или же мы полагаем, что уж нарушать справедливость никоим образом не может быть хорошо или честно, в чем мы и прежде нередко с тобою соглашались? Или все эти наши прежние соглашения улетучились за несколько последних дней, и вот оказывается, что мы, люди немолодые, Критон, давно уже беседуя друг с другом как будто о деле, и не замечали того, что мы ничем не отличаемся от детей? Или же, всего вероятнее, что, как мы тогда говорили, так оно и есть: согласно или не согласно с этим большинство, пострадаем ли мы от этого больше или меньше, чем теперь, а уж нарушение справедливости во всяком случае вредно и постыдно для того, кто ее нарушает. Полагаем мы это или нет?

Критон. Полагаем.

Сократ. Значит, ни в каком случае не следует нарушать справедливость?

Критон. Нет, конечно.

Сократ. Значит, вопреки мнению большинства нельзя и воздавать несправедливостью за несправедливость, если уж ни в каком случае не следует нарушать справедливость?

Критон. Очевидно, нет.

Сократ. А теперь вот что, Критон: делать зло— должно или нет?

Критон. Разумеется, не должно, Сократ.

Сократ. Ну а воздавать злом за зло, как этого требует большинство, справедливо или несправедливо?

Критон. никоим образом не справедливо.

Сократ. Потому, кажется, что делать людям зло или нарушать справедливость — одно и то же.

Критон. Верно говоришь.

Сократ. Стало быть, не должно ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни делать людям зло, даже если бы пришлось и пострадать от них как-нибудь. Только ты смотри, Критон, как бы не оказалось, что, соглашаясь с этим, ты соглашаешься вопреки общепринятому мнению, потому что я знаю, что так думают и будут думать немногие. Впрочем, когда одни думают так, а другие не так, тогда уже не бывает общего совета, а непременно каждый презирает другого за его образ мыслей. То же вот и ты, рассмотри-ка это как можно лучше, согласен ли ты со мной, кажется ли это тебе так же, как и мне, и можем ли мы начать совещание с того, что ни нарушать справедливость, ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни воздавать злом за претерпеваемое зло ни в каком случае не правильно? Или ты отступаешься и не согласен с этим началом? Мне же и прежде так казалось, и теперь еще кажется, а если, потвоему, это иначе как-нибудь, то говори и научай. Но если ты останешься при прежних мыслях, тогда слушай дальше.

Критон. И остаюсь при прежних мыслях, и думаю то же, что и ты. Говори же.

Сократ. Ну уж после этого, разумеется, я скажу или, вернее, спрошу: ежели ты признал что-либо справедливым, нужно ли это исполнять или не нужно?

Критон. Нужно.

Сократ. Вот ты и смотри теперь: уходя отсюда без согласия города, не причиняем ли мы этим зло кому-нибудь, и если причиняем, то

не тем ли, кому всего менее можно его причинять? И исполняем ли мы то, что признали справедливым, или нет?

Критон. Я не могу отвечать на твой вопрос, Сократ: я этого не понимаю.

Платон. Из диалога «Законы» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Афинянин, Мегил, Клиний обсуждают некое «странное учение». Что, по словам, Афинянина, сторонники этого учения говорят о вещах, произведенных природой и искусством?

2. Насколько природа и искусство причастны к истине?

3. Каково мнение сторонников «странного учения» о богах?

4. Закон, по мнению Клиния, творение природы или искусства?

5. Что Афинянин понимает под природой?

6. О каком учении в данном фрагменте может идти речь?

7. В книге 10 диалога описаны преступления и наказания за них.

Определите их.

А ф и н я н и н. Совершенно верно, Мегилл и Клиний; но незаметно для самих себя мы натолкнулись на странное учение.

К л и н и й. О каком учении ты говоришь?

А ф и н я н и н. О том, которое большинство людей считает самым мудрым из всех.

К л и н и й. Выразись яснее.

А ф и н я н и н. Некоторые учат, что все вещи возникающие, возникшие и те, что должны возникнуть, обязаны своим возникновением частью природе, частью искусству, а частью случаю.

К л и н и й. Что ж, разве это неправильно?

А ф и н я н и н. Конечно, естественно, чтобы учение мудрых людей было правильным. Последуем же за ними и посмотрим, к какому образу мыслей приходят такие люди.

К л и н и й. Отлично.

---

¹ Текст приводится по: Платон. Законы в 3-х томах. Т. 2 / Перев. с древнегреч. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 408-411.

А ф и н я н и н. Они говорят, что, по-видимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случаем, а менее важные – искусством, Искусство получает из рук природы великие и первичные ее творения уже в готовом виде; оно обрабатывает и ваяет лишь то, что менее важно, – это все мы и называем его произведениями.

К л и н и й. Что ты разумеешь?

А ф и н я н и н. Выразусь еще яснее: огонь, вода, земля и воздух – все это, как утверждают, существует благодаря природе и случаю; искусство здесь ни при чем. В свою очередь, из этих [первоначал], совершенно неодушевленных, возникают тела – Земля, Солнце, Луна и звезды. Каждое из этих [первоначал] носилось по воле присущей ему случайной силы, и там, где они сталкивались, они прилаживались друг к другу благодаря некоему сродству: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому. Словом, все необходимо и согласно судьбе смешалось путем с слияния противоположных [первоначал]: так-то вот, утверждают они, и произошло все небо в целом и все то, что на нем, а также все животные и растения. Отсюда будто бы пошла и смена времен года, а вовсе не благодаря уму или какому-нибудь боже-ству либо искусству: они учат, повторяю, будто все это произошло бла-годаря природе и случаю. Искусство же возникло из всего этого позд-нее; оно смертно само и возникло из смертного позднее, в качестве не-кой забавы, не слишком причастной истине, неких сродных всему этому смертному призраков, какие порождают обычно живопись, му-сическое искусство и другие искусства, сотрудничающие с ними. Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, ко-торые применяют свою силу сообща с природой: таковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну, а в государствен- ном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, б´ольшая же часть – искусству. Стало быть, и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством; вот почему его положения и далеки от истины.

К л и н и й. Как ты говоришь?

А ф и н я н и н. О богах, мой милый, подобного рода люди утвер-ждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать

при возникновении своего законодательства. Точно так же и прекрасно по природе одно, а по закону – другое; справедливого же вовсе нет по природе. Законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, будто бы каждое в свой черед, являются господствующими для своего времени, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не по природе. Вот все это, друзья мои, и говорят мудрые люди, поэты ли они или простые повествователи, молодым людям, утверждая, что высшая справедливость – это когда кто-то силой одержит верх. Отсюда у молодых людей возникают нечестивые взгляды, будто нет таких богов, признавать которых предписывает закон¹⁹. Из-за этого же происходят и смуты, так как каждый увлекает других к сообразному с природой образу жизни, а такая жизнь будто бы поистине заключается в том, чтобы жить, одерживая верх над другими людьми, а не находиться в подчинении у других согласно законам.

К л и н и й. Какое учение изложил ты, чужеземец! Сколько здесь пагубного для молодых людей как в общегосударственной жизни, так и в частной, семейной!

А ф и н я н и н. Ты говоришь правду, Клиний. Что же, по твоему мнению, должен сделать законодатель? Ведь такое положение вещей сложилось уже давно. Должен ли он стать посреди города и только и делать, что грозить всем людям подряд: мол, если даже они не признают существования богов и не будут считать богов именно такими, какими их признает закон (то же самое и относительно прекрасного, справедливого и вообще всего самого важного, того, что направляет к добродетели или к пороку), все равно нас до следовать письменным указаниям законодателя как в мыслях, так и в действиях. А кто выкажет себя непослушным законам, тех, мол, он присудит – одного к смертной казни, другого к побоям и тюрьме, третьего к лишению гражданских прав, прочих же накажет лишением имущества в пользу казны и изгнанием? Или же надо одновременно с установлением для людей законов по возможности смягчить свою речь с помощью убеждения?

К л и н и й. Разумеется, чужеземец, если представляется случай, хотя бы и незначительный, убедить людей в подобных вещах, то любой хоть чего-то стоящий законодатель вовсе не должен считать себе это в тягость, но, наоборот, как говорится, должен возвысить голос, чтобы

словом своим послужить древнему закону и доказать существование богов, а также всего того, что ты только что разобрал. Он должен прийти на помощь самому закону и искусству и показать, что оба они – творения природы или не ниже природы хотя бы потому, что являются порождениями ума, согласно тому, как мне кажется, здравому положению, которое ты сейчас привел и с которым я согласен.

А ф и н я н и н. О, неутомимый Клиний! Как? Легко ли следовать за положениями, предназначенными для толпы, да к тому же еще бесконечно длинными!

К л и н и й. Что поделать, чужеземец! Если мы терпеливо выдержали наши собственные пространные рассуждения об опьянении и о мусическом искусстве, неужели же мы не выдержим их, когда речь пойдет о богах и других подобных предметах? Несомненно, это окажется величайшей помощью для законодательства, сопряженного с разумом. Дело в том, что наставления относительно законов записанные, будут стоять непоколебимо и в любое время послужат изобличением. Поэтому не надо бояться, если усвоить их вначале будет затруднительно: кто непонятлив, тот сможет часто возвращаться к их рассмотрению. Ине надо бояться их пространности – лишь бы они были полезны. Поэтому ни у кого нет основания не оказать по мере сил поддержки этим положениям. К тому же мне это представлялось бы просто нечестивым.

М е г и л л. Чужеземец, мне кажется, Клиний говорит отлично. А ф и н я н и н. Да, очень хорошо, Мегилл; и надо поступить именно так, как он говорит. Ведь если бы подобные учения не были распространены, так сказать, среди всех людей, то не было бы и нужды защищать учение о бытии богов. Но теперь это необходимо. Икому же более всего, как не законодателю, подобает прийти на помощь высочайшим законам, извращаемым дурными людьми? Но повтори мне еще раз, Клиний, – ведь ты должен быть участником этих рассуждений: приверженцы упомянутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал. Впрочем, вероятно, это не только так кажется, но и на самом деле подобный взгляд утверждается этим учением.

* * *

К л и н и й. А в чем состоит неправильность?

А ф и н я н и н. Людям этим угодно называть природой возникновение первоначал. Но если обнаружится, что первоначало и есть душа, а не огонь и не воздух, ибо душа первична, то, пожалуй, всего правильнее будет сказать, что именно душа по преимуществу существует от природы. Вот как обстоит дело – если только кто докажет, что душа старше тела, – и никак не иначе.

* * *

Книга 10

А ф и н я н и н. После рассмотрения вопроса об оскорблениях действием дадим примерно такое узаконение, одинаковое для насилия любого рода: никто не должен похищать ничего из чужого имущества, ни пользоваться чем бы то ни было из того, что принадлежит соседям, без разрешения на то со стороны владельца. В самом деле: в зависимости от этого возникли, происходят и будут происходить все вышеуказанные бедствия. Из прочих зол величайшим является распущенность и дерзость молодежи; в особенности велико зло, если это проявляется по отношению к государственным святыням или святыням, общим для членов филы и других подобных объединений. Вторыми по степени важности являются оскорбления, наносимые частным святыням 885 и могилам. На третьем месте стоит дерзость в отношении к родителям: когда такая дерзость проявляется, ее следует отличать от вышеупомянутых оскорблений действием. Четвертый род дерзости – когда человек, небрежно относясь к должностным лицам, похищает их вещи или пользуется чем-то им принадлежащим без их на то разрешения. На пятом месте можно поставить нарушение гражданских прав любого гражданина: это влечет за собой вызов в суд. Для каждого из этих случаев должен быть издан во имя общего блага закон. Преступления против богов. Три типа неправильного отношения к богам Мы уже разбирали вкратце вопрос о наказании за святотатство, если оно проявляется в насильственном и тайном похищении священных предметов. Но законам о каре, которую должен понести человек, словом или делом оскорбляющий богов, надо предпослать наставление. А наставление

это будет таким: никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет незаконного слова. Человек может это сделать в одном из трех случаев: либо, повторяю, если он не верит в существование богов, либо (второй случай) хотя и верит в их бытие, но отрицает их вмешательство в людские дела, либо, наконец (третий случай), если человек полагает, будто богов легко склонить в свою пользу и умиловать жертвами и молитвами.

К л и н и й. Как же нам поступить с такими людьми и что о них сказать?

А ф и н я н и н. Прежде выслушаем, дорогой мой, их самих. Я угадываю, что они станут шутливо говорить, в сознании своего превосходства над нами.

К л и н и й. Что же именно?

А ф и н я н и н. Поддразнивая нас, они, возможно, скажут следующее: «Афинский чужеземец, ты, лакедемонянин, и ты, кносиец, вы говорите правду. В самом деле, некоторые из нас совершенно не признают богов, а другие признают их такими, как вы говорите. Мы считаем справедливым, чтобы вы, прежде чем грозить нам суровыми карами, попробовали сперва – как вы это сочли нужным сделать с законами – убедить и наставить нас в том, что боги существуют и что они слишком благи, чтобы их можно было вопреки справедливости преклонить и прельстить какиминибудь дарами. Ведь ныне мы слышим именно такое мнение или подобное ему от лучших и самых признанных поэтов, ораторов, прорицателей, жрецов и бесчисленного множества других людей. Поэтому большинство из нас заботится не о том, чтобы не совершать несправедливости, но лишь старается изо всех сил загладить уже совершенные. Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, объявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сначала по отношению к нам убеждение, Если вы будете говорить о существовании богов даже немногим лучше, чем говорят остальные, все же это будет лучше в отношении к истине. И может статься, мы легко дадим себя убедить. Однако попытайтесь, если мы не говорим чего-то несообразного, ответить на наш призыв».

Платон. Из диалога «Политик» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. С какой деятельностью Платон сравнивает создание закона?
2. Какие формы правления рассматривает Платон в диалоге «Политик»?
3. Каково идеальное государство?
4. Какие формы правления являются идеальными и неидеальными, почему?
5. Кто должен стоять во главе государства?
6. В чем состоит особенность идеального государства?
7. Какой принцип Платон положил в основу построения единства общества?

С о к р а т. Пусть это будут у тебя как бы два вида одного цельного знания.

Ч у ж е з е м е ц. Так что же: политика, царя, господина и даже домоправителя – всех вместе – сочтем мы чем-то единым или мы скажем, что здесь столько искусств, сколько названо имен? А еще лучше, следуй за мной вот каким путем.

С о к р а т. Каким?

Ч у ж е з е м е ц. Например, если бы какой-нибудь частный врач мог подавать советы врачу общественному, разве не было бы необходимо назвать его искусство таким же именем, какое носит тот, кто принимает его совет?

С о к р а т. Да, это было бы необходимо.

Ч у ж е з е м е ц. Ну, а если кто настолько искусен, чтобы давать советы царю страны, хотя он лишь частное лицо, разве не скажем мы, что он обладает тем знанием, которое надлежало бы иметь правителю?

С о к р а т. Скажем.

Ч у ж е з е м е ц. Но ведь искусство править – это искусство подлинного царя?

---

¹ Текст приводится по: Платон. Политик в 3-х томах. Т. 2 / Перев. с древнегреч. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 9-89.

Чужеземец. Что же? Большое домохозяйство или забота о малом городе – в чем здесь разница для управления?

Сократ. Ни в чем.

Чужеземец. Значит, для всего, что мы сейчас рассматриваем, по-видимому, есть единое знание: назовут ли его искусством царствовать, государственным искусством или искусством домоуправления – нам нет никакой разницы.

Сократ. Конечно!

Чужеземец. Однако ясно одно: один царь не найдет в своих руках и даже во всем своем теле столько силы и понимания для управления, сколько в душе.

Сократ. Это ясно.

Чужеземец. И так, мы скажем, что царю больше подобает познавательное, чем ремесленное и вообще всякое другое практическое искусство?

Сократ. Конечно.

Чужеземец. Ну, а государственное искусство и все, что относится к государству, а также искусство править и все связанное с правлением будем ли мы считать чем-то единым и тождественным?

Сократ. Очевидно, да.

Чужеземец. Не двинуться ли нам вперед, по порядку, и не разделить ли затем познавательное искусство?

Сократ. Конечно, так нужно сделать.

Чужеземец. Будь же внимателен: какое мы усмотрим в нем разделение?

* * *

Сократ. О ком ты говоришь?

Чужеземец. О людях весьма странных.

Сократ. А именно?

Чужеземец. На первый взгляд этот род кажется в очень многообразным. Многие из этих мужей походят на львов, некоторые – на кентавров и на другие подобные создания, большинство же – на сатиры, сходные с ними существа, слабые и изменчивые: они быстро меняют свой облик и свои свойства на другие. Да, наконец-то, Сократ, мне кажется, я понял, что это за люди.

Сократ. Ну так скажи. Ведь похоже, что ты усмотрел что-то несообразное.

Чужеземец. Да, это кажется всем несообразным по неведению²⁹. Я и сам испытал вот лишь сейчас недоумение, с узрев сборище, занятое делами города.

Сократ. Что за сборище?

Чужеземец. Это величайшие шарлатаны из софистов, искуснейшие в этом деле. Нам необходимо отделить их, хоть это и очень трудно, от действительных политиков и царей, если только мы хотим хорошо уяснить себе то, что мы ищем.

Сократ. Да, этого ни в коем случае нельзя упустить.

Чужеземец. Я тоже так считаю. Скажи же мне вот что...

Сократ. Что?

Чужеземец. У нас монархия – это один из видов государственного правления?

Сократ. Да.

Чужеземец. А после монархии, я думаю, надо назвать правление немногих.

Сократ. Как же иначе?

Чужеземец. Третий же вид государственного устройства не есть ли правление большинства и не носит ли оно имя демократии?

Сократ. Да, несомненно.

Чужеземец. А не образуется ли из этих трех видов пять, если два [первых] вида порождают для себя из самих себя другие названия?

Сократ. Какие же это названия?

Чужеземец. Если принять во внимание имеющиеся в этих двух видах государственного устройства насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, то каждый из них можно разделить надвое, причем монархия будет носить два имени: тирании и царской власти.

Сократ. Да, конечно.

Чужеземец. А государство, управляемое немногими, будет носить название аристократии или же олигархии.

Сократ. Несомненно.

Чужеземец. Что касается демократии, то правит ли большинство насильственно или согласно с доброй волей теми, кто обладает имуществом, точно ли оно соблюдает законы или же нет, никто ей, как правило, не даст иного имени.

Сократ мл. Это верно.

Чужеземец. Что же? Сочтем ли мы какое-либо из этих устройств правильным, если оно находится в этих границах, то есть управляется одним, немногими или большинством, бывает богатым или бедным, насильственным или добровольным и имеет установления или же лишено законов?

Сократ. А что препятствует тому, чтобы так считать?

Чужеземец. Посмотри же пристальнее, следуя этим путем...

Сократ. Каким?

Чужеземец. Останемся ли мы при том, что сказали раньше, или же отступим от этого?

Сократ. О чем ты говоришь?

Чужеземец. Мы говорили, что царское правление есть некое знание.

Сократ. Да.

Чужеземец. Но мы выбрали его не из всех вообще знаний, но выделили уменье судить и повелевать.

Сократ. Да.

Чужеземец. А уменье повелевать мы разделили на с повелевание неодушевленными видами и одушевленными существами; разделив же его таким образом, мы пришли наконец сюда, не упустив из виду знания, хоть и не можем его достаточно точно определить.

Сократ. Ты правильно говоришь.

Чужеземец. И так, мы понимаем теперь, что определяющей границей тут будет не количество правителей – много их или мало, не насилие или добрая воля, а также не бедность или богатство, но некое знание, – если только мы хотим следовать тому, что было сказано раньше.

Сократ. Иное допущение невозможно.

Чужеземец. Значит, необходимо рассмотреть это теперь следующим образом: в каком из упомянутых нами [государственных устройств] кроется уменье управлять людьми? Ведь это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы.

С о к р а т. Надо это сделать так, как указало нам рассуждение. Ч у ж е з е м е ц. Представляется ли, что большинство е людей в государстве может обладать этим знанием?

С о к р а т. Вряд ли это возможно!

Ч у ж е з е м е ц. А в городе с населением в тысячу человек может ли им обладать сто или хотя бы пятьдесят мужей?

Платон. Из диалога «Государство» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

- 1. Почему государство нельзя увеличивать бесконечно?*
- 2. Кто должен править в государстве и почему?*
- 3. Как называется государственный строй, основывающийся на честолюбии?*

Книга четвертая

Тут вмешался Адимант: - Как же тебе защититься, Сократ, - сказал он, - если станут утверждать, что не слишком-то счастливыми делаешь ты этих людей...

- ...Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наихудшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий.

... ..Не заставляй нас соединять с должностью стражей такое счастье, что оно сделает их кем угодно, только не стражами. Мы сумели бы и земледельцев нарядить в пышные одежды, облечь в золото и предоставить им лишь для собственного удовольствия возделывать землю, а гончары пускай с удобством разлягутся у очага, пьют себе вволю и пируют, пододвинув поближе гончарный круг и занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им хочется. И всех остальных

---

¹ Текст приводится по: Платон. Государство [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 16.08.2022).

мы подобным же образом можем сделать счастливыми, чтобы так процветало все государство. Нужно решить, ставим ли мы стражей, имея в виду наивысшее благополучие их самих или же нам надо заботиться о государстве в целом и его процветании. Посмотрим, не это ли портит всех остальных мастеров, так что они становятся плохими...

- Что ты имеешь в виду? – Богатство и бедность.

...Разбогатевший горшечник захочет ли, по-твоему, совершенствоваться в своем ремесле?

... Скорее он будет становиться все более ленивым и небрежным.

... А если по бедности он не сможет завести себе инструмента... то его изделия будут хуже и он хуже обучит этому делу своих сыновей и других учеников.

... Значит, и от того, и от другого – и от бедности, и от богатства – хуже становятся как изделия, так и сами мастера. Так, по-видимому, мы нашли для наших стражей еще что-то такое, чего надо всячески остерегаться, как бы оно не проникло в государство незаметным для стражей образом.

- Что же это такое?

- Богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая кроме новшеств – к низостям и злодеяниям.

- Конечно. Однако, Сократ, взвесь и это: как наше государство будет в силах воевать, если оно не располагает денежными средствами, в особенности если оно будет вынуждено вести войну с большим и богатым государством?

- Счастлив ты, если считаешь, что заслуживает названия государства какое-нибудь иное, кроме того, которое основываем мы.

... У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств...

Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как ко множеству и передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами постановлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о

подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. ...

...Государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого.

...Потомство стражей, если оно неудачно, надо переводить в другие сословия, а одаренных людей из остальных сословий – в число стражей. Этим мы хотели сказать, что и каждого из остальных граждан надо ставить на то одно дело, к которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему подобает, каждый представлял бы собою единство, а не множество: так и все государство в целом станет единым, а не множественным. ...Даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных, законопослушных граждан.

Мы скажем им так: «Во всех других государствах люди, обратившиеся к философии, вправе не принимать участия в государственных делах, потому что люди сделались такими само собой, вопреки государственному строю, а то, что вырастает само собой, никому не связано своим питанием и не должно стремиться возместить свои расходы.

А вас родили мы для вас же самих и для остальных граждан, подобно тому как у пчел среди их роя бывают вожди и цари. Вы воспитаны лучше и совершеннее, чем те философы, и более их способны заниматься и тем и другим».

А ты не думаешь, что наши питомцы, слыша это, выйдут из нашего повиновения и не пожелают трудиться, каждый в свой черед, вместе с гражданами, а предпочтут все время пребывать друг с другом в области чистого бытия?

Так уж обстоит дело, дорогой мой. Если ты найдешь для тех, кому предстоит править, лучший образ жизни, чем обладание властью, тогда у тебя может осуществиться государство с хорошим государственным строем. Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат – не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя, внутренняя война губит и участвующих в ней, и остальных граждан.

А можешь ты назвать какой-нибудь еще образ жизни, выражающий презрение к государственным должностям, кроме того, что посвящен истинной философии?

Хочешь, посмотрим, каким образом получают такие люди и с помощью чего можно вывести их наверх, к свету, подобно тому, как, по преданию, некоторые поднялись из Аида к богам? ...

Платон. Из диалога «Протагор»¹

Ответьте на вопросы по тексту:

- 1. Как Протагор называет ту науку, которую изучает?*
- 2. Как Сократ доказывает Протагору, что политическому искусству и добродетели нельзя научить?*
- 3. Как и от кого человек получает искусство жить обществом и гражданские добродетели? Как человек наделяется техническими навыками и гражданскими добродетелями?*
- 4. Протагор утверждает, что причастным к справедливостям гражданским доблестям причастен каждый. Чем он это аргументирует?*

Сократ:

« – Я начну, Протагор, с того же самого, что и тогда, – с того, ради чего я пришел...

– Юноша, – подхватил Протагор, – вот какая польза будет тебе от общения со мной: в тот же день, как со мной сойдешься, ты уйдешь домой, ставши лучше, и завтра то же самое; и каждый день будешь ты получать что-нибудь, от чего станешь еще совершеннее.

Я, услышав это, сказал:

– В том, Протагор, нет ничего удивительного: вероятно, и ты – хоть ты и пожилой человек, и такой мудрец – тоже стал бы лучше, если бы тебя кто-нибудь научил тому, что тебе не довелось раньше знать. Но дело не в этом. Положим, тот же самый Гиппократ вдруг переменил

---

¹ Текст приводится по: Платон. Протагор / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 / под общей ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-годи. М., 1990. С. 427-433.

решение и пожелал познакомиться с тем юношей, который недавно сюда

переселился, с гераклейцем Зевксиппом, и, придя к нему, как вот теперь к тебе, услышал от него то же самое, что и от тебя, – что, общаясь с ним, Гиппократ каждый день будет становиться лучше и совершеннее; так вот, если бы он его спросил: «В чем, по-твоему, я буду лучше и совершеннее?» – Зевксипп ответил бы ему, что в живописи. И если бы, сойдясь с фиванцем Орфагором и услышав от него то же самое, что от тебя, Гиппократ спросил его, в каком отношении будет он каждый день становиться лучше, общаясь с ним, тот ответил бы, что в игре на флейте. Так вот и ты ответь юноше и мне на мой вопрос: Гиппократ, сойдясь с Протагором, в тот самый день, как сойдется, уйдет от него, сделавшись лучше, и каждый следующий день будет становиться в чем-то еще совершеннее, но в чем же именно, Протагор?

Протагор, услышав это от меня, сказал:

– Ты, Сократ, прекрасно спрашиваешь, а тем, кто хорошо спрашивает, мне и отвечать приятно. Когда Гиппократ придет ко мне, я не сделаю с ним того, что сделал бы кто-нибудь другой из софистов: ведь те просто терзают юношей, так как против воли заставляют их, убежавших от упражнений в науках, заниматься этими упражнениями, уча их вычислениям, астрономии, геометрии, музыке (тут Протагор взглянул на Гиппия), а тот, кто приходит ко мне, научится только тому, для чего пришел.

Наука же эта – смышленность в домашних делах, умение наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных: благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства.

– Верно ли я понимаю твои слова? – спросил я.–

Мне кажется, ты имеешь в виду искусство государственного управления и обещаешь делать людей хорошими гражданами.

– Об этом как раз я и объявляю во всеуслышание, Сократ.

– Прекрасным же владеешь ты искусством, если только владеешь: ведь в разговоре с тобой я не должен говорить того, что не думаю. Я полагал, Протагор, что этому искусству нельзя научиться, но, раз ты говоришь, что можно, не знаю, как не верить. Однако я вправе сказать, почему я считаю, что этому искусству нельзя научиться и что люди не могут передать его людям.

Я, как и прочие эллины, признаю афинян мудрыми. И вот я вижу, что когда соберемся мы в Народном собрании, то, если городу нужно что-нибудь делать по части строений, мы призываем в советники по делам строительства зодчих, если же по корабельной части, то корабельщиков, и так во всем том, чему, по мнению афинян, можно учиться и учить; если же станет им советовать кто-нибудь другой, кого они не считают мастером, то, будь он хоть красавец, богач и знатного рода, его совета все-таки не слушают, но поднимают смех и шум, пока либо он сам не оставит своих попыток говорить и не отступится, ошеломленный, либо стража не стащит и не вытолкает его вон по приказу пританов. Значит, в делах, которые, как они считают, зависят от мастерства, афиняне поступают таким образом.

Когда же надобно совещаться о чем-нибудь касающемся управления городом, тут всякий, вставши, подает совет, будь то плотник, медник, сапожник, купец, судовладелец, богатый, бедняк, благородный, безродный, и никто его не укоряет из-за того, что он не получил никаких знаний и, не имея учителя, решается все же выступить со своим советом, потому что, понятно, афиняне считают, что ничему такому обучить нельзя.

И не только в общественной жизни города, но и в частной у нас мудрейшие и лучшие из граждан не в состоянии передать другим ту самую добродетель, которой владеют сами. Взять хоть Перикла, отца этих вот юношей: во всем, что зависело от учителей, он дал им прекрасное и тонкое воспитание, а в чем сам он мудр, в том ни сам их не воспитал, ни другим того не поручил, и бродят они тут вокруг, словно пасутся на воле, — не набредут ли невзначай на добродетель. Если угодно, еще пример: тот же самый человек, Перикл, будучи опекуном Клиния, младшего брата вот этого Алкивиада, и опасаясь, чтобы не развратил его Алкивиад, разлучил их и отдал Клиния на воспитание в дом Арифрона, но не прошло и шести месяцев, как тот вернул его обратно, не зная, что с ним делать. Да и множество других людей могу тебе назвать, которые, будучи сами хороши, никого не сумели сделать лучше — ни из своих домашних, ни из чужих. Так вот, Протагор, глядя на это, я и не верю, чтобы можно было научить добродетели; однако, слыша твои слова, я уступаю и думаю, что ты говоришь дело: я пола-

гаю, у тебя большой опыт, ты многому научился, а кое-что и сам открыл. Так что, если ты в состоянии яснее нам показать, что добродетели можно научиться, не скрывай этого и покажи.

– Скрывать, Сократ, я не буду, – сказал Протагор, – Но как мне вам это показать: с помощью ли мифа, какие рассказывают старики молодым, или же с помощью рассуждения?

Многие из присутствовавших отвечали, что, как ему хочется, так пусть и излагает.

– Тогда, мне кажется, – решил он, – приятнее будет рассказать вам миф.

Было некогда время, когда-боги-то были, а смертных родов еще не было. Когда же и для них пришло предназначенное время рождения, стали боги ваять их в глубине Земли из смеси земли и огня, добавив еще и того, что соединяется с огнем и землею.

Когда же вознамерились боги вывести их на свет, то приказали Прометею и Эпиметею украсить их и распределить способности, подбаюющие каждому роду. Эпиметей выпросил у Прометея позволение самому заняться этим распределением. «А когда распределю, – сказал он, – тогда ты посмотришь». Уговорив его, он стал распределять: при этом одним он дал силу без быстроты, других же, более слабых, наделил быстротою; одних он вооружил, другим же, сделав их безоружными, измыслил какое-нибудь иное средство во спасение: кого из них он облек малым ростом, тем уделил птичий полет или возможность жить под землею, а кого сотворил рослыми, тех тем самым и спас; и так, распределяя все остальное, он всех уравнивал.

Все это он измыслил из осторожности, чтобы не исчез ни один род. После же того как он дал им различные средства избежать взаимного истребления, придумал он им и защиту против Зевсовых времен года: он одел их густыми волосами и толстыми шкурами, способными защитити и от зимней стужи, и от зноя и служить каждому, когда он уползет в свое логово, собственной самородной подстилкой; он обул одних копытами, других же – когтями и толстой кожей, в которой нет крови. Потом для разных родов изобрел он разную пищу: для одних – злаки, для других – древесные плоды, для третьих – коренья, некоторым же позволил питаться, пожирая других животных. При этом он сделал так, что они размножаются меньше, те же, которых они уничтожают, очень плодовиты, что спасает их род.

Но был Эпиметей не очень-то мудр, и не заметил он, что полностью израсходовал все способности, а род человеческий еще ничем не украсил, и стал он недоумевать, что теперь делать. Пока он так недоумевал, приходит Прометей, чтобы проверить распределение, и видит, что все прочие животные заботливо всем снабжены, человек же наг и не обут, без ложа и без оружия, а уже наступил предназначенный день, когда следовало и человеку выйти на свет из Земли; и вот в сомнениях, какое бы найти средство помочь человеку, крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться. В том и состоит дар Прометея человеку. Так люди овладели умением поддерживать свое существование, но им еще не хватало умения жить обществом – этим владел Зевс, – а войти в обитель Зевса, в его верхний град, Прометею было нельзя, да и страшна была стража Зевса. Прометею удалось проникнуть украдкой только в общую мастерскую Гефеста и Афины, где они предавались своим искусным занятиям. Украд у Гефеста умение обращаться с огнем, а у Афины – ее умение, Прометей дал их человеку для его благополучия, самого же Прометея после постигло из-за Эпиметея возмездие за кражу, как говорят сказания.

С тех пор как человек стал причастен божественному уделу, только он один из всех живых существ благодаря своему родству с богом начал признавать богов и принялся воздвигать им алтари и кумиры; затем вскоре стал членораздельно говорить и искусно давать всему названия, а также изобрел жилища, одежду, обувь, постели и добыл пропитание из почвы. Устроившись таким образом, люди сначала жили разбросанно, городов еще не было, они погибали от зверей, так как были во всем их слабее, и одного мастерства обработки, хоть оно и хорошо помогало им в добывании пищи, было мало для борьбы со зверями: ведь люди еще не обладали искусством жить обществом, часть которого составляет военное дело. И вот они стали стремиться жить вместе и строить города для своей безопасности. Но чуть они собирались вместе, как сейчас же начинали обижать друг друга, потому что не было у них умения жить сообща; и снова приходилось им расселяться и гибнуть. Тогда Зевс, испугавшись, как бы не погиб весь наш род, посылает Гермеса ввести среди людей стыд и правду, чтобы они служили украшением городов и дружественной связью.

Вот и спрашивает Гермес Зевса, каким же образом дать людям правду и стыд. «Так ли их распределить, как распределены искусства? А распределены они вот как: одного, владеющего искусством врачевания, хватает на многих не сведущих в нем; то же и со всеми прочими мастерами. Значит, правду и стыд мне таким же образом установить среди людей или же уделить их всем?»

«Всем, – сказал Зевс, – пусть все будут к ним причастны; не бывать государством, если только немногие будут этим владеть, как владеют обычно искусствами. И закон положи от меня, чтобы всякого, кто не может быть причастным стыду и правде, убивать как язву общества».

Так-то, Сократ, и вышло по этой причине, что афиняне, как и все остальные люди, когда речь заходит о плотничьем умении или о каком-нибудь другом мастерстве, думают, что лишь немногим пристало участвовать в совете, и, если кто не принадлежит к этим немногим и подаст совет, его не слушают, как ты сам говоришь – и правильно делают, замечу я; когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государством. Вот в чем, Сократ, здесь причина.

А чтобы ты не думал, будто я тебя обманываю, вот тебе еще доказательство того, что все люди в сущности считают всякого человека причастным к справедливости и прочим гражданским доблестям. Ведь насчет других качеств дело обстоит так, как ты говоришь: если кто скажет про себя, что он хороший флейтист, или припишет себе другое какое-нибудь мастерство, какого у него нет, то его либо поднимают на смех, либо сердятся, и даже домашние приходят и увещевают его как помешанного. Когда же дело касается справедливости и прочих гражданских добродетелей, тут даже если человек, известный своей несправедливостью, вдруг станет сам о себе говорить всенародно правду, то такую правдивость, которую в другом случае признавали рассудительностью, все сочтут безумием: ведь считается, что каждый, каков бы он ни был на самом деле, должен провозглашать себя справедливым, а кто не прикидывается справедливым, тот не в своем уме. Поэтому необходимо всякому так или иначе быть причастным справедливости, в противном случае ему не место среди людей.

Вот я и говорю: раз считается, что всякий человек причастен к этой добродетели, значит, можно всякого признавать советчиком, когда о ней идет речь. А еще я попытаюсь тебе доказать, что добродетель эта не считается врожденной и возникающей самопроизвольно, но что ей научаются, и если кто достиг ее, так только прилежанием.

Никто ведь не сердится, не увещевает, не поучает и не наказывает тех, кто имеет недостатки, считающиеся врожденными или возникшими по воле случая, с тем чтобы они от них избавились, напротив, этих людей жалеют. Кто, например, будет настолько неразумен, что решится так поступить с некрасивыми, малорослыми или бессильными? Ведь все знают, я полагаю, что подобные вещи – красота и то, что ей противоположно, – достаются людям от природы и по случаю; но если у кого нет тех добрых свойств, которые, как считают, приобретаются старанием, упражнением и обучением, зато есть противоположные им недостатки, это влечет за собою гнев, наказания в увещевания. К таким недостаткам относятся несправедливость, нечестие и вообще все противоположное гражданской доблести: здесь-то уже, понятно, всякий сердится на другого и вразумляет его, потому что эту добродетель можно приобрести старанием и обучением».

Аристотель. Из трактата «Политика» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Что такое государство?*
2. *Как Аристотель объясняет происхождение государства? Какие стадии проходит общество для построения государственности?*
3. *Почему понятия «варвар» и «раб» тождественны по Аристотелю?*
4. *Как в современной теории государства и права называется теория происхождения государства по Аристотелю? Аргументируйте.*
5. *Какова природа рабства?*

---

¹ Аристотель. Политика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 20.07.2022).

1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же Общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится к общению, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

2. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия "государственный муж", "царь", "домохозяин", "господин" суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин - тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин - тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число - это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки - политики. Это, однако, далеко от истины.

3. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчлняя сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятии лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение. Аристотель.

И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов.

4. Так, необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, - женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, - оставить поелю себя другое подобное себе существо. [Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей

природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же.

5. Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов, изготавливающих "дельфийский нож"; напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение. Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб; занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный во природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения - общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: "Прилично властвовать над варварами грекам"; варвар и раб по природе своей понятия тождественные.

6. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения - семья. Правильно звучит стих Господа: "Дом прежде всего и супруга, и бык-землепашец" (у бедняков бык служит вместо раба). Соответственно общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья; про членов такой семьи Харонд говорят, что они едят из одного ларя, а Эпименид Критянин называет их питающимися из одних яслей.

7. Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, - селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения "молочными братьями", "сыновьями", "внуками". Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей - селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: "Правит каждый

женами и детьми", ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древние времена. И о богах говорят, что они состоят и властью царя, потому что люди - отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена - управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили, это представление и на образ жизни богов.

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство - продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же называется природа. Ведь мы называем природой каждого объекта - возьмем, например, природу человека, коня, семьи - то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

* * *

1. Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи, ведь каждое государство слагается из отдельных семей. Семья в свою очередь состоит из элементов, совокупность которых и составляет ее организацию. В совершенной семье два элемента: рабы и свободные. Так как исследование каждого объекта должно начинаться прежде всего с рассмотрения мельчайших частей, его составляющих, а первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, то и следует рассмотреть каждый из этих: трех элементов: что каждый из них представляет собой и каковым он должен быть.

2. [Отношения, существующие между тремя указанными парными элементами, можно охарактеризовать] так: господское, брачное (сожитительство мужа и жены не имеет особого термина для своего обозначения) и третье - отцовское (и это отношение не обозначается особым термином). Пусть их будет три, именно названные нами (существует еще один элемент семьи, который, по мнению одних, и есть ее организация, а по мнению других, составляет главнейшую часть ее; я

имею в виду так называемое искусство накопления; в чем оно состоит - мы разберем дальше). Остановимся прежде всего на господине и рабе и посмотрим на их взаимоотношения с точки зрения практической пользы. Можем ли мы для уяснения этого отношения стать на более правильную сравнительно с имеющимися теориями точку зрения?

3. Дело в том, что, по мнению одних, власть господина над рабом есть своего рода наука, причем и эта власть и организация семьи, и государство, и царская власть - одно и то же, как мы уже упомянули вначале. Наоборот, по мнению других, самая власть господина над рабом противоестественна; лишь по закону один - раб, другой - свободный, по природе же никакого различия нет. Поэтому и власть господина над рабом, как основанная на насилии, несправедлива.

4. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить. Во всех ремеслах с определенно поставленной целью нужны бывают соответствующие орудия, если работа должна быть доведена, до конца, и из этих орудий одни являются неодушевленными, - другие - одушевленными (например, для кормчего руль - неодушевленное орудие, рулевой - одушевленное), потому что в искусствах ремесленник - играет роль орудия. Так точно и для домохозяина собственность оказывается своего рода орудием для существования. И приобретение собственности требует массу орудий, причем раб - некая одушевленная собственность, как и вообще в искусствах всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов.

5. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они "сами собой (automatoys) входили в собрание богов"; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на - кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы. Орудия как таковые имеют своим назначением продуктивную деятельность (poietika), собственность же является орудием деятельности активной (praktikon); ведь, пользуясь ткацким челноком, мы получаем нечто иное, чем его применение; одежда же и ложе являются для нас только предметами пользования.

6. В силу специфического отличия продуктивной и активной деятельности, конечно, соответственно различны и те орудия, которые потребны для той и для другой. Но жизнь - активная деятельность (πραξις), а не продуктивная (ποίησις); значит, и раб служит тому, что относится к области деятельности активной. "Собственность" нужно понимать в том же смысле, что и "часть". Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немислима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему.

Аристотель. «Никомахова этика» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Что такое добродетель и что делает человека благоразумным?*
2. *В чем заключается правосудность?*
3. *Как Аристотель называет науку о государстве?*
4. *Что является целью государственного образа жизни?*
5. *Что является назначением человека?*
6. *Что является счастьем для людей?*
7. *Что является государственным правосудием? Каков его статус?*

I. Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (πραξις) и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится. В целях, однако, обнаруживается некоторое различие, потому что одни цели – это деятельности (ἐνεργεῖαι), другие – определенные отдельные от них результаты (εργα). В случаях, когда определенные цели существуют отдельно от действий (πραχεταις), результатам естественно быть лучше [соответствующих] деятельностей. Так как

---

¹ Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения: 26.08.2022).

действий, искусств и наук много, много возникает и целей. У врачевания – это здоровье, у судостроения – судно, у военачалия – победа, у хозяйствования – богатство. Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому –нибудь умению ($\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$) – подобно тому как искусство делать уздечки и все прочее, что относится к конской сбруе, подчинено искусству править лошадьми, а само оно, как и всякое действие в военном деле, подчинено искусству военачалия, и таким же образом остальные искусства подчинены [каким – то] другим, – постольку во всех случаях цели управляющих ($\alpha\rho\kappa - \eta\tau\epsilon\kappa\tau\omicron\nu\iota\kappa\alpha\iota$) [искусств и наук] заслуживают предпочтения ($\eta\alpha\iota\rho\epsilon\tau\omicron\tau\epsilon\rho\alpha$) перед целями подчиненных; в самом деле, ведь последние преследуют ради первых. При этом безразлично, сами ли деятельности – цели поступков, или цели – это нечто иное, от них отдельное, как в случае с названными выше науками.

II. Если же у того, что мы делаем ($\tau\alpha \pi\rho\alpha\kappa\tau\alpha$), существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем ($\eta\alpha\iota\rho\upsilon\mu\epsilon\tau\eta\alpha$) ради иной цели (ибо так мы уйдем в бесконечность, а значит, [наше] стремление бессмысленно и тщетно), то ясно, что цель эта есть собственно благо ($\tau\alpha\upsilon\alpha\tau\eta\omicron\nu$), то есть наивысшее благо ($\tau\omicron \alpha\rho\iota\sigma\tau\omicron\nu$). Разве познание его не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее достигнем мы должного? А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук, или какому из умений, имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно, [высшее благо], относится к ведению важнейшей [науки], которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве, [или политика]. Она ведь устанавливает, какие науки нужны в государстве и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый. Мы видим, что наиболее почитаемые умения, как – то: Умения в военачалии, хозяйствовании и красноречии – подчинены этой [науке]. А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей [вообще]. Даже если для одного человека благом является, то же самое, что для государства, более важ-

ным и более полным представляется все – таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно (*αγαλλοι*), разумеется, и [благо] одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государств. Итак, настоящее учение как своего рода наука о государстве имеет это, [то есть достижение и сохранение блага государства], своей целью...

... Люди достойные и деятельные (*πρακτικοί*) [понимают под благом и счастьем] почет, а цель государственного образа жизни почти это и есть. Но и такое кажется слишком поверхностным в сравнении с искомым [благом]. Действительно, считается, что почет больше зависит от тех, кто его оказывает, нежели от того, кому его оказывают, а в благе мы угадываем нечто внутренне присущее и неотчуждаемое. Кроме того, к почету стремятся, наверное, для того, чтобы удостовериться в собственной добродетели. Поэтому добиваются почета у людей рассудительных и знакомых и [притом почета] за добродетель. Ясно, стало быть, что по крайней мере для таких добродетель лучше почета. Вероятно, ее даже скорее можно представить себе целью государственного образа жизни. Но оказывается, и она не вполне совпадает с этой целью. В самом деле, обладать добродетелью можно, как кажется, и во время сна или всю жизнь бездействуя, а, кроме того, обладая ею, можно пережить беды и величайшие несчастья. Но того, кто так живет, пожалуй, не назовешь счастливым, разве только отставив положение [своего учения]. Но довольно об этом. Об этом ведь достаточно было сказано в сочинениях для широкого круга. Третий образ жизни – созерцательный. Мы рассмотрим его впоследствии. [Жизнь] стяжателя как бы подневольная, и богатство – это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего – то другого. Потому – то названные ранее [удовольствие и почет] скорее можно представить себе целями, ибо они желанны сами по себе. Но оказывается, и они не цели, хотя в пользу того, [что они цели], приведено много доводов. Итак, оставим это...

... Следовательно, нужно исключить из рассмотрения жизнь с Следующей будет жизнь с точки зрения чувства, но и она со всей очевидностью то общее, что есть и у лошади, и у быка, и у всякого живого существа. Остается, таким образом, какая – то деятельная (*πρακτικῆ*) [жизнь] обладающего суждением [существа] (*το λογον εκνον*). (Причем одна его [часть] послушна суждению, а другая обладает им и мыслит).

Хотя и эта [жизнь, жизнь разумного существа] определяется двояко, следует полагать ее [именно] деятельностью, потому что это значение, видимо, главнее. Если назначение человека – деятельность души, согласованная с суждением или не без участия суждения, причем мы утверждаем, что назначение человека по роду тождественно назначению добропорядочного (σπουδαίος) человека, как тождественно назначение кифариста и изрядного (σπουδαίος) кифариста, и это верно для всех вообще случаев, а преимущества в добродетели – это [лишь] добавление к делу: Так, дело кифариста – играть на кифаре, а дело изрядного кифариста – хорошо играть; если это так, то мы полагаем, что дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки при участии суждения, дело же добропорядочного мужа – совершать это хорошо (το εὖ) и прекрасно в нравственном смысле (καλός) и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей (οἰκεία) ему добродетели; если все это так, то человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько, то сообразно наилучшей и наиболее полной [и совершенной]. Добавим к этому: За полную [человеческую] жизнь. Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются блаженными и счастливыми.

IX. По – видимому, все, что обычно видят в счастье, – все это присутствует в [данном нами] определении. Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим – известная мудрость, а иным – все это [вместе] или что –нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия; есть, [наконец], и такие, что включают [в понятие счастья] и внешнее благосостояние (εὐετηρία). Одни из этих воззрений широко распространены и идут из древности, другие же разделяются немногими, однако знаменитыми людьми. Разумно, конечно, полагать, что ни в том, ни в другом случае не заблуждаются всецело, а, напротив, хотя бы в каком – то одном отношении или даже в основном бывают правы.

Может быть, кто –нибудь спросит, что мы имеем в виду, утверждая, будто правосудными нужно делаться, поступая правосудно, а благоразумными – поступая благоразумно, ведь если поступают правосудно и благоразумно, то уже и правосудны, и благоразумны, так же

как те, кто занимается грамматикой и музыкой, суть грамматик и музыканты. А может быть, и в искусствах все обстоит не так? В самом деле, можно сделать что – то грамотно и случайно и по чужой подсказке, но [истинным] грамматиком будет тот, кто, делая что – то грамотно, делает это как грамматик, то есть согласно грамматическому искусству, заключенному в нем самом. Более того, случай с искусствами не похож на случай с добродетелями. Совершенство искусства – в самих его творениях, ибо довольно того, чтобы они обладали известными качествами, но поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда [само] совершение этих поступков имеет известное качество; во – первых, оно сознательно (εἶδος), во – вторых, избрано преднамеренно (προαίρουμενος) и ради самого [поступка] и, в – третьих, оно уверенно и устойчиво. Эти условия, за исключением самого знания, не идут в счет при овладении другими искусствами. А для обладания добродетелями знание значит мало или вовсе ничего, в то время как остальные условия – много, даже все, коль скоро [обладание правосудностью и благоразумием] рождается при частом повторении правосудных и благоразумных поступков.

Итак, поступки называются правосудными и благоразумными, когда они таковы, что их мог бы совершить благоразумный человек, а правосуден и благоразумен не тот, кто [просто] совершает такие [поступки], но кто совершает их так, как делают это люди правосудные и благоразумные. Так что правильно сказано, что благодаря правосудным поступкам человек становится правосудным и благодаря благоразумным – благоразумным: Без таких поступков нечего и надеяться стать добродетельным. Однако в большинстве своем люди ничего такого не делают, а прибегают к рассуждению и думают, что, занимаясь философией, станут таким образом добропорядочными. Нечто подобное делают для недужных те, кто внимательно слушает врачей, но ничего из их предписаний не выполняет. Ибо так же как тела при таком уходе не будут здоровы, так и душа тех, кто так философствует.

V. Теперь надо рассмотреть, что такое добродетель. Поскольку в душе бывают три [вещи] – страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей. Страстями, [или переживаниями], я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь (πῆλια), ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще

[все], чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, [или склад души], – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями, например гневом: Если [гневаемся] бурно или вяло, то владеем дурно, если держимся середины, то хорошо.

Точно так и со всеми остальными страстями. Итак, ни добродетели, ни пороки не суть страсти, потому что за страсти нас не почитают ни добропорядочными, ни дурными, за добродетели же и пороки почитают, а также потому, что за страсти мы не заслуживаем ни похвалы, ни осуждения – не хвалят же за страх и не порицают за гнев вообще, но за какой – то [определенный]. А вот за добродетели и пороки мы достойны и похвалы, и осуждения. Кроме того, гневаемся и страшимся мы не преднамеренно (*απροαίρετος*), а добродетели – это, напротив, своего рода сознательный выбор (*προαίρεσις*), или, [во всяком случае], они его предполагают И, наконец, в связи со страстями говорят о движениях [души], а в связи с добродетелями и пороками – не о движениях, а об известных наклонностях. Поэтому добродетели – это не способности, нас ведь не считают ни добродетельными, ни порочными за способности вообще что – нибудь испытывать, и нас не хвалят за это и не осуждают. Кроме того, способности в нас от природы, а добродетельными или порочными от природы мы не бываем. Раньше мы уже сказали об этом. Поскольку же добродетели – это не страсти и не способности, выходит, что это устои. Итак, сказано, что есть добродетель по родовому понятию».

* * *

В связи с правосудностью (*δικαιοσύνη*) и несправедливостью (*αδικία*) нужно рассмотреть [следующие вопросы]: К каким поступкам то и другое может иметь отношение, обладание какого рода серединой есть правосудность, и в чем серединой является правосудное (то *δίκαιον*)?

Пусть наше рассмотрение идет тем же путем (*μετῆρῶν*), что и в предыдущем изложении.

Мы видим, конечно, что все склонны называть правосудностью такой склад [души], при котором люди склонны к правосудным, совершают правосудные дела (*δικαιοπραγούσι*) и желают правосудного (*τα δίκαια*). Подобным образом и о неправосудности [говорят, что это такой склад], при котором поступают неправосудно (*αδίκουσι*) и желают неправосудного (*τα αδίκαια*).

Поэтому сперва пусть это и будет у нас как бы в общих чертах принято за основу. Между тем с науками и умениями дело обстоит иначе, нежели со складами [души]. А именно для противоположностей признается существование одного и того же умения, или одной и той же науки, но склад как один из противоположных складов не может быть тождественным для противоположностей, скажем, от здоровья не бывает ничего ему противоположного, только здоровье, ведь походку мы определяем, как здоровую, когда ходят так, как в здоровом состоянии. Часто поэтому [душевный] склад узнается [при сопоставлении] с противоположным и часто по тому, с чем он имеет дело, например, когда очевидно, [в чем состоит] закалка, становится очевидным и то, в чем плохая закалка, и как по тому, что закаливает, [выясняется] она сама, так по ней – что закаливает, потому что если закалка – это крепость мышц, то отсутствие ее – их вялость, а что закаливает, то делает мышцы крепкими.

Отсюда, как правило, следует, что если одно из двух [противоположных понятий склада] многозначно, то многозначно и другое, то есть если многозначно «правосудное», [или «правое»], то и «неправосудное», [или «неправое»].

II. По всей видимости, у «правосудности» и «неправосудности» много значений, но из – за их близости, что это соименность, скрыто и не так заметно, как при далеких [значениях] (в последнем случае велико различие по внешнему виду), ясна, например, соименность, когда называют «ключом», [«ключицей»], кость пониже шеи у животных и то, чем запирают двери. Посмотрим теперь, в скольких значениях говорят: «Неправосудный» (*αδίκος*). Итак, «неправосудным» считается тот, кто преступает закон (*παράνομος*), кто своекорыстен (*πλεονεκτής*) и несправедлив (*ανίστος*), а отсюда ясно, что правосудный – это законопослушный (*νομίμος*) и справедливый (*ίστος*). Стало быть, правосудие, [или право], – это законное и справедливое, а неправосудие, [или не-

правое], – это противозаконное и несправедливое. Коль скоро неправосудный своекорыстен, корысть его будет в благах вообще, но не во всех, а в тех, с которыми связана удача или неудача [в жизни] и которые, если взять их безотносительно, всегда являются благами, но применительно к тому или иному человеку не всегда. [Тем не менее] люди молят о таких благах и ищут их, [чего делать] не должно, но надо, с одной стороны, молить, чтобы блага безотносительные были бы [благами] и для них самих, а с другой – выбирать то, что для них блага. Неправосудный не всегда избирает большее, но [иногда] и меньшее, если речь идет о безусловном зле.

А поскольку меньшее зло считается в известном смысле благом, своекорыстие же обращено на блага, то тем самым и здесь [неправосудного] надо считать своекорыстным. Он и несправедлив, ведь это [понятие] включает [присвоение «чужого» блага и отказ от «своего» зла] и [является, стало быть,] общим [понятием].

III. Коль скоро, как мы видели, преступающий законы неправосуден, а законопослушный правосуден (*δικαιος*), ясно, что все законное в известном смысле правосудно. В самом деле, что определено законодательным [искусством], законно, а каждое из этих [определений] мы признаем правосудным, [то есть правом]. Законы говорят обо всем вместе, причем имеют в виду либо пользу всех, либо лучших, либо имеющих власть по добродетели или как – то еще иначе, так что в одном из значений, [а именно в широком], мы называем правосудным то, что для взаимоотношений в государстве (*πολιτικῆ κοινονία*) создает и сохраняет счастье, и все, что его составляет. Закон, стало быть, предписывает как дела мужественного (например, не оставлять строя, не обращаться в бегство и не бросать оружия), так и благоразумного (например, не блудить, не насильничать), а также ровного (например, не бить и не бранить), соответственно и с другими добродетелями и пороками: В одном он наставляет, а другое воспрещает, причем если правильно составлен, то правильно, и хуже, если составлен небрежно.

Итак, правосудность сия есть полная добродетель, [взятая], однако, не безотносительно, но в отношении к другому [лицу]. Поэтому правосудность часто кажется величайшей из добродетелей, и ей дивятся больше, чем «свету вечерней и утренней звезды». И даже пословица говорит: «Всю добродетель в себе правосудность соединяет!». И

эта добродетель есть в первую очередь полная добродетель, так как обращение с нею – [это проявление] полной добродетели, а полнота здесь от того, что, обладая этой добродетелью, можно обращать ее на другого, а не только на себя самого. А ведь многие способны обращать добродетель на свои собственные [дела], но на отношения с другим не способны.

Потому – то метким слывет изречение Бианта: «Мужчину чин покажет», ибо как начальник [он проявляет себя] в отношении к другому и во взаимоотношениях в государстве. На том же [основании] правосудность единственную из добродетелей почитают «чужим благом» затем, что она существует в отношении к другому».

VII. Итак, объединение в пары – это правосудие в распределении, и правосудие это представляет собою середину, а несправосудие – нарушение пропорциональности, ибо пропорциональность – это середина и право состоит в пропорциональности».

Государственное правосудие частью естественно, частью – узаконено; оно естественно, если повсюду имеет одинаковую силу и не зависит от признания и непризнания [его людьми]. Но если изначально не важно, так [поступать] или иначе, а тогда важно, когда это [уже] установлено, например, что [пленника] выкупают за одну мину или что в жертву приносят одного козла, а не двух баранов, то [перед нами] узаконенное [право]. Сюда же относятся законы, установленные для Аристотеля. А также все [частные вопросы], по которым, голосуя, принимают особые решения. Иные считают узаконенными все [виды права], ибо природное неизменно и повсюду имеет ту же силу; так, например, и здесь, и в Персии огонь жжется, однако, как меняется то, что [считается] правосудным, видят [своими глазами]. В таком виде это [мнение] неверно, но в известном смысле может быть [верно]. Для богов, во всяком случае, [изменчивость], видимо, совершенно исключена, а для нас хотя и возможно нечто [правое] от природы, все это, однако, изменчиво, и вместе с тем одно существует от природы, другое – не от природы. Какое [право] от природы, а какое по закону и уговору, если речь идет о том, что может быть и так, и иначе, и при условии, что и то и другое подвержено изменениям, также ясно, и для других вещей подходит такое же разграничение. В самом деле, от природы сильней правая рука, но все – таки всем можно стать с двумя правыми

руками. Те из правовых [установлений], что основаны на уговоре и взаимной выгоде, можно уподобить мерам; действительно, меры для вина и хлеба не везде равны: У скупщиков они больше, у [розничных] торговцев – меньше. Подобным образом и правовые [установления], не природные, а человеческие, не бывают повсюду тождественны, коль скоро и государственные устройства [не повсюду тождественны], между тем как лишь одно [из них] повсюду является лучшим по природе. Каждое [положение] права или закона есть как бы общее по отношению к частному, ибо поступки многообразны, а [положение] – как общее – всякий раз одно. Разнятся же неправосудное дело (то адίκημα) и [понятие:] «Неправосудное» (то адίκον), правосудное дело (δικαίωμα) и [понятие:] «Правосудное» (то δίκαιον). Неправосудное может быть по природе или по установлению, и, когда это осуществилось в поступке, тогда [перед нами] неправосудное дело, но прежде чем осуществилось – это еще не [дело], а [понятие] неправосудного. Соответственно и с правосудным делом. Общее понятие скорее называется [словом:] «Праводелание» (δικαιοπραγείμα), а «правосудное дело» [обозначает] исправление неправосудного дела. Впоследствии надо будет внимательно рассмотреть каждое в отдельности: Каковы виды [правосудного и неправосудного дела], сколько таких [дел] и с чем они могут быть связаны.

Аристотель. «Афинская полития» (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

- 1. Определите правильные и неправильные формы государства. Чем Аристотель объясняет свое отношение к различным видам?*
- 2. Какую власть он называет первоисточной?*
- 3. Что Аристотель говорит о монархии и власти царя?*
- 4. Какой лучший государственный строй по Аристотелю и почему?*
- 5. Почему Аристотель считает, что платоновские «идеи» бесполезны для познания вещей?*

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории Древнего мира / Под ред. В. В. Струве. М., 1951. Т. II. Греция и эллинизм. С. 21-22.

6. Как Аристотель объяснял несовершенство материальных вещей?

7. Следуя учению Аристотеля о действительности и возможности, разберите пример со строящимся из кирпича зданием.

8. Как Аристотель решает вопрос о наличии и источнике в мире движения? Может ли нематериальная субстанция стать причиной движения материальных вещей?

9. Аристотель считал тиранию наихудшей формой государственного устройства. Как вы считаете, могла ли тирания нести благо гражданам полиса? Ответ обоснуйте.

Рассуждения о трех правильных и трех неправильных формах государственного строя

«Только те формы государственного строя, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно простому принципу справедливости, правильными; те же формы, при которых имеется в виду только личное благо правителей, все ошибочны и представляют отклонения от правильных, как основанные на деспотическом принципе, а государство есть сообщество свободных людей. Установив это положение, надлежит вслед за тем обратиться к рассмотрению форм государственного устройства, сколько их по числу и каковы они, и, прежде всего, форм правильных, так как из определения этих последних ясными станут и их отклонения. Так как форма государственного устройства то же самое, что и политическая система, последняя же олицетворяется верховною властью в государстве, то отсюда неизбежно следует, что эта верховная власть должна быть в руках или одного, или немногих, или большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие формы государственного устройства суть формы правильные, а те формы, при которых удовлетворяются личные интересы или одного лица, или немногих, или большинства, суть отклонения от правильных. Ведь либо лица, участвующие (в государственном общении), не суть граждане, либо (если они – граждане), то должны принимать участие в общей пользе. Такое управление царя, которое имеет в виду общую пользу, мы привыкли называть монархией; управление же немногих – но больше, чем одного человека – аристократией; а когда в

интересах общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение общее для всех вообще форм государственного строя – полития. И такое разграничение логически правильно: одно лицо или немногие могут выделяться своею добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело уже трудное; легче всего эта высшая степень совершенства может проявляться у большинства в отношении к военной доблести, так как последняя зарождается именно в народной массе. Вот почему в политике наивысшая верховная власть сосредоточивается в руках военного сословия, именно – пользуются этой властью лица, имеющие оружие. Отклонения от указанных правильных форм государственного устройства следующие: отклонение от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. В сущности, тирания – та же монархическая власть, но имеющая в виду интересы одного правителя; олигархия блюдет интересы зажиточных классов, демократия – интересы неимущих классов; общей же пользы ни одна из этих отклоняющихся форм государственного устройства в виду не имеет».

Монархические симпатии

«... из форм, отклоняющихся от нормальных... наихудшею формою будет та, которая оказывается отклонением от первоначальной и самой божественной из всех форм государственного строя (именно от монархии)».

О власти царя

«Власть... отца над детьми может быть уподоблена власти царя над его подданными: отец властвует над детьми и в силу своей любви к ним и вследствие того, что он старше их. А такой вид власти именно и есть царская власть».

Лучший государственный строй

«В каждом государстве мы встречаем три класса граждан: очень зажиточные, крайне неимущие и третьи, стоящие между теми и дру-

гими... средний достаток из всех благ всего лучше... государство, состоящее из «средних» людей, будет иметь наилучший государственный строй.

В целях взаимного самосохранения, необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое, благодаря своим интеллектуальным свойствам, способно к предвидению, и потому оно, уже по природе своей, существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, по природе своей существо подвластное и рабствующее. В этом отношении и господином и рабом, в их взаимном объединении, руководит общность интересов».

* * *

Исходя из анализа вышеуказанных трудов Аристотеля, заполните следующую таблицу.

Количество правящих	Форма правления	
	Правильные	Неправильные

Полибий. Всеобщая история¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Какие факторы влияют на смену государственной формы от самодержавия до самодержавия?*
2. *С какого времени самодержец превращается в царя?*

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. Греция и Эллинизм / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 22 - 25.

3. *В чем причины возникновения аристократии?*
4. *В чем причины возникновения самодержавия?*
5. *Какие причины обуславливают переход олигархии в демократию?*
6. *Как демократия переходит в тиранию?*
7. *Что есть государственное устройство?*
8. *Какова совершенная форма государственного правления?*

Теория цикличности развития государственных форм

Что я считаю началом государственного общежития и откуда, по моему мнению, оно зарождается впервые?..

Первоначальное существование людей следует представить себе таковым: наподобие животных они собирались вместе и покорялись наиболее отважным и мощным из своей среды; меру власти этих последних составляла сила, а само управление может быть названо самодержавием.

... самодержец незаметно превращается в царя с того времени, когда царство рассудка сменяет собою господство отваги и силы.

Но когда они [цари] стали получать власть по наследству и в силу своего происхождения..., тогда от избытка они предавались страстям..., вследствие чего царство превратилось в тиранию, положено начало упадка власти и начались козни против властелинов. Козни исходили не от худших граждан, но от благороднейших, гордых и отважнейших, ибо подобные люди были наименее способны переносить излишества правителей.

Когда народ нашел себе вождей и по причинам, выясненным выше, стал оказывать им сильную поддержку против властелинов, тогда была совершенно упразднена форма царского и самодержавного управления и вместе с тем получила начало и возникла аристократия. Тут же народ как бы в благодарность за ниспровержение самодержцев призывал виновников переворота к управлению и предоставлял им власть над собою. Правители в свою очередь на первых порах довольны были предоставленным им положением, во всех своих действиях выше всего ставили общее благо, все дела как частные, так и общенародные направляли заботливо и предусмотрительно. И опять,

когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытывавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы... тогда они отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию... и таким-то образом извратили аристократию в олигархию. Они же вскоре возбудили в толпе настроение, подобное только что описанному; поэтому и для них переворот кончился столь же бедственно, как и для тиранов.

Вслед за этим по умерщвлении одних и изгнании других граждане не решаются поставить себе царя, потому что боятся еще незаконный прежних царей, не отваживаются также доверить государство нескольким личностям, потому что перед ними встает безрассудство недавних правителей. Единственная не обманутая надежда, какая остается у граждан, это надежда на самих себя; к ней-то они и обращаются, изменяя олигархию в демократию и на самих себя возлагая заботы о государстве и охрану его.

Но когда народится новое поколение, и демократия от детей перейдет к внукам, тогда люди, свикшись с этими благами, перестают уже дорожить равенством и свободой и жаждут преобладания над большинством; склонны к этому в особенности люди, выдающиеся богатством.

Лишь только вследствие безумного тщеславия их народ делается жадным к подачкам, демократия разрушается и в свою очередь переходит в беззаконие и господство силы. Дело в том, что толпа, привыкши кормиться чужим и рассчитывать на чужое состояние, выбирает себе в вожди отважного честолюбца, а сама вследствие бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и* снова не обретет себе властителя и самодержца.

Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются.

Значение государственного строя

... важнейшею причиною успеха или неудачи в каком бы то ни было предприятии должно почитать государственное устройство. От него, как от источника, исходят все замыслы и планы предприятий, от него же зависит и осуществление их.

Политические взгляды Полибия

... государство украсит себя благороднейшим именем свободного народного правления, а на деле станет наихудшим из государств, охлократией.

... совершеннейшей государственной формой надлежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм*, поименованных выше (т. е. монархии, аристократии и демократии).

Тема 5. ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО РИМА

Вопросы для устного рассмотрения:

1. Политическая и правовая специфика Древнего Рима.
2. Влияние греческой культуры, в т.ч. греческое влияние на римское право.
3. Греческая философия и римская справедливость.
4. Римская теория естественного права.
5. Римская концепция государства.
6. Идеальная природа права.
7. Источник обязательной силы закона.
8. Концепция закона.
9. Равенство перед законом.
10. Теория наказания.
11. Надлежащая судебная процедура.
12. Теория собственности.
13. Рудименты теории международного права.

Теоретическая информация по теме

В римском обществе рабовладельческий способ производства достигает высшей ступени своего развития. Начиная с III в. до н. э. образование крупных поместий (латифундий), основанных на эксплуатации рабского труда, потребовало массового притока рабов, расширения государственной территории и проведения завоевательской политики. За исторически короткий срок Рим превратился из государства-полиса с республиканским правлением в крупнейшую рабовладельческую империю. Организация империи была завершена в I в. до н.э.

Одновременно с утверждением и развитием рабовладельческого строя в римском обществе вызревали противоречия, обострявшиеся в периоды гражданских войн и массовых выступлений рабов (восстание под руководством Спартака 74–71 гг. до н.э. и др.).

С конца II в. н.э. римское общество вступает в состояние кризиса, вызванного противоречиями между потребностями развивающегося производства и невозможностью повысить производительность рабского труда некогда могущественное римское государство распадается

на Западную империю и Восточную империю, получившую позднее название Византии В V в. территория Италии была завоевана германскими племенами, и Западная Римская империя прекратила свое существование.

Политико-правовые учения Древнего Рима имели много общего с политическими учениями античной Греции. Сходство политической мысли древних греков и римлян определялось не только тем, что идеологические концепции в этих странах формировались на основе однотипных социально-экономических отношений, но и глубокой преемственностью в развитии их культуры. Древний Рим, долгое время оставшийся на периферии Античного мира, вынужден был подтягиваться до уровня передовых полисов Греции, перенимать ее культуру. Завоевание Римом греческих полисов положило начало эллинизации римского общества, т.е. широкому распространению греческой культуры среди римлян. В эпоху империи эти процессы переплетались с процессами взаимовлияния греческих, восточных и собственно римских культурных традиций.

Политико-правовые учения в Древнем Риме формировались на основе философских направлений, которые были перенесены из Греции. В своих наставлениях по философии римские мыслители обычно воспроизводили греческие учения, изменяя и приспособляя их применительно к римским условиям. При разработке политических концепций римские авторы опирались на заимствованные из греческих источников представления о формах государства, о соотношении закона и справедливости, о естественном праве и др.

Новизна и оригинальность политических воззрений римских мыслителей заключались в том, что ими были выдвинуты идеи, соответствующие отношениям зрелого рабовладельческого общества. Можно выделить два круга идеологических представлений, в которых наиболее ярко проявилось своеобразие римской политико-правовой мысли.

К первому из них следует отнести изменения в политической теории, обусловленные развитием отношений частной собственности и рабства. Возникновение крупной земельной собственности и концентрация богатства, сопровождавшаяся углублением социальных антагонизмов, поставили господствующие классы перед необходимостью усилить правовую защиту имущественных отношений. Осознание этой

потребности вызывало у них повышенный интерес к правовым средствам закрепления своего господства, порождало представления о том, что государство служит для защиты имущества и держится на согласии граждан относительно права. В произведениях сторонников рабовладельческой знати общим местом становятся определения раба как вещи, как «говорящего орудия» и т.п.

В римском рабовладельческом обществе господствующее положение занимала землевладельческая аристократия. По мере укрепления своих позиций она оттесняла как старую наследственную знать, так и зажиточную верхушку торгово-промышленных слоев. Если в государствах-полисах политические конфликты среди свободных определялись главным образом столкновениями между родовитой знатью и лагерем демократии, то теперь, с утверждением частной собственности на землю, решающим становится противоборство крупных и мелких земельных собственников.

Виднейшим идеологом римской аристократии в период республики был знаменитый оратор *Марк Туллий Цицерон* (106–43 гг. до н.э.). Свое политико-правовое учение он изложил, подражая Платону, в диалогах «О государстве» и «О законах». Некоторые аспекты государственно-правовой проблематики затрагиваются им также в сочинениях по этике (например, в трактате «Об обязанностях») и в многочисленных речах.

Цицерон исходит из общих для всех сторонников аристократии представлений о естественном происхождении государства. Следуя Аристотелю и стоикам, он утверждал, что гражданские общины возникают не по установлению, а от природы, ибо люди наделены богами стремлением к общению. Первой причиной для объединения людей в государство послужила «не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе».

В духе аристократических учений своего времени Цицерон настаивал на том, чтобы государственная власть была вручена мудрецам, способным приблизиться к постижению мирового божественного разума. Государство могло бы стать вечным, уверял мыслитель, если бы люди жили по заветам и обычаям отцов. Целью государства, согласно его концепции, является охрана имущественных интересов граждан.

Аналогичным образом решаются им и вопросы, касающиеся происхождения и сущности права. «Истинный и первый закон, способный приказывать и воспрепятствовать, есть прямой разум всевышнего Юпитера», – утверждал Цицерон. Этот высший, естественный и неписанный закон возникает задолго до того, как люди объединились в гражданские общины, и его нельзя изменить голосованием народа или решением судей (здесь – откровенный выпад против учений рабовладельческой демократии). Законы государства должны соответствовать установленному в природе божественному порядку – в противном случае они не имеют законной силы. На страже божественного естественного закона обязаны стоять жрецы. Возникновение права, подчеркивал Цицерон, «следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он – мерило права и несправедливости». Права мудрых и достойных граждан, включая право собственности, вытекают непосредственно из природы, из естественного закона.

Сквозь этот строй типично аристократических представлений пробиваются вместе с тем ростки принципиально иной доктрины. В явном противоречии с собственными исходными положениями Цицерон утверждал, что государство является не только естественным организмом, но и искусственным образованием, «народным установлением». Цицерон признает равенство всех людей от природы и возможность достижения мудрости каждым, кто получит образование. Имущественные и социальные различия между людьми, с этой точки зрения, возникают не от рождения, а в силу установившихся в обществе отношений. «Частной собственности, – заявлял Цицерон, полемизируя с последователями Аристотеля, – не бывает от природы». Она возникает на основании либо давнишнего завладения, либо победы в войне, либо закона и соглашения. Положительно оценивая значение богатства и договоров в жизни общества, Цицерон приходит к выводу, что государство «держится на кредите».

Эти и другие подобные им положения были заимствованы мыслителем из идеологии полисной демократии. Развивая их, Цицерон определяет государство (*res publica*) как *дело народа*, где под народом понимается «соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов». В трактовке Цицерона право выступает основой государства, его определяющим началом. Государство в таком понимании оказывается уже не только моральным

сообществом свободных граждан (каким оно представлялось Платону и Аристотелю), но и правовым сообществом. Предложенное Цицероном понятие государства сыграло значительную роль в последующем развитии политико-правовой теории.

Цицерон, говоря о народе в своем определении государства, имел в виду исключительно землевладельцев и крупных торговцев. Об этом красноречиво свидетельствует приводимый в трактате «Об обязанностях» перечень занятий и профессий, не достойных свободного человека. Цицерон относит к числу презренных людей ростовщиков, мелких торговцев, владельцев ремесленных мастерских, а также всех трудящихся. С такими людьми, занятыми «грязным делом», у достойных граждан не может быть никаких общих интересов.

Политический идеал Цицерона – аристократическая сенатская республика. В общетеоретическом плане он обосновывает свой идеал учением о смешанной форме правления. Ссылаясь на греческих мыслителей, Цицерон различает три основные формы государства: царскую власть – монархию, власть оптиматов – аристократию и власть народа – демократию. Среди них лучшей, по мнению Цицерона, является монархия. Каждая из этих простых форм власти неизбежно вырождается, что приводит к возникновению таких порочных состояний государства, как тирания, господство клики богатых и власть толпы (черни). Порочные состояния, собственно, не являются уже формами государства, поскольку там царят произвол и насилие, и, следовательно, распадается само государство как объединение свободных граждан.

Наиболее совершенной и устойчивой формой правления Цицерон считал смешанное государство, сочетающее начала монархии, аристократии и демократии. К такому строю, по его мнению, приближалась Римская республика во времена «отцов» и «дедов». Монархические начала были представлены в ней властью консулов, аристократические – правлением сената, демократические – народным собранием и властью трибунов. В этой части учение Цицерона не выходило за рамки древнегреческих концепций круговорота государственных форм (Платон, Полибий) и политических идеалов знати, требовавшей реставрации староустойных порядков.

Цицерон творил в период становления Римской империи. Поддерживая и одобряя захватнические войны Рима, Цицерон отказывается от идеалов замкнутого, самодовлеющего полиса. Под влиянием стоиков он пропагандирует идеи космополитизма и мирового государства.

В правовой теории переход к империи нашел отражение в представлениях о составе и разновидностях права, действующего в римском государстве. Сочинения Цицерона являются самыми ранними произведениями римской литературы, где проводится различие между естественным правом, правом народов и правом римских граждан.

Правовые воззрения рабовладельческой аристократии получили свое практическое воплощение в деятельности *римских юристов*.

Светская юриспруденция как самостоятельная отрасль знаний сложилась в Древнем Риме во II–I вв. до н.э. По своему характеру и направленности она явилась специфическим порождением идеологии тех слоев рабовладельческой знати, которые были заинтересованы в усилении правовой охраны частной собственности и в то же время выступали против расширения законодательной деятельности государства в сфере имущественных отношений, полагаясь больше на советы и консультации немногих избранных юристов («право мудрых»), чем на писанный закон.

Расцвет римской юриспруденции приходится на эпоху ранней империи (I в. до н.э. – III в. н.э.). В этот период императоры, стремясь ограничить законодательную власть сената, предоставляют наиболее выдающимся юристам право давать разъяснения и толкования действующих правовых норм, обязательные для всех должностных лиц и судей. Разъяснения правоведов приравниваются тем самым к закону. Со второй половины III в., когда законодательная власть сосредоточивается в руках императоров, пожалование такой привилегии прекращается, и римская юриспруденция приходит в упадок.

К числу самых известных юристов периода ранней империи принадлежали Гай, Папиниан, Павел, Ульпиан и Модестин. Пространные выдержки из написанных ими сочинений содержат Дигесты Юстиниана.

Понятие права юристы выводили, подобно Цицерону, из стоической идеи мирового, всеобщего закона природы. Согласно определе-

нию Цельса, принятому многими римскими юристами, право – это искусство добра и справедливости (*ars boni et aequi*). Правосудие, уточнял Ульпиан, есть «познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом».

Приведенные высказывания свидетельствуют, что юристы не отделяли еще право от нравственности. Как и другие последователи стоицизма, они считали источником права мировой божественный разум.

В составе права, действовавшего в Римской империи, юристы выделяли три части: естественное право (*ius naturale*), право народов (*ius gentium*) и право граждан (*ius civile*).

Естественное право, по их представлениям, распространяется как на людей, так и на животных. К его установлениям относятся брак, семья и воспитание детей. По естественному праву все рождаются свободными.

Право народов, в отличие от естественного, охватывает правила, которые мировой разум установил для людей. Римляне используют это право в своих отношениях с покоренными народами и соседними государствами. Правом народов введены война, рабство, основание царств, международная торговля и другие установления.

Право граждан, или гражданское право, регулирует отношения между свободными римлянами. Гражданское право, указывал Гай, является «собственным правом государства». Источниками этого права Папиниан называл законы, решения плебеев, постановления сената, декреты принцепса и «мнения мудрых».

Разграничение права народов и права граждан, проведенное в римской юриспруденции, имело цель оправдать рабство, агрессивные войны и неравенство завоеванных народов по отношению к римлянам.

Право в Древнем Риме делилось на частное и публичное. По знаменитой формуле Ульпиана, публичное право относится к положению государства, частное – к пользе отдельных лиц. Частное право, считал он, включает в себя предписания права естественного, предписания права народов и предписания права гражданского.

Основное внимание юристы уделяли частному праву. В их трудах были заложены основы теории гражданского права – цивилистики. Разрешая споры по гражданским делам, юристы разграничили виды сделок, выработали формулы исков, определили правомочия собственника и других субъектов права.

Законы XII таблиц

Известный под именем «XII таблиц» (или, по более поздней терминологии, «Законов XII таблиц») памятник древнеримского права приписывается обыкновенно децемвирам и датируется 451–450 гг. до н. э. До наших дней он сохранился только в скудных, подчас очень темных по своему смыслу отрывках, которые мы находим у позднейших латинских авторов. Кроме того, нередки случаи, когда наши сведения о постановлениях, содержащихся в XII таблицах, ограничиваются сообщениями какого-либо писателя или юриста о том, что будто бы еще в этом памятнике предусматривалось регулирование в определенном направлении тех или иных социальных отношений; при этом точной цитаты этого постановления авторы обыкновенно не дают.

Таким образом, у исследователя, занимавшегося восстановлением текста этого памятника, получался двоякого рода материал: с одной стороны, сохранившиеся в литературных источниках (далеко не безупречные с точки зрения полноты и точности) извлечения из этого так называемого «кодекса децемвиров», а с другой – глухие, порой, быть может, даже неправильно приписываемые XII таблицам сообщения о каких-то юридических нормах, которые действовали в раннюю эпоху Римской республики и которые впоследствии считалось бесполезным реставрировать для защиты интересов консервативных групп правящего класса позднего Рима. Такая двойственность материала вызвала необходимость выделения этой второй группы имевшихся в нашем распоряжении данных о памятнике; такого рода сообщения приводятся, с указанием их автора, в круглых скобках. Наряду с этим для уяснения смысла переводимого текста нам представлялось целесообразным отказаться от лаконизма, присущего памятнику, и дополнить некоторые постановления отдельными словами и даже целыми фразами¹.

К изучению публичного права римская юриспруденция обратилась в I–II вв., когда правоведы, получившие привилегию официального толкования закона, выступили в поддержку императорского режима. В публичном праве они проводили идеи неограниченных полномочий принцепса, передачи ему законодательной власти.

---

¹ Машкин Н.А., Голубцова Е.С. Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1953. С. 21.

Вследствие рецепции римского частного права его принципы были усвоены теоретической юриспруденцией во многих странах континентальной Европы. Под влиянием римской цивилистики сложились классические правовые доктрины XVIII – XIX вв., наделившие собственника абсолютным правом распоряжаться принадлежащей ему вещью по своему усмотрению.

§ 3. Политические и правовые идеи первоначального христианства

В I в. нашей эры в Римской империи сложилась и стала быстро распространяться новая религия – христианство. В развитии организации христиан обычно различают два этапа: «апостольская церковь» (примерно I– II вв.) и пришедшая ей на смену (примерно во второй половине II в.) «епископальная церковь». Эволюция церковной организации сопровождалась, очевидно, изменением политико-правовой идеологии христиан, однако в книгах Нового завета содержатся как первоначальные, так и последующие идеи христианства I– II вв. В произведениях раннехристианской литературы.

Христиане ждали пришествия мессии, Христа – избавителя, божьего посланника, который в схватке со «зверем-императором» сокрушит царство зла, повергнет угнетателей в «геенну огненную». Затем установится обещанное пророками «тысячелетнее царство», где трудящиеся «не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной».

В ожидании скорого пришествия мессии христиане стремились обособиться от царства зла в своих общинах. Христианство провозгласило равенство приверженцев новой религии. В дискуссиях христианских общин была преодолена идея бого избранности только отдельных народов. Общины были организованы на демократических началах. Не было духовенства, предметов культа, обрядов. Верующие отдавали общине свое имущество, за общий счет устраивались общественные трапезы. Связь между общинами поддерживали странствующие проповедники (апостолы), не имевшие привилегий.

В I–II вв. сеть христианских общин раскинулась по всей Римской империи. Ряды приверженцев новой религии, дававшей духовное утешение и надежду, неуклонно росли. Со II в. христианские общины по-

полнялись выходцами из имущих и образованных слоев общества. Богатые и честолюбивые люди по-своему ощущали и переживали гнет Римской империи, кризис рабовладельческого строя, всеобщую апатию и деморализацию, тоже искали духовного утешения и освобождения. Это привело к изменению социального состава, организационных принципов и идеологии христианских общин. Эволюция христианства предопределялась разочарованием в надеждах на скорый приход мессии.

К середине II в. в христианстве берет верх то направление, которое делало упор на мистические стороны учения. Складывается отделенный от массы верующих церковный аппарат. Руководство общинами переходит в руки епископов, пресвитеров, дьяконов, образовавших стоящий над верующими клир (духовенство).

Присвоив монопольное право проповедовать и толковать христианское учение, духовенство разработало сложную систему обрядов, служб, догм, используя ряд положений других религий (например, митраизма) и философских школ (например, стоиков, гностиков). Общие трапезы были заменены причащением, апостолы - слугами и гонцами епископов, равенство верующих – противоположностью между клиром и мирянами.

В христианской литературе II–III вв. большое место занимает апологетика. Христианские авторы стремятся уверить императоров, что новая религия не только не опасна рабовладельческому государству, но и является его надежным союзником.

Церковь настойчиво стремилась к союзу с императорской властью. С IV в. императоры уже вынуждены считаться с церковью и даже искать у нее поддержки. При императоре Константине христианство было объявлено равноправной с другими религиями (313 г.), а затем господствующей (324 г.) религией.

Эволюция христианства сопровождалась ожесточенной борьбой между церковью и различными *ересями* (ересь – вероучение, основанное на некоторых общих с официальной церковью догматах, но оппозиционное, отличное от церковного).

Так, во второй половине II в. в Малой Азии возникла секта монотанистов, продолжавших проповедовать ненависть к Римской империи, предвещать близкое пришествие мессии, конец «мира зла и насилия», установление «тысячелетнего царства».

Тогда же возникли антицерковные секты гностиков (гносис – знание), соединявшие ряд положений христианства с учением о «логосе» в духе философии неоплатонизма и стоиков¹.

Практические задания

Цицерон. О государстве (фрагмент)²

Ответьте на вопросы по тексту

1. Как Цицерон объясняет происхождение государства? Какие теоретические влияния на него при этом чувствуются?
2. Каковы взгляды Цицерона на равенство? Как соотносятся друг с другом равенство и право?
3. Какие формы государств рассматривает Цицерон?
4. Разделяет ли Цицерон учение о круговороте государственных форм?
5. Какой вид государственного устройства Цицерон считает наилучшим?
6. Где локализован источник права по Цицерону?
7. Каков по Цицерону должен быть порядок наделения государственными должностями?
8. Каким Цицерон видит идеального правителя? В чем разница между царем и тираном? Какова роль личности? Говорит ли Цицерон о возможности институциональных гарантий против произвола?
9. Как он видит роль царя? Какие аргументы в пользу предпочтительности царской власти приводятся в диалоге? Что говорится о преемственности власти? Сколько должен править царь?
10. Какие последствия грозят, если власть перейдет к народу? Как соотносятся между собой крайняя свобода и тирания? Важность «середины» или умеренности.

---

¹ История политических и правовых учений: учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. 576 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/leist/chapt05.htm> (дата обращения: 16.08.22).

² Текст приводится по: Цицерон М.Т. Философские трактаты. О государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414870001> (дата обращения: 10.08.2022).

11. *Имеется ли аналог идеальному государству в реальности? Что это?*
12. *Как Цицерон понимает справедливость?*
13. *Как Цицерон определяет «истинный закон»?*
14. *Какое наилучшее и государственное устройство по Цицерону и почему?*
15. *Чем объясняет Цицерон неидеальность царской власти?*
16. *В чем причина объединения людей?*
17. *Что является наихудшим видом государственного устройства? Почему?*
18. *Почему человек наделен естественным правом?*
19. *Зачем были придуманы законы по мнению Цицерона?*

Книга 1.

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Манний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра¹,] (I, 1) Гай Дуелий², Авл Атилий³ и Луций Метелл⁴ – от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов⁵ кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара второй пунической войны, Квинт Максим⁶ не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл⁷ не сломил бы противника, а Публий Африканский⁸ не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону⁹, человеку малоизвестному и новому¹⁰, который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом¹¹ в Тускуле, здоровой местности близ Рима; но он, человек безрассудный, как думает кое-кто¹², предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури¹³, а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бесчисленном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посетовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа

наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно¹⁴ и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличатся доблестью, словно это какая-то наука, не достаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение – управление государством и совершение на деле, а не на словах, всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составлявшими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов¹⁵ и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Откуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые, когда это благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно, другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ¹⁶, один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империем¹⁷ и страхом перед карой по закону заставляет всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве¹⁸ и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Энний¹⁹), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более

безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(III, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, несогласные с нами, противопоставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать²⁰. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда перечисляют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. (5) Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в оковах, наложенных на него согражданами²¹; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил²². Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся, – говорят эти люди, – многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла²³, и о злобном отношении к Агале²⁴, и о ненависти к Насике²⁵, и об изгнании Лената²⁶, и об осуждении Опимия²⁷, и о бегстве Метелла²⁸, и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария²⁹, [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв³⁰. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя

спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злоключения³¹. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море... [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же³², я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злоключениях моих было почета больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость бóльшую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных³³. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и – в сравнении с моими столь великими деяниями – ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я, – хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет³⁴, либо можно было получать от своего досуга плоды бóльшие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие, – что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грудью сильнейшие бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принести спокойствие всем остальным³⁵. (8) Ибо отечество³⁶ породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставляло нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд³⁷.

(V, 9) Далее, к тем отговоркам, к каким эти люди прибегают для оправдания, дабы им еще легче было полностью наслаждаться досугом, конечно, менее всего следует прислушиваться, раз, по их словам, к государственной деятельности большей частью стремятся люди, совершенно недостойные честного дела, люди, равняться с которыми унижительно, а сражаться, особенно когда толпа возбуждена, опасно и

чревато несчастьем. Поэтому, по их мнению, мудрому человеку не следует принимать бразды правления, раз он не в силах сдерживать безумные и неукротимые стремления черни, а свободному, борясь не на жизнь, а на смерть с подлыми и свирепыми противниками, незачем подвергаться ударам оскорблений или ожидать несправедливостей, нестерпимых для мудрого; как будто у людей честных, храбрых и наделенных большим мужеством, может быть какое-нибудь основание посвятить себя государственной деятельности, которое было бы более справедливым, чем желание не покоряться бесчестным людям и не позволять им раздирать государство на части³⁸, [чтобы не оказаться в таком положении,] когда они сами уже не будут в силах ему помочь, даже если и захотят.

(VI, 10) Но кто может одобрить этот отказ от деятельности? Ведь, по их словам, мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его³⁹. Словно кто-нибудь может столкнуться с большей необходимостью, чем та, с какой столкнулся я!⁴⁰ Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом? Но как мог бы я быть консулом, если бы с отроческих лет не держался в жизни того пути, идя по которому, я, происшедший из всаднического сословия, достиг высшей почетной должности?⁴¹ Следовательно, хотя государству и грозят опасности, возможность прийти ему на помощь не появляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе. (11) Но в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они, когда море спокойно, держать кормило отказываются, так как не обучались этому и никогда не старались овладеть таким умением, но что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется сильнейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устройению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искушенным в этом деле. Как, в таком случае, возможно обещать государству свое содействие только тогда, когда тебя к этому принудит необходимость, раз ты – что было бы гораздо проще – управлять государством при отсутствии необходимости не умеешь? И право, если бы и было верно, что мудрый не склонен

добровольно снисходить до занятий делами государства, но в том случае, когда обстоятельства заставят его сделать это, в конце концов все же не отказывается от этих обязанностей, то я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять.

(VII, 12) Я изложил все это весьма обстоятельно по той причине, что решил выступить в этих книгах с рассуждением о государстве. Чтобы оно не оказалось бесполезным, я прежде всего должен был устранить сомнения насчет того, следует ли вообще заниматься государственной деятельностью. Но все же, раз существуют люди, которые считаются с авторитетом философов, то пусть они на короткое время возьмут на себя труд послушать тех, чьи авторитет и слава в глазах ученых людей величайшие. Хотя некоторые из этих последних сами государственными делами не ведали, я лично – так как они рассмотрели много вопросов и много писали о государстве – все же думаю, что они выполнили некое обязательство перед государством. И право, тех семерых, кого греки называли мудрецами⁴², я, можно сказать, воочию вижу в самой гуще государственных дел. Ведь ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных.

(VIII, 13) Поэтому, так как мне посчастливилось, ведя дела государства, достигнуть некоторых успехов, достойных того, чтобы о них помнили, а развивая положения о гражданственности, приобрести некоторую подготовку благодаря не только своей деятельности, но и своему стремлению учиться самому и обучать других, ... [Лакуна] [то задачу, взятую мною на себя, я нахожу для себя посильной.] ... авторитеты, между тем как из моих предшественников одни были весьма изощрены в рассуждениях, но их деяния нам не известны, а другие за свою деятельность снискали одобрение, но в изложении своих взглядов были неискusstны. Мне же предстоит не установить свои собственные, новые, мною самим придуманные положения, а по памяти привести беседу между прославленными мудрейшими мужами нашего государства, принадлежавшими к одному поколению. О этой беседе мне и тебе⁴³ в наши юные годы сообщил Публий Рутилий Руф, когда мы про-

вели вместе с ним в Смирне несколько дней, причем он, по моему мнению, не пропустил ничего такого, что имело большое значение для этого вопроса в целом.

(IX, 14) Когда, в консульство Тудитана и Аквилия, знаменитый Публий Африканский, сын Павла, проводил дни Латинских празднеств⁴⁴ в своей загородной усадьбе, а его ближайшие друзья обещали ему часто навещать его в эти дни, во время самих празднеств к нему рано утром первым явился Квинт Туберон, сын его сестры. С радостью увидев его, Сципион ласково сказал: «Что же ты, Туберон, так рано?»⁴⁵ Ведь эти празднества, пожалуй, дали тебе полную возможность предаться своим литературным занятиям».

(XXV, 39) СЦИПИОН. – Итак, государство есть достояние народа¹⁰⁰, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость¹⁰¹, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе¹⁰². Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не... [удаляться от подобных себе.]

И чтобы сама природа к этому не только призывала, но также и принуждала (Ноний, 321, 16).

(40) Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины. Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием? У римских авторов мы читаем:

Вскоре множество людей, рассеявшихся по земле и скитавшихся по ней, благодаря согласию превратилось в гражданскую общину (Августин, Послания, 138, 10).

Усматривали не единственную причину для закладки города. Одни говорят, что люди, первоначально происшедшие из земли, блуждая по лесам и полям, не будучи связаны друг с другом ни речью, ни правом и пользуясь ветками и травой как ложем, а пещерами и ямами – как домами, оказывались добычей диких зверей и более сильных животных; затем, что те люди, которые спаслись, хотя и получили ранения, и видели, как их близкие были растерзаны зверями, присоединились, поняв грозившую им опасность, к другим людям и молили их о

защите; вначале они объяснялись знаками, затем стали делать первые попытки говорить; потом они, давая названия тем или иным отдельным вещам, понемногу усовершенствовались в своей речи. Видя, что им не защитить народа от диких зверей, они начали даже строить города, дабы обеспечить себе покой ночью и отвращать нападения диких зверей, не вступая с ними в схватки, а строя валы. (18) Иным людям это объяснение показалось нелепым, каким оно и было, и они говорили, что причиной объединения был не страх быть растерзанным дикими зверями, но скорее сама человеческая природа, и что объединились они потому, что человеческая природа избегает одиночества и стремится к общению и союзу (Лактанций, “Institutiones divinae”, VI, 10, 13 – 15. 18).

(XXVI, 41) ... [Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. (42) Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа¹⁰³. И каждый из трех видов государства – если только сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства, – правда, не совершенен и, по

моему мнению, не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, – если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, – по-видимому, может быть вполне прочным.

(XXVII, 43) Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. Поэтому хотя знаменитый перс Кир¹⁰⁴ и был справедливейшим и мудрейшим царем, все же к такому “достоянию народа” (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека. Если массилийцами, клиентами нашими¹⁰⁵, с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству. Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг¹⁰⁶, вершили всеми делами только на основании постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска.

(XXVIII, 44) И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся невдалеке от него. Ведь в упомянутом мною царе, терпимом и, если хотите, достойном любви, – Кире (назову именно его) скрывается, так как он волен изменять свои намерения, всем известный жесточайший Фаларид¹⁰⁷, по образцу правления которого единовластие скользит вниз по наклонному пути и притом легко. К знаменитому управлению государством, осуществлявшемуся

в Массилии малым числом первенствовавших людей, близко стоит сговор клики тридцати мужей, некогда правившей в Афинах¹⁰⁸. Что повластие афинского народа, когда оно превратилось в безумие и произвол толпы, оказалось пагубным, ...[показали дальнейшие события.] [с.22]

(XXIX, 45) [Лакуна] ... [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тираннической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него – один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве¹⁰⁹. Если знать их – дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, – дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновленного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее¹¹⁰.

(XXX, 46) *ЛЕЛИЙ*. – Я знаю, что таково твое мнение, Публий Африканский! Ибо я часто слышал это от тебя. И все же, если это тебе не в тягость, я хотел бы узнать, какой из этих трех видов государственного устройства ты находишь наилучшим. Ведь будет полезно для понимания ... [Лакуна]

(XXXI, 47) *СЦИПИОН*. – ...и каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит¹¹¹. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже и не свобода. Но как может она быть равной для всех, уж не говорю – при царской власти, когда рабство даже не прикрито и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? Граждане, правда, подают голоса, предоставляют империй и магистратуры, их по очереди обходят, добиваясь избрания¹¹², на их рассмотрение вносят предложения, но ведь они дают то, что должны были бы давать даже против своего желания, и они сами лишены того, чего от них добиваются другие; ведь они лишены империя, права участия в совете по делам государства¹¹³, права участия в судах, где заседают отобранные судьи¹¹⁴, лишены всего того, что зависит от древности и

богатства рода. А среди свободного народа, как, например, родосцы¹¹⁵ или афиняне¹¹⁶, нет гражданина, который ... [сам не мог бы занять положения, какое он предоставляет другим.] [Лакуна]

(XXXII, 48) ...когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда – говорят они¹¹⁷ – из-за их высокомерия и надменности¹¹⁸ и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то – говорят они – это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он – господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом¹¹⁹. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, то есть достоянием народа. Поэтому, по их словам, “достояние народа” обычно освобождается от владычества царей и “отцов”, но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. (49) И право, говорят они, ввиду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры¹²⁰; поэтому, когда властью завладевали “отцы”, государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти, когда, по утверждению Энния¹²¹...

(XXXV, 54) *ЛЕЛИЙ*. – А ты, Сципион? Какой из упомянутых тобою трех видов государственного устройства ты одобряешь больше всего?

СЦИПИОН. – Ты с полным основанием спрашиваешь, какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если говорить о видах власти,] названных здесь,

то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях, и охраняющего их тщательнее, чем ... [Лакуна] ... вас поддерживает заботливость одного наилучшего и выдающегося мужа. (55) Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиноваться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы – царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью – оптиматы, свободой – народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего.

ЛЕЛИЙ. – Разумеется; но, если ты не доведешь своего рассмотрения до конца, нам едва ли удастся разобраться во всем остальном.

(XXXVI, 56) *СЦИПИОН.* – Итак, уподобимся Арату, который, приступая к рассуждению о важных предметах, считал нужным начинать с Юпитера¹³¹.

ЛЕЛИЙ. – Почему с Юпитера? Лучше сказать, какое сходство со стихами Арата имеет наша беседа?

СЦИПИОН. – Лишь такое, что мы с полным основанием можем начать свою речь с того, кого одного и все ученые, и все неученые люди единогласно признают царем всех богов и людей.

Почему? – спросил Лелий.

СЦИПИОН. – По какой же иной причине, как не потому, что это очевидно? Если первенствующие в государствах люди ради житейской пользы заставили всех верить, что на небе есть единственный царь, наклоном головы сотрясающий весь Олимп, как говорит Гомер¹³², и считать его царем и отцом всех, то существуют авторитетные и многочисленные (если только под многочисленными можно разуметь всех) свидетели тому, что народы согласились (очевидно, на основании решений первенствующих людей) в том, что лучше царя не бывает никого, так как, по их мнению, всеми богами правит воля одного. Если же это, как нас учили, основано на заблуждении неискушенных людей и похоже на сказания, то послушаем всеобщих, так сказать, учителей образованных людей; ведь они как бы воочию видели то, что мы с трудом познаем, когда об этом слышим...

(XLII, 65) *СЦИПИОН*. – Когда я выскажу свое мнение о том виде государственного устройства, который считаю наилучшим, мне вообще придется поговорить подробнее и о переменах в государстве, хотя в таком государстве они, по моему мнению, произойдут далеко не легко. Но при царском образе правления первая и самая неизбежная перемена следующая: когда царь начинает быть несправедлив, этот государственный строй тотчас же рушится, а этот же правитель становится тиранном¹⁵²; это наихудший вид государственного устройства и в то же время близкий к наилучшему; если его ниспровергают оптиматы, как обыкновенно и случается то государство получает второй из названных трех видов устройства; это – вид, уподобляющийся царской власти, то есть составленный из “отцов” совет первенствующих людей, заботящихся о благе народа¹⁵³. Если же народ своей рукой убьет или изгонит тиранна, то он бывает несколько умерен только до той поры, пока владеет своими чувствами и умом, радуется своему деянию и хочет защитить им же установленный государственный строй. Но если народ применил насилие к справедливому царю или лишил его царской власти, или даже (это бывает еще чаще) отведаль крови оптиматов и подчинил своему произволу все государство (не думай, Лелий, что найдется море или пламя, успокоить которое, при всей его мощности, труднее, чем усмирить толпу, не знающую удержу ввиду непривычного для нее положения), тогда и происходит то, что так ярко изобразил Платон¹⁵⁴, – если только мне удастся передать это на латинском языке; сделать это трудно, но я все же попытаюсь.

(XLI II, 66) “Когда, – говорит Платон, – ненасытная глотка народа пересохнет от жажды свободы, и народ, при дурных виночерпиях, вкусит не разумно размешанной, а совсем не разбавленной свободы, он начинает клеветать на магистратов и первенствующих людей, если они не особенно мягки и уступчивы и не дают ему полной свободы, начинает преследовать их, обвинять, называть своевластными, царями, тираннами”¹⁵⁵. Думаю, что это тебе известно.

ЛЕЛИЙ. – Да, мне это очень хорошо известно.

(67) *СЦИПИОН*. – Платон продолжает так: “Тех, кто повинуется первенствующим людям, такой народ преследует и называет добровольными рабами, а тех, кто, занимая магистратуры, хочет походить на частных людей, а также и тех частных людей, которые стремятся к

тому, чтобы между частным человеком и магистратом не было никакого различия, они превозносятся похвалами и возвеличивают почестями, так что в подобном государстве свобода неминуемо господствует над всем: частный дом не повинуется власти, и это зло распространяется даже на животных; даже отец боится сына, сын пренебрегает отцом, причем всякий стыд отсутствует; все совершенно свободны и нет различия между гражданином и иноземцем; учитель боится своих учеников и заискивает перед ними, а ученики презирают учителей; юноши напускают на себя важность стариков, а старики унижаются до юношеских забав, чтобы не быть юношам в тягость и не казаться чересчур важными. Вследствие этого даже рабы держат себя чересчур вольно, а женщины имеют те же права, что и мужчины; мало того, даже собаки, лошади, наконец, ослы, при такой вольности, так наускаивают на людей, что приходится уступать им дорогу. Итак, – говорит Платон, – это безграничное своеволие приводит к тому, что граждане становятся столь пресыщены и слабы духом, что они, если власти применяют к ним малейшее принуждение, раздражаются, и не могут это стерпеть, а потому начинают даже пренебрегать законами, так что оказываются без какого бы то ни было властителя”.

(XLIV, 68) *ЛЕЛИЙ*. – Ты вполне точно передал нам содержание высказываний Платона.

СЦИПИОН. – Далее, возвращаясь к изложению своей мысли, я прибавлю: из этого крайнего своеволия, которое эти люди считают единственной свободой, – говорит Платон, – вырастает, словно из корня, и как бы рождается тиранн. Ибо, подобно тому, как из чрезмерного могущества первенствующих людей возникает угроза самому их существованию, так сама свобода поражает этот чересчур свободный народ в конце концов рабством. Так и всякий избыток приятного – будет ли он в погоде, или на полях, или в теле человека – большей частью превращается в противоположное состояние; это происходит более всего в делах государственных, и чрезмерная свобода как у народов, так и у частных людей рушится, превращаясь в чрезмерное рабство. Таким образом, величайшая свобода порождает тираннию и несправедливейшее и тяжелейшее рабство. Ведь из этого необузданного или, лучше сказать, свирепого народа большей частью выходит предводитель, обращающийся против первенствующих граждан, уже сбитых с места¹⁵⁶ и повергнутых ниц, человек отважный, бесчестный, жестоко

преследующий людей, часто оказывавших государству большие услуги, отдающий народу и свое, и чужое достояние¹⁵⁷, и так как ему, пока он оставался частным человеком, грозили многие опасности, то ему дают империй, который возобновляют на новый срок, даже дают ему стражу, как это было в Афинах с Писистратом¹⁵⁸; наконец, такие люди становятся тираннами по отношению к тем, которые их выдвинули. Если этих тираннов, как это часто бывает, свергают лучшие люди, то государство возрождается; но если это совершают люди дерзкой отваги, то возникает хорошо нам известное правление клики, другой род тираннов, и такая же клика часто возникает из превосходного правления оптиматов, когда какие-нибудь пороки отвлекают самих первенствующих людей от их пути. Таким образом, государственную власть, словно мяч, выхватывают тиранны у царей, у самих тираннов – первенствующие люди или народ, а у народа – клика или тиранны, и государственное устройство в течение более или менее долгого времени никогда не сохраняется в одном и том же положении.

(XLV, 69) Ввиду всего этого, из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства¹⁵⁹. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем – прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, – вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, – и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться¹⁶⁰.

(XLVI, 70) Но я боюсь, Лелий и вы, мои лучшие и просвещенные друзья, что моя беседа, если я и долее буду заниматься этими вопросами, покажется вам словами как бы наставника и учителя, а не человека, рассматривающего вопрос вместе с вами. Поэтому я приступлю к тому, что известно всем и уже давно нас занимает. Ведь я полагаю, думаю, утверждаю, что из всех государств ни одно – ни по своим основам, ни по распределению власти, ни по своему внутреннему укладу – не сравнимо с тем, которое нам оставили наши отцы, получив его уже от предков. И вот, так как вы пожелали услышать и от меня то, что и сами хорошо знали, я, с вашего позволения, опишу вам особенности этого государственного устройства, докажу, что оно – наилучшее, и, представив как образец наше государство, отнесу к нему, если сумею, всю свою речь о наилучшем государственном устройстве, которую мне предстоит произнести. И если мне удастся последовательно рассмотреть этот вопрос, то задачу, которую Лелий на меня возложил, я, думаю, выполню с лихвой...

МАРК. – А что скажет Квинт?

КВИНТ. – Ничего другого я так не жду.

МАРК. – И ты вполне прав. Вы можете быть уверены, что ни в одном виде рассуждений нельзя лучше выявить, что именно природа дала человеку; сколь велика сила наилучших качеств человеческого ума; какова задача, для выполнения и завершения которой мы родились и появились на свет; какова связь между людьми и каково естественное объединение между ними. Когда все это будет разъяснено, станет возможным найти источник законов и права.

(17) *АТТИК.* – Итак, по твоему мнению, учение о праве следует черпать не из преторского эдикта⁴¹, как ныне поступает большинство людей, и не из Двенадцати таблиц⁴², как поступали наши предшественники, а из глубин философии?

МАРК. – Ведь в этой беседе, Помпоний, мы не рассматриваем ни вопроса о том, как мы даем заключение перед претором⁴³, ни о том, какой совет нам следует дать в том или ином случае. Допустим, что это дело важное (таково оно и есть в действительности), что им некогда успешно занимались многие прославленные мужи, а теперь, благодаря своему необычайному авторитету и знаниям, занимается один человек⁴⁴; но мы должны при обсуждении охватить весь вопрос о праве и законах в целом так, чтобы этому, как мы его называем, гражданскому

праву было отведено, так сказать, лишь небольшое и ограниченное место. Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека; нам придется рассмотреть законы, на основании которых гражданские общины должны управляться; затем изучить уже составленные и строго определенные права и постановления народов; при этом мы не пропустим так называемых гражданских прав также и нашего народа.

(VI, 18) *КВИНТ*. – Ты, брат мой, поистине глубоко и, как и надлежит, из самых истоков берешь то, что мы изучаем; те же, кто передает нам гражданское право иначе, передают нам не столько пути правосудия, сколько пути ведения тяжб.

МАРК. – Это не так, Квинт! Тяжбы порождает скорее неосведомленность в праве, а не знание права. Но об этом впоследствии; теперь обратимся к основам права.

Итак, ученейшие мужи⁴⁵ признали нужным исходить из понятия закона и они, пожалуй, правы – при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон. (19) Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название “номос”, так как закон “уделяет” каждому то, что каждому положено⁴⁶, а наше название “lex”, по моему мнению, происходит от слова “legere” [выбирать]. Ибо, если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а лично я склонен думать, что в общем это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он – мерило права и бесправия⁴⁷. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, – либо приказывая, либо запрещая.

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано...

(XII, 33) *МАРК*. – Итак, следующее положение гласит, что природа создала нас для того, чтобы мы разделяли между собой всю совокупность прав и пользовались ими все сообща. И я, говоря “природа”, хочу, чтобы во всем этом рассуждении меня так и понимали. Но испорченность, связанная с дурными наклонностями, так велика, что от нее как бы гаснут огоньки, данные нам природой, и возникают и укрепляются враждебные им пороки. И если бы люди – как по велению природы, так и в силу своего суждения – признавали, что “ничто человеческое им не чуждо”, как говорит поэт⁵⁶, то все они одинаково почитали бы право. Ведь тем, кому природа даровала разум, она даровала и здравый разум. Следовательно, она им даровала и закон, который есть здравый разум – как в повелениях, так и в запретах. Если она им даровала закон, то она даровала и право; разум был дан всем. Значит, и право было тоже дано всем, и Сократ справедливо проклинал того, кто первый отделил пользу от права; право, жаловался он, – источник всяческих бед⁵⁷. Ведь отсюда и известное изречение Пифагора [насчет дружбы]: “У друзей все общее”⁵⁸. [Лакуна]

(34) ...Из этого явствует, что, когда мудрец переносит такое большое и такое глубокое расположение на другого человека, наделенного такой же доблестью, то это приводит к тому, что он в этом человеке (кое-кому это может показаться невероятным, но это неизбежно) любит себя не больше, чем его: и в самом деле, в чем может быть различие, когда равно все? Но если здесь может появиться хотя бы малейшее различие, то тотчас же иссуществовать, как только один человек пожелает для себя преимуществ перед другим⁵⁹.

Все это предпосылается нашей дальнейшей беседе и обсуждению всего вопроса, чтобы легче было понять, что право проистекает из природы. Высказавшись вкратце по этому вопросу, я перейду к гражданскому праву, которое и дало повод ко всей нашей беседе.

Но те разнообразные законы, которые, применительно к обстоятельствам, были составлены для народов, называются законами скорее в виде уступки, чем потому, что это действительно так. В пользу того, что всякий закон, который можно по справедливости назвать законом,

заслуживает хвалы, некоторые приводят следующие доказательства: твердо установлено, что законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной и счастливой жизни людей и что те люди, которые впервые приняли постановления такого рода, объявили народам, что напишут и предложат такие постановления, одобряя и приняв которые, народы будут жить в почете и счастье. И те постановления, которые были так составлены и приняты, они, по-видимому, и назвали законами. Из этого следует заключить, что те люди, которые составили для народов постановления пагубные и несправедливые, нарушив свои обещания и заявления, провели все что угодно, но только не законы, так что, истолковывая само название “закон” [lex], можно понять, что в нем содержится смысл и значение выбора [legere] справедливого и истинного начала.

(12) Итак, по обыкновению тех философов²², я и спрашиваю тебя, Квинт: если гражданская община лишена какого-либо качества и именно по той причине, что она лишена его, ее следует не ставить ни во что, то надо ли причислять качество это к благам?

КВИНТ. – Да, и притом к величайшим.

МАРК. – А следует ли гражданскую общину, не имеющую закона, именно по этой причине не ставить ни во что?

КВИНТ. – Бесспорно.

МАРК. – Следовательно, закон непременно надо относить к числу величайших благ.

КВИНТ. – Совершенно согласен с тобой.

(13) *МАРК.* – А многие вредные, многие пагубные постановления народов? Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками. Нельзя же по справедливости назвать предписаниями врачей те смертоносные средства, которые, под видом спасительных, прописывают невежественные и неискушенные люди, а народ не должен называть законом любое, даже пагубное постановление, если народ таковое принял. Итак, закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего – природой, с которой соотносятся человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных.

(VI) *КВИНТ*. – Прекрасно понимаю это и, право, думаю, что ничего другого нельзя, не говорю уже – считать, нет, даже называть законом.

(14) *МАРК*. – Значит, ты ни Тициевых, ни Апулеевых²³ законов не считаешь законами?

Книга 2.

(XXIII, 41) [Я считаю] ... наилучшим государственным устройством такое, которое, с соблюдением надлежащей меры будучи составлено из трех видов власти – царской, власти оптиматов и народной, и не возбуждает, наказывая, жестоких и злобных чувств ... (Ноний, 342, 28).

(42) [Это видел Карфаген,] бывший шестьдесятю пятью годами древнее, так как был основан за тридцать девять лет до первой олимпиады⁶⁸. И знаменитый Ликург, живший в древнейшие времена, имел в виду почти то же. Итак, это равновесие и это из трех видов власти составленное государственное устройство, как мне представляется, были у нас общими с этими народами. Но то, что свойственно нашему государству и прекраснее чего ничто не может быть, я, если смогу, рассмотрю более подробно; ведь ничего, подобного этому, не найти ни в одном государстве. Ибо все начала, описанные мною ранее, правда, сочетались и в нашем государстве, и у лакедемонян, и у карфагенян, но далеко не равномерно. (43) Дело в том, что в государстве, где какой-либо один человек бессменно облечен властью, тем более – царской (хотя там существует и сенат, как это было в Риме во времена царей, как это было в Спарте по законам Ликурга), даже если народ обладает какими-то правами (как это было при наших царях), царская власть все же имеет наибольшее значение, и такое государство не может не быть и не называться царством. Но этот вид государства в высшей степени изменчив по той причине, что государство, подорванное порочностью одного человека, очень легко гибнет. Ведь царский образ правления сам по себе не только не заслуживает порицания, но, пожалуй, должен быть поставлен несравненно выше остальных простых видов государственного устройства (если бы я вообще одобрял какой бы то ни было простой вид государственного устройства), однако лишь до тех пор, пока он сохраняет свой строй. Но это такой строй, когда благополучие,

равноправие и спокойствие граждан вверены постоянной власти, справедливости и мудрости одного человека, проявляющейся во всем. Вообще народу, находящемуся под царской властью, недостает многого и прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого владыку, а в том, чтобы не иметь никакого...⁶⁹ [Лакуна]

(XXIV, 44) ...терпели [произвол Тарквиния.] Ведь этому несправедливому и суровому владыке⁷⁰ в течение некоторого времени сопутствовало счастье: он завоевал весь Лаций, взял богатый, всем изобилующий город Суессу Помецию и, захватив большую добычу, состоявшую из золота и серебра, исполнил обет отца, построив Капитолий; он вывел колонии и, следуя обычаю предков, послал великолепные дары, как бы жертву, в Дельфы Аполлону⁷¹.

(55) И вот Публикола, проведя этот закон о провокации, тотчас же велел убрать секиры из ликторских связок⁹⁴, а на другой день добился доизбрания Спурия Лукреция как своего коллеги и велел своим ликторам перейти к Лукрецию, так как тот был старше годами. Публикола установил первый, чтобы ликторы, которые шествовали перед консулами, каждый месяц переходили от одного из них к другому, дабы, при свободе для народа, знаков империя было не больше, чем их было при царской власти. Это был, по моему мнению, муж незаурядный, раз он, предоставив народу умеренную свободу, довольно легко сохранил за первенствующими людьми их значение.

И я теперь не без причины твержу вам о столь древних и столь известных событиях, а на примере знаменитых личностей и славных времен описываю вам людей и дела, чтобы в соответствии с ними направить свою дальнейшую беседу.

(XXXII, 56) Итак, в те времена сенат управлял государством так, что, хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть – решениями сената и по установившимся обычаям, и консулы при этом обладали властью, по времени лишь годичной, но по ее характеру и правам царской⁹⁵. А то, что имело наибольшее значение для упрочения могущества знати, соблюдалось строго: постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решением “отцов”⁹⁶. Кроме того, именно в эти времена, приблизительно через десять лет после избрания первых консулов⁹⁷, был назначен также и диктатор – Тит Ларций, что показалось беспримерным родом империя, весьма близким к царской власти и похожим на нее. Но как бы то

ни было, всеми государственными делами – с согласия народа – с наивысшим авторитетом ведали первенствующие люди, и в те времена храбрейшие мужи, облеченные высшим империем, – диктаторы и консулы совершали великие подвиги на войне.

(XXXIII, 57) Но то, свершения чего требовала сама природа вещей, – чтобы народ, избавленный от царей, заявил притязания на несколько большие права, – произошло через короткий промежуток времени, приблизительно на шестнадцатом году после их изгнания, в консульство Постума Коминия и Спурия Кассия⁹⁸. Разумного основания для этого, пожалуй, не было, но в государственных делах сама их природа часто берет верх над разумом. Вы должны твердо помнить то, что я сказал вам вначале⁹⁹: если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий – с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа, то этот государственный строй не может сохраниться неизменным. (58) Ибо в те времена, когда среди граждан начались волнения из-за долгов, плебс занял сначала Священную гору, а затем Авентинский холм¹⁰⁰. Ведь даже порядок, установленный Ликургом, не удержал греков в узде; ибо и в Спарте, в царствование Феопомпа¹⁰¹, было назначено пятеро человек, которых греки называют эфорами, на Крите – десять космов, как их называют; как задачей плебейских трибунов было сдерживать консульский империй, так задачей тех должностных лиц было сдерживать царский произвол.

Цицерон. О законах (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. Для чего необходимо разьяснять законы по мнению Цицерона?
2. Что есть закон, позволяющий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположно? Где он заложен?
3. Что свойственно закону, справедливость или право выбора?

---

¹ Текст приводится по: Цицерон М.Т. Философские трактаты. О законах [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414880001#002> (дата обращения: 10.08.2022).

4. Кому служит закон по Цицерону, позиции справедливости для правителя или всех римских граждан?

5. Что является основанием прочного государства?

Но когда непогода и время уничтожат его, в этой местности все же останется дуб, который будут называть «Мариевым».

(3) *АТТИК*. – В этом я и не сомневаюсь, но спрашиваю уже не тебя. Квинт, а самого поэта: твои ли стихи посадили этот дуб или же ты, следуя преданию, только описал то, что произошло с Марием?

МАРК. – Конечно, я отвечу тебе, Аттик, но не раньше, чем ты сам ответишь мне. Правда ли, что Ромул, после своей кончины, бродя недалеко от места, где теперь стоит твой дом, сказал Прокулу Юлию⁷, что он бог, и повелел называть его Квирином и воздвигнуть ему храм на этом месте? И верно ли, что в Афинах, опять-таки недалеко от твоего прежнего дома, Аквилон похитил Орифию?⁸ Так ведь гласит предание.

(4) *АТТИК*. – К чему ты клонишь, вернее, зачем об этом спрашиваешь?

МАРК. – С единственной целью – чтобы ты не расспрашивал чересчур настойчиво о том, что до нас дошло благодаря преданиям.

АТТИК. – Но ведь в «Марии» многое вызывает вопрос, вымышлено ли оно или действительно произошло, а некоторые люди – так как это относится к недавнему прошлому и к уроженцу Арпина – хотят узнать правду именно от тебя.

МАРК. – Да и я, клянусь Геркулесом, не хочу прослыть лжецом. Однако кое-кто, мой дорогой Тит, поступает неразумно; это те, кто в том вопросе требует истины от меня не как от поэта, а как от свидетеля, и я не сомневаюсь, что эти же люди верят в то, что Нума беседовал с Эгерией⁹, а орел надел на Тарквиния головной убор фламينا¹⁰.

(5) *КВИНТ*. – Как я вижу, брат мой, по твоему мнению, в историческом повествовании следует соблюдать одни законы, в поэзии – другие.

МАРК. – Разумеется, Квинт! Ведь в первом все направлено на то, чтобы сообщить правду, во второй большая часть – на то, чтобы доставить людям удовольствие. Впрочем, и Геродот, отец истории, и Феопомп¹¹ приводят бесчисленное множество сказаний.

(II) *АТТИК*. – Вот случай, какого я желал; не упущу его.

МАРК. – Какой случай, Тит?

АТТИК. – Тебя уже давно просят, вернее, от тебя требуют исторического повествования; ведь люди думают, что, если таким повествованием займешься ты, то мы также и в этом отношении несколько не уступим Греции. А дабы ты знал мое личное мнение, я скажу, что это твой долг не только перед теми, кто занимается литературой и получает удовольствие от этого, но также и перед отечеством, чтобы оно, спасенное тобой¹², тобой же было и возвеличено. Ведь в нашей литературе нет исторических повествований, как я и сам знаю, и от тебя весьма часто слышал. Ты же, конечно, можешь преуспеть в этом, так как (и ты сам склонен так думать) это труд, более всех других подходящий для оратора¹³.

(6) Поэтому приступи, пожалуйста, к делу и выбери время для такого сочинения о событиях, донныне либо неизвестных нашим соотечественникам, либо оставленных ими без внимания. Ибо, если – после летописей верховных понтификов¹⁴, самых приятных книг, какие только могут быть, – обратиться к Фабию¹⁵, или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, – к Катону¹⁶, или к Писону¹⁷, или к Фаннию¹⁸, или к Веннонию¹⁹ (хотя среди них один отличается большей, другой – меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр²⁰, современник Фанния, писал немного живее; именно он, хотя и отличался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвигнуть остальных на то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий²¹, Клодий и Аселлион²²; у них нет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения. (7) Ибо зачем мне упоминать о Макре?²³ Он, при своей многоречивости, правда, отличается некоторым остроумием, но все же заимствует его не из ученого изобилия греков, а у жалких латинских переписчиков. Но его друг Сисенна²⁴, вводя в речах многое, вполне подходящее для латинского языка, несомненно, превзошел всех писателей, живших до нашего времени, – за исключением, пожалуй, тех, которые еще ничего не выпустили в свет; судить о них мы не можем²⁵. Однако в вашем кругу Сисенну никогда не считали оратором, и историю свою он излагал как-то по-ребячески, так что он, из всех греческих писателей читавший, по-видимому, одного лишь

Клитарха²⁶, а кроме него не читавший никого, одному ему и хочет подражать; однако, если бы он и смог с ним сравняться, ему все же было бы далеко до совершенства. Итак, вот твоя задача; она возложена на тебя, – конечно если Квинт не другого мнения.

(III, 8) *КВИНТ*. – Отнюдь нет, и мы уже не раз об этом говорили, но между нами существует небольшое разногласие.

АТТИК. – Какое же?

КВИНТ. – Насчет времени, с какого следует начать изложение. По моему мнению – с самых отдаленных времен, потому что они описаны так, что этого даже и прочесть нельзя; но Марк предпочитает рассказ о современных ему событиях, дабы иметь возможность охватить те из них, в каких он участвовал сам.

АТТИК. – Я лично готов согласиться скорее с ним. Ведь важнейшие события произошли на нашей памяти и в наш век, более того, он таким образом прославит заслуги дражайшего Гнея Помпея²⁷ и коснется также и славного и достопамятного своего года²⁸. Предпочитаю, чтобы он говорил именно о нем, а не, как говорится, о Реме и Ромуле.

МАРК. – Я хорошо понимаю, Атик, что от меня уже давно требуют такого труда. Я не стал бы отказываться от него, если бы мне предоставили для него хотя бы немного вполне свободного времени. Ведь за столь большой труд нельзя браться, когда ты поглощен делами и твое внимание отвлечено. Для такой работы необходимы два условия: быть свободным и от забот, и от государственных дел.

(9) *АТТИК*. – Скажи, а какой досуг был предоставлен тебе для работы над другими сочинениями, которых ты написал больше, чем любой из нас?²⁹

МАРК. – У меня кое-когда бывает свободное время, терять которое без пользы я себе не позволяю. Таким образом, если выдадутся свободные дни, когда я могу пожить в деревне, то я, в зависимости от их числа, и занимаюсь своими сочинениями. Что же касается истории, то к ней можно приступить, только обеспечив себе досуг, и ее нельзя закончить в короткое время, да и я обыкновенно всякий раз, когда к чему-либо приступаю, не нахожу себе покоя, если бываю вынужден заняться другим делом, и разорванную ткань сплести вновь мне бывает труднее, чем закончить начатую.

(10) *АТТИК*. – Твои слова, бесспорно, свидетельствуют о том, что тебе нужно легатство³⁰ или какой-нибудь подобный ему перерыв в занятиях, обеспечивающий свободу и досуг.

МАРК. – Что касается меня, то я скорее рассчитывал на то освобождение от занятий, на какое имеешь право по возрасту, – тем более, что я, следуя заветам отцов, не склонен отказываться от того, чтобы, сидя в своем кресле, давать советы по вопросам права и нести лестные и почетные обязанности весьма деятельной старости³¹. Ведь таким образом я мог бы и к тому делу, которого ты ждешь от меня, и ко многим другим делам, еще более благодарным и важным, прилагать столько труда, сколько захочу.

(IV, 11) *АТТИК*. – Но твоих соображений, пожалуй, никто не знает, и тебе следует всегда говорить о них – тем более, что ты переменялся сам и усвоил себе другой вид красноречия, так что – подобно тому, как твой близкий друг Росций в старости стал петь стихи более тихо и даже замедлял сопровождение флейт³², – так и ты изо дня в день несколько умеряешь пыл своих выступлений, в прошлом обычно весьма резких, и речь твоя уже мало чем отличается от спокойных рассуждений философов. Так как даже глубокая старость, по-видимому, может сохранить такой вид красноречия, то я не думаю, чтобы тебя можно было освободить от ведения дел в суде.

(12) *КВИНТ*. – А я, клянусь Геркулесом, полагал, что наши сограждане одобрили бы тебя, если бы ты занялся истолкованием права. Поэтому тебе, я думаю, когда ты найдешь нужным, следует испытать себя в нем.

МАРК. – Да, Квинт, в такой попытке, конечно, не было бы никакой опасности. Но я боюсь, как бы я, желая уменьшить свой труд, не увеличил его, и как бы к этому ведению дел в суде, к которому я никогда не приступаю без подготовки и размышлений³³, не прибавилось толкование права³⁴, обременительное для меня не столько из-за труда, какого оно требует, сколько потому, что оно лишит меня возможности обдумывать свои речи, а без этого я ни разу не решался приступить ни к одному сколько-нибудь важному судебному делу.

(13) *АТТИК*. – Почему же ты не разъяснишь нам именно этого вопроса в это, как ты говоришь, выпавшее тебе свободное время и не напишешь о гражданском праве более подробно, чем писали другие?

Ведь ты, помнится мне, с ранней молодости усердно изучал право, когда также и я посещал Сцеволу³⁵, и ты, казалось мне, никогда не отдавался ораторскому искусству настолько, чтобы на гражданское право смотреть свысока.

МАРК. – Ты вызываешь меня на длинное рассуждение, Атик! Все же – если Квинт не предпочитает, чтобы мы занялись чем-либо другим, – я приступлю к нему, и так как мы свободны от занятий, выскажусь.

КВИНТ. – Да, я охотно послушаю. И действительно, какое занятие мог бы я предпочесть этому, вернее, разве я мог бы провести этот день лучше?

(14) *МАРК.* – Почему бы нам, в таком случае, не направиться в места наших прогулок и нашего обычного пребывания? Побродив достаточно, мы там отдохнем и для нас, конечно, будет большим удовольствием задавать вопросы друг другу.

АТИК. – Да, и если хотите, – сюда, к реке Лирис, по ее тенистому берегу. Но начни пожалуйста, уже сейчас излагать нам свои взгляды на гражданское право.

МАРК. – Мои взгляды? В нашем государстве, мне думается, были выдающиеся мужи, имевшие обыкновение разъяснять это право народу и давать ему советы; но они, объявив о важных делах, занимались мелочами. И в самом деле, что столь важно, как законы государства? И в то же время что столь незначительно, как задача людей, к которым обращаются за советом? Впрочем, их деятельность [народу] необходима, и я, право, не думаю, чтобы люди, взявшие на себя эту обязанность, не были сведущими и в общих вопросах права; но этим, так называемым гражданским правом они занимались только в такой мере, в какой хотели быть полезными народу³⁶. Ведь право, когда с ним знакомишься, кажется незначительным, а в жизни оно, напротив, необходимо. Итак, к чему ты призываешь меня, вернее, что мне советуешь? Книжечки составлять насчет падения капель дождя и общих стен?³⁷ Или же сочинять формулы стипуляций и судебных решений?³⁸ Все это уже тщательно написано многими людьми³⁹ и притом посвящено более мелким вопросам, чем те, решения которых, по моему мнению, ожидают от меня.

(V, 15) *АТИК.* – Но если ты хочешь знать, чего от тебя жду я, так как ты написал сочинение о наилучшем государственном устройстве,

то я думаю, что ты поступишь последовательно, если ты же напишешь и о законах. Ведь именно так, знаю я, поступил знаменитый Платон, перед которым ты преклоняешься, которого ты ставишь выше всех и очень любишь⁴⁰.

МАРК. – Итак, ты хочешь, чтобы мы – подобно Платону, который, как он сам описывает, в летний день, в кипарисовых рощах и на лесных тропах Гносса, часто останавливаясь и иногда отдыхая, рассуждал с критянином Клинием и лакедемонянином Мегиллом о государственных установлениях и наилучших законах, – чтобы мы, гуляя среди этих высоких тополей по зеленому и тенистому берегу и время от времени садясь отдохнуть, рассмотрели эти же вопросы немного подробнее, чем этого требуют обычаи, существующие на форуме?

(16) *АТТИК.* – Да, я желал бы послушать именно об этом.

МАРК. – А что скажет Квинт?

КВИНТ. – Ничего другого я так не жду.

МАРК. – И ты вполне прав. Вы можете быть уверены, что ни в одном виде рассуждений нельзя лучше выявить, что именно природа дала человеку; сколь велика сила наилучших качеств человеческого ума; какова задача, для выполнения и завершения которой мы родились и появились на свет; какова связь между людьми и каково естественное объединение между ними. Когда все это будет разъяснено, станет возможным найти источник законов и права.

(17) *АТТИК.* – Итак, по твоему мнению, учение о праве следует черпать не из преторского эдикта⁴¹, как ныне поступает большинство людей, и не из Двенадцати таблиц⁴², как поступали наши предшественники, а из глубин философии?

МАРК. – Ведь в этой беседе, Помпоний, мы не рассматриваем ни вопроса о том, как мы даем заключение перед претором⁴³, ни о том, какой совет нам следует дать в том или ином случае. Допустим, что это дело важное (таково оно и есть в действительности), что им некогда успешно занимались многие прославленные мужи, а теперь, благодаря своему необычайному авторитету и знаниям, занимается один человек⁴⁴; но мы должны при обсуждении охватить весь вопрос о праве и законах в целом так, чтобы этому, как мы его называем, гражданскому праву было отведено, так сказать, лишь небольшое и ограниченное место. Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в

природе человека; нам придется рассмотреть законы, на основании которых гражданские общины должны управляться; затем изучить уже составленные и строго определенные права и постановления народов; при этом мы не пропустим так называемых гражданских прав также и нашего народа...

(VI, 18) *КВИНТ*. – Ты, брат мой, поистине глубоко и, как и надлежит, из самых истоков берешь то, что мы изучаем; те же, кто передает нам гражданское право иначе, передают нам не столько пути правосудия, сколько пути ведения тяжб.

МАРК. – Это не так, Квинт! Тяжбы порождает скорее неосведомленность в праве, а не знание права. Но об этом впоследствии; теперь обратимся к основам права.

Итак, ученейшие мужи⁴⁵ признали нужным исходить из понятия закона и они, пожалуй, правы – при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон. (19) Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название «номос», так как закон «уделяет» каждому то, что каждому положено⁴⁶, а наше название «lex», по моему мнению, происходит от слова «legere» [выбирать]. Ибо, если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а лично я склонен думать, что в общем это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он – мерило права и бесправия⁴⁷. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, – либо приказывая, либо запрещая.

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано...

Цицерон. Об обязанностях (фрагмент)¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Какими способами совершается противозаконие?*
2. *В чем состоит обязанность гражданина?*
3. *По каким факторам следует судить о доброжелательности?*
4. *Каков долг «великого мужа» при разрушении городов?*
5. *На основании чего возн кает частная собственность?*
6. *Частная собственность – это продукт индивидуальной или социальной природы?*
7. *Чем Цицерон объясняет великую значимость людей, берущихся за государственные дела?*
8. *Чем Цицерон объяснет фразу «... разум главенствует, а стремление подчиняется ему»?*
9. *Каково назначение политики по Цицерону?*
10. *Какими качествами должен обладать идеальный образ римского гражданина?*
11. *Какие три правила следует соблюдать при каждом начинании? Почему?*

Книга 1

ХIII, 39) Даже если отдельные лица, вынужденные обстоятельствами, в чем-нибудь обязались перед врагом, то и в этом надо держать слово; например, во время первой пунической войны Регул⁶⁰ – после того, как он, взятый пунийцами в плен, был послан ими в Рим для переговоров об обмене пленными, – прежде всего, тотчас же по приезде, насчет возвращения пленных высказываться в сенате не стал⁶¹, а затем, хотя родные и друзья удерживали его, предпочел возвратиться, чтобы подвергнуться казни, но только не нарушать честного слова, данного им врагу. (40) Во время второй пунической войны десятерых пленни-

---

¹ Текст приводится по: Цицерон М.Т. Философские трактаты. Об обязанностях [Электронный ресурс].URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423775001> (дата обращения: 16.07.2022).

ков, которых Ганнибал после битвы под Каннами⁶² послал в Рим, клятвой обязав их возвратиться, если они не исходатайствуют выкупа пленных, цензоры, за совершенное ими клятвопреступление, всех пожизненно оставили в сословии эрарных трибунов⁶³, в том числе и того из них, который, давая клятву, навлек на себя вину, прибегнув к обману. Дело в том, что он, покинув лагерь с дозволения Ганнибала, вскоре возвратился в него, так как он, по его словам, забыл взять какую-то вещь; выйдя из лагеря вторично, он считал себя уже свободным от клятвы; он был свободен от нее только на словах, но не в действительности. Ведь когда дело идет о честном слове, всегда надо думать о своем намерении, а не о своих словах. Величайший пример справедливости по отношению к врагу нам подали наши предки, когда перебежчик от Пирра обещал сенату, что он даст царю яд и умертвит его⁶⁴. Сенат и консул Гай Фабриций выдали перебежчика Пирру. Таким образом, они не одобрили преступного умерщвления даже врага, и притом могущественного, пошедшего войной на Рим по собственному почину. (41) Но об обязанностях, связанных с войной, сказано достаточно.

Вспомним также, что справедливость надо соблюдать и по отношению к людям, стоящим весьма низко. Самые низкие – положение и участь рабов, и правы те, кто советует обращаться с ними, как с наймитами: требовать от них труда, предоставлять им все положенное. Так как противозаконие совершается двумя способами, то есть либо насилем, либо обманом, то обман кажется свойственным жалкой лисице, а насилие – льву. И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен. Из всех видов несправедливости все же наиболее преступна несправедливость со стороны тех, кто, прибегая к обману, старается казаться честными людьми⁶⁵. О справедливости сказано достаточно...

(47) Что касается доброжелательности, с какой к нам могут относиться, то, во-первых, наша обязанность – делать больше всего для тех, кто более всего нас почитает; но о доброжелательности надо судить не так, как судят юноши, – так сказать, по пылу привязанности, но скорее по ее прочности и постоянству. Однако если заслуги людей будут таковы, что мы должны будем не делать первый шаг в добрых отношениях, но за них воздать, то нам надо будет приложить, пожалуй, еще большее старание; ибо нет более повелительной обязанности, чем отблагодарить человека. (48) И если Гесиод велит за то, что мы получили

взаймы, по возможности воздавать с лихвой⁶⁹, то как должны мы поступать в ответ на благодеяние? Не следует ли нам подражать плодородным полям, приносящим намного больше, чем они получили? И право, если мы, не колеблясь, оказываем услуги тем людям, которые, как мы надеемся, нам принесут пользу, то как должны мы относиться к тем, кто нам ее уже принес? Ведь если есть два рода щедрости (один – оказать благодеяние, другой – воздать за него), то оказать ли его или не оказывать – в нашей власти; не воздать за него не дозволено честному мужу, конечно, если он может это сделать, не совершая противозакония. (49) Оказанные нам благодеяния надо различать, и нет сомнения в том, что за каждое величайшее благодеяние мы более всего и в долгу. При этом все-таки прежде всего надо взвесить, с каким настроением, рвением и доброжелательностью нам оказали его. Ведь многие люди делают многое, так сказать, опрометчиво, не рассуждая, движимые как бы болезнью⁷⁰ или внезапным душевным порывом, подобным, так сказать, ветру; благодеяния эти, по их значительности, нельзя считать равными тем, какие нам были оказаны по здоровом рассуждении, обдуманно и последовательно; но когда мы оказываем благодеяние или за него воздаем, наша величайшая обязанность (если другие условия равны) – помогать именно тому, кто нуждается в помощи более всего; большинство людей поступает наоборот: именно тому, на кого они рассчитывают больше всего, они оказывают услуги даже тогда, когда он в них не нуждается...

(XXIV, 82) Что касается разрушения и разграбления городов, то надо строго следить за тем, чтобы не было допущено ни опрометчивости, ни жестокости¹¹⁹. Долг великого мужа – среди потрясений карать виновных, но большинство людей щадить, при любых обстоятельствах оставаться верным справедливости и нравственной красоте. Ведь если, как я уже говорил выше, бывают люди, ставящие воинские заслуги выше деяний на гражданском поприще, то можно найти многих людей, которым опасные и сгоряча принятые решения кажутся более блистательными и более великими, чем решения, принятые спокойно и продуманные. (83) Вообще никогда нельзя допускать, чтобы мы в бегстве своем от опасности оказались слабы и трусливы; надо также избегать положения, когда мы подвергнемся опасности неоправданно; нелепее этого не может быть ничего. Поэтому мы, вступая на путь опасностей, должны брать пример с врачей, которые при легком недомогании лечат

мягко действующими средствами, а при более тяжелых болезнях вынуждены применять опасное лечение, когда исход сомнителен. Поэтому среди спокойствия желать идущей на нас бури свойственно безумному человеку, но встретить бурю любым способом свойственно мудрому, особенно если мы, выяснив положение вещей, можем достичь блага большего, чем-то зло, какое возникнет вследствие наших колебаний. Опасны наши действия бывают одни для тех, кто их совершает, другие для государства...

Книга 2

(I, 1) Как обязанности вытекают из нравственной красоты и из любого вида доблести, я думаю, сын мой Марк, объяснено достаточно хорошо в первой книге. Следующей задачей моей будет рассмотреть те виды обязанностей, которые относятся к поддержанию жизни людей и к их способности располагать тем, чем они пользуются, к их могуществу и богатству. Здесь, как я тогда сказал, возникает вопрос о том, какая из полезных вещей полезнее и какая наиболее полезна. Я приступлю к рассмотрению этих вопросов, предварительно вкратце высказавшись о своем намерении и о своей точке зрения.

(2) Хотя мои книги возбудили во многих людях стремление не только читать, но и писать, я все же иногда опасаюсь, что кое-кому из честных мужей название «философия» ненавистно и они удивляются тому, что я трачу на нее столько труда и времени. Лично я, пока во главе государства стояли люди, которым оно доверилось само, посвящал ему все свои заботы и помыслы. Но тогда, когда надо всем властвовал один человек¹ и не было возможности ни дать совет, ни взять на себя ответственность, я, в конце концов лишившись своих союзников в деле защиты государства, величайших мужей², не стал предаваться ни тоске, которая сокрушила бы меня, если бы я перед ней не устоял, ни, напротив, наслаждениям, недостойным ученого человека. (3) О, если бы государство было в таком положении, какое в нем возникало³, и не оказалось во власти людей, страстно желавших не столько изменить его строй, сколько его ниспровергнуть! Во-первых, – подобно тому, как я обыкновенно поступал, когда государство было неприкосновенно, – я прилагал бы в своей деятельности больше труда, чем к своим писаниям; во-вторых, самые писания свои я посвящал бы не

тому, чему посвящаю их теперь, а своей деятельности, как я часто и поступал. Но так как государства, которое обыкновенно было предметом всех моих забот, помыслов и трудов, вообще не существовало, то, разумеется, умолкли и мои сочинения, относившиеся к выступлениям в суде и в сенате⁴. (4) Но так как мой ум не мог быть праздным, то я, смолоду обратившись к этим занятиям, подумал, что могу, с великим для себя почетом, снять с себя бремя огорчений, обратившись к философии. Затратив в молодости много времени на ее изучение⁵, я, после того как начал занимать магистратуры и всецело отдался государственной деятельности, располагал для занятий философией только таким временем, какое мне оставляло трудное положение друзей и государства. И время это я все тратил на чтение; досуга для писания у меня не было.

(II, 5) Итак, среди величайших зол я все-таки, по-видимому, добился вот какого блага: я записывал все то, что не было достаточно известно соотечественникам и в то же время было вполне достойно того, чтобы они это знали⁶. И право, что – во имя богов! – более желанно, чем мудрость, что более замечательно, что лучше для человека, что более достойно его? Тех, кто стремится к ней, называют философами, и философия, если ты захочешь перевести это слово, не что иное, как любомудрие. Что касается мудрости, то она, по определению древних философов, есть знание дел божеских и человеческих, как и причин, от которых они зависят; если кто-нибудь порицает интерес к мудрости, то я, право, не понимаю, что именно считает он нужным прославлять. (6) И действительно, если мы ищем развлечения для души и отдохновения от забот, то что можно сравнить с усилиями тех, кто всегда стремится к чему-нибудь такому, что направлено и способно привести к хорошей и счастливой жизни? Если же имеется в виду стойкость и доблесть, то именно эта наука даст нам возможность достичь того, о чем я говорил выше, или же такой науки не существует вообще. Говорить, что не существует науки о важнейших вопросах, – когда нет ни одного самого маловажного вопроса, в котором было бы возможно без науки обойтись, – свойственно людям, говорящим необдуманно и заблуждающимся в важнейших делах. Но если существует какое-то учение о доблести, то где же искать его, если откажешься от этого вида изучения? Однако это, поскольку я советую заниматься философией, обыкновенно обсуждают более тщательно; я сделал так в своей другой книге⁷;

теперь мне надо было только объяснить, почему я, лишенный возможности заниматься делами государства, обратился именно к этим занятиям.

(7) Но мне приходится слышать вопросы, и притом со стороны ученых и образованных людей⁸, – достаточно ли последовательно я поступаю, раз я, говоря, что ничего невозможно узнать в точности, все-таки рассуждаю о других вещах и в это же самое время даю наставления насчет доблести. Я хотел бы, чтобы мое мнение было достаточно хорошо известно им. Ведь я не из тех людей, чей ум блуждает в неопределенности и никогда не знает, чему следовать. Каково было бы наше мышление, вернее, какова была бы наша жизнь после утраты нами мерила не только чтобы рассуждать, но даже чтобы жить? Что касается меня, то подобно тому, как другие люди одно называют определенным, а другое неопределенным, так я, не соглашаясь с ними, одно называю вероятным, другое – противоположным вероятному. (8) Что же в таком случае могло бы препятствовать мне следовать тому, что мне кажется вероятным, а противоположное ему порицать и, избегая заносчивости в своих утверждениях, не допускать необдуманности, весьма далекой от мудрости? Напротив, философы нашей школы обсуждают все вопросы, так как даже вероятное не может стать ясным без сопоставления доводов обеих сторон. Но это, думается мне, было разъяснено достаточно подробно в моем «Учении академиков»⁹. Что касается тебя, мой дорогой Цицерон, то, хотя ты и приобщился к древнейшей и знаменитейшей философской школе, руководимой Кратиппом, который вполне подобен создателям этих прославленных учений¹⁰, я все-таки хотел, чтобы эти наши воззрения, сопредельные с вашими, были хорошо известны тебе. Но теперь продолжим рассмотрение поставленной нами задачи.

(III, 9) Итак, после того как было представлено пять способов исполнения долга, – два из них относятся к подобающему и к нравственной красоте, два – к жизненным благам, средствам, богатствам, возможностям, пятый – к решению при выборе, если названные мною способы между собою, как кажется, когда-либо борются, – то раздел о нравственной красоте исчерпан, и я желаю, чтобы он был тебе хорошо известен. То, что мы рассмотрим теперь, называется полезным. Здесь словоупотребление, соскользнув с прямого пути, постепенно дошло до того, что оно, отделяя нравственную красоту от пользы, устанавливает,

что в нравственном отношении прекрасно то, что не полезно, и что полезно то, что в нравственном отношении не прекрасно; ничего более пагубного для людей в их жизни нельзя было и придумать. (10) Самые авторитетные философы строго, здраво и в нравственном отношении прекрасно различают три следующие положения, нераздельные при размышлении о них: по их мнению, все то, что справедливо, также и полезно; опять-таки то, что в нравственном отношении прекрасно, в то же время справедливо; из этого следует, что все нравственно-прекрасное в то же время и полезно¹¹. Те, кто в этом разбирается слабо, часто восхищаясь изворотливыми и хитрыми людьми, считают лукавство мудростью. Их заблуждение надо рассеять и направить все их мысли на то, чтобы у них появилась надежда понять, что только нравственно-прекрасными намерениями и справедливыми поступками, но никак не обманом и лукавством возможно достичь того, чего они хотят.

(11) Итак, из всего того, что существенно для обеспечения жизни человека, одни предметы – неодушевленные, например золото, серебро, все то, что производит земля, и так далее; другие – одушевленные, обладающие своими стремлениями и склонностями. Из них одни разума лишены, другие обладают им. Разума лишены лошади, быки, другая скотина, пчелы, труд которых в какой-то мере полезен людям и помогает им существовать. Обладающих разумом делят на два рода: один – это боги, люди – это другой¹². Богов умилюют благочестие людей и чистота их жизни; но непосредственно после богов люди могут быть очень полезны людям. (12) Что касается всего того, что способно вредить людям и наносить им ущерб, то деление такое же. Но так как люди не думают, чтобы боги могли причинять вред, то они, исключив богов, полагают, что людям причиняют величайший вред люди. Ведь именно те предметы, которые мы назвали неодушевленными, большей частью и созданы трудом людей; их у нас не было бы, если бы к этому не было приложено умелых рук, и мы не пользовались бы ими без деятельности людей. Ведь ни забота о здоровье человека, ни мореплавание, ни земледелие, ни сбор и сохранение урожая хлебов и других земных плодов не были бы возможны без человеческого труда¹³. (13) Далее, ни вывоза того, в чем у нас изобилие, ни ввоза того, в чем мы нуждаемся, конечно, не было бы, если бы люди не оказывали друг другу этих услуг. По этой же причине люди без труда своих рук

не выламывали бы из земли камней, необходимых для наших нужд, и не выкапывали бы железа, меди, золота, серебра, глубоко скрытых.

(IV) А дома, защищающие нас от сильных холодов и помогающие нам переносить тягостную жару? Откуда человек мог бы вначале их получить и как они впоследствии могли бы оказывать ему помощь, если бы они обрушились от сильной непогоды, или от землетрясения, или ввиду своей ветхости, – если бы совместная жизнь не научила нас при подобных обстоятельствах искать помощи у людей? (14) Прибавь к этому водопроводы¹⁵, отведение рек, орошение земель, сооружение плотин на реках, рукой человеческой созданные гавани. Откуда могли бы мы получать все это без человеческого труда? Из всего этого и из многого другого очевидно, что выгоду и пользу, какие возможно извлекать из неодушевленных предметов, мы никак не могли бы получать без труда человеческих рук. Наконец, какую выгоду и какие удобства нам могли бы доставлять животные, если бы люди не способствовали этому? Ведь те, кто первый открыл, какую пользу мы могли бы получать от каждого животного, несомненно, были людьми, да и в настоящее время мы без приложения человеческого труда не могли бы ни пасти скот, ни приручать животных, ни оберегать их, ни своевременно извлекать из них пользу. Опять-таки люди истребляют вредных животных и ловят таких, какие могут быть полезны. (15) Зачем мне перечислять множество ремесел, без которых жизнь вообще не была бы возможна? И действительно, кто приходил бы на помощь больным, что служило бы развлечением для здоровых, каковы были бы наша пища и образ жизни, если бы столь многочисленные ремесла не доставляли нам того, благодаря чему намного улучшенная жизнь людей столь далека от всего образа жизни животных? Что касается городов, то без стечения людей действительно не оказалось бы возможным ни строить их, ни населять; благодаря этому были изданы законы и возникли обычаи, а затем были установлены права, равные для всех граждан, и определенный жизненный уклад. Вслед за этим появилась душевная мягкость и чувство уважения к ближнему, так что жизнь стала более обеспеченной, и мы, давая и получая блага и обмениваясь услугами, перестали нуждаться в чем бы то ни было.

(V, 16) Мы рассматриваем это положение долее, чем нужно. И право, кому не ясно все то, о чем Панэтий говорит чересчур подробно, – что никто, ни один полководец во время войны и ни один

правитель государства во времена мира, не мог совершить ни великих, ни полезных деяний без содействия людей? Панэтий говорит о Фемистокле, Перикле, Кире¹⁶, Агесилае¹⁷, Александре, которые, по его словам, не могли бы без помощи людей совершать столь великие деяния. В вопросе, не вызывающем сомнений, он привлекает свидетелей, со всем ненужных. При этом как мы достигаем большой пользы своей сплоченностью и согласием, так не бывает столь ужасного бедствия, которое не передавалось бы от одного человека другому. Перипатетик Дикеарх¹⁸, великий и разносторонний человек, написал книгу о гибели людей; в ней он, собрав другие причины этой гибели, как наводнения, моровые болезни, скитания в пустынных местностях¹⁹, неожиданное появление множества хищных зверей (от него, как доказывает Дикеарх, погибли некоторые племена людей), затем сравнивает, насколько число людей, истребленных в связи с нападением других людей, то есть в связи с войнами и мятежами, оказалось больше числа людей, погибших от всех других бедствий.

(17) Итак, раз это положение не вызывает сомнений в том, что люди приносят людям и величайшую пользу, и величайший вред, то я делаю из этого вывод, что доблести свойственно привлекать к себе людей и приобщать их к служению их же интересам. Поэтому то, что из числа неодушевленных предметов, как и при использовании животных, обращается на пользу людям в их жизни, доставляется ремеслами, требующими труда; что же касается людских стараний, подготовленных и направленных на умножение нашего достояния, то их возбуждают мудрость и доблесть выдающихся мужей. (18) И право, всякая доблесть проявляется, можно сказать, тройко: во-первых, в уразумении того, что в каждом случае правдиво и искренно, что подходит для каждого человека, что последовательно, что чем порождается, что служит причиной каждого обстоятельства; во-вторых, в способности обузды-вать расстроенные движения души, которые греки называют *πάθη*, и приводить стремления, которые они называют *ὄρμαί*, к повиновению разуму²⁰; в-третьих, в умеренном и правильном обращении с людьми, среди которых мы живем, — с тем чтобы стараниями их мы в полной мере и даже с лихвой получали все то, чего требует природа, и при их же посредстве, если нам причиняют какой-либо ущерб, его устранили и карали тех, кто попытался нам повредить, и подвергали их самому

тяжкому наказанию, какое только допускают справедливость и человечность. (VI, 19) О том, каким именно образом мы можем достичь способности приобретать и сохранять расположение людей, я скажу немного погодя, но кое-что надо вкратце сказать предварительно.

Кто не знает, что судьба весьма могущественна в двух отношениях – в счастье и в несчастье? Ибо, когда веяние судьбы благоприятно для нас, она приводит нас к желанной цели; когда оно противно, нас постигает беда. Итак, эта самая судьба ниспосылает нам и другие, сравнительно редкие случайности: во-первых, со стороны неодушевленной природы – бури, непогода, кораблекрушения, обвалы, пожары; далее, со стороны зверей – удары, укусы, нападения; но все это, как я уже говорил, бывает сравнительно редко. (20) А вот с другой стороны, истребление, какому недавно подверглись три войска²¹, а часто подвергались многие, поражения, нанесенные императорам²², например, недавнее поражение, какое потерпел выдающийся и замечательный муж²³, кроме того, ненависть толпы и связанные с нею частые случаи изгнания весьма заслуженных граждан, их несчастья и бегство и, напротив, счастливые обстоятельства, магистратуры, империй, победы; хотя все это зависит от случая, все-таки без помощи и усилий людей это неосуществимо ни в благоприятном, ни в дурном смысле.

Поняв это, мы должны сказать, каким именно образом мы могли бы себе на пользу привлекать и побуждать старания людей. Если моя речь об этом будет чересчур длинна, то пусть ее сопоставят со степенью ее пользы; тогда она, быть может, покажется даже чересчур краткой. (21) И вот, все то, что люди воздают человеку, дабы возвеличить и почтить его, они делают либо из доброжелательности, чтя его по той или иной причине, либо из желания оказать ему почет, предполагая в нем доблесть и находя его достойным возможно большей удачи, либо из чувства доверия к нему и из уверенности в том, что он хорошо заботится об их интересах, либо из опасений его могущества, либо же, наоборот, когда они от кого-то чего-то ожидают, например, когда цари или народные вожаки сулят какие-то раздачи²⁴, либо, наконец, когда людей привлекают награда и плата, а это самый позорный и самый гнусный образ действий как для тех, кто на него поддается, так и для тех, кто к нему пытается прибегнуть; (22) дурно ведь обстоит дело, когда то, что доблестью достигаться должно, пытаются получить за деньги; но так как это вспомогательное средство иногда необходимо,

то мы скажем, как им надо пользоваться, но сначала поговорим о том, что более близко к доблести. Кроме того, люди покоряются империи и власти другого человека по многим причинам. Они руководствуются либо доброжелательностью, либо значительностью оказанных им благодеяний, либо его выдающимся положением, либо надеждой на то, что это им принесет пользу, либо опасениями, что повиноваться их заставят силой, либо привлеченные надеждой на раздачи и обещаниями, либо, наконец, как мы часто видим в нашем государстве, нанятые за плату²⁵.

(VII, 23) Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств – быть любимым, самое несообразное – внушать к себе страх. Энный выразил это превосходно²⁶:

Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу; если мы этого ранее не знали, то недавно поняли. И право, не только гибель нашего тиранна²⁷ (из нее можно понять, как низко он пал), которого сокрушенные его оружием граждане терпели, показывает, насколько ненависть людей могущественна, чтобы погубить человека; это показывает и подобная ей судьба других тираннов, из которых, пожалуй, ни один не избежал такой же гибели. Ведь страх – дурной охранитель надолго; напротив, доброжелательность – охранитель верный и притом навсегда. (24) Но тому, кто людей, сокрушенных силой, принуждает своим империем, конечно, приходится прибегать к суровым мерам, например к таким, какие господа применяют к рабам, если не могут справиться с ними иначе; что касается тех, кто в свободной гражданской общине действует так, что их боятся, то они – само безумие. Ибо хотя законы раздавлены могуществом одного человека, хотя свобода устрашена, однако они рано или поздно поднимутся либо в связи с безмолвными суждениями²⁸, либо в связи с тайным голосованием при выборах магистратов²⁹. Ведь укусы временно утраченной свободы глубже укусов сохраненной³⁰. Итак, выберем образ действий, дающий величайшие возможности, и притом не только для нашей безопасности, но и для приобретения нами богатства и могущества – с тем, чтобы страха не было, а расположение к нам сохранялось. Так мы с необычайной легкостью достигнем всего, чего только пожелаем, – как в личных делах, так и в государственной деятельности.

И действительно, те, кто захочет, чтобы их боялись, сами неминуемо будут бояться именно тех, кто будет бояться их. (25) Что же? От

какого мучительного страха, как можно себе представить, должен был страдать Дионисий Старший³¹, который, опасаясь ножей своих цирюльников, прижигал себе волосы раскаленным углем? А Александр из Фер?³² В каком душевном смятении должен был он жить? Как говорится в летописях, он, хотя и очень любил свою жену Фиву, все же, идя с пира к ней в спальню, приказывал варвару, и притом, как написано, клейменному фракийскими знаками, идти с обнаженным мечом перед ним и посылал вперед своих телохранителей рыться в ящичках у этой женщины и искать оружие, которое она могла спрятать среди одежды. О несчастный человек! Ведь он думал, что клейменный варвар ему вернее, чем супруга. И он не ошибся: именно она и убила его, заподозрив его в том, что у него есть наложница. Право, нет власти, столь могущественной, чтобы она, если на людей давит страх, могла быть продолжительной. (26) Свидетель этому – Фаларид³³, чья жестокость получила наибольшую известность, Фаларид, погибший не жертвой коварства, как Александр, о котором я только что говорил, не от руки нескольких человек, как наш тиранн; нет, против него поднялось все население Агригента. А разве македоняне не покинули Деметрия³⁴ и все поголовно не перешли на сторону Пирра? А разве несправедливо властвовавших лакедемонян почти все их союзники неожиданно не покинули и не оказались праздными зрителями несчастья, постигшего их под Левктрами?³⁵

(VIII) Предпочитаю вспоминать подобные случаи, относящиеся к чужеземцам, а не к согражданам. Однако пока держава римского народа зиждилась на благодеяниях, а не на противозакониях, и пока мы вели войны либо в защиту союзников, либо за владычество, и исход войны был либо мягок, либо соответствовал необходимости³⁶, то гаванью и прибежищем для царей, народов и племен был сенат, а наши магистраты и императоры старались снискать величайшую хвалу уже за одно то, что они справедливо и верно защищали провинции и союзников. (27) Вот почему можно было с бóльшим основанием говорить о нашем покровительстве над всеми странами, а не о нашем владычестве. От этого обыкновения и от этих правил мы постепенно отказывались уже и ранее, но после победы Суллы утратили их полностью; ведь любое деяние по отношению к союзникам перестало казаться несправедливым после того, как по отношению к гражданам была проявлена

столь сильная жестокость. Таким образом, во времена Суллы за нравственно-прекрасным делом последовала дурная в нравственном отношении победа³⁷. Ведь он, водрузив копьё, осмелился сказать, продавая на форуме имущество честных и состоятельных мужей и, во всяком случае, граждан, что он продает свою военную добычу³⁸. После него нашелся человек, который в нечестивом деле, в силу еще более отвратительной победы, не забирал в казну имущество отдельных граждан, а захватывал целые провинции и области по одному только праву – на их несчастье³⁹. (28) Итак, после того как чужеземные народы были истерзаны и погублены, мы увидели, как в качестве доказательства утраты нами своего владычества – во время триумфа несут изображение Массилии и справляют триумф после победы над городом, без чьей помощи наши императоры еще ни разу не справили триумфа после войн за Альпами⁴⁰. Я напомнил бы еще о многих случаях нечестивых деяний по отношению к союзникам, если бы солнце когда-нибудь видело что-либо более недостойное, чем одно это⁴¹. Кару, следовательно, мы несем заслуженную. Ведь если бы мы не оставили преступлений многих людей безнаказанными, то столь сильного произвола никогда не мог бы проявить один человек, от которого имущество унаследовали немногие люди⁴², а страсти – многие негодяи. (29) Ведь в семени гражданских войн и поводе к ним недостатка не будет никогда, пока низко падшие люди будут вспоминать о пресловутом окровавленном копьё и надеяться увидеть его вновь; тот же Публий Сулла⁴³, после того как потрясал им во время диктатуры своего родственника, через тридцать шесть лет не отшатнулся от еще более преступного копьё; другой человек, во время первой диктатуры бывший писцом, во время второй был городским квестором⁴⁴. Из этого мы должны понять, что, пока подобные награды будут возможны, гражданские войны не прекратятся никогда. Поэтому стоят и сохранились одни только стены Города, и даже они теперь боятся величайших преступлений; что касается государства, то его мы утратили полностью⁴⁵. И несчастья эти постигают нас (ведь нам надо вернуться к намеченному рассуждению) в то время, когда мы предпочитаем, чтобы нас боялись, а не любили и чтили. Если все это могло постигнуть римский народ вследствие его несправедливого владычества, то что должны думать отдельные лица?

Так как очевидно, что доброжелательность сильна, а страх слаб, то нам далее надо рассмотреть, какими средствами нам было бы легче

всего достичь желанного расположения народа наряду с почетом и доверием. (30) Но в этом не все мы нуждаемся в равной степени; ибо каждый, в соответствии с избранным им путем в жизни, должен решить, нужно ли ему, чтобы его любили многие, или же для него достаточно, если это будут немногие. Следовательно, несомненно одно (и это – первое и самое необходимое): надо располагать близкой дружбой верных людей, любящих и ценящих нас. Ведь это – единственное, в чем нет большого различия между выдающимися и обыкновенными людьми, причем и те и другие должны добиваться этого равным образом. (31) В почете, в славе и в доброжелательности граждан одинаково нуждаются, пожалуй, не все люди, но все-таки если кто-нибудь достигает их, то это помогает как в других отношениях, так и в снискании дружбы.

(IX) Но о дружбе было сказано в моей другой книге, под названием «Лелий»; теперь поговорим о славе; хотя и о ней идет речь в двух моих книгах⁴⁶, мы все-таки коснемся этого вопроса, так как при ведении более важных дел слава оказывает людям огромную помощь. Итак, наивысшая и совершенная слава зависит от следующих трех условий⁴⁷: если народ любит нас; если он нам доверяет; если он, наряду с некоторым восхищением нами, считает нас достойными магистратур. Все это – если говорить просто и кратко – достигается в глазах толпы почти такими же путями, какими и в глазах отдельных лиц. Но есть и другой путь, чтобы подойти к толпе: суметь как бы влиться в сердца всех людей.

(32) Из названных мною трех условий рассмотрим сначала наставления насчет доброжелательности; ее достигают, главным образом, благодеяниями⁴⁸; во вторую очередь, доброжелательность заслуживают готовностью совершать благодеяния, хотя средств для этого, пожалуй, и недостаточно; но любовь толпы необычайно сильно возбуждается уже одной молвой и толками о щедрости, благотворительности, справедливости, верности слову и обо всех доблестях, связанных с мягкостью нрава и доступностью⁴⁹. И в самом деле, так как именно то, что мы называем нравственно-прекрасным и подобающим, нравится нам само по себе, волнует всех людей своей сущностью и внешним проявлением и как бы светит ввиду наличия названных мною доблестей, то именно поэтому тех, в ком мы предполагаем эти добле-

сти, сама природа заставляет нас любить. Вот каковы важнейшие основания для расположения народа; кроме того, могут быть и кое-какие менее веские основания.

(33) Доверие можно снискать двумя качествами: если нас признают дальновидными и справедливыми. Ведь мы чувствуем доверие к тем людям, которые, как мы думаем, понимают больше, чем мы, и которые, как мы верим, предвидят будущее и всякий раз, когда что-нибудь случается и положение становится опасным, способны найти выход из него и своевременно принять решение; ибо люди считают это полезной и истинной дальновидностью. С другой стороны, к справедливым и верным людям, то есть к честным мужам, мы чувствуем доверие при условии, что они не вызывают у нас подозрения насчет их склонности к обману или к противозаконию. Поэтому мы и думаем, что вполне правильно поручить им свое благополучие, достояние, детей. (34) Из этих двух качеств более могущественна в деле снискания доверия справедливость, так как она, даже без дальновидности, достаточно убедительна; дальновидность без справедливости бессильна в этом отношении. Ибо чем человек изворотливее и хитрее, тем бóльшие ненависть и подозрения навлекает он на себя, после того как его перестанут считать порядочным. По этой причине справедливость в сочетании с пронизательностью будет иметь для снискания доверия столько сил, сколько захочет; справедливость без дальновидности будет очень могущественна; без справедливости бессильна дальновидность.

(X, 35) А дабы никто не удивлялся, почему я – хотя всем философам известно, да и сам я не раз рассуждал о том, что человек, обладающий одной доблестью, обладает ими всеми⁵⁰, – теперь доблести разделяю, как будто может быть справедлив человек, в то же время недальновидный, я скажу, что одно дело – точность, когда истину как таковую оттачивают при обсуждении, другое дело – когда мы приспособляем всю свою речь к всеобщему мнению. Поэтому я говорю здесь об этом, уподобляясь черни и одних называя храбрыми, других честными, третьих дальновидными мужами. Ведь когда мы говорим о мнении народа, то надо пользоваться народными и избитыми словами; так же поступал и Панэтий. Но вернемся к предмету своего рассмотрения.

(36) Итак, из трех условий для снискания славы третье состояло в том, чтобы нас, восхищаясь нами, признавали достойными магистратур. Вообще люди восхищаются всем тем, что, как они заметили, величественно и превзошло их ожидания, в частности – если они усматривают со стороны отдельных лиц какие-либо неожиданные для них хорошие качества. Поэтому они обращают свои взоры и возвеличивают необычайной хвалой тех мужей, в которых они, по их мнению, усматривают, так сказать, выдающиеся и исключительные доблести, но смотрят свысока и презирают тех, в ком, по их мнению, нет ни доблести, ни мужества, ни упорства. Правда, презирают они не всех тех, о ком они дурного мнения. Ведь тех, кого они считают бесчестными, злоречивыми, склонными к обману и готовыми совершать противозакония, они совсем не презирают, но дурного мнения о них. Поэтому, как я уже говорил, люди презирают тех, кто «ни себе, ни другому»⁵¹ [не полезен], кто не трудится, ни о чем не старается, ни о чем не заботится.

(37) Но люди восхищаются теми, кого они считают превосходящими других доблестью и чистыми как от какого бы то ни было позора, так и от пороков, устоять перед которыми другим людям нелегко. Ибо плотские утехы, эти обольстительнейшие повелительницы, отвлекают от доблести души большинства людей, а когда к ним приближаются горящие головни страданий, то очень многие люди ужасаются сверх всякой меры. Жизнь и смерть, богатство и бедность волнуют всех сильнейшим образом. Когда тем, кто высоким и великим умом своим смотрит на все это во всех отношениях свысока, представляется какое-нибудь великое и нравственно-прекрасное дело, то оно всецело привлекает их к себе и овладевает ими. Кто тогда не восхитится блистательностью и красотой их доблести?

(XI, 38) Итак, подобное превосходство ума вызывает у людей большое восхищение, а справедливость, на основании какой одной доблести людей называют честными, более чем что-либо другое кажется толпе, так сказать, чудодейственной, и притом с полным на это основанием. Ведь не может быть справедлив человек, который боится смерти, боится боли, боится изгнания, боится бедности, или человек, который противоположное всему перечисленному ставит выше справедливости. И люди восхищаются больше всего тем человеком, которого нельзя соблазнить деньгами; того, в ком они усмотрели такое качество, они считают прошедшим испытание огнем⁵². Поэтому те три

условия для снискания славы, которые мы привели, все создает справедливость: она создает доброжелательность, так как справедливость хочет быть полезна возможно большему числу людей; по этой же причине она создает верность слову и вызывает у людей восхищение, так как справедливость глубоко презирает все то, к чему рвется большинство людей, воспламененное алчностью. (39) Кроме того, – во всяком случае, по моему мнению, – весь образ жизни и ее правила требуют помощи со стороны людей, и прежде всего для того, чтобы были люди, с которыми можно было бы вести дружескую беседу, а это трудно, если не будешь производить впечатления честного мужа. Поэтому также и человек одинокий и живущий в деревне нуждается в молве о своей справедливости, и даже тем более, что если такой молвы о нем не будет, то его будут считать несправедливым, и такие люди, не огражденные защитой, будут страдать от многих противозаконий. (40) Также и тем, кто что-либо продает, покупает, отдает внаем, вообще заключает какие-то соглашения, для ведения дел необходима справедливость; значение ее так велико, что даже те, кто существует злодеяниями и преступлениями, не могут жить без крупицы справедливости. Ибо тот из них, кто украдет или отнимет что-нибудь у человека, вместе с которым разбойничает, не оставит для себя места даже среди разбойников, а так называемого архипирата⁵³, если он не станет делить добычу поровну, его товарищи могут убить или покинуть. Более того, у разбойников, говорят, существуют даже законы, которым они повинуются и подчиняются. Так, благодаря справедливому дележу добычи иллирийский разбойник Бардулис⁵⁴ – о нем пишет Феопомп⁵⁵ – обладал большими богатствами; гораздо большими обладал луситанец Вириат⁵⁶; перед ним отступили даже наши войска и императоры; претор Гай Лелий – его обыкновенно называют Мудрым – разбил его наголову и настолько сломил его жестокость, что вполне мог передать ведение войны своим преемникам. И так как значение справедливости столь велико, что она укрепляет и усиливает даже власть разбойников, то сколь велико должно стать ее значение при наличии законов, правосудия и прочного государственного строя!

(XII, 41) Мне, во всяком случае, кажется, что не только у мидян, о которых повествует Геродот⁵⁷, но и у наших предков царской властью некогда, в интересах справедливости, облакали людей высокой

нравственности⁵⁸. Ибо народ, когда он во времена мира терпел притеснения от более могущественных людей, прибегал к защите со стороны какого-нибудь одного человека выдающейся доблести, который, не допуская противозаконий по отношению к бедным людям, установлением справедливости обеспечивал равноправие между людьми, занимавшими высшее положение, и людьми, занимавшими низшее⁵⁹. Для издания законов основание было такое же, что и для избрания царей. (42) Права люди ведь всегда искали равного; ибо иначе вообще не существовало бы права. Если люди добивались такого права от одного справедливого и честного мужа, они были довольным им; но так как это им не удавалось, то были придуманы законы, дабы они со всеми людьми всегда говорили одним и тем же языком^{59a}. Итак, повелителями своими народ, очевидно, обыкновенно избирал людей, о чьей справедливости он был высокого мнения. А если они к тому же считались и дальновидными, то не было ничего такого, чего народ, под их руководством, находил бы невозможным достичь. Следовательно, надо всячески соблюдать и охранять справедливость, и притом как ради нее самой, – ведь иначе справедливости не существовало бы вообще, – так и ради того, чтобы возвеличить свой почет и свою славу.

Но как существует способ не только наживать деньги, но и помещать их в дело, дабы они давали нам постоянную возможность производить расходы не только необходимые, но и свидетельствующие о нашей щедрости, так и славу надо приобретать и помещать разумно. (43) Впрочем, Сократ превосходно сказал, что ближайший и как бы укороченный путь к славе – в том, чтобы стараться быть таким, какими хотят считаться⁶⁰. И если кое-кто думает, что притворством, пустым показным поведением и неискренними не только речью, но и выражением лица возможно достичь прочной славы, то такие люди глубоко заблуждаются. Истинная слава пускает корни, которые разрастаются; при мнимой все быстро опадает, подобно цветам, и ничто притворное не может быть длительным. Свидетелей этому – и в том и в другом случае – очень много, но мы, ради краткости, ограничимся одной ветвью рода. Тиберия Гракха, сына Публия⁶¹, будут прославлять, пока сохранится память о деяниях римлян, но его сыновья при жизни своей не снискали одобрения, а после их смерти их относят к числу людей, убитых по справедливости. Итак, кто захочет снискать истинную славу

справедливого человека, должен исполнять обязанности, налагаемые справедливостью. Каковы они, было сказано в предыдущей книге⁶².

(XIII, 44) Но для того, чтобы нам было легче всего казаться такими, каковы мы в действительности, – хотя важнее всего, чтобы мы были такими, какими хотим считаться, – все-таки надо преподать кое-какие наставления. Ведь если у кого-нибудь с раннего возраста есть основания носить знаменитое имя, либо перешедшее к нему от отца (как это, думается мне, было с тобою, мой дорогой Цицерон!), либо связанное с какими-нибудь счастливыми обстоятельствами, то все люди устремляют на него взоры и хотят знать, что он делает и как живет, причем – словно он освещен ярчайшим светом – не могут оставаться скрытыми ни его высказывания, ни его поступки. (45) Напротив, те люди, чья ранняя юность, вследствие их незнатного и темного происхождения, протекает в неизвестности, как только становятся молодыми людьми, должны ставить себе высокие цели и стремиться к ним честными усилиями; они будут так поступать с тем большей твердостью духа, что этот возраст, уже не говорю – не вызывает ненависти к себе, но даже встречает благосклонное отношение. Итак, первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе мог бы быть достигнут его воинскими подвигами⁶³; на этом поприще многие отличились во времена наших предков. Ведь войны происходили, можно сказать, всегда. Твое поколение было современником войны, в течение которой одна сторона оказалась крайне преступной, другая – неудачливой⁶⁴. Однако, когда во время этой войны Помпей назначил тебя начальником отряда конницы⁶⁵, ты заслужил большую похвалу и от этого великого мужа и от войска за свою верховую езду, метание копья и выносливость во всех лишениях, связанных с войной. И все-таки эта заслуженная тобою хвала утратила свое значение одновременно с падением государства. Но я начал эту речь, имея в виду не тебя одного, но вообще всех юношей. Поэтому перейдем к тому, что нам остается рассмотреть.

(46) И вот, как при других видах деятельности умственный труд имеет гораздо большее значение, чем физический, так те цели, которые мы преследуем своим дарованием и разумом, людям более по сердцу, чем те, какие мы преследуем силой своих мышц. Итак, первое ручательство за нас бывает связано с нашей умеренностью, затем с нашей сыновней любовью и доброжелательностью к родным. Но легче всего,

и притом с наилучшей стороны, бывает узнать юношей, которые поступили под руководство прославленных и мудрых мужей, пекущихся о благе государства. Если юноши эти общаются с ними постоянно, то это заставляет народ думать, что они уподобятся тем, кого они себе выбрали для подражания. (47) Посещения дома Публия Муция⁶⁶ послужили для юного Публия Рутилия⁶⁷ порукой в бескорыстии и знании права. Ведь Луций Красс, хотя он был еще очень молод, не заимствовал от других, но сам снискал себе величайшую хвалу всем известным и славным обвинением⁶⁸ и в том возрасте, в каком юноши, упражняющиеся в красноречии, обыкновенно заслуживают похвалу (мы знаем это насчет Демосфена), Луций Красс доказал что он на форуме уже превосходно выполняет задачу, к которой он тогда еще мог успешно подготовиться у себя дома.

(XIV, 48) Но так как речь бывает двух родов (один – это беседа, другой – речь ораторская⁶⁹), то нет никаких сомнений в том, что речь ораторская имеет большее значение в деле снискания славы; ведь именно ее мы называем красноречием; но все-таки трудно выразить, в какой мере ласковость и доступность беседы привлекают к себе сердца людей. До нас дошли письма трех, по преданию, дальновиднейших человек – Филиппа к Александру, Антипатра к Кассандру и Антигона к сыну Филиппу⁷⁰, в которых они советуют снискивать расположение толпы доброжелательной речью и склонять солдат на свою сторону, ласково обращаясь к ним. Что касается речи, которую держат перед народом во время прений, то она часто приносит славу в глазах у всех. Ведь речь богатая и мудрая сильно восхищает людей; слушатели думают, что произносящий ее понимает суть дела и разбирается в нем лучше, чем другие. Но если речи свойственна убедительность в сочетании с умеренностью, то это – самое изумительное, что только может быть, и тем более если это присуще молодому человеку. (49) Но хотя бывает много видов дел, требующих красноречия, и в нашем государстве многие юноши, говоря и перед судьями, и перед народом, и перед сенатом, снискали славу, все-таки наибольшее восхищение вызывают речи в суде. Задача их двоякая; ведь их цель – обвинение и защита: хотя большей хвалы заслуживает защита, слушатели все-таки весьма часто одобряли и обвинение. Я только что говорил о Крассе. В юности так же поступал и Марк Антоний⁷¹. Обвинительная речь прославила и

красноречие Публия Сульпиция⁷², когда он привлек к судебной ответственности Гая Норбана, мятежного и ни к чему не пригодного гражданина.

(50) Так поступать часто нельзя, но всегда можно только либо в интересах государства, как поступали люди, названные мною раньше, либо с целью покарать, как поступили двое Лукуллов⁷³, либо с целью защиты, как поступил я ради сицилийцев⁷⁴, а ради сардинян, в деле Альбуция, Юлий⁷⁵. При обвинении Мания Аквилія приобрело известность и рвение Луция Фуфия⁷⁶. Итак, будем обвинять лишь один раз и, конечно, не часто! Но если найдется человек, который будет вынужден так поступать чаще, то пусть он оказывает эту услугу государству, карать чьих недругов чаще всего не предосудительно; но все-таки должна быть мера. Стремление угрожать гражданским правам⁷⁷ многих людей, по моему мнению, свойственно жестокому человеку, вернее, даже не человеку вообще. Согласиться на свое назначение в качестве обвинителя и опасно для него самого, и даже позорно для его доброго имени⁷⁸. Таков был удел Марка Брута⁷⁹, человека очень знатного, сына выдающегося знатока гражданского права. (51) Надо строго соблюдать и вот какое правило, относящееся к обязанностям: никогда не возбуждать в суде дела, угрожающего гражданским правам невинного человека; ведь ты, не пойдя на преступление, сделать это никак не сможешь. Ибо что так бесчеловечно, как обращать на погибель и уничтожение людей красноречие, дарованное нам природой для защиты их благополучия? И все же если этого надо избегать, то иногда следует считать совместимой со своей совестью защиту человека виновного, только бы он не был злодеем и нечестивцем. Этого хочет большинство людей, это допускает обычай, и с этим мирятся и человеческие чувства. Дело судьи – при разборе дел всегда следовать правде; дело защитника – иногда защищать правдоподобное, даже если это не вся правда. Я не осмелился бы написать это, особенно в сочинении по философии, если бы строжайший из стоиков, Панэтий, не был такого же мнения. Но величайшей славы и благодарности заслуживают защитительные речи, особенно если иногда случается так, что оказывается помощь человеку угнетаемому и преследуемому могуществом влиятельного лица, как я поступал в ряде случаев; ведь в молодости я выступил против владычества Луция Суллы, взяв на себя защиту Секста Росция из Америи; речь эта, как ты знаешь, сохранилась⁸⁰.

(XV, 52) Итак, рассмотрев исполнение долга молодыми людьми, способствующее снисканию славы, мы затем должны поговорить о благотворительности и щедрости, которые проявляются двояко. Ведь по отношению к нуждающимся творят добро либо делами, либо деньгами. Более легок второй способ, особенно для состоятельного человека, но первый более прекрасен, более блистателен и более достоин храброго и прославленного мужа. Хотя и тому и другому присуще благородное желание оказать услугу, но деньги мы достаем из сундука, дела же связаны с нашей доблестью, а раздача, которую производят из своего имущества, исчерпывает самый источник доброты. Так доброта уничтожается добротой, и чем больше людей, по отношению к которым ты ее проявил, тем в меньшей степени ты сможешь проявлять ее по отношению ко многим. (53) Наоборот, тот, кто будет благотворителен и щедр своими делами, то есть доблестью и деятельностью, во-первых, будет располагать тем бóльшим числом помощников в добрых делах, чем большему числу людей он принесет пользу; во-вторых, своей привычкой делать добро он станет более подготовленным и, так сказать, более искушенным в добрых услугах многим людям. В одном из своих писем Филипп недвусмысленно упрекает сына Александра в том, что тот добивается доброжелательности македонян своей щедростью⁸¹. «Какие соображения – о горе! – внушили тебе, – пишет он, – надежду на то, что тебе будут верны люди, которых ты подкупил деньгами? Или ты стремишься к тому, чтобы македоняне начали надеяться на то, что ты станешь не их царем, а слугой и поставщиком?» Это сказано хорошо – «слугой и поставщиком», так как это позорно для царя; еще лучше, что Филипп назвал раздачу денег подкупом. Ведь тот, кто получает что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки. (54) Он написал это сыну, но я склонен считать это наставлением для всех людей. Поэтому нет сомнений, во всяком случае, в том, что доброта, выражающаяся в труде и деятельности, более прекрасна в нравственном отношении, находит себе более широкое применение и может принести пользу большему числу людей. Иногда все-таки надо давать деньги; этот вид доброты нельзя отвергать совсем, и достойным людям, если они в нужде, мы часто должны уделять кое-что из своего имущества, но осмотрительно и с чувством меры. Ведь многие люди растратили свое состояние, проявив необдуманную щедрость. Что более неразумно, чем старания

утратить возможность более долго делать то, что делаешь охотно? К тому же вслед за раздачами совершаются и грабежи⁸². Ведь всякий раз как люди, раздавая, начинают нуждаться в средствах, они оказываются вынужденными забирать себе чужое имущество. Таким образом, желая быть благодетелями ради того, чтобы снискать доброжелательность, они не столько заслуживают преданность тех, кому они что-то дали, сколько навлекают на себя ненависть тех, у кого они, это отняли. (55) Поэтому имущество и не следует запирать так крепко, чтобы доброта не могла открыть его, и нельзя держать настолько на виду, чтобы оно было доступно всем; надо соблюдать меру и сообразоваться со своими средствами. Вообще мы должны помнить то, что наши соотечественники твердили так часто и что уже стало поговоркой, навязшей в зубах: «Щедрая раздача бездонна». И действительно, какая возможна мера, когда одного и того же требуют и те, кто привык это получать, и еще другие?

(XVI) Вообще говоря, есть два рода людей, склонных раздавать: одни – расточительные, другие – щедрые⁸³. Расточительные – это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей⁸⁴ – на все то, память о чем они оставят недолгую или вообще не оставят никакой; щедрые, напротив, – это те, кто на свои средства выкупает пленных у морских разбойников, берет на себя долги друзей⁸⁵, помогает им при выдаче дочерей замуж и поддерживает друзей при приобретении ими имущества или при преумножении его. (56) Поэтому я и удивляюсь, что Феофрасту^{85a} пришло на ум написать в своей книге «О богатстве», в которой он многое изложил превосходно, такую нелепость: он не жалеет слов, расхваливая великолепие игр для народа, а возможность нести такие расходы считает пользой от богатства. Мне же та польза от щедрости, несколько примеров которой я привел, кажется и намного большей, и намного более надежной. Насколько строже и справедливее нас порицает Аристотель за то, что мы не изумляемся этой трате денег, цель которой – снискать расположение толпы: «Ведь если те, кого осаждает враг, вынуждены платить за секстарий воды мину⁸⁶, то вначале это кажется нам невероятным, и все удивляются; но когда они хорошо подумают, они оправдают это необходимостью, в то время как при упомянутых огромных тратах и безграничных расходах нас особенно ничто

не удивляет, хотя люди и не облегчают ничьего безвыходного положения, и никого не возвеличивают, и само развлечение для толпы продолжается короткое и незначительное время и устраивается для ничтожнейших людей, в которых, однако, одновременно с пресыщенностью умирает и воспоминание о наслаждении». (57) Он заканчивает тоже хорошо: «Это по сердцу детям, слабым женщинам и свободным людям, вполне подобным рабам; но человек строгих правил, с определенной точки зрения взвешивающий все происходящее, одобрить это не может». Впрочем, я хорошо знаю, что в нашем государстве еще в хорошие времена укоренился обычай требовать от наилучших мужей блистательного эдилитета. Так, Публий Красс, Богатый⁸⁷, и по своему прозвищу, и в действительности, устроил в год своего эдилитета великолепные игры, а вскоре после этого Луций Красс вместе с Квинтом Муцием⁸⁸, из всех людей самым умеренным человеком, в год своего эдилитета устроил великолепные зрелища. Затем так поступил Гай Клавдий⁸⁹, сын Аппия, а впоследствии и многие другие: Лукуллы⁹⁰, Гортенсий⁹¹, Силан⁹²; но Публий Лентул⁹³ в год моего консулата превзошел всех своих предшественников; с него взял пример Скавр⁹⁴; игры, устроенные моим другом Помпеем в год его второго консулата⁹⁵, были великолепны; какого мнения обо всем этом я, ты видишь.

(XVII, 58) Но все-таки надо избегать подозрения в скупости. Мамерку⁹⁶, богатейшему человеку, отказ от эдилитета принес неудачу при соискании консулата. Поэтому если народ требует игр, а честнейшие мужи, не высказывая такого желания, во всяком случае одобряют это, то устроить игры нужно, но в меру своих средств, как поступил я⁹⁷, как и в случае, если щедростью к народу когда-либо хотят достичь чего-то более важного и более полезного, как это было сделано недавно, когда угощения на улицах, устроенные Орестом (так называемые «десятины»), принесли ему большой почет⁹⁸. Даже Марку Сею⁹⁹ не поставили в вину того, что во время дороговизны хлеба он выдавал народу зерно по цене в один асс за модий; ведь он этим, когда был эдилом, успокоил сильную и давнюю ненависть, понеся вовсе не позорный и небольшой расход. Необычайный почет недавно принесло моему другу Милону то обстоятельство, что он, купив гладиаторов для защиты государства, чья судьба зависела от моего восстановления в правах, пресек все безумные происки Публия Клодия¹⁰⁰. Итак, основанием для раздач бывает либо необходимость, либо польза. (59) Но именно

при этом наилучшее правило – разумная середина. Например, Луций Филипп¹⁰¹, сын Квинта, муж великого ума и высоко прославленный, не раз ставил себе в заслугу то, что он, не устроив никаких развлечений для народа, достиг всех магистратур, считающихся высшими. Это же говорили и Котта¹⁰², и Курион¹⁰³. Также и мне можно поставить это себе в заслугу; ведь сравнительно со значением магистратур, на какие я был избран всеми поданными голосами, и притом в свой год¹⁰⁴, – этого не удостоился ни один из тех, кого я только что назвал, – расходы по моему эдилитету были совсем небольшие. (60) Но предпочтительны расходы на сооружение городских стен, верфей, портов, водопроводов и всего того, что служит государству на пользу. Конечно, то, что в настоящее время нам как бы дается в руки, более приятно, но перечисленное выше более ценно впоследствии. Порицать сооружение театров, портиков и новых храмов мне неловко ввиду моего уважения к памяти Помпея¹⁰⁵, но ученейшие люди не одобряют этого, например даже Панэтий, которому я в этих книгах следовал во многих местах, не переводя его высказываний, и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил столько денег на знаменитые Пропилеи¹⁰⁶. Но все это я подробно рассмотрел в своих книгах «О государстве»¹⁰⁷. Итак, все эти раздачи, по существу своему, порочны, но в связи с обстоятельствами бывают необходимы, и именно тогда и надо сообразоваться со своими возможностями и соблюдать разумную меру.

(XVIII, 61) При раздачах другого рода, порождаемых щедростью, мы в разных случаях не должны поступать одинаково. В одном положении находится человек, которого постигла беда, в другом – желающий улучшить свое положение и не страдающий от несчастий. (62) Доброта должна будет быть более склонна помогать людям, которых постигла беда, – если только они не заслужат этой беды. Что касается тех, кто захочет получить помощь не для того, чтобы не быть повергнут на землю, но для того, чтобы достичь более высокого положения, то мы, если говорить вообще, отнюдь не должны быть глухи к их просьбам, но, выбирая подходящих людей, должны судить здраво и быть внимательны. Ведь Энний превосходно сказал¹⁰⁸:

(63) Что касается того, что было сделано для честного и благодарного человека, то плоды этого мы получаем как от него самого, так

и от других людей. Ведь если не допускать опрометчивости, то щедрость очень по сердцу людям, и большинство из них восхваляет ее тем усерднее, что доброта каждого выдающегося человека – общее прибежище для всех. Поэтому и надо стараться оказывать возможно большему числу людей благодеяния, память о которых они передадут детям и потомкам, так что им нельзя будет быть неблагодарными. Ведь человека, не помнящего оказанных ему благодеяний, все ненавидят и думают, что несправедливость, отпугивающая людей от благородных поступков, совершается и по отношению к ним, а человек, ее совершающий, – враг всем неимущим людям. Впрочем, доброта эта, состоящая в выкупе пленников из рабства и в помощи неимущим, полезна и государству; так обыкновенно поступало наше сословие¹⁰⁹, о чем, как мы видим, подробно написано в речи Красса¹¹⁰. Итак, это обыкновение проявлять доброту я ставлю гораздо выше щедрости при устройстве зрелищ. Первое свойственно людям строгих правил и великим, вторая – льстецам перед народом, которые как бы щекочут наслаждением низменные чувства толпы. (64) Но человеку будет к лицу, если он, давая, будет щедр, взыскивая, не будет жесток, а во всех деловых соглашениях, продавая и покупая, нанимая и отдавая внаем, по отношению к соседям и к владельцам смежных земель¹¹¹ будет справедлив, доступен, многие из своих прав будет уступать многим людям, а тяжб, насколько это будет дозволено и, пожалуй, даже несколько больше, чем будет дозволено, станет страшиться. Ведь немного поступиться своим правом иногда не только признак щедрости, но порою и выгодно. Но имущество свое надо беречь; допускать его разорение позорно; однако не должно возникать подозрения в отсутствии щедрости и в алчности. Ведь уметь быть щедрым, не лишаясь своего имущества, несомненно, – величайшая польза от денег. Феофраст по справедливости высказал хвалу гостеприимству¹¹². Вполне подобает (во всяком случае, по моему мнению), чтобы дом знаменитого человека был открыт для знаменитых гостей; также и государству служит украшением, если в нашем Городе чужеземцы не испытывают недостатка в этом роде щедрости. Между тем тоже необычайно полезно, чтобы те, кто хочет нравственно-прекрасным путем быть могущественным, при посредстве своих гостей, пользовались весом в глазах чужеземных народов благодаря своим богатствам и влиянию. Феофраст пишет, что в Афинах Кимон¹¹³ оказывал гостеприимство и землякам лакийцам; он

строго-настрого приказал своим управителям усадеб предоставлять все необходимое каждому лакийцу, приехавшему в его усадьбу.

(XIX, 65) Напротив, благодеяния трудом, а не раздачей оказываются как государству в целом, так и отдельным гражданам¹¹⁴. Ибо предупредить проигрыш дела в суде, помогать советом и в этой области знания приносить пользу возможно большему числу людей необычайно важно для укрепления своего положения и влияния. Таким образом, как многие наилучшие черты характера наших предков, так и знание и истолкование превосходно составленного гражданского права всегда были в величайшем почете; теперь блистательность этого знания, которое до нынешнего смутного времени было достоянием первых граждан, уничтожена, как и магистратуры, как и все ступени высокого положения, и это тем прискорбнее, что произошло это в такое время, когда был жив человек, познаниями своими вполне превзошедший всех своих предшественников, которым он был равен в достигнутом им почете¹¹⁵. Итак, труды эти бывают по сердцу многим людям и способны обязывать людей благодеяниями. (66) Впрочем, к этому искусству примыкает более важное, более приятное и более чтимое – красноречие. И действительно, что может превзойти красноречие либо в связи с восхищением слушателей, либо в связи с надеждами обездоленных, либо в связи с благодарностью тех, кому была оказана защита? Поэтому предки наши и поставили красноречие, по придаваемому им высокому положению, во времена мира на первое место¹¹⁶. Следовательно, для красноречивого человека, охотно берущего на себя труд и – в соответствии с обычаями наших отцов – без долгих уговоров и безвозмездно ведущего дела многих людей, широко открыта возможность оказывать благодеяния и защищать в суде. (67) Рассматриваемый предмет побуждал меня и по этому поводу оплакивать упадок, чтобы не сказать – гибель, красноречия¹¹⁷, и я сделал бы это, если бы не опасался впечатления, что заявляю какую-то жалобу насчет самого себя. Но мы все-таки видим, какие ораторы умолкли, сколь малочисленны подающие надежду, насколько меньше стало способных, как много наглых! Но так как все и даже многие не могут быть ни сведущими в праве, ни красноречивыми, то им все-таки дозволяется помогать своим трудом многим людям, испрашивая для них милости¹¹⁸, выступая в их защиту перед судьями и магистратами, неусыпно защищая интересы

других людей, обращаясь с просьбами именно к правоведам или к защитникам. Кто так поступает, тот приобретает величайшее влияние, и его деятельность находит себе величайшее применение. (68) Насчет одного обстоятельства предупредить их не надо (ведь это очевидно): быть осмотрительными, когда они захотят помочь другим, – чтобы никого не обидеть. Ведь они часто причиняют вред либо тем людям, которым они не должны его причинить, либо тем, которым причинить вред им не выгодно. Если они делают это нечаянно, то это следует приписать их неосторожности; если сознательно, то – опрометчивости. Надо также, как только возможно, извиняться перед теми, кого ты невольно обижаешь, так как то, что ты сделал, было необходимо, и поступить иначе ты не мог, а ущерб, который, как может показаться, был причинен, надо возместить другими делами и услугами.

(XX, 69) Но так как, приходя людям на помощь, обыкновенно принимают во внимание либо их поступки, либо их имущественное положение, то в толпе и говорят (сказать ведь легко), что мы, оказывая другим благодеяние, сообразуемся с их поступками, а не с их имущественным положением. Слова эти нравственно-прекрасны, но найдется ли человек, который, прилагая старания, не предпочтет интересам бедного и честнейшего человека благодарности состоятельного и могущественного? Наша добрая воля в большей мере обыкновенно обращается к тому, кто, как нам кажется, вознаградит нас с большей готовностью и быстрее. Но мы должны внимательнее разобраться в существе дела. Ведь бедный, если он – честнейший муж, даже если не может нас отблагодарить, несомненно, может сохранить благодарность в своем сердце. Кто-то метко сказал: «Что касается денег, то тот, кто их имеет, их не отдавал; кто их отдал, их не имеет. Что касается благодарности, то поблагодаривший хранит это чувство, а его хранящий поблагодарил»¹¹⁹. Но, скажут мне, люди, считающие себя состоятельными, окруженными почетом и счастливыми, даже обязываться не хотят благодеянием, оказанным им; более того, они даже думают, что они сами оказали благодеяние, когда таковое, и притом немалое, приняли, и даже подозревают, что от них чего-то требуют и ожидают. А прибегнуть к чьему-либо покровительству или быть названными чьими-то клиентами, по их мнению, подобно смерти. (70) Напротив, бедный человек, о котором говорилось выше, думает, что все то, что было сделано для него, относилось лично к нему, а не к его имущественному положению,

и старается казаться благодарным не только тому, кто ему оказал услугу, но и тем, от кого он услуг ожидает (ведь нуждается он в помощи многих людей), а оказанной им самим услуги – если он, быть может, ее оказывает – он, говоря о ней, право, не преувеличивает, но даже преуменьшает ее. Надо иметь в виду и следующее: если ты защищал состоятельного человека высокого положения, то чувство благодарности хранит он один или, пожалуй, его дети; но если ты защищал бедного, но порядочного и скромного, то все порядочные люди низкого положения, каких в народе много, видят в этом готовый для них оплот. (71) Поэтому, по моему мнению, обязывать своими благодеяниями честных людей лучше, чем обязывать богатых. Вообще надо стараться быть в силах удовлетворять нужды людей всякого состояния; но если придется сравнивать, то, несомненно, надо следовать примеру Фемистокла, который на вопрос, за кого предпочел бы он выдать дочь – за честного ли человека, но бедного или за не особенно порядочного, но богатого, ответил: «Я лично предпочел бы человека без денег деньгам без человека». Но нравы испортились и пали вследствие преклонения перед богатством¹²⁰. Какое значение имеют для каждого из нас большие размеры богатства? Они, быть может, помогают тому, кто богат. Даже это бывает не всегда; но допустим, что помогают. Такой человек, пожалуй, может удовлетворить свои желания, но как ему сделаться лучше в нравственном отношении? Даже если он будет честным человеком, его богатство все-таки не должно препятствовать ему принимать помощь, только бы оно ему в этом не помогало, и всякое наше суждение о каждом человеке должно быть основано не на том, сколь он состоятелен, но на том, каков он вообще. Последнее правило насчет оказания благодеяний и содействия гласит: не прилагать стараний ни вопреки справедливости, ни в поддержку противозакония; ведь основание для сохранения неизменно доброго имени и для доброй молвы – справедливость, без которой ничто не может быть похвальным.

(XXI, 72) Но так как о благодеяниях по отношению к отдельным лицам мы уже высказались, то теперь нам надо рассмотреть благодеяния по отношению к гражданам в совокупности и по отношению к государству. Одни из них таковы, что относятся к гражданам в совокупности; другие касаются отдельных лиц; последние даже более по сердцу людям. Вообще надо стараться, по возможности, заботиться и о тех и о других, причем об отдельных лицах не в меньшей степени, но

так, чтобы это либо было на пользу государству, либо, по меньшей мере, не вредило ему. Так, щедрая раздача зерна Гаем Гракхом¹²¹ истощала эрарий; умеренная раздача, которую производил Марк Октавий¹²², была и терпима, и необходима плебсу; поэтому она была благодетельна и для граждан и для государства. (73) Человеку, который будет ведать делами государства, прежде всего понадобится следить за тем, чтобы каждый гражданин владел своим имуществом и чтобы имущество частных лиц не подвергалось уменьшению в пользу государства. Пагубно поступил Филипп¹²³, в год своего трибуната предложив земельный закон; он, правда, легко согласился с тем, чтобы его отвергли, и проявил при этом большую умеренность, но во многих своих речах заискивал перед народом, а особенно дурным было его заявление, что «в государстве не найдется и двух тысяч человек, владеющих имуществом». Такая речь преступна, так как она направлена на уравнение имущества, а возможно ли что-нибудь более пагубное? Ведь именно с той целью, чтобы каждый владел своим имуществом, главным образом и были основаны государства и гражданские общины. Ибо, хотя люди и собирались вместе, руководимые природой, все же именно в надежде на охрану своего достояния они и искали оплота в виде городов¹²⁴. (74) Надо стараться и о том, чтобы не приходилось вводить подати, – наши предки часто должны были делать это ввиду скудности средств в эрарии и постоянных войн, – и весьма заблаговременно принимать меры к тому, чтобы этого не случилось. Если в каком-нибудь государстве возникнет необходимость в таком средстве (предпочитаю говорить именно так, а не предсказывать это нашему государству; впрочем, я теперь рассуждаю не о нашем, а о государстве вообще), то надо будет постараться, чтобы все поняли, что они, если хотят уцелеть, должны покориться необходимости. Также и все те, кто будет стоять у кормила государства, должны будут заботиться об избытке всего необходимого для пропитания. О том, как все это обыкновенно собирают и собирать должны, рассуждать надобности нет. Ведь это очевидно; надо было только коснуться этого вопроса.

(75) Но при каждом исполнении государственной задачи и обязанности самое главное – избежать даже малейшего подозрения в алчности. «О, если бы, – сказал самнит Гай Понций, – судьба сохранила меня до тех времен и я родился тогда, когда римляне уже начали принимать дары! Не потерпел бы я их дальнейшего владычества»¹²⁵. Ему,

право, пришлось бы ждать много веков; ведь зло это только недавно проникло в наше государство. Поэтому я вполне мирюсь с тем, что Понций жил именно тогда, раз он действительно был так могуществен. Не прошло и ста десяти лет, как Луций Писон предложил закон о вымогательстве¹²⁶, так как до этого времени такого закона не было. Но впоследствии было издано столько законов¹²⁷, причем каждый следующий был строже предыдущего, столько людей было предано суду, столько их было осуждено, такая тяжкая Итальянская война¹²⁸ была вызвана страхом перед правосудием, так велико было ограбление и разорение союзников после уничтожения законов и правосудия, что мы сильны ввиду слабости других, а не благодаря своей собственной доблести.

(XXII, 76) Панэтий восхваляет Публия Африканского¹²⁹ за его воздержность. Почему бы Панэтию его и не восхвалять? Но он обладал и другими, более ценными качествами. Хвала за воздержность относится не только к нему, но также и к тем временам. Павел¹³⁰ захватил все огромные сокровища македонян; он привез в эрарий столько денег, что добыча одного императора позволила прекратить взимание податей; но к себе в дом он не привез ничего, кроме вечной памяти о своем имени. Подражая своему отцу, Публий Африканский ни на сколько не преумножил своего состояния, разрушив Карфаген. А Луций Муммий, его коллега по цензуре? Разве он разбогател, уничтожив до основания богатейший город?¹³¹ Он предпочел украсить Италию, а не свой дом; впрочем, после того как он украсил Италию, и дом его кажется мне более украшенным.

(77) Итак, – вернемся в своей речи к тому, от чего мы отклонились в сторону, – нет более отвратительного порока, чем алчность, особенно со стороны первых граждан и людей, стоящих у кормила государства. Ибо превратить государство в источник для стяжания не только позорно, но даже преступно и нечестиво. Поэтому Аполлон Пифийский в том оракуле, какой он дал, – что Спарта погибнет уже из-за одной своей алчности¹³², – по-видимому, предрек судьбу не одним только лакедемонянам, но и всем богатым народам. Людям, стоящим во главе государства, ничем другим не снискать доброжелательности народа легче, чем воздержностью и сдержанностью.

(78) Но те, кто себя считает сторонниками народа и поэтому либо поднимает земельный вопрос ради того, чтобы согнать владельцев с их

земель¹³³, либо находит нужным, чтобы должникам были прощены их долги, расшатывают устои государства и прежде всего согласие¹³⁴, невозможное в тех случаях, когда у одних имущество отнимают, а другим его приносят в дар; затем они посягают на справедливость, которая полностью уничтожается, если никому нельзя иметь свое имущество. Ведь государству и городу свойственно, чтобы каждый свободно и без тревог охранял свое имущество. (79) И при этом падении государственного строя такие люди не снискивают даже благодарности; ибо тот, у кого имущество отняли, им недруг; тот, кому оно было дано, даже скрывает, что хотел его получить; особенно в вопросе о долгах он прячет свою радость, дабы не казалось, что он был несостоятельным должником. Но тот, кто претерпел противозаконие, о нем помнит и не скрывает своего огорчения, и если те, кому имущество было дано неправильно, более многочисленны, чем те, у кого оно было противозаконно отнято, то первые по этой причине отнюдь не пользуются бóльшим влиянием. Ведь о них судят не по числу, а по весу. С другой стороны, какая это справедливость, чтобы землей, которой ранее в течение многих лет и даже веков владели другие, располагал человек, никакой землей не располагавший, и, наоборот, чтобы тот, кто ею располагал, ее утратил?¹³⁵

(XXIII, 80) Из-за этого вида противозакония лакедемоняне изгнали эфора Лисандра и убили царя Агиса¹³⁶, чего в их государстве ранее не случалось никогда, и с того времени там начались столь сильные раздоры, что у них стали появляться тиранны, изгонялись оптиматы, а превосходно устроенное государство разваливалось. И оно не только пало само, но и погубило остальную Грецию вследствие заразности зол, которые, возникнув в Лакедемонии, распространились далее¹³⁷. А наши Гракхи, сыновья Тиберия Гракха, выдающегося мужа, и внуки Публия Африканского? Не погубила ли их борьба из-за земли? (81) Но вот Арата из Сикиона¹³⁸ прославляют по справедливости: он, — когда его городская община уже в течение пятидесяти лет была под властью тираннов, — отправившись из Аргоса в Сикион, овладел городом, тайно войдя в него; после того, как он убил тиранна Никокла, напав на него врасплох, он восстановил в правах сотни состоятельнейших людей, изгнанных из этого города, и приходом своим освободил государство. Но он понимал всю трудность положения, связанную с владением имуществом, так как считал совершенно несправедливым, чтобы те, кого он

восстановил в правах и чьим имуществом уже успели завладеть другие люди, испытывали нужду, и так как находил не особенно справедливым лишать людей их владений пятидесятилетней давности, потому что в течение столь долгих лет люди, не совершая противозакония, многим владели по наследству, многим – в силу покупки, многим – как приданым. Поэтому он не признал возможным отнимать имущество у первых и удовлетворять притязания тех, кому оно принадлежало ранее. (82) И вот, так как он понял, что для установления порядка нужны деньги, то он сказал, что хочет съездить в Александрию, и велел оставить все без изменений до своего возвращения; сам он поспешил к гостеприимцу своему Птоломею, который тогда правил как второй царь после основания Александрии. Когда этот выдающийся муж рассказал царю, что хочет освободить отечество, и изложил ему суть дела, он с легкостью получил от богатого царя большую денежную помощь. Привезя эти деньги в Сикион, он ввел в свой совет пятнадцать видных граждан, вместе с которыми он рассмотрел дела и тех, кто владел чужим имуществом, и тех, кто утратил свое, и после оценки владений смог убедить одних, чтобы они предпочли получить деньги и оставили владения, а других, – чтобы они признали получение наличных денег, соответствующих стоимости имущества, для себя более выгодным, чем возврат имущества. Так было достигнуто, что после установления согласия все разошлись без каких бы то ни было нареканий. (83) О великий муж, достойный рождения в нашем государстве! Вот как надо поступать с гражданами, а не делать того, что мы видели уже дважды: водружать копье на форуме и бросать имущество граждан под ноги глашатаю, чтобы он объявлял о его продаже¹³⁹. А этот грек (это было достойно мудрого и выдающегося мужа) нашел нужным позаботиться обо всех¹⁴⁰; наилучшее решение и мудрость честного гражданина в том и состоят, чтобы не вносить противоречий в интересы граждан и всех их сдерживать, обращаясь с ними одинаково справедливо. Чтобы они бесплатно жили в чужом доме? Почему же? Для того, чтобы, – хотя сам я купил, выстроил дом, слежу за ним, несу расходы, – ты против моей воли пользовался моим имуществом!¹⁴¹ Что это, как не отнимать у одних их имущество, а другим давать чужое? (84) А отмена долгов? Какова ее цель, что означает она, как не то, что на мои деньги ты купишь себе угоды, что у тебя оно будет, а у меня денег не будет? (XXIV) Поэтому надо заботиться о том, чтобы у людей не было долгов, что может

повредить государству; это возможно предотвратить многими способами, но не тем, чтобы – если долги будут – состоятельные люди теряли свое имущество, а должники приобретали чужое. Ведь государство больше, чем на чем бы то ни было, держится на кредите, который совершенно не будет возможен, если уплата денег, взятых займы, не будет обязательна. Никогда еще не было совершено более решительных действий в пользу неуплаты долгов, чем те, что были совершены в год моего консулата. Люди разного рода и звания пытались разрешить этот вопрос оружием и военными действиями; я оказал им такое противодействие, что все это зло было в государстве уничтожено¹⁴². Никогда еще не было более значительных долгов, и никогда не были они уплачены лучше и легче; ибо утрата надежды обмануть повлекла за собою необходимость уплатить. Но тогдашний победитель, в прошлом побежденный¹⁴³, задуманное им тогда, когда оно касалось его интересов, завершил тогда, когда оно их уже не касалось. Страсть совершать зло была в нем так велика, что уже одно это услаждало его, даже если совершать зло у него не было оснований.

(85) Итак, от раздач такого рода, когда одним дают, а у других отнимают, будут далеки те, кто будет оберегать интересы государства и прежде всего постарается о том, чтобы каждый, благодаря равноправию и правосудию, владел своим имуществом, чтобы более бедные люди, из-за своего приниженного положения, не страдали от обмана и чтобы состоятельным ненависть не препятствовала ни владеть их имуществом, ни возвращать его себе; кроме того, они всеми средствами, какими только смогут, как во времена войны, так и в мирные, должны будут возвеличивать государство в его могуществе, протяженности, доходах. Вот дела великих людей, вот что происходило во времена наших предков; те, кто исполняет эти виды обязанностей с вящей пользой для государства, заслужат большую благодарность и славу.

(86) Однако, по мнению стойка Антипатра Тирского¹⁴⁴, недавно умершего в Афинах, Панэтий из числа этих наставлений насчет пользы пропустил два: заботу о своем здоровье и об имуществе. По моему мнению, выдающийся философ пропустил их потому, что следовать им легко; они, несомненно, полезны. Но здоровье люди сохраняют благодаря тому, что знают себя и наблюдают за тем, что им приносит пользу и что им вредит, как и благодаря воздержности в пище и образе жизни, стараясь оберегать свое тело, отказываясь от наслаждений, наконец,

благодаря искусству тех, к чьей области знаний все это относится. (87) Что касается имущества, то его следует приобретать только честным путем, сохранять заботливостью и бережливостью и таким же образом преумножать. Все это подробнее рассмотрел Ксенофонт, ученик Сократа, в своей книге под названием «Домострой»¹⁴⁵, которую я приблизительно в твоём возрасте перевел с греческого языка на латинский. Но обо всем этом – о зарабатывании денег, о помещении их, как и об их использовании, кое-кто из честнейших людей, сидящих под сводом Яна¹⁴⁶, рассуждает лучше, чем любой философ в любой школе. Все это, однако, надо знать; ведь это относится к пользе, о которой мы рассуждаем в этой книге.

(XXV, 88) Но сравнивать полезные вещи (ведь это и есть четвертое положение, пропущенное Панэтием) часто необходимо. Ибо обыкновенно сравнивают и блага для тела с внешними благами, и внешние блага – с благами для тела, и блага для тела – между ними, и внешние блага с внешними. Сравнивая внешние блага с благами для тела, здоровье предпочитают богатству; сравнивая блага для тела с внешними, предпочитают быть богатым, а не обладать величайшей физической силой; сравнивая блага для тела одни с другими, хорошее здоровье ставят выше наслаждения, силы – выше быстроты, а из числа внешних благ славу – выше богатства, доходы от городских владений – выше доходов от сельских. (89) К этому виду сравнений относится и знаменитое сравнение, принадлежащее старику Катону; когда его спросили, что именно самое выгодное для ведения хозяйства, он ответил: «Хорошо разводить скот»; что на втором месте, – «достаточно хорошо разводить скот»; что на третьем месте, – «разводить скот дурно»; что на четвертом месте, – «пахать землю»¹⁴⁷. А когда спрашивавший сказал: «А отдавать деньги в рост?»¹⁴⁸, – то Катон спросил: «А убить человека?» Из этого и из многого другого мы должны понять, что полезные вещи сравнивают часто, и что это четвертое положение, касающееся вопроса об обязанностях, прибавили правильно. (90) Перейдем теперь к тому, что нам остается рассмотреть.

Законы XII таблиц¹

Ответьте вопросы по тексту:

1. Как назывались юристы Древнего Рима, способствовавшие распространению Римского права?

2. Как называлось высшее сословие в Древнем Риме, в которое входили самые знатные патрицианские и богатейшие плебейские роды?

3. Юридическая природа семьи раскрывается и в тех нормах Законов Двенадцати Таблиц, которые посвящены наследованию. Какой порядок наследования закрепляется в этих нормах? Как в них отражается характер древнеримской семьи?

4. Какое представление о правоотношениях между супругами выражают статьи Законов Двенадцати Таблиц?

5. Какой характер придается в них правоотношениям между отцом и сыном?

6. Мог ли свободный гражданин утратить по Законам Двенадцати Таблиц свою свободу и превратиться в раба?

7. Какие лица называются в этих таблицах «подвластными»?

8. Чем их правовой статус отличается от статуса раба?

9. Каков правовой статус категории вольноотпущенников по Законам Двенадцати Таблиц?

10. Какой порядок наследования закрепляется в нормах Законов Двенадцати Таблиц?

11. Как в них отражается характер древнеримской семьи?

12. Какие разновидности вещей фигурируют в Законах Двенадцати Таблиц?

14. Какие ограничения налагаются здесь на распоряжение краденной вещью?

15. Как регулируется порядок пользования чужой вещью?

16. Какие виды уголовных наказаний упоминаются в Законах Двенадцати Таблиц, и за какого рода деяния они назначаются?

17. Какие разновидности деликтов можно обнаружить в тексте изучаемого правового памятника?

---

¹ Текст составлен по: Машкин Н.А., Голубцова Е.С. Хрестоматия по истории древнего Рима. М., 1953. С. 21-33.

18. За какие преступления данный юридический сборник устанавливает в качестве наказания смертную казнь?

19. Как можно оценить приведенное в статье 16 таблицы VIII реконструированного текста Законов Двенадцати Таблиц высказывание Цицерона, согласно которому «XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний»?

20. Почему за тайное истребление урожая назначалась смертная казнь «более тяжкая, чем за убийство человека»?

21. Каковы гарантии справедливого разрешения спора в суде?

Таблица I

1. Если вызывают [кого-нибудь] на судоговорение, пусть [вызванный] идет. Если [он] не идет, пусть [тот, кто вызвал], подтвердит [свой вызов] при свидетелях, а потом ведет его насильно.

2. Если [вызванный] измышляет отговорки [для неявки] или пытается скрыться, пусть [тот, кто его вызвал], наложит на него руку.

3. Если препятствием [для явки вызванного на судоговорение] будет его болезнь или старость, пусть [сделавший вызов] даст ему выючное животное (jumentum). Повозки (arcega), если не захочет, представлять не обязан¹.

4. Пусть поручителем [на судоговорении] за живущего своим хозяйством будет [только] тот, кто имеет свое хозяйство. За бесхозяйного гражданина поручителем будет тот, кто пожелает.

5. Nex... foreti, sanates².

6. На чем договорятся, о том пусть [истец] и просит [на судоговорении]³.

7. Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или на комиции⁴. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают [свое дело].

8. После полудня [магистрат] утвердит требование той стороны, которая присутствует [при судоговорении].

9. Если [на судоговорении] присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения].

Таблица II

1. (Гай, Институции, IV, 14: По искам в 1000 и более ассов⁵ взыскивался [в кассу понтификов] судебный залог [в сумме 500 ассов], по искам на меньшую сумму – 50 ассов, так было установлено законом XII таблиц. Если спор шел о свободе какого-нибудь человека, то хотя бы его цена была наивысшей, однако, тем же законом предписывалось, чтобы тяжба шла о залоге [за человека, свобода которого оспаривалась] [всего лишь] в размере 50 ассов).

2. Если одна из таких причин, как... тяжкая болезнь или [совпадение дня судебного разбирательства] с днем, положенным для обвинения [кого-либо] в измене⁶, [будет препятствовать] судье, третейскому посреднику или тяжущейся стороне [явиться на судебное разбирательство], то [таковое] должно быть перенесено на другой день.

3. Пусть [тяжущийся], которому недостает свидетельских показаний, идет к воротам дома [не явившегося на разбирательство свидетеля] и в течение трех дней во всеуслышание вызывает [к нему].

Таблица III

1. Пусть будут [даны должнику] 30 льготных дней после признания [им] долга или после постановления [против него] судебного решения.

2. [По истечении указанного срока] пусть [истец] наложит руку [на должника]. Пусть ведет его на судоговорение [для исполнения решения].

3. Если [должник] не выполнил [добровольно] судебного решения и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть [истец] уведет его к себе и наложит на него колодки или оковы весом не менее, а, если пожелает, то и более 15 фунтов.

4. [Во время пребывания в заточении должник], если хочет, пусть кормится за свой собственный счет. Если же он не находится на своем содержании, то пусть [тот, кто держит его в заточении,] выдает ему по фунту муки в день, а при желании может давать и больше.

5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 46: Тем временем [пока должник находился в заточении] он имел право помириться [с истцом],

но если [стороны] не мирились, то [такие должники] оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комиции и [при этом] объявлялась приговоренная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Гибр⁷).

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину]⁸.

7. Пусть сохраняет [свою] силу навеки иск против изменника⁹.

Таблица IV

1. (Цицерон, О законах, III, 8, 19: ...С такой же легкостью был лишен жизни, как по XII таблицам, младенец [отличавшийся] исключительным уродством).

2. Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен [от власти] отца.

3. (Цицерон, Филиппики, II, 28, 69; [Пользуясь] постановлением XII таблиц, приказал своей жене взять принадлежащие ей вещи и, отняв [у нее] ключ, изгнал [ее]).

4. (Авл Геллий, Аттические ночи, III, 16, 12: Мне известно, что [когда] женщина... родила на одиннадцатом месяце после смерти мужа, то [из этого] возникло дело, будто бы она зачала после того, как умер ее муж, ибо децемвиры написали, что человек рождается на десятом, а не на одиннадцатом месяце).

Таблица V

1. (Гай, Институции, I, 144–145: Предки [наши] утверждали, что даже совершеннолетние женщины вследствие присущего им легкомыслия должны состоять под опекою... Исключение допускалось только для дев-весталок, которых древние римляне в уважение к их жреческому сану освобождали от опеки. Так было постановлено законом XII таблиц).

2. (Гай, Институции, II, 47: Законом XII таблиц было определено, что *res mancipi*¹⁰, принадлежащие женщине, находившейся под опекою

агнатов¹¹, не подлежали давности, за исключением лишь того случая, когда сама женщина передавала эти вещи с согласия опекуна).

3. Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет ненарушимым.

4. Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе [его] ближайший агнат.

5. Если [у умершего] нет агнатов, пусть [оставшееся после него] хозяйство возьмут [его] сородичи.

6. (Гай, Институции, I, 155: По закону XII таблиц опекунами над лицами, которым не было назначено опекуна по завещанию, являются их агнаты).

7а. Если человек впал в безумие, то пусть власть над ним самим и над его имуществом возьмут его агнаты или его сородичи.

7б. (Ульпиан, I, 1, pr. D., XXVII, 10: Согласно закону XII таблиц, расточителю воспрещалось управление принадлежащим ему имуществом.) (Ульпиан, *Lib. sing. regularum* XII, 2: Закон XII таблиц повелевает безумному и расточителю, на имущество которых наложено запрещение, состоять на попечении их агнатов).

8а. (Ульпиан, *Lib. sing. regularum*, XXXX, 1: Закон XII таблиц передавал патрону наследство после римского гражданина из вольноотпущенников в том случае, если последний, не имея подвластных ему лиц, умирал, не оставив завещания).

8б. (Ульпиан, I, 195, § 1, D., L. 16: Говоря [об отношениях между патроном и вольноотпущенником], закон [XII таблиц] указывает, что имущество вольноотпущенника переходит из той семьи в эту семью, [причем в данном случае] закон говорит [о семье, как совокупности] отдельных лиц¹²).

9а. (Гордиан, I, 6, с. III, 36: По закону XII таблиц имущество, состоящее в долговых требованиях [умершего к другим лицам], непосредственно [т. е. без выполнения каких-либо юридических формальностей] распределяется между сонаследниками в соответствии с их наследственными долями).

9б. (Диоклетиан, I, 26, с. II, 3: Согласно закону XII таблиц, долги умершего непосредственно разделяются [между его наследниками] соразмерно полученным [ими] долям наследства).

10. (Гай, I, 1, pr. D., X, 2: Иск [о разделе наследства] основывается на постановлении закона XII таблиц).

Таблица VI

1. Если кто заключает сделку самозаклада¹³ или отчуждения вещи [в присутствии 5 свидетелей и весовщика¹⁴], то пусть слова, которые произносятся при этом, почитаются ненарушимыми.

2. (Цицерон, Об обязанностях, III, 16: По XII таблицам считалось достаточным представить доказательства того, что было произнесено [при заключении] сделки, и отказывавшийся от своих слов подлежал штрафу вдвое).

3. (Цицерон, Тор., IV, 23: Давность владения в отношении земельного участка [устанавливалась] в два года, в отношении всех других вещей – в один год).

4. (Гай, Институции, I, 3: Законом XII таблиц было определено, что женщина, не желавшая установления над собой власти мужа [фактом давностного с нею сожителства], должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение [ею]).

5а. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17, 7, 8: Собственноручно отстоять [свою вещь] при судоговорении... это значит наложить руку на ту вещь, о которой идет спор при судоговорении, [т. е. иными словами] состязаясь с противником, ухватиться рукой за спорную вещь и в торжественных выражениях отстаивать право на нее. Наложение руки на вещь производилось в определенном месте в присутствии претора на основании XII таблиц, где было написано: «Если кто-нибудь собственноручно отстаивает свою вещь при судоговорении»).

5б. (Павел, Fragm. Vat., 50: Закон XII таблиц утвердил [отчуждение вещи] путем сделки, совершавшейся в присутствии 5 свидетелей и весовщика, а также путем отказа от права собственности на эту вещь при судоговорении перед претором).

6. (Тит Ливий, III, 44: Защитники [Вергинии] требуют, чтобы [Аппий Клавдий], согласно закону, им же самим проведенному, дал предварительное распоряжение относительно девушки в благоприятном для ее свободы смысле).

7. Пусть [собственник] не трогает и не отнимает [принадлежащего ему] бревна или жердей, использованных [другим человеком] на постройку здания или для посадки виноградника.

8. (Ульпиан, I, 1, pr. D., XLVII, 3: Закон XII таблиц не позволял ни отнимать, ни требовать как свою собственность украденные бревна и жерди, употребленные на постройку или для посадки виноградника, но предоставлял при этом иск в двойном размере [стоимости этих материалов] против того, кто обвинялся в использовании их).

9. Когда же виноград будет срезан, пока [жерди] не убраны...¹⁵

Таблица VII

1. (Фест, *De verborum significatu*, 4: Обход, [т. е. незастроенное место] вокруг здания, должен быть шириною два с половиной фута).

2. (Гай, I, 13, D., X, 1: Нужно заметить, что при иске о размежевании границ необходимо соблюдать указание закона [XII таблиц], установленное как бы по примеру следующего законодательного распоряжения, которое, как говорят, было проведено в Афинах Солоном: если вдоль соседнего участка выкапывался ров, то нельзя было переступить границы, если [ставить] забор, то нужно отступать [от соседнего участка] на один фут, если – дом для жилья, то отступить на два фута, если копают яму или могилу, отступить настолько, насколько глубоко выкопана яма, если колодец – отступить на 6 футов, если сажают оливу или смоковницу, отступить от соседнего участка на девять футов, а прочие деревья – на 5 футов).

3. (Плиний, *Естественная история*, 19, 4, 50: В XII таблицах не употреблялось совершенно слово «хутор» [villa], а для обозначения его [пользовались] часто словом hortus [отгороженное место], [придавая этому значение] отцовского имущества).

4. (Цицерон, *О законах*, I, 21, 55: XII таблиц запрещали приобретение по давности межи шириною в 5 футов).

5. (Цицерон, *О законах*, I, 21, 55: Согласно постановлению XII таблиц, когда возникает спор о границах, то мы производим размежевание с участием 3 посредников).

6. (Гай, I, 8, D., VIII, 3: По закону XII таблиц ширина дороги по прямому направлению определялась в 8 футов, а на поворотах – в 16 футов).

7. Пусть [собственники придорожных участков] огораживают дорогу, если они не убивают ее камнем, пусть едет на вьючном животном, где пожелает.

8а. Если дождевая вода причиняет вред...

8б. (Павел, I, 5, D., XLIII, 8: Если протекающий по общественной земле ручей или водопровод причинял ущерб частному владению, то собственнику [последнего] давался иск на основании закона XII таблиц о возмещении убытков).

9а. (Ульпиан, I, 1, § 8, D., XLIII, 27: Закон XII таблиц приказывал принимать меры к тому, чтобы деревья на высоте 15 футов кругом подрезались для того, чтобы их тень не причиняла вреда соседнему участку).

9б. (Помпоний, I, 2, D., XLIII, 27: Если дерево с соседнего участка склонилось ветром на твой участок, ты на основании закона XII таблиц можешь предъявить иск об уборке его).

10. (Плиний, Естественная история, XVI, 5, 15: Законом XII таблиц разрешалось собирать желуди, падающие с соседнего участка).

11. (Юстиниан, I, 41; I, II, 1: Проданные и переданные вещи становятся собственностью покупателя лишь в том случае, если он уплатит продавцу покупную цену или обеспечит ему каким-либо образом удовлетворение [его требования], например, представит поручителя или даст что-либо в виде залога. Так было постановлено законом XII таблиц).

12. (Ульпиан, Lib. sing. regularum, II, 4: Если [наследователь] делал следующее распоряжение: [отпускаю раба на волю под условием], что он уплатит моему наследнику 10000 сестерциев, то хотя бы этот раб был отчужден от наследника, он все-таки должен получить свободу при уплате покупателю указанной суммы. Так было постановлено в законе XII таблиц).

Таблица VIII

1а. Кто злую песню распевает¹⁶.

1б. (Цицерон, О республике, IV, 10, 12: XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение ее в том случае, когда кто-нибудь

сложит или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого).

2. Если причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое.

3. Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу – 150 ассов.

4. Если причинит обиду, пусть штраф будет 25.

5. ...Сломает, пусть возместит.

6. (Ульпиан, I, 1, пр. D., IX, 1: Если кто пожалуется, что домашнее животное причинило ущерб, то закон XII таблиц повелевал или выдать [потерпевшему] животное, причинившее вред, или возместить стоимость нанесенного ущерба).

7. (Ульпиан, I, 14, § 3, D., XIX, 5: Если желуди с твоего дерева упадут на мой участок, а я, выгнав скотину, скормлю их ей, то по закону XII таблиц ты не мог предъявить иска ни о потраве, ибо не на твоем участке паслась скотина, ни о вреде, причиненном животным, ни об убытках, нанесенных неправомерным деянием).

8а. Кто заморозит посевы...

8б. Пусть не переманивает [на свой участок] чужого урожая.

9. (Плиний, Естественная история, 18, 3, 12: По XII таблицам смертным грехом для взрослого было потравить или сжечь в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего [виновного в подобном преступлении] по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере).

10. (Гай, Институции, I, 9, D., XLVII, 9: [Законы XII таблиц] повелевали заключить в оковы и после бичевания предать смерти того, кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба, если [виновный] совершил это преднамеренно. [Если пожар произошел] случайно, т. е. по неосторожности, то закон предписывал, [чтобы виновный] возместил ущерб, а при его несостоятельности был подвергнут более легкому наказанию).

11. (Плиний, Естественная история, 17, 1, 7: В XII таблицах было предписано, чтобы за злостную порубку чужих деревьев виновный уплачивал по 25 ассов за каждое дерево).

12. Если совершавший в ночное время кражу убит [на месте], то пусть убийство [его] будет считаться правомерным.

13. При свете дня... если сопротивляется с оружием [в руках], созови народ¹⁷.

14. (Авл Геллий, Аттические ночи, XI, 18, 8: Децемвиры предписывали свободных людей, пойманных в краже с поличным, подвергать телесному наказанию и выдавать [головой] тому, у кого совершена кража, рабов же наказывать кнутом и сбрасывать со скалы; но [в отношении несовершеннолетних] было постановлено или подвергать их по усмотрению претора телесному наказанию, или взыскивать с них возмещение убытков).

15а. (Гай, III, 191: По закону XII таблиц был установлен штраф в размере тройной стоимости вещей в том случае, когда вещь отыскивалась у кого-либо при формальном обыске или когда она была принесена к укрывателю и найдена у него).

15б. (Гай, Институции, III, 192: Закон XII таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска [обыскивающий] не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу).

16. Если предъявляется иск о краже, [при которой вор не был пойман с поличным], пусть [суд] решает спор [присуждением] двойной стоимости вещи.

17. (Гай, Институции, II, 45: Законом XII таблиц запрещается приобретение краденой вещи по давности).

18а. (Тацит, Анналы, VI, 16: Впервые XII таблицами было постановлено, чтобы никто не брал более одного процента [в месяц], тогда как до этого бралось по прихоти богатых).

18б. (Катон, О земледелии, Предисловие, 1: Предки наши имели [обыкновение] и положили в законах присуждать вора к уплате двойной стоимости [украденной вещи], ростовщика к [взысканию] в четырехкратном размере [полученных процентов]).

19. (Павел, Libri V sentiarum, II, 12, 11: По закону XII таблиц за вещь, сданную на хранение, дается иск в двойном размере стоимости этой вещи).

20а. (Ульпиан, I, 1, § 2, D., XXVI, 10: Следует заметить, что обвинение [опекуна в недобросовестном отпращивании своих обязанностей] вытекает из закона XII таблиц).

20б. (Трифониан, I, 1, § 55, D., XXVI, 7: В случае расхищения опекунами имущества их подопечного, следует установить, не допустим ли в отношении каждого из этих опекунов в отдельности тот иск в двойном размере, который был установлен в XII таблицах против опекунов).

21. Пусть будет предан богам подземным, [т. е. проклятию], тот патрон, который причиняет вред [своему] клиенту.

22. Если [кто-либо] участвовал [при совершении сделки] в качестве свидетеля или весовщика, [а затем] отказывается это засвидетельствовать, то пусть [он будет признан] бесчестным и утратит право быть свидетелем.

23. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 53: По XII таблицам, уличенный в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы).

24а. Если брошенное рукой копье полетит дальше, чем целил, пусть принесет [в жертву] барана.

24б. (Плиний, Естественная история, XVIII, 3, 12; 8–9: По XII таблицам, за тайное истребление урожая [назначалась] смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека).

25. (Гай, I, 236, pr. D., L, 16: Если кто-нибудь говорит о яде, то должен добавить, вреден ли он или полезен для здоровья, ибо и лекарства являются ядом).

26. (Порций, *Lampro. Decl. in Catil.*, 19: Как мы знаем, в XII таблицах предписывалось, чтобы никто не устраивал в городе ночных сборищ).

27. (Гай, I, 4, D., XLVII, 22: Закон XII таблиц предоставлял членам коллегий [сообществ] право заключать между собою любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка. Закон этот, по-видимому, был заимствован из законодательства Солона).

Таблица IX

1–2. (Цицерон, О законах, III, 4, 11, 19, 44: Привилегий, [т. е. отступлений в свою пользу от закона], пусть не испрашивают. Приговор о смертной казни римского гражданина пусть не выносят, иначе как в центуриатных комициях... Преславные законы XII таблиц содер-

жали два постановления, из которых одно уничтожало всякие отступления от закона в пользу отдельных лиц, а другое запрещало выносить приговоры о смертной казни римского гражданина иначе, как в центуриатных комициях).

3. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17: Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?)

4. (Помпоний, I, 2, § 23, D., 1, 2: Квесторы, присутствовавшие при исполнении смертных приговоров, именовались уголовными квесторами, о них упоминалось даже в законе XII таблиц).

5. (Марциан, I, 3, D., XLVIII, 4: Закон XII таблиц повелевает предавать смертной казни того, кто подстрекает врага [римского народа к нападению на римское государство] или того, кто предает врагу римского гражданина).

6. (Сальвиан, О правлении божьем, VIII, 5: Постановления XII таблиц запрещали лишать жизни без суда какого бы то ни было человека).

Таблица X

1. Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе.

2. Свыше этого пусть не делают. Дров для [погребального костра] пусть топором не обтесывают.

3. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Ограничив расходы [на погребение] тремя саванами, одной пурпуровой туникою и десятью флейтистами, закон XII таблиц воспретил также и причитания [по умершим]).

4. Пусть [на похоронах] женщины щек не царапают и по умершим не причитают.

5. (Цицерон, О законах, II, 24, 60: Пусть костей мертвеца не собирают, чтобы впоследствии совершить погребение, за исключением лишь того случая, когда смерть постигла на поле битвы или на чужбине).

6а. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Кроме того, в законах устанавливаются еще следующие [правила]: отменяется бальзамирование

[умащивание] рабов и питье круговой чаши. «Без пышного окропления, без длинных гирлянд, без курильниц»).

66. (Фест, *De verb. signif.*, 154: В XII таблицах постановлено не ставить перед умершими напитков с миррою).

7. (Если кто-нибудь был награжден венком или сам лично, или за своих лошадей и рабов, [выступавших на играх], или если венок был дан ему за его доблесть, то при его смерти не возбранялось возложить венок на умершего как у него дома, так и на форуме, равным образом его родным дозволялось присутствовать на похоронах в венках).

8. А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом.

9. (Цицерон, *О законах*, II, 24, 61: Закон запрещает без согласия собственника устраивать погребальный костер или могилу на расстоянии ближе чем 60 футов от принадлежащего ему здания).

10. (Цицерон, *О законах*, II, 24, 61: Закон запрещает приобретать по давности место захоронения, а равно и место сожжения трупа).

Таблица XI

1. (Цицерон, *О республике*, II, 36, 36: [Децемвиры второго призыва], прибавив две таблицы лицеприятных законов, [между прочим] санкционировали самым бесчеловечным законом запрещение браков между плебеями и патрициями).

2. (Макробий, *Sat.*, I, 13, 21: Децемвиры, которые прибавили две таблицы, предлагали народу утвердить исправление календаря).

Таблица XII

1. (Гай, *Институции*, IV, 28: Законом был введен захват вещи в целях обеспечения долга, и по закону XII таблиц это было допущено против того, кто приобрел животное для принесения жертвы, не заплатил за него покупной цены, а также и против того, кто не представит вознаграждения за сданное ему внаем вьючное животное, с тем условием, чтобы плата за пользование была употреблена им на жертвенный пир).

2а. Если раб совершит кражу или причинит вред.

26. (Гай, Институции, IV, 75, 76: Преступления, совершенные подвластными лицами или рабами, порождали иски об ущербе, по которым домовладыке или собственнику раба предоставлялось или возместить стоимость причиненного вреда, или выдать головою виновного... [Эти] иски установлены или законами, или эдиктом претора. К искам, установленным законами, [принадлежит], например, иск о воровстве, созданный законом XII таблиц).

3. (Фест, De verb. signif., 174: Если приносит [на судоговорение] поддельную вещь или отрицает [самый факт] судоговорения, пусть претор назначит трех посредников и по их решению пусть возместит ущерб в размере двойного дохода [от спорной вещи]).

4. (Гай, 3, D., XLIV, 6: Законом XII таблиц было запрещено жертвовать храмам ту вещь, которая является предметом судебного разбирательства; в противном случае мы подвергаемся штрафу в размере двойной стоимости вещи, но нигде не выяснено, должен ли этот штраф уплачиваться государству или тому лицу, которое заявило притязание на данную вещь).

5. (Ливий, VII, 17, 12: В XII таблицах имелось постановление о том, что впредь всякое решение народного собрания должно иметь силу закона).

Тит Ливий. Тактика Фабия Максима¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Какова стратегия римских воинов?*
2. *Какое качество Фабия при ведении войны ставилось ему в вину?*
3. *Чем закончилось данное сражение?*

Фабий с одинаковым вниманием следил и за неприятелем, и за расположением умов в собственном войске, непоколебим оставался он перед его требованиями. Знал он твердо, что не только в лагере, но и в самом Риме медлительность его ставится ему в вину и поношение. Тем не менее он упорно оставался верен своим планам и остальную часть

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 52-54.

лета провел в бездействии. Ганнибал, потеряв надежду на желаемый им решительный бой, стал думать о зимних квартирах. Страна, в которой он находился, наполненная садами и виноградниками, изобиловала предметами роскоши больше, чем предметами первой необходимости. Фабию известно было через лазутчиков намерение Ганнибала, и потому он, зная, что тому предстоит проходить теснины, которые ми он проник в Фалернскую область, занял небольшими отрядами Калликульскую гору и город Казин. Разделяемый пополам рекою Волтурном, город этот стоит на границе Фалернской земли и Кампании; а сам Фабий, по вершинам тех же гор, возвратился назад с войском, отправив Л. Горация Манерна с отрядом четырехсот союзных всадников для рекогносцировки. Л. Гораций принадлежал к числу молодых людей, в кругу которых часто ораторствовал предводитель всадников; сначала он шел осторожно, стараясь с безопасностью для себя следить за движениями неприятеля. Видя, что нумидийские всадники рассеялись для грабежа, Л. Гораций некоторых из них убил. Он» разгорелся желанием боя и забыл спасительные предписания диктатора: тог велел ему двигаться так, чтобы, случае встречи с неприятелем, он мог безопасно от него удалиться, не вступая в дело. Нумидийцы, то отбиваясь от римских всадников, то уходя от них бегством, заманили их почти до самого своего лагеря, изнунив их коней и людей. Тогда главный начальник неприятельской конницы Карталион бросился навстречу римлянам; те пустились бежать, не приблизившись еще к неприятелю на полет стрелы. Карталион с пятью тысячами всадников стал их неутомимо преследовать. Видя, что неприятель не отстает и что уйти от него некуда, Манцин ободрил воинов и, повернув коней, бросился с неприятелем в бой, во всех отношениях далеко не равный. Погиб он и с ним отборные всадники, а прочие рассеялись по полям; сначала они ушли в Калес, а потом по самым глухим тропинкам к диктатору в лагерь.

В этот день к диктатору пришел на соединение Минуций с войском; он ходил по приказанию диктатора прикрыть вооруженным отрядом ущелье, которое по берегу моря, суживаясь у Таррацины, ведет на Апииеву дорогу и могло бы, в случае если бы оно было не занято, открыть неприятелю доступ в Римскую область. Соединив свои войска, диктатор и предводитель всадников расположились лагерем на самой дороге, по которой нужно было идти Ганнибалу, в двух милях от неприятеля.

... Во второе лето пунической войны ...благодаря осторожности Фабия римляне в Италии несколько отдохнули от неоднократных поражений. Ганнибал, напротив, был неприятно «озабочен, что наконец-то римляне выбрали полководцем человека, который рассчитывал в ведении войны более на благоразумие, чем на слепое счастье... Ганнибал находился в постоянном лагере перед стенами Герония; он сжег этот город, оставив нетронутыми только те здания, которые служили ему вместо житниц. Отсюда он послал две части войска для фуражировки, а с третьей находился сам в лагере, как для его защиты, так и для наблюдения за движениями других частей своего войска, чтобы в случае нужды быть им защитой.

Фабий слышал сначала крики воинов, пришедших в робость, потом издали видел, как войско пришло в смятение. Тогда, обратясь к окружающим, он сказал: «Не замедлило, случиться то, чего я опасался, а именно: что судьба казнит самонадеянность. Вождь, в правах власти сравненный с Фабием, должен убедиться, что Ганнибал превосходит его и доблестью, и счастьем. Но будет еще время для упреков и обвинения друг друга, а теперь выносите знамена за лагерные окопы. Исторгнем у неприятеля победу, а у наших сограждан сознание их вины». Таким образом, когда на поле битвы воины римские одни гибли под мечом неприятеля, другие искали спасения в бегстве, вдруг является туда стройное войско Фабия, как бы помощь, посланная римлянам с неба. Еще не подошло оно к неприятелю на расстояние пущенной стрелы и не вступило в дело, а уже римляне оставили мысль о бегстве, и неприятель перестал их горячо преследовать. Воины римские, дотоле бывшие в беспорядке – ряды их расстроились, – со всех сторон стекались к стройным рядам Фабиева войска, толпы бегущих обращались снова лицом к неприятелю и, стеснясь в кружок, медленно стали отступать и даже останавливались, собираясь во все более и более значительные кучки. Вскоре побежденное войско и вновь прибывшие составили одно целое; они двинулись вперед навстречу неприятелю. Ганнибал велел играть отбой, сознавая, что, победив Минуция, он побежден Фабием...

Тит Ливий. Битва при Каннах¹

Ответьте на вопросы по тексту:

1. *Какая армия имела большую численность – римская или армия Ганнибала?*
2. *Понятно из этого описания, как были построены оба войска?*
3. *Почему Ганнибалу удалось одержать победу? Назовите не менее двух причин.*
4. *Чем объясняются огромные потери римской армии в сражении?*

Между тем как время проходило не в благоразумных совещаниях, а в бесполезных распрях, Ганнибал провел большую часть дня, стоя в поле с войском, готовым к бою. Потом он прочие войска увел в лагерь, а нумидян послал по ту сторону реки для нападения на римлян, из меньшего лагеря ходивших за водой. Без труда нумиддае, как только перепр авились на тот берег, криками своими и натиском обратили в бегство нестройную толпу римлян и преследовали ее почти до самых лагерных ворот и поста, стоявшего для их прикрытия. С негодованием римляне видели, что даже нерегулярные неприятельские войска внушают им ужас, и если только римляне тотчас не перешли реку и не вступили в бой с неприятелем, то это потому, что в этот день главное распоряжение принадлежало Павлу. А потому Варрон на следующий день, когда право начальства по жребию принадлежало ему, не спросив даже совета у товарища, дал знак к бою и перевел войска свои через реку. Павел последовал за ним: не одобряя действий товарища, он не мог оставить его совершенно. На той стороне реки римские военачальники взяли с собою и те войска, которые находились в меньшем лагере. Собрав таким образом все свои силы, они устроили их в боевом порядке: на правом крыле, находившемся ближе к берегу реки, они поставили римских всадников, а возле них пехоту. Союзная конница составляла крайнее левое крыло; ближе стояла союзная пехота, примыкавшая к пехоте легионов. Первую боевую линию составляли пращники вместе с другими легковооруженными войсками их союзников.

---

¹ Текст приводится по: Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. М., 1951. С. 55-58.

На левом крыле начальствовал Теренций, а на правом Эмилий. Гемину Сервилию было поручено командование в центре боевой линии.

Ганнибал, лишь только рассвело, отправил вперед балеарян и легковооруженных воинов, а сам перешел реку; тут он строил свои войска в боевом порядке по мере того, как они переходили реку. На левом крыле к берегу реки против римской конницы он поставил галльскую и испанскую конницу, а правое крыло составил из нумидян; центр он укрепил пехотою; таким образом оба крыла состояли из уроженцев Африки, а средину между ними наполняли галлы и испанцы. Африканцы совершенно походили наружным видом на римлян; они имели с ними одинаковое оружие, которое досталось им как военная добыча у Требии и Тразимена. Галлы и испанцы имели щиты почти одинаковой формы; но мечи, которыми они были вооружены, далеко не походили друг на друга. У галлов были длинные и без острия наверху, а у испанцев, которые в битве привыкли более колоть, чем рубить с плеча, короткие и острые. Как галлы, так и испанцы производили на зрителя впечатление ужаса как своим наружным видом, так и особенностью их костюма: галлы были обнажены до пояса, а испанцы были одеты в белые одежды, вышитые красным; издали их одежды как бы блистали, из-за ослепительной белизны. По мнению современников, число сил, бывших в войске у Ганнибала, достигало сорока тысяч пехоты и десяти тысяч конницы. Левым крылом командовал Газдрубал, а правым Маргарбал; центр занял сам Ганнибал с братом Матовом. Так как римляне стояли лицом к югу, а карфагеняне к северу, то свет солнечных лучей падал на них сбоку, что было для последних весьма благоприятным обстоятельством, а ветер, называемый туземцами вултурном, гнал облака пыли прямо в лицо римлянам.

После первых воинских кликов вспомогательные войска двинулись вперед; в бой вступили сначала легковооруженные войска. Вслед за тем левое крыло испанских и галльских всадников вступило в бой с правым крылом; римских; но сражение здесь менее всего походило на дело конницы. Всадникам можно было действовать против фронта; развернуться же и удлинить фронт было невозможно; с одной стороны была река, а с другой ряды пехоты позволяли коннице действовать только напротив себя. Лошади вынуждены были остановиться, и скоро были сжаты в происшедшей тесноте; воин хватался за противника и

стаскивал его с коня. Таким образом, схватка конниц стала скоро походить более на дело пехоты. Сражение было упорное, но не продолжительное; римские всадники были оттеснены. Когда дело конниц стало подходить к концу, сразились обе враждебные пехоты. Сначала ряды галлов и испанцев храбростью и силами не уступали римлянам; наконец римляне после неоднократных усиленных нападений своим густым и прямым строем сломили неприятеля, ряды которого были не очень густы и притом, что уже ослабляло им силы, выдавались вперед клином против расположения прочих войск. Когда неприятель, уступая римлянам, поспешно и в беспорядке стал отступать, римляне преследовали его по пятам и в этом натиске поспешно прошли по рядам бежавшего неприятеля, не помнившего себя от страха, через самый центр его позиции и остановились, лишь наткнувшись на резерв африканцев: они стояли в виде полукружия в обе стороны растянув свои крылья; только центр, состоящий из галлов и испанцев, выдавался вперед. Когда они потерпели поражение, в бегстве поравнявшись с фронтом африканцев, а потом вдавшись даже в глубину составленного ими полукружия, то африканцы стали растягивать крылья, и когда римляне опрометчиво зашли в середину, они обошли их кругом* и с тылу преградили им возможность отступления. Таким образом бой, который римляне считали уже поконченным, оказался бесполезным, и римляне, оставив галлов и испанцев, задним рядам которых нанесли они страшное поражение, должны были начать новый бой против африканцев. Бой этот не мог быть равен: римляне должны были со всех сторон давать отпор окружавшим их врагам и притом, утомленные прежним боем, иметь дело со свежими и нетронутыми силами неприятеля.

Уже и на левом крыле римлян, где союзная конница поставлена была против нумидян, загорелся бой, сначала он шел довольно вяло, но скоро был ознаменован коварным поступком, достойным карфагенян. Около пятисот нумидян, кроме обыкновенного оружия, припрятав под панцыри мечи, закинув щиты на плечо», прискакали в (виде перебежчиков к римским рядам. Соскочив с коней, щиты свои и дротики бросили к ногам противников; их пропустили в середину строя и в самом тылу велели им спокойно дожидаться окончания боя: Они действительно не трогались с места, пока бой разгорался по разным пунктам. Когда же внимание всех было поглощено сражением, мнимые перебежчики, схватив щиты, во множестве валявшиеся в кучах мертвых

тел на местах сражения, напали с тылу на ряды римлян. Поражая их в спину, они (нанесли им страшный урон, но еще более причинили страху и замешательства).

Уже почти везде «в рядах римлян господствовали ужас и бегство; кое-где только продолжалась еще упорная борьба, но уже почти без надежды на успех. Газдрубал, имевший в этой стороне главное начальство, вывел из середины боя нумидян, замечая, что они начинают слабеть в сражении с противниками, и послал их преследовать бегущих, а галльскую и испанскую пехоту подвинул на помощь африканцам, выбившимся из сил, не столько сражаться с неприятелями, сколько убивать их.

На другой стороне поля битвы консул Павел, еще в начале сражения тяжело раненный ударом пращи, ее раз бросался в самую середину схватки с воинами Ганнибала и таким образом не раз возобновлял бой под прикрытием римских всадников. Наконец они вынуждены были сойти с коней, так как у консула не доставало более сил управлять лошадью. Говорят, что Ганнибал, когда ему донесли, что консул велел спешиться своим всадникам, сказал: «Это все равно, чтобы он мне их отдал связанными по рукам и ногам». Бой спешившихся всадников был таким, какого ожидать надобно было при видимой уже победе неприятеля. Они предпочитали умирать ка своим посту, чем бежать. Победители же в негодовании на замедление победы безжалостно рубили тех, которых не могли согнать с места. Наконец удалось им обратить противников в бегство, когда их оставалось уже немного, да и те выбились из сил от утомления и ран. Тут все рассеялись, и те, которые могли, спешили снова садиться на коней, чтобы скорее бежать. Гн. Лектул, военный трибун, скакал на коне. Увидев сидевшего вблизи на камне покрытого кровью консула, он сказал ему: «Люций Эмилдй! Боги должны были бы уважать В тебе человека, который один не виновен в несчастном событии нынешнего дня. Возьми моего коня: пока есть в тебе еще остаток сил, я могу поднять тебя и защищать. Не делай этого поражения печально знаменитым смертью консула: и без того будет довольно слез и плача!» Консул ва это отвечал ему: «Мужайся в доблести, Гней Корнелий! Берегись, как бы в бесплодном обо мне сожалении не истратил ты немногих минут, которые остались тебе, чтобы уйти от неприятеля. Беги, 'возвести всенародно сенаторам, чтобы они приняли меры к защите города и стены его снабдили защитниками

прежде, чем подойдет к городу враг-победитель. От меня частным образом скажи Квинту Фабию, что Люций Эмилий всегда имел в памяти при жизни его наставления и умирает им верен. А мне не дай пережить такого страшного побоища моих воинов! Не хочу я ни снова быть обвиненным по выходе из консульства, ни обвинением товарища моего доказать свою невинность, обличив преступление другого». Пока они это говорили, нахлынула толпа беглецов, а вслед за нею и неприятелей: они осыпали стрелами консула, не зная, кто он, а Лентул в происшедшей суматохе спасся благодаря своему коню. Бегство римского войска сделалось общим. Семь тысяч воинов ушли в малый лагерь, десять в большой, а две тысячи искали убежища в самой деревне Канвах. Эти последние тотчас сделались добычею Карталиона и его всадников, так как Канны не были прикрыты никакими укреплениями. Другой консул, или случайно, или с целью, не последовал ни за одним отрядом бегущих, а с семидесятью всадниками убежал в Венузию⁵. Говорят, что в этом сражении римляне потеряли сорок пять тысяч человек пехоты и две тысячи семьсот всадников, половина на половину граждан и союзников. В числе погибших были оба консульские квестора Л. Атилий и Л. Фурий Бибакул, двадцать один военный трибун; много бывших консулов, преторов и эдилов, в числе их Гн. Сервилий Гемин и М. Минуций, последний был в прошедшем году предводителем всадников, а за несколько лет перед тем консулом. Кроме того, погибло восемьдесят человек частью сенаторов, частью людей, отправлявших такие должности, которые дают право на вход в сенат; все они добровольно записались на службу в легионы. В плен досталось неприятелю, как говорят, до трех тысяч человек пехоты и триста всадников.

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

ТЕСТ 1

1. Причина, по которой Древняя Греция занимает особое место в истории цивилизации, заключается в том, что:

А. большинство направлений литературы и искусства достигли в ней классического уровня

Б. у древних греков вошло в привычку занятие теоретического размышления о явлениях физического мира

В. древние греки впервые стали размышлять о человеке, его природе, его месте в мире, о характере человеческого общества

Г. древние греки впервые в истории человечества стали принимать законы

2. О том, каковы были представления древних греков о праве, мы НЕ можем судить по:

А. научным сочинениям о праве

Б. речам афинских ораторов

В. поэмам Гомера и Гесиода

Г. работам историков, философов, драматургов

3. Аристотель является представителем:

А. органической теории происхождения государства

Б. договорной теории происхождения государства

В. теории насилия

Г. теологической теории происхождения государства

4. Древние греки рассматривали закон как:

А. завет предков

Б. божественное предписание

В. приказ или запрет, изданный политической властью

Г. совокупность правил, предписанных законодателем, судом или обычаям

5. Для определения распределительной справедливости Аристотель использует формулу:

- А. арифметической пропорции
- Б. геометрической пропорции
- В. гармонической пропорции
- Г. золотого сечения

6. Принцип надлежащей правовой процедуры предполагает прежде всего:

- А. обязанность судьи выслушать обе стороны
- Б. соблюдение всех деталей процедуры заключения контракта
- В. надлежащее оформление прав собственника
- Г. заключение брака с соблюдением всех требований ритуала

7. Надо ли, по мнению Сократа, отвечать несправедливостью на несправедливость?

- А. надо, потому что так считает большинство
- Б. не надо, потому что так считает большинство
- В. надо, потому что поступивший несправедливо это заслужил
- Г. не надо, потому что ни в коем случае нельзя поступать несправедливо

8. Как Сократ на суде объясняет то, что не занимается государственными делами?

- А. ему возбраняет это делать внутренний голос
- Б. ему запрещает это делать Ксантиппа
- В. он знает, что ничего не знает, а управлять должны лишь мудрецы
- Г. государственные дела отвлекали бы его от философии

9. Что вызывало у других греков восхищение Спартой?

- А. демократическое устройство и политическая свобода
- Б. таланты спартанских поэтов и актеров
- В. динамичность развития спартанского общества
- Г. устойчивость Спарты и отсутствие в ней революций

10. Какие философы, по мнению Б. Рассела, оказали наибольшее влияние на Платона?

- А. Фалес, Анаксимандр и Анаксимен
- Б. Протагор, Горгий и Антифонт
- В. Эсхил, Софокл и Еврипид
- Г. Гераклит, Парменид и Сократ

ТЕСТ 2

1. Причина, по которой Древняя Греция занимает особое место в истории цивилизации, заключается в том, что:

- А. большинство направлений литературы и искусства достигли в ней классического уровня
- Б. у древних греков вошло в привычку занятие теоретического размышления о явлениях физического мира
- В. древние греки впервые стали размышлять о человеке, его природе, его месте в мире, о характере человеческого общества
- Г. древние греки впервые в истории человечества стали принимать законы

2. О том, каковы были представления древних греков о праве, мы НЕ можем судить по:

- А. научным сочинениям о праве
- Б. речам афинских ораторов
- В. поэмам Гомера и Гесиода
- Г. работам историков, философов, драматургов

3. Аристотель является представителем:

- А. органической теории происхождения государства
- Б. договорной теории происхождения государства
- В. теории насилия
- Г. теологической теории происхождения государства

4. Древние греки рассматривали закон как:
А. завет предков
Б. божественное предписание
В. приказ или запрет, изданный политической властью
Г. совокупность правил, предписанных законодателем, судом или обычаем

5. Для определения распределительной справедливости Аристотель использует формулу:

- А. арифметической пропорции
- Б. геометрической пропорции
- В. гармонической пропорции
- Г. золотого сечения

6. Принцип надлежащей правовой процедуры предполагает прежде всего:

- А. обязанность судьи выслушать обе стороны
- Б. соблюдение всех деталей процедуры заключения контракта
- В. надлежащее оформление прав собственника
- Г. заключение брака с соблюдением всех требований ритуала

7. Надо ли, по мнению Сократа, отвечать несправедливостью на несправедливость?

- А. надо, потому что так считает большинство
- Б. не надо, потому что так считает большинство
- В. надо, потому что поступивший несправедливо это заслужил
- Г. не надо, потому что ни в коем случае нельзя поступать несправедливо

8. Как Сократ на суде объясняет то, что не занимается государственными делами?

- А. ему возбраняет это делать внутренний голос
- Б. ему запрещает это делать Ксанטיפпа
- В. он знает, что ничего не знает, а управлять должны лишь мудрецы
- Г. государственные дела отвлекали бы его от философии

9. Что вызывало у других греков восхищение Спартой?
- А. демократическое устройство и политическая свобода
  - Б. таланты спартанских поэтов и актеров
  - В. динамичность развития спартанского общества
  - Г. устойчивость Спарты и отсутствие в ней революций

10. Какие философы, по мнению Б. Рассела, оказали наибольшее влияние на Платона?

- А. Фалес, Анаксимандр и Анаксимен
- Б. Протагор, Горгий и Антифонт
- В. Эсхил, Софокл и Еврипид
- Г. Гераклит, Парменид и Сократ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Право, государство, законодательство, политика являются объектами исследования различных гуманитарных наук (юриспруденции, философии, социологии, политологии, этики и т. д.). Причем каждая наука, в том числе и юридическая (с учетом своеобразия ее предмета и метода), находящаяся в системе междисциплинарных связей и взаимовлияний, отличается своим специфическим подходом к этим общим объектам, имеет свой особый предмет. Свою специфику и свой предмет имеют и отдельные научные дисциплины в рамках юридической науки в целом. В системе юридических наук и юридического образования история политических и правовых учений является отдельной самостоятельной научной и учебной дисциплиной одновременно исторического и теоретического профилей. Эта особенность обусловлена тем, что в рамках данной юридической дисциплины исследуется и освещается специфический предмет – история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий, история теорий права и государства. Под соответствующими «учениями» в данной дисциплине имеются в виду по существу различные формы теоретического выражения и фиксации исторически возникающего и развивающегося знания, те теоретические концепции, идеи, положения и конструкции, в которых находит свое концентрированное логико-понятийное выражение исторический процесс углубления познания политических и правовых явлений.

Поэтому вне предмета истории политических и правовых учений в принципе остаются различные фрагментарные, не развитые до уровня самостоятельной и оригинальной теории высказывания и суждения разных мыслителей, общественных и политических деятелей, писателей, поэтов и других о политических и правовых явлениях, хотя, разумеется, подобные положения могут быть весьма глубокими и интересными. В общей совокупности политико-правового знания прошлого и современности политические и правовые учения занимают особое место. Как теоретически оформленные комплексы знаний они по своему гносеологическому уровню и характеру отличаются от иных форм отражения политической и правовой действительности – таких,

как разного рода представления, чувства, верования, настроения, мнения и т. д. Эти формы обыденного (дотеоретического и нетеоретического) сознания и познания хотя и не входят непосредственно в предмет истории политических и правовых учений, однако весьма важны для понимания реальной и конкретной ситуации формирования и функционирования соответствующих теорий. Большой интерес они представляют при исследовании идеологических позиций различных борющихся между собой классов, социальных групп и партий, мировоззренческих платформ, программ, требований, задач, целей и установок соответствующих социально-политических (массовых и групповых) движений и направлений в жизни государственно-организованного общества. Соединение в рамках единой юридической дисциплины политических и правовых учений обусловлено в конечном счете правовой (юридической) трактовкой политики, той внутренней взаимосвязью политических и правовых явлений и соответствующих понятий, которая особенно отчетливо видна со специфических предметно-методологических позиций юридической науки в целом как единой науки о праве и государстве. Именно под этим углом зрения и следует понимать сочетание политических и правовых теорий прошлого в предмете нашей науки¹.

---

¹ В. С. Нерсесянц. Указ. соч. С. 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения: 26.09.2022).
2. Аристотель. Политика [Электронный ресурс]. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
3. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/5198997 (дата обращения: 16.10.2022).
4. Вишну-смрити / Пер. с санскрита Н.А. Корнеевой. М., 2007. – 337 с.
5. Гесиод. Труды и дни [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1425407002> (дата обращения: 18.09.2022).
6. Гомер. Илиада [Электронный ресурс]. - URL: <https://онлайн-читать.рф/гомер-илиада/> (дата обращения: 16.09.2022).
7. Государства в Двуречье [Электронный ресурс]. URL: <http://histor-ic.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st020.shtml> (дата обращения: 20.08.2022).
8. Гугуева, Т.А. Конфиденциальное делопроизводство: учебное пособие / Т.А. Гугуева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 199 с. - ISBN 978-5-16-016585-1.
9. Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_545.pdf (дата обращения: 16.08.2022).
10. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича. М.: Издательство восточной литературы, 1960. - 362 с.
11. Законы царя Хаммурапи: Методические указания по изучению первоисточника в курсе «История государства и права зарубежных стран» для студентов специальности «Юриспруденция» всех форм обучения / Сост. Н. Т. Кудинова. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2002. С. 3. – 36 с.
12. История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. - 944 с. - ISBN 5-89123-748-2.

13. История политических и правовых учений: учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/leist/chapt01.htm#p2> (дата обращения: 10.08.2022).

14. История политических и правовых учений: Электронная хрестоматия / Сост. М.Н. Грачев [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt05.htm> (дата обращения: 16.08.2022).

15. Ирхин Ю.В. Политическая мудрость древнего Востока: взгляд из XXI века на политические идеи Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/journal_articles/irhin_2000.html (дата обращения: 16.09.2022).

16. Кирсанова, М. В. Современное делопроизводство: учебное пособие / М.В. Кирсанова. – 4-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 312 с. - ISBN 978-5-16-004491-0.

17. Колесников Ю.А., Серегин А.В., Яценки Т.С. Философско-правовые идеи Пифагора Самосского // История Философии права [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-idei-pifagora-samosskogo> (дата обращения: 16.09.2022).

18. Кришталюк, А.Н. Конфиденциальное делопроизводство и защита коммерческой тайны: курс лекций / А.Н. Кришталюк. - Орел: МАБИВ, 2018. - 199 с. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1514363>;

19. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. - СПб: Наука, 2014. 533 с. - ISBN 978-5-02-038399-9;

20. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель / 3-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2005. – 392 с.

21. Маковельский А.О. Софисты. Вып. 1. Баку: Азербайджанский Государственный университет им. С.М. Кирова, 1940, - 47 с.

22. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> (дата обращения: 03.08.2022).

23. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 448 с.

24. Платон. Апология Сократа / Пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. / Под общ. Ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и др. М., 1990. – 860 с.

25. Платон. Государство [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 16.09.2022).

26. Платон. Законы / Перев. с древнегреч. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. - 830 с.

27. Платон. Политик в 3 т. Т. 2 / Перев. с древнегреч. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 9-89.

28. Платон. Протагор / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьева // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1990. – 632 с.

29. Рамайна. Сказание о Раме [Электронный ресурс]. – URL: https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_510.pdf (дата обращения: 16.10.2022).

30. Садаев Д.Ч. История древней Ассирии [Электронный ресурс]. URL: <http://annales.info/2riv/sadaev/21.htm> (дата обращения: 16.10.2022).

31. Сорокун П.В., Яськова Е.Е. Политические и правовые учения в древнем Китае // Эпоха науки № 8 – декабрь 2016 г. Социально-экономические и общественные науки [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/yetrova/Downloads/politicheskie-i-pravovye-ucheniya-v-drevnem-kitae.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).

32. Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 1 / Под ред. В.В. Струве. - М.: Учпедгиз, 1950. - 259 с.

33. Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. - М.: Учпедгиз, 1951. – 340 с.

34. Хрестоматия по истории древнего мира. В 3-х томах. Т. 2 / Под ред. В.В. Струве. - М.: Учпедгиз, 1953. – 275 с.

35. Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Калистова. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1964. – 697 с.

36. Цицерон М.Т. Философские трактаты. О государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414870001> (дата обращения: 10.10.2022).

37. Цицерон М.Т. Философские трактаты. О законах [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414880001#002> (дата обращения: 10.08.2022).

38. Цицерон М.Т. Философские трактаты. Об обязанностях [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775001> (дата обращения: 16.07.2022).

Учебное электронное издание

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ
Античность. Древний мир

Хрестоматия

Автор-составитель
НОВИКОВА Юлия Олеговна

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10;
Adobe Reader; дисковод DVD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlsu@vlsu.ru

Кафедра теории и истории государства и права
ynovikova1902@yandex.ru